ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

А.В. ШИШОВ

ГЕНЕРАЛ ДРОЗДОВСКИЙ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПОХОД ОТ ЯССС ДО КУБАНИ И ДОНА

ГЕНЕРАЛ ДРОЗДОВСКИЙ

А.В. ШИШОВ

SHOUT
SHARE
IT
SECURITY

Annotation

Книга посвящена жизни и деятельности генерал-майора Михаила Гордеевича Дроздовского (1881–1919). В книге детально представлен сложный процесс образования российского офицерства, его боевого крещения во время Японской войны и на фронтах Первой мировой войны. Автором подробно описан развал Румынского фронта в 1917 — начале 191 о г. и действия М. Г. Дроздовского по восстановлению первых боеспособных частей Белой армии, а также воссозданию ее духа. Дроздовскому пришлось недолго повоевать: раненый, он умер 1 января 1919 г. Но эти и последующие акции позволили Белому воинству достойно завершить трехлетнюю Гражданскую войну и уйти в изгнание с гордо поднятой головой. «Слава побежденным!» — такими словами заканчивается один из фрагментов книги белогвардейских воспоминаний.

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми приложениями и входит в издаваемую издательством «Центрполиграф» книжную серию под общим названием «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

- А. В. Шишов Генерал Дроздовский. Легендарный поход от Ясс до Кубани и Дона
  -
  - Введение
  - От автора
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7 Праведник Гражданской войны. Смерть и шаг в Белое бессмертие
  - Приложения
    - Даты жизни генерал-майора М. Г. Дроздовского
    - Дроздовский марш
    - Марш Дроздовского полка

- Мы смело в бой пойдем!
- Историческая справка. Третья пехотная дивизия
- Дроздовская дивизия
- Выписка из боевого расписания Добровольческой армии к началу 2-го Кубанского похода на 9 июня 1918 года
- Выписка из боевого расписания Добровольческой армии на 20 ноября 1918 года
- Выписка из боевого состава Вооруженных сил Юга России на 5 апреля 1919 года
- Выписка из боевого состава Добровольческой армии на 5 августа 1919 года
- Выписка из расписания Вооруженных сил Юга России на 15 сентября 1919 года
- Выписка из боевого состава Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 года
- Выписка из боевого состава Русской армии в Крыму на 5 мая 1920 года
- Выписка из боевого расписания сил армий генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля на 28 октября 1920 года
- Воинские формирования дроздовцев в белой эмиграции и в составе Русского Обще-Воинского Союза (РОВС)
- Дроздовский артиллерийский дивизион
- Русский Национальный Союз Участников Войны

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

А. В. Шишов Генерал Дроздовский. Легендарный поход от Ясс до Кубани и Дона

ГЕНЕРАЛ ДРОЗДОВСКИЙ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПОХОД ОТ ЯССА ДО КУБАНИ И ДОНА

Введение

Напомним читателям, как характеризуют генерала М. Г. Дроздовского советские и эмигрантские историки и как собирается делать это автор настоящей книги.

ДРОЗДОВСКИЙ Михаил Гордеевич (1881–1919), белогвардейский генерал, организатор так называемой Дроздовской дивизии Добровольческой армии. Участвовал в Русско-японской войне. В 1908 окончил Академию генерального штаба. В годы империалистической войны был на штабной службе. В 1917 командовал 60-м Замостским полком, затем 14-й пехотной дивизией. В декабре 1917 Дроздовский уехал в Яссы (Румыния), где шло формирование особого корпуса русских добровольцев для отправки в помощь действовавшим на Дону против большевиков генералам Алексееву и Корнилову. Организовав на французские деньги 1-ю бригаду русских добровольцев, Дроздовский 26 мая 1918 присоединил ее (под Новочеркасском) в качестве 3-й дивизии к Добровольческой армии, возвращавшейся после неудачного похода на Екатеринодар, во время которого был убит генерал Корнилов. 31 октября 1918 был ранен под Ставрополем и умер 1 января 1919. Непримиримый враг большевиков, Дроздовский отличался исключительной жестокостью в расправах с красноармейцами.

ДРОЗДОВЦЫ, название белогвардейских воинских частей, организованных в 1918 генералом Дроздовским на французские средства для борьбы против большевиков. Воинские части эти, в большинстве своем состоявшие из офицеров и обладавшие значительными техническими средствами, составляли наиболее сильное ядро Добровольческой армии.

Большая Советская Энциклопедия (БСЭ).

Том 23. Москва, 1931.

ДРОЗДОВСКИЙ Михаил Гордеевич (1881–1919), белогвардейский генерал-майор (1918). Окончил Академию Генштаба (1908). Участник 1-й мировой войны, подполковник. В декабре 1917 сформировал на Румынском фронте контрреволюционный отряд (около 1000 человек, главным образом офицеры и юнкера) для отправки на Дон к Корнилову. 11 марта 1918 отряд Дроздовского выступил из Ясс в поход и, осуществляя на своем пути массовый жестокий террор, прошел Кишинев, Новый Буг, Каховку, Мелитополь, Бердянск, Мариуполь, Таганрог, 5 мая вышел к Ростову. Оказал помощь белоказакам, выбитым советскими частями из города, и захватил его 8 июня; имея 3-тысячный отряд, в Новочеркасске соединился с

Добровольческой армией и был назначен начальником 3-й пехотной дивизии. Участвовал в боях на Северном Кавказе. 13 ноября 1918 ранен под Ставрополем и 14 января умер. 3-я пехотная дивизия получила наименование Дроздовской.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Москва, 1983.

ДРОЗДОВСКИЙ Михаил Гордеевич (1881–1919) — генерал-майор Генштаба Окончил Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Из училища вышел в лейб-гвардии Волынский полк. Участник Русско-японской (в рядах 34-го Восточно-Сибирского стрелкового полка) и Первой мировой войн. В начале войны 1914 г. — в оперативном отделе Управления генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта В 1915 г. — и. д. начальника штаба 60-й пехотной дивизии. Полковник. В начале 1917 г. — и. д. начальника штаба 15-й пехотной дивизии. В апреле 1917 г. — командир 60-го Замостского полка. Георгиевский кавалер. В конце войны назначен командиром 14-й пехотной дивизии.

В конце декабря 1917 г. в Яссах, на Румынском фронте, по его инициативе началось формирование 1-й отдельной бригады русских добровольцев. Вопреки приказу штаба Румынского фронта о прекращении подобных формирований, отряд русских добровольцев Румынского фронта в составе около тысячи человек (в основном офицеры) под командованием полковника Дроздовского выступил 26 февраля 1918 г. из Ясс на Дон для соединения с Добровольческой армией генерала Корнилова.

Пройдя походным порядком из Румынии до Ростова, Дроздовский 21 апреля занял Ростов после упорного боя с отрядами Красной армии. Выйдя из Ростова, отряд Дроздовского помог казакам, восставшим против красных, удержать Новочеркасск. После отдыха в Новочеркасске отряд полковника Дроздовского в составе уже свыше 2-х тысяч добровольцев выступил на соединение с Добровольческой армией и прибыл 27 мая 1918 г. в станицу Мечетинскую, где был назначен парад, который принимали Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев и ее Главнокомандующий генерал А. И. Деникин.

При переформировании Добровольческой армии отряд полковника Дроздовского был переименован в 3-ю пехотную дивизию и участвовал во всех боях 2-го Кубанского похода, в результате которого Кубань и весь Северный Кавказ были освобождены от красных. 31 октября 1918 г. под Ставрополем полковник Дроздовский был ранен в ногу ружейной пулей. Уже в

госпитале 8 ноября 1918 г. был произведен генералом Деникиным в генерал-майоры. Скончался от заражения крови 1 января 1919 г. в Ростове. Погребен в Екатеринодарском соборе.

Гроб с прахом генерала Дроздовского был вывезен командованием Дроздовской дивизии из Екатеринодара при отступлении в марте 1920 г. и перевезен вместе с дивизией из Новороссийска в Севастополь. Снова тайно погребен в Севастополе. Место захоронения знали только шесть человек.

Рутыч Н. (Рутченко Н. Н.). Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России; Материалы к истории Белого движения. М.: Российский архив, 1997.

От автора

В Белом движении имя Михаила Гордеевича Дроздовского созвучно со словом «человек-легенда». В этом боевом офицере-фронтовике, дважды георгиевском кавалере, удивительно сочетались преданность идеалам старой России, вера в русскую армию, честь и достоинство, личное бесстрашие в бою и умение вести за собой людей, для которых служение Российской державе было осмысленным воинским долгом. И можно утверждать — смыслом жизни.

У убежденного монархиста Дроздовского на глазах рушилась не только 300-летняя империя Романовых, но и русская армия — защитница великой державы. Та армия, служба в которой была делом жизни и чести многих поколений российского дворянства, которое к концу XIX столетия уже никоим образом не подходило под классовое сословие «помещиков и эксплуататоров». Офицерство давно уже было служилым, а не поместным.

Крушение Российской империи как таковой фронтовик Дроздовский воспринял как насильственное действие враждебных Отечеству сил. Когда наступил Октябрь 1917 года, пришел конец старой России, перечеркивая тем самым судьбы миллионов и миллионов сограждан. Хотели они того или нет, но между ними неумолимо встали баррикады Гражданской войны. И общим лозунгом противостоящих сил Красного дела и Белого дела стал тот, который бескомпромиссно звучал: «Кто не с нами, тот против нас!»

Для одной стороны образ полковника, потом генерал-майора М. Г. Дроздовского стал враждебным символом Белой армии на российском Юге, а его бойцы — «дрозды» контрреволюционной силой. Для другой стороны Дроздовский стал романтиком Белого дела, его героическим символом, особенно после его смерти от боевого ранения на «взлете» Гражданской войны, которая еще не успела опалить своим огнем всю Россию.

Судьба Дроздовского трагична, как и большинства офицерства русской армии, волей судьбы шагнувшего из окопов Первой мировой войны в окопы еще более страшной и суровой, непримиримой войны Гражданской. Мир в ней воюющие стороны между собой не подписывали по известным причинам. У красных и белых офицеров были личные счеты, которые с трудом объясняются теорией классовых признаков. В своем подавляющем большинстве они были фронтовиками-окопниками и к имущим сословиям Российского государства не принадлежали.

Те из офицеров, которые попытались отсидеться в стороне от

той кровавой борьбы, поплатились жизнью и личной свободой в своем большинстве или в самом начале 20-х годов, или их добили в середине годов 30-х. Иначе говоря, плата офицерства русской армии, не вставших по ту или иную сторону баррикад, оказалась кровавой.

Бесспорно то, что «идейный» белый доброволец МГ. Дроздовский не был «кровавым палачом трудового народа», каким его многие десятилетия изображали противники. Равно как не был он и «архангелом Михаилом» по ту сторону баррикад, равно как нельзя его назвать «рыцарем без страха и упрека». Таким его старались представить в мемуарах и легендах потерпевшего военное (но не духовное) поражение Белого движения.

Тогда естественно напрашивается беспристрастный вопрос каким же был Михаил Гордеевич Дроздовский? Героем или антигероем? Для кого он был таковым? И почему отечественные историки рядят его то в тогу черную как вороново крыло, то в тогу ослепительно-белую, без всяких оттенков и даже серых тонов?

Тогда, естественно, напрашивается еще один вопрос а где же полутона в разрисовке образа этой, вне всякого сомнения, неординарной личности? Ведь не был же он «законченным гадом» или «полным ангелом», годным только разве что для идеализирования. И у «гадов» есть свои святости, а у «ангелов» — свои прегрешения.

Думается, что даже в пламени Гражданской войны монархист Дроздовский был и оставался прежде всего земным человеком. Безусловно, выдающимся, с поразительно цельным характером, охваченным сильными страстями. Страстями, которые в силу бурных событий 1917 года, начиная с февраля, получили политическую окраску. Иначе «цветоделение» личностных черт этого человека, пожалуй, и не назовешь.

Не стоит даже его противникам оспаривать легендарность личности Дроздовского. Как, скажем, легендарность таких людей, творивших свои имена для отечественной истории в огне Гражданской войны, как Буденный и Махно, Щетинкин и Кутепов, Блюхер и Сорокин, Троцкий и Корнилов, Каппель и Тухачевский, Чапаев и барон Унгерн…

Каждый из них был рожден военным вождем, которым он мог стать только на кровавом изломе исторической судьбы старой России. Благодаря этому на их долю выпала разно чтимая прижизненная слава и последующая известность. То есть именно Гражданская война могла обессмертить их имена.

Легендарность пришла к полковнику Дроздовскому после

поистине удивительного похода возглавляемой им 1-й бригады русских добровольцев с уже бывшего Румынского фронта, вырвавшись из города Яссы на Тихий Дон, уже охваченный боями белых с красными. Дроздовцы прошли этот путь по полям и весям Северного Причерноморья с боями, платя жизнями за взятие любых преград, которые вставали у них на пути.

Можно утверждать, что приход добровольческой бригады на главную арену Гражданской войны вдохнул новые силы в деникинскую Добровольческую армию, помог белому казачеству наступательно повести борьбу за обладание Областью Войска Донского. То есть в одночасье дал импульс огромной силы военной части Белого дела на российском Юге. Равно как и осознанной борьбе монархистов и других идейных противников советской власти за единую и неделимую имперскую Великую Россию, от которой, к слову сказать, к началу 90-х годов того же XX столетия осталась, по известным читателям причинам, едва ли половина того, что в ней было.

Дроздовский стоял у кровавых истоков начала Гражданской войны. Для тех, кто оказался не по своей воле в белой эмиграции и кто сумел до конца сохранить в себе любовь к российскому Отечеству, командир (не предводитель) дивизии «дроздов» был при жизни и после своей смерти героем. О таких людях, как генерал-майор М. Г. Дроздовский, историк-белоэмигрант АЛ. Керсновский в своей удивительной по эмоциональному накалу «Истории Русской Армии» писал следующее:

«…Кроме виновников русская революция знала еще и героев. В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи.

Этими праведниками всероссийского Содома были офицеры русской армии и увлеченная ими русская учащаяся молодежь. Только они вышли из огневого испытания неистлевшими, прошли через кровь незапятнанными и через грязь незамаранными.

Петровская армия отошла в вечность. И с последним ее дыханием забилось сердце Добровольческой армии. Русская армия продолжала жить…»

История еще рассудит, кто и в чем был прав или виноват. Хотя, как известно не только по отечественной истории (гражданские войны полыхали и полыхают на всех континентах со стародавних времен), такое понимание исследователям дается с великим трудом. Равно как и осознание подлинности того, что было тогда в действительности, без расстановки политических акцентов.

Тем более это важно по одной весомой причине. Общеизвестна одна простая истина: сразу после гражданской

войны судят побежденных, победителей не судят, поскольку они стали судьями. Так было в Древнем Риме и средневековой Англии, революционной Франции и Соединенных Штатах, Венгрии и Испании… Так было и в России, для которой Первая мировая война стала голгофой царствующего дома Романовых.

Однако рано или поздно история все расставляет на свои места. Открывается тайное, меняется явное, архивы могут запросто превратиться в «бомбы», которые в состоянии изменить лицо уже устоявшегося представления о событиях давно минувших дней. То есть правда истории рано или чаще поздно открывает себя во всей своей красе и непривлекательности.

И тогда «белый гад» Дроздовский вдруг обретает человеческий образ, о котором судить могут многие. В том числе и пристрастные читатели этой книги об одном из зачинателей Белого дела, раз и навсегда выбравшем себе судьбу, которую ему никто не навязывал. И бесславной, как свидетельствует история Гражданской войны в России, она для него не стала.

Можно еще добавить, что звездный всплеск судьбы МГ. Дроздовского был ярок и краток, уложившись всего в один-единственный 1918 год. Это был последний год его жизни. И первый год того дела, ради которого он положил на алтарь Отечества свою жизнь. На алтарь старой России.

Таких всплесков история российской Гражданской войны знает действительно немало. Поэтому рассказ об этом человеке, который в своих поступках олицетворяет для нас, потомков, Белое движение, есть лишь дань памяти тех, кто сгорел в огне Гражданской войны по разные стороны возведенных не ими баррикад и потому остался в нашем историческом миропонимании.

История безликой и «заказной» долгое время быть не может. Она живет в образах и делах тех людей, которые ее творили с разной долей успеха и сбывшихся надежд. История, как ее ни крути и ни испепеляй, всегда судьбоносна, всегда живет для нас в лицах.

Алексей Шишов, военный историк и писатель, лауреат Международной литературной премии по истории имени Валентина Пикуля и Всероссийской историко-литературной премии имени Александра Невского.

Глава 1
Кадетское братство. Офицерство. Проза Японской войны

В октябре 1881 года военное общество Киева, города тогда мало чем выделявшегося из большинства губернских городов России, обошла новость. В семье одного из заметных офицеров Киевского военного округа Гордея Ивановича Дроздовского родился наконец-то сын. Ребенок был в семье поздний. Первенец в семье сестра Юлия оказалась старше брата на целых пятнадцать лет. Мать умерла рано, и Михаил ее почти не помнил.

Отец все время отдавал службе. Дроздовский-старший имел хороший послужной список и гордился личным участием в Севастопольской обороне, пройдя ее самое пекло. Почти все ордена носились им на парадном мундире за Крымскую (или Восточную) войну 1853–1856 годов. То есть во всех отношениях будущий генерал был человеком заслуженным и потому пользовался немалым авторитетом среди сослуживцев[1].

По долгу службы Гордей Иванович уделять много внимания маленькому сыну не мог. Здесь он доверился рано повзрослевшей дочери Юлии и своим денщикам, которыми начальствовал еще в Севастополе. Это были два престарелых уже солдата, которые остались в армии, не пожелав числиться в «увечных воинах».

Сестра Юлия, оказавшись в доме за старшую, занималась воспитанием брата истинно самоотверженно, часто забывая о самой себе. Может быть, поэтому Михаил рос в семье ребенком избалованным, будучи всеобщим любимцем. Пройдут годы, и Юлия Гордеевна станет для него самым любимым человеком. Отец наставлял ее не часто, говоря: «Юля, ты как мать за младших. Особо присматривай за братом, шалостям его не потакай. Избалуем, потом маяться придется с ним…», «Учи его азбуке и счету, скоро в гимназию ему идти…», «Забаловали мы Мишу, упрямцем растет, а ведь ему службу по роду нашему нести только военную…».

Поскольку задатки мужского характера закладываются еще в детстве, люди, знавшие семью генерала Дроздовского, отмечали, что сын подрастает у него каким-то замкнутым, скрытным от старших и «диковатым». Такое объяснялось без долгих о том размышлений и обсуждений: мальчик очень рано лишился материнской ласки.

— Один он у Гордей Ивановича наследник. Потому и балован

он, хотя матери и не знает совсем. Зато как печется о нем старшая, Юлия…

В гимназии, куда отец отдал сына с некоторым облегчением для себя, Михаил особо ничем не выделялся. Учился «похвально», тревожа учителей разве что своим упрямством. С однокашниками он в те годы сходился не без труда. Игр же в кругу гимназистов избегал, хотя развит был для своих лет физически отменно, гимнастику любил и в ссорах мог постоять за себя.

Пожалуй, в детские годы самым большим увлечением мальчика стало… постоянное нахождение в обществе отцовских денщиков. Два унтер-офицера, при обороне Севастополя ходивших в пехотных солдатах, оказались на редкость людьми добрыми. Они были типичными служаками эпохи императоров Николая I и Александра II, отдавшими почти всю жизнь русской армии. И ко всему прочему неутомимыми рассказчиками.

Оба денщика происходили из Черниговского полка, отличившегося особо при обороне Севастополя. Оба были ранены, у обоих Георгиевские кресты на груди. Роднило их и то, что они были с Рязанщины — Ряжского уезда, сел Старожилово и Бобровинки. Один — Петр Новожилов, второй — Михаил Мозалев. Оба — Ивановичи.

Когда им поручали присматривать за совсем еще маленьким генеральским сыном, то они убаюкивали его, тихо напевая свою любимую песню. Называлась она «Солдаты под Севастополем»:

Распроклятый француз-англичанин,
Возмутил ты чалму на нас.
Наипаче он налегает
На стрелковый третий баталион.
Пули, ядра нам знакомы,
Картечь, бомбы нипочем
Заряжайте ружья поскорее,
Французов встретим мы в штыки.
Пушки, ядра полетели,
Точно с неба сильный град…

Став уже взрослым, с офицерскими погонами на плечах, Михаил Дроздовский не без улыбки говорил о том, что его колыбельной в детстве был порой не «серенький волчок, который схватит за бочок», а солдатская песня «севастопольской страды». И вспоминал про своих отставных Ивановичей, которые для любимого отца были больше чем просто живое напоминание о Крымской войне. Они так и остались для Дроздовского-старшего до самой его кончины «братцами».

Рассказы рязанцев из Черниговского пехотного полка были незатейливыми. Все про Крымскую войну, про жизнь полковую, про жизнь деревенскую, откуда их «выдернул» на войну внеочередной рекрутский набор. То есть про обыденную судьбу солдата эпохи императора Николая I, которая в сладость мало кому из них была.

Увечные воины, вспоминая младших братьев, которых не видели с тех пор, как в сермяках и лаптях, поклонившись отчему дому и родным, переносили свою любовь и заботу на смышленого генеральского сына. Да и к тому же он стал для них самым внимательным и благодарным слушателем.

Дроздовский-младший обычно первым начинал беседы в солдатской комнате за столом, на котором пыхтел начищенный до блеска самовар. Его приход к Ивановичам доставлял тем немалое удовольствие: было кому послушать об их жизни солдатской, о Севастополе и боевых делах, за которые они удостоились «Егориев». О том, как защищали Севастополь, унтер-офицеры сверхсрочной службы могли говорить долго, не боясь повториться.

— Иванович, расскажи, будь добр, про моего отца в Севастополе. Ты же рядом с ним тогда был?

— Конечно, рядом, как и Михаил. В одном полку были, в Черниговском. До конца осады.

— Расскажи про штурм, когда отца ядром контузило.

— Изволь, расскажу. Решили англичане наш бастион обойти, поскольку взять его штурмом не могли. А мы, черниговцы, тут как тут, в окопах сидели. Батюшка ваш, как увидел атаку ворогов, саблю — вон, а нам скричал: братцы, айда в штыки. Мы и побежали по каменьям вперед.

— Ты, Иванович, не тяни, рассказывай, как дальше дело шло.

— Дело-то шло известное. Англичанин штыкового боя не принял, от нас стал пятиться в свои окопы. А мы не отстаем, все хотим его штыком достать и погнать за его же окопы.

— А когда их пушки стрелять стали по вам?

— Когда аглицкая пехота в окопах укрылась, а мы как на ладони остались перед ними. Тогда их батарея и ударила по нашей роте. Мы по приказу отходить стали за бастион, в укрытие.

— Тогда батюшку и контузило?

— Тогда, Миша. Ядро было на излете, иначе бы нашего поручика увечным сделало. А так только изрядно помяло. Но Бог дал, отлежался за неделю в полковом лазарете. И в роту вернулся.

— А ты за что свой крест получил? Расскажи еще разок.

— Чего не рассказать — расскажу. Французы англичанам

подсоблять стали. Что ни ночь, как кроты землю рыть стали, подбираться, значит, к бастиону, который наш полк стерег. Вот мы и ходили на них то днем, то ночью в штыки. Выбьем из окопов, самих побьем, кирки да лопаты ихние к себе утащим.

— Зачем тащить, ведь это же не трофеи, как штуцера их?

— Еще какие трофеи, Миша. Им после этого день-другой крымскую землю долбить было нечем.

— Почему, скажи, французы с англичанами так долго за Севастополь бились? Ведь были же с ними еще и турки с сардинцами из Италии.

— Много их было, то правда. А Севастополь они штурмами так и взяли, все в нашего брата, русского солдата с матросом, упирались. Мы сами оставили Корабельную сторону с Городской, ушли по мосту через бухту на Северную сторону. Там снова на позицию заступили.

— Обидно было, что им окопы оставили?

— Еще как обидно, Миша. Но оставил окопы на Черниговский полк по приказу-то. Иначе и быть не могло.

— Отец мой что вам говорил в роте, когда уходили?

— Доброе слово солдатам сказал, что, мол, братцы, вы свою присягу перед государем, Богом и Отечеством с честью исполнили. И не ваша вина, что Севастополь супостату достается…

Эти рассказы бывалых солдат, знавших отца с первого года Крымской войны, мальчику давали не меньше впечатлений, чем рассказы Дроздовского-старшего о службе воинской, о защите Севастополя. Отец гордился тем, что воевать ему довелось при защите морской крепости под знаменами генерал-лейтенанта Степана Александровича Хрулева, состоявшего при артиллерии.

— Миша, рассказать тебе о генерале Хрулеве, моем севастопольском начальнике?

— Расскажи, папа.

— Про то, как мы Севастополь держали стойко, тебе известно, сын мой.

— Да. И читал я на днях графа Толстого «Севастопольские рассказы».

— Хорошо. Так вот, мы с Хрулевым за одно дело ордена получили. Я тогда получил Святую Анну с мечами третьей степени. Все же поручиком только был. А генерал Хрулев Святым Георгием не четвертой, а сразу третьей степени в высочайшем указе государя императора Николая Павловича был пожалован. Указ о том в полку моем зачитывали.

— А что в императорском указе про содеянный подвиг говорилось, папа? Про самого Хрулева?

— То, что награждается Степан Александрович при геройской защите Севастополя за оказание постоянно примерного мужества и распорядительности по заведованию обороной восточной части этого города. И за то, что произвел блистательную вылазку в ночь с 10 на 11 марта 1855 года.

— Так и ты, отец, свой орден Святой Анны получил за то севастопольское дело?

— Да, Миша Вместе с Хрулевым мы тогда ходили на ночную вылазку. За тот славный бой моей роте черниговцев дадено было сразу четыре солдатских креста Георгия. Четыре, а не один, как бывало ранее.

— Ивановичи с тобой тогда были?

— А как же! На вылазку тогда упросились у меня даже легкораненые. И те солдаты, что при кухне на работах по очереди назначены были. Все пошли, чтобы русский Севастополь отстоять…

Вне всякого сомнения, семейная атмосфера наложила знаковый отпечаток на миропонимание юного Михаила Дроздовского. Рассказы отца, уважительное отношение к нему со стороны окружающих, образы отцовских денщиков — героев из нижних чинов, считавших свое участие в Севастопольской эпопее делом святым для солдата, — подготовили генеральского сына к будущему жизненному поприщу. Оно для него могло быть только одним — служить Царю, Богу и Отечеству.

Эти три слова тогда громкими не виделись. В них заключался смысл жизни многих и многих поколений служилых воинских людей старой России, отдававших свои жизни за величие и достоинство государства Российского.

Рос он одаренным от природы. С детства проявлял заметные среди сверстников способности к рисованию. Полюбил стихи и песни, особенно о войнах. Крымская война вообще стала для него легендарной. Думается, что судьба совсем не случайно уготовила праху легендарного командира белых «дроздов» тайно найти последнее пристанище на севастопольской земле и не позволила его недругам надругаться над могилой.

Воинские стихи Михаил полюбил с детства. Знал он их действительно много и часто в свободные от учебы часы с большим увлечением декламировал их сестрам, отцовским денщикам, однокашникам. Сам он тоже пробовал писать, но вскоре, осознав, что получается далеко не так, как бы ему хотелось, это дело бросил. Тетрадки со своими стихами он хранить для личного архива не стал.

У Дроздовского-старшего была своя система воспитания сына-наследника Он заботился о том, чтобы тот рос крепким

физически и был готов к любым тяготам будущей, сперва кадетской и юнкерской, а затем и офицерской жизни. Отцовские поучения отличались известной по тому времени простотой.

— Прочитал про спартанского царя Леонида и его спартанцев?

— Да, всю книгу дочитал.

— Запомнилось тебе, как они бились с персами в Фермопильском проходе? Как сражались триста греческих бойцов против армии царя персиян Ксеркса?

— Еще бы! Герои Эллады! Целая дружина Гераклов.

— Они были людьми, Гераклов среди них не оказалось. А почему персы не смогли их победить?

— Потому что спартанцы дружно стояли и не боялись врага.

— Не только поэтому, Миша Спартанцы по духу были суворовцами. Они с детства себя закаляли и гимнастикой занимались, как ты у меня это делаешь по утрам.

— Разве Суворов был в детстве похож на детей греческой Спарты?

— Еще как похож! Чтобы стать примерным полководцем, а затем и великим полководцем, он физически закалял себя с твоего вот возраста Читал о том?

— Читал, отец. Сам же давал мне книгу Петрушевского о Суворове.

— Похвально, Миша Гимнастику утром делал?

— Делал.

— Хорошо, тогда иди занимайся делом. Осенью ты у нас в гимназию пойдешь учиться…

Второе, что преподавал Дроздовский-старший сыну, была отечественная история, вернее, ее военно-событийная часть. Историческое воспитание было обязательным в дворянских семьях, особенно тех, которые исстари считались служивыми в армии и на флоте. Причем такое понимание прошлого Отечества переплеталось с познанием родового древа, своей родословной, которой предстояло гордиться до последних дней жизни.

Род дворян Дроздовских здесь мало чем отличался от себе подобных. Хотя и дал он Российской империи мало людей в высоких чинах, но в русской армии Дроздовских служило не одно поколение. Воевали в войнах турецких и шведских, с Наполеоном Бонапартом, на Кавказе и, наконец, в войне Крымской.

Отец, когда рассказывал сыну о дальних и близких предках, обычно заканчивал свой образный экскурс в родословную летопись такими ободряющими словами:

— Воевал твой дед и его дед, мне пришлось побывать в Севастополе в трех крымских кампаниях. И на твой век, Миша,

война тоже найдется. Обязательно будет. — Гордей Иванович при этом напоминал: — Будешь на войне или в походе, никогда не забывай, что мой сын и сам Дроздовский. Наша фамилия ничем не запятнана…

Отцовские исторические уроки о Российской Императорской армии, ее боевом прошлом запоминались хорошо. Тем более что слушатель отличался детской впечатлительностью и эмоциональностью восприятия услышанного. У Михаила Дроздовского, как и у многих его сверстников, выработалось преклонение перед образом Русской Армии. Он рано понял, что она не только защитница России во имя Бога, царя и Отечества, но и государственная твердыня. Отец порой приговаривал:

— Пока есть русская армия — тверда будет Россия. Это нашими великими предками завещано…

К великим предкам Гордей Иванович относил Владимира Мономаха и Ивана Калиту, Петра и Екатерину Великих, других государей из дома Романовых, графа Суворова-Рымникского и Голенищева-Кутузова, светлейшего князя Смоленскою… Отец, сам преклоняясь перед их образами и делами, учил тому же и наследника:

— Почитай славу предков. Это слава русского оружия, которое и тебе держать в руках придется…

Эпоха правления императора Александра III Александровича смотрится со стороны исключительно мирной. Ни одной войны! Если, разумеется, не считать вспышек кавказских мятежей в горах да последних по времени походов русских войск в Туркестане.

Однако та эпоха для жизни государства Российского имела одну немаловажную черту. Тогда престиж невоюющих армии и флота был исключительно высок. Поэтому отцы офицеры и генералы желали видеть своих сыновей продолжателями их судеб, хотя служба армейская никогда большого достатка в семью не приносила.

Когда гимназисту Михаилу Дроздовскому исполнилось одиннадцать лет и он заметно вытянулся, окреп, отец за столом в присутствии сестер сказал ему:

— Пора тебе в кадетский корпус, сынок.

— А дальше, отец?

— Пройдешь кадетское братство, выберешь для себя военное училище. Закончишь его — выйдешь в офицеры. А там служи Отечеству…

К тому времени будущего героя Белого дела характеризовали (по воспоминаниям людей, его знавших) четыре личностные черты — впечатлительность, любознательность, энергичность и самостоятельность. Последней чертой сына отец очень гордился.

Все эти черты множились в Дроздовском-младшем на преклонение перед Русской Армией, силой ее духа и победоносным оружием. И в целом на преклонение перед Российской империей.

Первым военно-учебным заведением для будущего дивизионного начальника белой Добровольческой армии стал Полоцкий кадетский корпус, один из старейших в Российской империи и потому достаточно престижный. В него Дроздовский-младший поступил в 1892 году.

Долго учиться ему в городе Полоцке не пришлось, хотя в кадетском корпусе у него все ладилось и с учебой, и с жизнью в кругу таких же кадет-мальчишек. Виной тому стали его сестры, у которых он с малых лет ходил в любимцах.

Дроздовские жили в Киеве, и довольно скоро старшие сестры настояли, чтобы Гордей Иванович «пошел по начальству» с хлопотами о переводе сына в местный Владимирский кадетский корпус. Впрочем, поскольку Дроздовского-старшего уважали, эти хлопоты в тягость ему, разумеется, не стали. Михаил был переведен из Полоцка в Киев.

Если кадетский коллектив стал для него в лице однокашников и преподавателей новым, то традиции кадетского братства все теми же. И пели в стенах Владимирского корпуса ту же «песню Дворянского полка», что на строевом плацу Полоцкого корпуса:

Братья! Встань в одно моленье,
Души русские сольем:
Ныне день поминовенья
Павших в поле боевом.
Но не вздохами печали
Память храбрых мы почтим:
На нетленные скрижали
Имена их начертим.
Вот каким дееписаньем
Царь-Отец нам повелел
Сохранять воспоминанья
Православных ратных дел
Вот нетленные уроки.
Братья, мы ль их не поймем,
К этим строкам новы строки
Мы не все ли принесем.

Скажем сразу, что учеба в киевском Владимирском кадетском корпусе не сделала Михаила Дроздовского учеником примерным

и успевающим на «отлично». То есть он «начал демонстрировать» свой упрямый и деятельный характер. И этим в кадетском братстве заслужил немалую известность и даже почитание товарищей. Его однокашники вспоминали: «Дроздовский демонстрировал… выдающиеся способности наряду с необыкновенной ленью, своенравием и изобретательностью шалостей…»

Кадетский корпус давал своим воспитанникам достаточно полное для того времени общее образование. Преподавали, кроме естественных и гуманитарных наук, еще и науки военные. Одновременно шло воспитание будущих офицеров, верных престолу и кодексу чести.

Жизнь в корпусе отличалась высокой требовательностью к дисциплине каждого кадета как на занятиях, так и в свободное время. Классом, где числился Михаил, ведал офицер-воспитатель Гаас, отличавшийся немалой строгостью и требовательностью. По воспоминаниям, рефреном детских лет Дроздовского, проведенных во Владимирском корпусе, звучал постоянный окрик разъяренного непослушанием кадета воспитателя Гааса:

— Дроздовский, под арест!

Однако такие классные конфликты только играли на авторитет шаловливого кадета. Однокашники Дроздовского имели в каждом таком случае возможность лишний раз убедиться в его мужестве и щепетильной честности. Порой товарищей Михаила поражало то, как он прямо, без видимых колебаний, сознавался в провинностях. Кадет никогда не страшился наказаний и никогда не прятался за спины других. В кадетском братстве такое поведение могло делать только честь.

— Ну, Дроздовский, ты даешь!

Но Дроздовский «давал» не только воспитателю Гаасу и корпусным преподавателям. От него часто доставалось и однокашникам в силу вспыльчивости, горячности и порой резкой откровенности Михаила. То есть в юности, да и после, особой дипломатичностью он не отличался, поскольку прямота в суждениях с жизненной дипломатией общего имеет мало. Поэтому и хлопот он отцу, будучи в корпусе, доставлял много.

Как бы там ни было, сын защитника Севастополя с первого АО последнего года обучения в киевском Владимирском корпусе пользовался уважением и доверием кадет своего класса.

Личная недисциплинированность зачастую была поводом для отчисления кадет даже старших возрастов. Такая угроза не раз витала над Михаилом Дроздовским, поскольку конфликты с невзлюбившим его офицером-воспитателем Гаасом порой переходили, казалось, все границы. Но осмысленная любовь ко

всему военному в конце концов брала верх, обуздывая юного кадета в поведении. В науках же он по сравнению с другими преуспевал.

Киевский Владимирский кадетский корпус Михаил окончил в 1899 году, в восемнадцать уже не мальчишеских лет. Теперь ему предстояло выбрать для себя жизненное поприще. Точнее, выбрать себе профессию офицера на уже давно избранном военном поприще.

В Киеве было свое военное училище, но отец хотел, чтобы сын обучался в столице, в Санкт-Петербурге. И не в артиллерийском или кавалерийском училище, а в том, которое готовило пехотных офицеров. На берегах Невы таких училищ было два — Владимирское и Павловское, оба привилегированные, в то время принимавшие в свои пенаты только дворянских детей. Из прочих сословий молодых людей в них обучалось совсем немного.

Разговор с отцом после выпуска из кадетского корпуса состоялся у Михаила, как обычно, доверительный и откровенный.

— Пора, Михаил, выбирать себе офицерскую профессию. Выбирать так, чтобы она стала твоей судьбой.

— Я уже выбрал, отец. Хочу быть строевым командиром Ведь ты тоже таким офицером хотел стать.

— Хотел и стал. Но в мое время не было такого числа училищ для артиллеристов, военных инженеров и кавалеристов, как сегодня. Мне было проще выбирать.

— Так и я хочу быть пехотным командиром. Хотелось бы непременно начать службу с лейб-гвардии.

— Похвально. Но я хочу, чтобы ты учился не в Киеве, а в императорской столице.

— Как скажешь, отец. Мне ли не слушать твоих советов.

— В Петербурге военных училищ два. В то и другое берут детей из достойных дворянских детей. А у тебя к тому же и приличный кадетский аттестат.

— Тогда в какое из этих училищ ты хочешь меня отдать?

— Только в Павловское военное, Михаил. В Павловском, как мне известно, дается отличная подготовка, прежде всего полевая. Да и павлоны-выпускники в армии блистают образцовой дисциплиной. Это только глаз радует.

— А если у меня в Павловском с дисциплиной будут проблемы, как в корпусе? Что тогда? Менять училище столичное на губернское, к примеру на Киевское?

— Ни то и ни другое, Михаил. В Павловском ты подтянешься, как в старших кадетских классах. Я же твои способности и характер знаю лучше твоего воспитателя Гааса.

— Хорошо, отец. Я согласен стать павлоном.

— Закончишь, сын, в числе первых Павловское, будешь в императорской гвардии служить. Твоя это мечта?

— Моя…

Дроздовский-младший оказался в стенах престижного Павловского военного училища без особых на то хлопот и трудностей. Он сразу понял, что требовательность здесь преподавателей и воспитателей не в пример кадетскому корпусу. Профессиональная подготовка давалась основательная, равно как и требования к дисциплине были строжайшими.

Начинающему павлону с первых шагов пришлось столкнуться со своим упрямством и, казалось бы, излишней энергией, которую он порой выплескивал через край дозволенного. Поэтому он часто попадал за различные дисциплинарные проступки в карцер. Однако отличная успеваемость заставляла училищное начальство прощать ему многие из них.

Карцер стал ему настолько привычен, что Дроздовский однажды пошел на такую выходку. Заказав себе визитку, он однажды повесил ее на двери карцера При этом он уверял всех, что ему там предоставлена отдельная комната на все время пребывания в училище.

Такая выходка павлона-отличника, у которого были постоянные нелады с дисциплиной, естественно, не осталась без последствий. То есть без очередного наказания карцером. Причиной многих конфликтов был прежде всего неуемный характер Михаила. Здесь ему порой не помогали даже отцовские советы.

Однокашники вспоминали его как человека, не способного «покорно, а главное, без противоречий выслушивать окрики, замечания, зачастую несправедливые и абсурдные».

Дело однажды дошло до такой точки конфликтности, что Дроздовский-младший хотел по рапорту уйти из училища. Но Дроздовскому-старшему удалось уговорить сына не совершать такого опрометчивого для его будущей жизни поступка.

— Михаил, ты уже человек взрослый и должен принимать волевые решения для своего будущего. Почему ты хочешь оставить училище?

— Мне здесь стало трудно, отец.

— Что трудно? По учебе ты первый, а характер должен подчинить воле. Пора бросать мальчишество. Через полтора года ты выходишь в офицеры.

— Офицером я могу стать и через право вольноопределяющегося.

— Вольноопределяющийся не есть офицер кадра. Он

профессионал, даже при храбрости в бою, слабый.

— Но ты же мне сам приводил севастопольские примеры, как люди выбивались в прапорщики и подпоручики?

— Приводил, верно. Но героизм в окопах — это еще не основание для офицерских погон. Основание им — знания. А их ты можешь получить только в этих стенах.

— Знания, отец, я могу получить и самоучением.

— Можешь, Михаил. Но предел карьеры вчерашнего вольноопределяющегося — ротный. Если, разумеется, война откроет ему такую вакансию. И все, сын мой. А тебе в армейской службе следует думать о большем.

— Почему обязательно о большем?

— Потому что и мне и тебе будет в обществе, в семье стыдно и обидно, если генеральский сын к сорока с лишним годам выбьется только в поручики и, коли повезет, в штабс-капитаны.

— Почему только в поручики или штабс-капитаны? Я смогу подняться по службе и выше.

— Вряд ли, сынок. У тебя за плечами не будет училища и правильных знаний. Их ты самообразованием в систему не уложишь.

— А если будет война?

— Война даст тебе закалку и награды, ордена, может быть, и Георгия. Но не даст армейской перспективы.

— Отец, похоже, ты за меня уже все решил?

— Решать должен не я, а ты. Есть у тебя сила воли, окончишь Павловское, нет ее — будешь не дворянином, а разночинцем.

— Хорошо, отец. Я даю тебе слово, что закончу Павловку…

Не без упорства и изрядной самодисциплины, но в 1901 году Михаил Дроздовский окончил Павловское военное училище. Он оказался одним из первых по успеваемости. Преподаватели, особенно военных дисциплин, отмечали его знания и старание. Отставной генерал Гордей Иванович Дроздовский мог гордиться сыном, выходившим в офицеры.

В то время окончание училища, как говорилось, по первому разряду давало право на выбор полка и места службы. Павлоны традиционно пополняли ряды гвардейской пехоты. А потому мест для службы у них было всего два — столичный Санкт-Петербург и Варшава, столица Царства Польского.

Большая часть пехотных войск гвардии (три дивизии) входила в состав столичного гарнизона. Это были полки лейб-гвардии — Преображенский, Семеновский, Измайловский и Егерский (1-я пехотная дивизия), Московский, Гренадерский, Павловский и Финляндский (2-я пехотная дивизия), 1-й Стрелковый, 2-й Царскосельский стрелковый, 3-й Стрелковый и 4-

й Стрелковый (4-я стрелковая дивизия).

Для начинающих офицерскую службу выпускников училищ полки санкт-петербургской гвардии были «дорогими». То есть для жизни в столице требовалась родительская «дотация» к получаемому от государства жалованью младшего офицера.

Дроздовский-младший знал о материальных возможностях своей семьи. Они были ограничены, поскольку отец не владел каким-либо недвижимым имуществом — ни наследственным, ни благоприобретенным. То есть генерал-майор МИ. Дроздовский был типичным офицером русской армии той эпохи, хотя и дослужившимся до генеральского чина.

Поэтому его сыну при желании служить в гвардейской пехоте оставался только «второй вариант» выбора места службы — Варшава Там, в стольном граде Царства Польского, была расквартирована 3-я гвардейская дивизия в составе полков лейб-гвардии Волынского, Санкт-Петербургского, Кексгольмского и Литовского. Варшавские полки для начинающих свой путь офицеров считались «недорогими».

Павлон-выпускник, воспользовавшись своим законным правом, остановил свой выбор на гвардейском Волынском полку. На комиссии, которая распределяла выпуск 1901 года, его спросили:

— Ваш выбор полка гвардии?

— Желаю быть в рядах лейб-гвардии Волынского полка, если на то будет высочайшее разрешение.

— Что ж, похвально. Один из старейших полков императорской армии, с 1817 года ведет свою родословную, с царствования государя Николая I. А чем вас привлекли именно волынцы?

— В этом полку служили товарищи моего батюшки. А как волынцы сражались на полях Болгарии, то слава нашей армии.

— Мы удовлетворим ваше желание, Дроздовский. Не забывайте, что с 1880 года шефом избранного вами полка гвардии является ныне здравствующий император Николай Александрович.

— Премного благодарен.

— Мы надеемся, что офицерский коллектив примет вас, достойного павлона, в свою семью…

Михаил Дроздовский был выпущен в гвардию в чине подпоручика 13 августа 1901 года Назначение на вакантную должность в лейб-гвардии Волынский полк еще не означало, что выпускник столичного военного училища оказывался в списках офицеров этой воинской части Варшавского гарнизона Решение о приеме новичка должно было быть принято единогласно

полковым офицерским собранием. Это традиция русской гвардии, на которую свыше никогда не покушались.

Забота о чести полкового офицерского коллектива в гвардии была не правилом, а неписаным законом. Малейшее пятнышко или даже просто личная неприязнь кого-либо из офицеров-старожилов к новичку закрывали ему двери в выбранный им по праву отличника гвардейский полк. Такие случаи единичными не были. Такому человеку воинский начальник говорил без сожаления:

— Вы, господин такой-то, отчисляетесь в том же чине в армейский полк…

Репутация павлона Дроздовского оказалась безупречной: он был у всех на виду. За его принятие в семью волынцев офицерское собрание полка проголосовало единогласно. Так имя подпоручика оказалось в полковых списках.

Молодой офицер с первых дней попал совсем в иную атмосферу межличностных отношений. Дело было даже не в том, училище это или полковой строй. У волынцев не было принято хвастовство кутежами, любовницами и долгами. То есть о разгульной жизни здесь не было и речи.

В противном случае обладатель офицерских погон мог запросто оказаться вне коллектива и распроститься с полком по решению суда офицерской чести. Такие решения утверждались лично государем императором, который полностью полагался на справедливость и правильность мнения полкового офицерства Император на такие прошения на высочайшее имя обычно накладывал следующую резолюцию: «Утверждаю».

Император в подобных случаях, как государственник, был прав. Обеспечение чистоты военной силы державной России являлось его династической заботой, одной из первейших.

Однако такая требовательность имела свою школу. Скромность и порядок в личной жизни и службе полкового офицера достигались не бесконечными замечаниями и наставлениями (как это практиковалось в училищах), а доброжелательным наставничеством старших офицеров над младшими. То есть даваемые советы оскорбительной подоплеки в себе не несли и не таили.

Эту разницу между престижным Павловским училищем и «недорогим» полком лейб-гвардии Михаил Дроздовский почувствовал сразу. Теперь армейские дисциплинарные требования стали для него естественными и легкими по исполнению. Они не вели к самопринуждению. Можно сказать, что будни пехотного командира в младших чинах сами собой как-то незаметно вошли в повседневность подпоручика-первогодка.

Полковая атмосфера давала многое молодым офицерам в плане духовного развития. У волынцев была собранная их же трудами прекрасная библиотека с книгами не только военного содержания. Имелось много художественной и научной литературы, в том числе по философии и истории. Выписывались на полк журналы и газеты. Самообразование через чтение считалось если не обязательным, то достойным занятием офицера лейб-гвардии в свободное время.

Дроздовского в полковом офицерском собрании сразу же завлекли в свой круг любители шахматной игры. И молодой подпоручик самым серьезным образом увлекся шахматами. Это развило в нем способности человека, умеющего анализировать складывающуюся ситуацию и принимать верные решения.

Уже в годы Первой мировой войны способный к оперативной работе штабной офицер не раз скажет сослуживцам о значимости шахмат для ведения войны.

— То, что мы разыгрываем на оперативных картах, для шахматиста путь уже пройденный.

— Михаил Гордеевич, ты опять говоришь о многовариантности мышления штабиста.

— Конечно, о том. Оперативник в работе над картой-верстовкой — тот же игрок, но только не за шахматной доской.

— И когда же ты пришел к такому понятию?

— Еще зеленым подпоручиком Когда меня стали учить играть в шахматы в офицерском собрании лейб-гвардии Волынского полка.

— И как, успешно?

— Ну, об этом судить не мне, а вам…

Строевая служба длилась для Дроздовского три года. В становлении молодого пехотного офицера то был срок немалый. Рекомендации имел отличные, репутацию — безупречную. Теперь можно было, по отцовскому совету, подумать и о будущем Гордей Иванович в наставлениях сыну постоянно замечал;

— Тебе нужна академия. И тогда карьера, в лучшем понимании этого слова, будет для тебя иной. Учиться надо дальше, пока молодой, пока тяга к знаниям есть. А полковую лямку ты еще потянешь. Тебе один путь из гвардии — в императорскую Академию Генерального штаба. В полку ты подрос — пиши рапорт по начальству. Знаю, оно тебе не откажет в праве поступать…

Действительно, трехлетняя полковая служба словно отшлифовала характер Дроздовского-младшего. От бывшего павлона, частого посетителя училищного карцера, не осталось и следа. Первое это заметили его однокашники, а не он сам;

— Михаил, ты словно подпоручиком дворцовой гренадерской роты стал. Мы тебя не узнаем сегодня.

— Чего не узнавать вам меня? Служить так служить…

Его побуждало к поступлению одно немаловажное обстоятельство. Он скоро осознал, что полковые офицерские занятия стали как-то тесны ему. Он хотел иметь гораздо больше профессиональных познаний, которые он мог получить только в академии. Решение о том вызрело в нем подспудно и основательно. И скажем так — довольно скоро.

В 1904 году подпоручик Михаил Дроздовский по команде подает рапорт о своем желании поступать в Николаевскую академию Генерального штаба. Однако готовиться к вступительным экзаменам он стал несколько раньше, загодя. По рассказам отца он знал, что отбор в Академию Генштаба идет самый строгий и тщательный. И что туда попадают только самые работоспособные и талантливые офицеры, то есть которые по своим личностным качествам являются по службе перспективными. Дроздовский-старший говорил:

— Будь верен себе. Будешь понимать больше и пойдешь дальше, когда станешь генштабистом… Генштаб — это мозг армии. Это перспектива роста в служении Отечеству, Михаил…

Отец торопил сына не зря. И причина тому была проста: возрастной ценз для поступающих в академию не позволял многим способным офицерам учиться дальше. Карьерный рост жестко требовал подкрепления знаниями и молодостью. В праве поступать Михаилу Дроздовскому отказано не было.

— Господин подпоручик, вы можете подавать по команде рапорт на учебу…

Однако пробиться в Академию Генерального штаба было ох как непросто. Экзамены, как обязательное испытание, были в ней двухступенчатыми. Сперва они сдавались в штабе военного округа, в данном случае приграничного Варшавского. Именно здесь происходил первый беспристрастный отсев желающих поступить. Более серьезный экзамен ожидал их уже в Санкт-Петербурге, в самой академии.

В штабе военного округа экзамены принимались по трем дисциплинам. Это было решение на карте тактической задачи (в объеме роты — батальона), с приложением объяснительной записки и приказа Затем писалось сочинение по русскому языку и сдавалась комиссии верховая езда. Она была обязательна и для пехотного офицера.

В самой академии вступительные экзамены были иными. Они принимались по тактике, строевым уставам всех родов оружия (отдельно — по артиллерии и инженерным войскам), математике

(за полный курс реального училища), всеобщей и русской истории, географии (по так называемым немым картам), двум иностранным языкам — французскому и немецкому, вновь по верховой езде.

То есть отбор шел по уровню знаний самый пристрастный. Требовалась не просто высокая эрудиция, а глубина знаний. То есть поступающий должен был знать гораздо больше, чем он с прилежанием получал в военных училищах. Иначе от мечты стать генштабистом ему приходилось просто отказываться.

Серьезность экзаменов была столь высока, что тех, кто отваживался на такой поступок, в офицерской среде прозывали «безумцами». Тем более что в случае провала на экзаменах (а поступали далеко не все) человек нес немалый душевный урон. Поэтому случаи повторных попыток поступления были не частыми.

Но в итоге уровень слушателей Академии Генштаба неизменно оставался высок. То есть двухступенчатое экзаменационное сито себя, как считалось, вполне оправдывало. Что, впрочем, изначально и соответствовало предназначению этого высшего учебного заведения не только в России тогда, но и сегодня.

Сдав предварительные экзамены в штабе Варшавского военного округа, подпоручик Дроздовский 20 августа 1904 года убыл из столицы Царства Польского в столицу Российской империи. Он уже был наслышан, что при десятибалльной системе оценок проходными в академию являлись желанные при строгости экзаменаторов шесть баллов.

Будущий командующий белой Добровольческой армией генерал-лейтенант А. И. Деникин в мемуарах «Путь русского офицера» вспоминал о том, что приходилось выдерживать желающим получить академическое образование: «…Мытарства поступающих в академию начинались с проверочных экзаменов при окружных штабах. Просеивание… выражалось такими приблизительно цифрами: держало экзамен при округах 1500 офицеров; на экзамен в академию допускалось 400–500; поступало 140–150; на третий курс (последний) переходило 100; из них причислялось к Генеральному штабу 50 офицеров, то есть после отсеивания оставалось всего 3,3 процента Выдержав благополучно конкурсный экзамен, осенью 1895 года я поступил в академию..».

В воспоминаниях «50 лет в строю» известный военный писатель и дипломат граф А. А. Игнатьев, перешедший после Октября на службу в Красную армию, похоже, не забыл атмосферы вступительных экзаменов в Николаевскую академию

Генерального штаба до последних своих дней:

«Из рассказов всех неудачников… можно было заключить, что не только сама академия, но даже вступительные в нее экзамены были чем-то вроде скачек по крайне пересеченной и полной сюрпризов местности… Явившись в начале августа в академию, я нашел ее коридоры запруженными офицерами всех родов войск: от лысеющих штабс-капитанов до таких же юных корнетов, как я сам..

Нам предписывалось явиться… для представления начальнику академии генералу Сухотину. Сухотин сразу обнаружил свой „демократизм“, поставив нас в шеренги по алфавиту, а не по полкам. Обходя ряды, он как бы умышленно не задал ни одного вопроса гвардейцам Они, впрочем, не в пример остальным держали себя непринужденно, так как провал на экзаменах не означал для них ни особого горя, ни тем паче позора.

Между тем для большинства результат экзаменов был вопросом жизни или медленного томительного умирания в глухих гарнизонах. Армейские офицеры подобострастно раскланивались при встрече с офицерами Генерального штаба, в которых видели будущих экзаменаторов. Так и чувствовалось, что их мысли то и дело переносятся в глухую провинцию, где с замиранием сердца ожидают результатов экзаменов их жены и дети. По установленному ранее порядку первым был экзамен по русскому языку. Требовалось получить не менее девяти баллов по 12-балльной системе; оценка складывалась из баллов, полученных за диктовку и сочинение. Экзамена по русскому языку особенно боялись, так как наперед знали, что он повлечет за собой отсев не менее 20 процентов кандидатов…

После отсева из-за русского языка нас разбили на группы по алфавиту, причем в последней группе кроме русских офицеров с фамилиями на „я“, „ш“, „щ“ числилось пять офицеров болгарской армии…

Больше среди других державших экзамены было артиллеристов, носивших бархатные воротники, что являлось уже само по себе признаком принадлежности к „ученому“ роду оружия. Многие из них подчеркивали свою образованность тем, что носили пенсне или очки — явление в армии редкое, и вообще держали себя с некоторым чувством превосходства над скромными пехотинцами и легкомысленными кавалеристами…

Проскочив два серьезных препятствия на экзаменационном стипль-чезе (в конном спорте скачки со сложными препятствиями. — А. *Ш.)* в виде русского языка и математики и потеряв при этом несколько „провалившихся“, наша группа уже

бодрее пошла на чисто военные препятствия — на экзамен по уставам…

На уставах наша группа не понесла потерь, но ощутила немалую тревогу, явившись через два дня на экзамен по главному военному предмету — тактике. По ней экзаменовали те два профессора, которые и читали этот предмет в академии: по элементарной тактике — полковник Орлов, по общей — полковник Колюбакин.

Николаю Николаевичу Орлову при его внешности и слащавом вкрадчивом голосе гораздо более подходила бы поповская риза, чем мундир Генерального штаба. Это был деляга, использовавший свои недюжинные способности и изумительную память для заработка денег на военных изданиях и завоевания себе прочного положения в военной профессуре… Его собственные тактические способности получили, наконец, должную оценку, но это обошлось, к сожалению, слишком дорого русской армии. Кому не известен разгром дивизии Орлова в сражении у Ляояна?»

«По-французски я получил полный балл…

По немецкому языку мне сбавили один балл…

Экзамен по истории прошел счастливо…

Много тяжелее пришлось мне на самом подходе к финишу — на экзамене по географии. По русской географии экзаменовал заслуженный профессор статистики и автор трудов по военной географии генерал Золотарев, а по иностранной — молодой полковник Христиани, восходящее светило академии…»

Если отставить в сторону иронический, по известной причине, тон повествования бывшего «царского» графа Игнатьева, то ясно, через какое сито прошел Михаил Дроздовский, поступив в Николаевскую академию Генерального штаба.

В своем наборе он встретил немало павлонов. Гвардейцы, по воспоминаниям современников, составляли около трети слушателей. Такое было немудрено, поскольку «из военных училищ в гвардейские полки шли офицеры со средним баллом не менее 10, а из этой массы в Академию готовились лучшие». Офицеры лейб-гвардии с эпохи Петра I Великого являли собой «командное качество» русской армии, в чем сомнений не высказывалось.

М. Г. Дроздовский был зачислен в академию приказом от 4 октября 1904 года. Однако ему пришлось прервать учебу по собственному желанию. Началась Русско-японская война (она тогда называлась Японской), и подпоручик гвардии Дроздовский 19 октября, не проучившись и месяца, подал рапорт о переводе его в действующую армию. Они писал по команде: «…В трудный

час испытаний для моего Отечества я, как офицер императорской гвардии, желаю быть на войне с Японией в составе действующей русской армии. Считаю такое свое желание нравственным долгом перед Россией. Готов сражаться за нее с японцами в любой должности младшего пехотного офицера…»

Здесь надо заметить, что слушатели военных академий в 1904 году, не как в первый год Первой мировой войны, не подлежали обязательному переводу в действующую армию. Объяснялось это просто: в Японской войне участвовала только небольшая часть воинских сил, которыми обладала Российская империя.

Так двадцатитрехлетний подпоручик гвардии Михаил Дроздовский оказался среди многих добровольцев на полях Маньчжурии. Его, как слушателя Академии Генштаба, прикомандировали к 34-му Восточно-Сибирскому (изменившему впоследствии название на 34-й Сибирский) стрелковому полку. Занимаемая должность — младший офицер.

С этим полком сибирских стрелков он прошел во всех его боях. Боевое крещение состоялось 25 ноября.

Уже в первых делах с японцами офицер показал «примерную храбрость». Его умение командовать, вести за собой нижние чины, видеть поле боя и владеть ситуацией старшее начальство (не только полковое) отметило сразу. На настоящей войне личная доблесть и командирские способности видятся быстро. С 18 марта 1905 года прикомандированный к полку слушатель Академии Генштаба командует 10-й ротой 3-го батальона полка.

После очередных боев и больших потерь среди офицеров подпоручика гвардии, показавшего себя с самой «примерной» стороны, 10 мая перемещают на должность командира 15-й роты 4-го батальона 34-го Восточно-Сибирского полка.

Для Японской войны такие равнозначные штатные перестановки в одной воинской части были обычным явлением. И исходили единственно из ситуации в части. Война с ее людскими потерями открывала многочисленные вакансии не только ротных, но и полковых начальников.

В 1904 и 1905 годах газета «Русский инвалид», другие столичные газеты едва ли не в каждом номере печатали списки погибших и умерших от ран офицеров. Таковы были самые печальные вести с полей Маньчжурии, осажденного Порт-Артура, вод дальневосточных морей. Порой говорили: «Старуха с косой снимает свою жатву…»

Назначение виделось во всем равноценным Впрочем, полковой командир полковник Е. С. Мусхелов смог объяснить гвардейскому подпоручику такую перестановку, когда он менял

должность ротного на такую же должность в соседнем батальоне:

— Приглянулась тебе десятая рота, Дроздовский?

— Да, господин полковник. Бойцы что надо. Сибирские орлы.

— Догадываешься, зачем я тебя вызвал?

— Нет.

— Во вчерашнем бою под Тутайцзы мы потеряли ротного пятнадцатого. Да еще какого! Поручика Селивачева отправили в мукденский госпиталь. Дай бог, чтобы он вернулся в строй. Знаешь, куда он ранен?

— Да Меня пуля прошила насквозь, ему осколок шимозы[2] вырезать будут из той же ноги. Остается пожелать, чтобы в госпитальном поезде на ходу операцию не делали.

— Это уже как Бог на душу положит, подпоручик. Меня сейчас заботит другое. Селивачеву в четвертом батальоне замены нет.

— Как нет, господин полковник? Там же почти полный штат младших офицеров в ротах.

— Прапорщики запаса — не кадровые офицеры. Селивачев воюет с первых дней войны, а они к нам в теплушки на станциях с предписания уездных воинских начальников садились. То в Канске, то в Тайшете, то в самом Иркутске.

— Но ведь все они бойцами себя показали под той же Тутайцзы?

— Верно, Дроздовский, бойцами. А мне ротный нужен. Толковый, знающий пехотную тактику командир. Чтоб и в штыки людей мог поднять, и правильно линию окопов устроить.

— Тогда возьмите моего подпоручика Матвеева. Только той осенью московское Александровское училище окончил. Я за него могу поручиться, если надо.

— Матвеева я решил оставить в 10-й роте. Ротным.

— Куда ж тогда меня?

— Тебе принимать роту Селивачева Сегодня сдай свою десятую Матвееву. Приказ по полку мной уже подписан. Пойми одно: мне надо боевой дух пятнадцатой сохранить, а такое сегодня только ты потянешь.

— Слушаюсь, господин полковник. Хотя скажу, что уже свыкся со своей ротой, а они, надеюсь, и со мной.

— Не огорчайся. И 15-я рота после первого же боя будет твоей ротой. Новой. Не зря же я тебя к Анне представил за три последних боя…

Возражать полковому командиру Дроздовский не стал, хотя было жаль расставаться со своими, уже полюбившимися ему сибирскими стрелками. Приказ по полку тем более был подписан. Подпоручик-волынец понимал всю необходимость такой

перестановки. Полковник Мусхелов, ставший на Японской войне кавалером ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени свое дело знал так, что было чему учиться у него. Даже недавнему слушателю Академии Генерального штаба.

К тому времени Михаил Дроздовский уже пролил свою кровь на поле брани «за Россию». В жарком огневом бою у селения Семапу 14 января 1905 года он получил сквозное пулевое ранение в левое бедро. Узнав о ранении ротного командира, полковник Мусхелов попытался было настоять, чтобы тот убыл в госпиталь, стоявший в Мукдене:

— Подпоручик, немедленно на перевязку в полковой лазарет. И оттуда прямиком в армейский госпиталь, в Мукден. Подводу возьмешь в обозе.

— А как же моя рота?

— Роту сдай прапорщику Белозерцову.

— Но он же всего без году неделя на войне, господин полковник.

— А что делать, голубчик. Больше строевых офицеров у меня нет. Сам знаешь, сколько выбыло за эти дни.

— Тогда я настаиваю, чтобы после перевязки вернуться к моим солдатам. Очень прошу вас о разрешении.

— А как же рана? Она же у тебя сквозная.

— Ничего. Затянется на мне как на собаке…

Долечиваться ротный командир так и не стал, после перевязки в полковом лазарете вернувшись в строй, к своей роте, с которой сжился в первый же месяц командования ею. Легкая хромота на левую ногу осталась у него на всю жизнь.

После Мукденского сражения, которое японский главнокомандующий маршал Ивао Ояма так хотел превратить для противника в «маньчжурский Седан», подпоручику Дроздовскому пришлось пережить весь стыд отступления русских войск от Мукдена. Не печалило только одно: в тех событиях сибирские стрелки нигде без приказа не оставляли позиций. На тяготы никогда не жаловались. И были всегда готовы к штыковым схваткам.

Его полку пришлось с боем выходить из-под угрозы окружения. А потом покидать Маньчжурию по Транссибирской магистрали, города на которой в 1905 году были охвачены революционным брожением. Оно порой захватывало и эшелоны с демобилизованными из трех русских маньчжурских армий.

В газетах тогда писали о подвиге 214-го пехотного Моршанского полка, который 10 дней и ночей прорывался к Мукдену, отбив немало вражеских атак. Под его стенами капельмейстер (начальник полкового духового оркестра)

моршанцев Илья Алексеевич Шатров создал слова и музыку знаменитого вальса «На сопках Маньчжурии»:

Тихо вокруг,
Сопки покрыты мглой,
Вот из-за туч блеснула луна.
Могилы хранят покой.
Белеют кресты —
Это герои спят.
Прошлого тени кружатся вновь,
О жертвах в боях твердят.
Тихо вокруг,
Ветер туман унес
На сопках Маньчжурии воины спят,
И русских не слышно слез.
Пусть гаолян Вам навевает сны.
Спите, герои Русской Земли,
Отчизны родной сыны…

Вальс «На сопках Маньчжурии» после войны (с 1906 года) по популярности затмил все подобные мелодии. Он неизменно входил в репертуары полковых оркестров. Слушая музыку вальса, Дроздовский всегда вспоминал о своих сибирских стрелках, делавших ратное дело во имя Отечества, которое не всегда было им за то благодарно. Офицер гвардии такое отношение испытал и на себе.

Будучи уже на войне мировой, Великой, он не раз, сидя в окопах на передовой, в землянке или в брошенной хозяевами крестьянской хате, занятой под штаб, ставил перед собой такие «немые» вопросы:

— Российское общество Японскую войну не приняло, факт это или не факт? Если это факт, то примет ли оно войну нынешнюю? Будет ли армейский офицер или солдат-окопник героем в глазах соотечественников, не нюхавших пороха в тылу?

Русско-японская война 1904–1905 годов дала Михаилу Гордеевичу три боевые награды, вполне заслуженные офицером гвардии. 26 апреля ему высочайше жалуется орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». В наградном приказе говорилось: «…За отличия в боях с 12 по 16 января 1905 г. у дер[евень] Тутайцзы, Хейгоутой и Безымянной (Семапу)».

Поражение России в той войне на Дальнем Востоке своеобразно повлияло на наградную систему. Масса награждений, Георгиевским оружием и медалями, было сделано уже после окончания войны и подписания Портсмутского мира.

Это дважды лично коснулось Дроздовского, его самолюбия.

Свой второй боевой орден за Маньчжурию уже бывший ротный командир сибирских стрелков получил после войны, 30 октября 1905 года. Это был орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. То есть это была чисто боевая орденская награда. Без мечей Святой Станислав давался людям статским, а военным — только в мирное время. В орденской колодке на груди такие мечи с бантом узнавались сразу.

— У вас Станислав, как мы видим, дан за войну…

— По молости годков, значит, вероятно, за Маньчжурию…

Но это были еще не все почести за Японскую войну. 2 апреля 1906 года слушатель Академии Генштаба производится в поручики гвардии со старшинством с 13 августа 1905 года. То есть это опять была вполне заслуженная награда за «еще вчера» отгремевшую Японскую войну.

Война в Маньчжурии, когда храбрость и самоотверженность русских солдат сводилась на нет их высшим командованием, больно тронула Дроздовского. Но не собственно военная неудача Российской империи, а отношение общества к проигранной войне, тем людям, которые сражались на поле брани.

Люди, которые с гордостью носили «маньчжурские» папахи и боевые награды, самым неожиданным образом столкнулись не только с равнодушием российского общества к ним, но и даже с открытой враждебностью. Каких чувств, к примеру, стоило офицерам 34-го Сибирского полка чтение письма такого же «маньчжурца», как и они, на страницах популярного тогда «Русского инвалида»:

«Шестнадцать месяцев тревог, волнений, страшных лишений, бесконечно ужасных, потрясающих картин войны, способных свести человека с ума; щемящее чувство боли от незаслуженных обид, оскорблений, потоков грязи, вылитых частью прессы на нашу армию, безропотно погибающую на полях Маньчжурии; оскорбление раненых офицеров на улицах Петербурга толпою; презрительное снисхождение нашей интеллигенции к жалким потерпевшим по своей же глупости, вернувшимся с войны, — все это промелькнуло передо мной, оставив глубокий след какой-то горечи…

Вы радовались нашим поражениям, рассчитывая, что они ведут вас к освободительным реформам. Вы систематически развращали прокламациями наших солдат, подрывая в них дисциплину и уважение к офицерам…»

Этот номер «Русского инвалида» в полку, который тогда окопался вокруг новой безвестной, то есть не отмеченной на карте, китайской деревушки, зачитан жителями, что называется,

до дыр. Письмо «маньчжурца» тронуло всех: и офицеров, и нижние чины. Но больше всего тех, кто пошел сражаться в Маньчжурию добровольно. То есть охотником, по собственной «охочей воле».

Мнение всех тогда высказал Сергей Михайлович Москвин, получивший назначенную ему награду за Японскую войну — орден Святого Георгия 4-й степени только… в январе 1907 года Батальонный командир был резок в суждениях, но справедлив:

— Тому раненому «маньчжурцу», которого оскорбили на столичной улице, надо было вынуть саблю из ножен и спросить первого же обидчика за Россию он или нет?

— А если тот сказал бы «нет»? Что тогда?

— Тогда взять его клинком под арест и препроводить в ближайший воинский участок. Объяснить там, что и как дело, а потом отправили бы этого социалиста к нам в полк. А здесь бы он у нас послушал шелест шимозы.

— Но, Сергей Михайлович, такие действия по своему исполнению самоуправны?

— Самоуправны, говоришь?! А оскорблять публично увечных воинов — это разве не плевок какого-то интеллигента в достоинство России? Разве это не беззаконие?..

…На слушателей Николаевской академии Генерального штаба, особенно тех, кому удалось поучаствовать в ней, Японская война подействовала тяжело, а на кого-то и удручающе. И одновременно они восприняли ее как напоминание о том, что армейские дела во многом зависят и от них лично. Такие слушатели, как Михаил Дроздовский, только налегли на учебу. Всем мыслящим людям после 1905 года было ясно, что в Маньчжурии русская армия воевала «несовременно».

Возвратившись в академические стены, гвардейский офицер стал заниматься исключительно упорно. Впрочем, постановка учебы в академии расхолаживаться не позволяла. Лекции шли с 9 до 12 часов утра, а с 12.30 до 16.00 проходили лекционные и практические занятия. На обед отводилось всего полчаса. Трижды в неделю с 8 часов утра в манеже проводилась верховая езда на уровне кавалерийского училища, тоже обязательная для всех.

Любое занятие подвергалось жесткому контролю. В случае отсутствия слушателя причины выяснялись в тот же день посылкой к нему на квартиру людей.

При всем при том уровень обучения будущих офицеров Генерального штаба был определенно высок, в чем Дроздовскому пришлось самому убедиться. Так, на младшем курсе он слушал лекции больших светил отечественной науки.

По тактике пехоты — известного генерала Н. А. Данилова,

автора многих военно-теоретических трудов, таких как «Исторический очерк деятельности канцелярии Военного министерства», «Исторический очерк развития военного управления в России», «Роль пехоты в современном бою». По тактике кавалерии — опытного генерала Елчанинова По истории военного искусства донаполеоновской эпохи того же Елчанинова. По артиллерии, полевой фортификации, устройству вооруженных сил и армиям ведущих иностранных государств — полковника А. А. Гулевича.

По истории Наполеоновских войн — подполковника Н. Н. Головина, будущего фронтового генерала, ставшего в Белой эмиграции одним из виднейших военных ученых.

По истории русского военного искусства до Суворова — полковника А. К. Баиова, автора многих трудов по отечественной военной истории. По геодезии и картографии — генерала К. В. Шарнгорста, автора многих учебных пособий. По русской истории XIX столетия — широко известного тогда российского историка профессора С. Ф. Платонова.

Каждый из этих преподавателей в своей области научного познания был авторитетнейшим человеком. Они давали слушателям действительно серьезный, глубокий багаж знаний.

Известно, что Михаил Дроздовский, теперь поручик гвардии, «грыз гранит науки» в пример другим. Он даже забросил любимые шахматы, лишь изредка выкраивая вечера для посещения столичных театров. Много переписывался с родными, особенно с сестрами. В письмах порой вспоминал поля Маньчжурии.

Итоговые экзамены на младшем курсе сократили число слушателей почти на пятую часть. Неудачники возвращались в свои части. А остальные приступили к летним полевым занятиям В академии расхолаживаться не приходилось.

Месячный отпуск Михаил Гордеевич провел в родительском доме, в Киеве. Родные и близкие ему с детства люди встретили его как героя Русско-японской войны. Еще бы! Ведь его офицерский мундир украшали два боевых ордена Да еще ранение, первый признак едва заметной хромоты.

Старший академический курс был пройден тоже успешно. Хотя нагрузки на нем возросли настолько, что Дроздовскому приходилось часто напрягать свою волю, чтобы выдержать все выпадавшие на слушателей перегрузки. Тогда и отшлифовались в его характере такие завидные человеческие черты, как хладнокровие и выдержка Те черты, которыми Михаил в детские и юношеские годы, да и в молодости не отличался.

Теперь лекционный курс стал намного серьезнее. Лекции по

стратегии читал знаменитый военный теоретик начала XX века Н. П. Михневич. Уже тогда это был ученый с европейской известностью.

Новым предметом стала военная статистика, то есть военно-статистический обзор пограничных с Россией государств, как европейских, так и восточных, в том числе и Японии.

Трудными дисциплинами считались курсы инженерной обороны государства, довольствия войск и службы тыла (читал генерал Н. Н. Янушкевич, будущий начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего России в начале Первой мировой войны) и военно-морского дела.

После окончания второго курса — экзаменов и завершения полевых практических занятий — произошел новый отсев слушателей. Дело заключалось в том, что третьего академического курса как такового не было. Он назывался дополнительным курсом. На него попадали те, кто имел за два года общий средний балл десять и больше.

Поручик гвардии Дроздовский в августе 1907 года выдержал и это испытание на офицерскую зрелость. Он в числе удачливых слушателей сразу же приступил к занятиям, поскольку в этом случае отпуск не полагался. Теперь в числе заданий были подготовка докладов по военной истории и по теории военного искусства Больше времени давалось на самостоятельную подготовку. Теперь дополнительный курс собирался только в манеже, где продолжала оттачиваться выездка.

Научные доклады являлись своеобразным оселком, на котором оттачивалось профессиональное мышление будущих генштабистов. Каждый доклад приходилось защищать перед придирчивой комиссией. Она следила за точностью оформления доклада, сдачей в срок его текстов. Отмечала любые изъяны речи, добиваясь ее убедительности и краткости.

То есть на дополнительном курсе выкристаллизовывался тот внешний и внутренний мир офицера корпуса Генерального штаба, или, говоря иначе, оперативного работника штабов любого уровня. И это была действительно прекрасная школа штабной выучки. Преподаватели порой напоминали слушателям:

— Генштаб — это мозг армии…

Из академии Дроздовский вышел иным офицером Прежде всего по своему «содержанию». Его бывшие подчиненные после Гражданской войны в своих белоэмигрантских мемуарах отмечали следующее: «…Тотчас и определенно формулирующий свои мысли, он сразу производил сильное впечатление».

…Интересно, что вместе с Дроздовским (на год-два раньше или позже) учились в Николаевской академии Генерального

штаба многие видные военачальники Первой мировой и Гражданской войн. Более того, эти белые и красные генералы хорошо знали друг друга — характер, способности, особенности, любимые воззрения на тактику и стратегию.

В Белом движении «знакомцами» Михаила Гордеевича по академии были полковник Ф. Э. Бредов, начальник штаба Дроздовской дивизии Добровольческой армии генерал-майор М. М. Зинкевич, помощник начальника Алексеевской дивизии той же армии, главнокомандующий Русской армией в Крыму генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель, начальник штаба Кавказской армии и врангелевской Русской армии генерал от кавалерии П. Н. Шатилов, начальник штаба Донской армии генерал-лейтенант А. К. Кельчевский, командующий этой армией генерал-лейтенант В. И. Сидорин.

Одновременно с Дроздовским училось несколько видных военачальников Красной армии. Это были главнокомандующие вооруженными силами Советской республики И. И. Вацетис и сменивший его С. С. Каменев, начальник штабов Южного, Юго-Западного и Западного фронтов Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) комкор Н. Н. Петин, начальник оперативного управления Полевого штаба РВСР Б. М. Шапошников, ставший начальником Генерального штаба и Маршалом Советского Союза.

Уже само перечисление этих фамилий говорило об уровне подготовки выпускников императорской Академии Генерального штаба. И вряд ли кто из них догадывался, что всего через десяток лет они станут друг другу непримиримыми врагами «по классу». Хотя все они были российскими дворянами, пока их не разделила и не опалила своим пламенем Гражданская война.

…Дополнительный академический курс Михаил Гордеевич Дроздовский закончил более чем успешно. За отличие в учебе он был произведен в штабс-капитаны.

Торжественный выпуск из академии состоялся 23 мая 1908 года[3]. Выпускники были каждый лично представлены императору Николаю II Александровичу, который предстал перед ними в скромной для венценосца-самодержца форме полковника. Он обошел строй выпускников, каждому жал руку, не забывая при этом задать хотя бы один вопрос.

Когда очередь представляться подошла штабс-капитану Дроздовскому, государь спросил офицера, строевая выправка которого откровенно радовала глаз людей военных:

— На вашем мундире два боевых ордена. За что вы получили их?

— За Японскую войну, ваше императорское величество.

— Прекрасно, штабс-капитан. Это сегодня ваша лучшая

визитная карточка. Были ранены?

— Да, имею пулевое ранение в бедро, ваше императорское величество.

— Что вы скажете о русском солдате в Маньчжурии?

— Нижние чины, особенно мои сибирские стрелки, ваше императорское величество, сражались с японцами выше всяких похвал.

— Похвально, что вы выделили именно таким русского солдата-молодца.

После этих слов довольный император, кивнув приветственно, подошел к следующему выпускнику…

Выпуску 1908 года был зачитан долгожданный высочайший приказ, который они ожидали с несомненным душевным трепетом. Именно он давал им путевку в будущее. В приказе, скрепленном подписью всероссийского государя, говорилось:

«…Причислить к императорскому Генеральному штабу поименно следующих офицеров:

…штабс-капитана Дроздовского Михаила Гордеевича…»

Так он стал на всю оставшуюся жизнь офицером Генерального штаба, этой подлинной элиты Русской Армии. Для начала его отправили на лагерные сборы в штаб «его» Варшавского военного округа. Там его прикомандировали к управлению 49-й пехотной резервной бригады. В случае войны она разворачивалась в пехотную дивизию.

После этих прикомандирований штабс-капитану выдали пособие на обзаведение лошадью со всем необходимым для нее имуществом. Такое пособие составляло по тому времени немалую сумму в триста рублей.

Только после этого новоиспеченному офицеру корпуса Генерального штаба предоставили отпуск. Он был непродолжительным, всего две недели. После этого с немалой радостью для себя Михаил Гордеевич оказался в родном лейб-гвардии Волынском полку, офицерский коллектив которого семь лет назад принял вчерашнего павлона.

По требованиям существовавшего тогда для мирного времени ценза любой выпускник Академии Генерального штаба обязан был прослужить положенный срок в должности командира кадровой роты, первичной полковой ячейки. Поэтому в послужном списке Дроздовского с 12 сентября 1908 года по 4 ноября 1910 года значится командование ротой лейб-гвардии волынцев.

Долгожданная служба по Генеральному штабу началась для него только после двухгодичного цензового командования пехотной ротой. 26 ноября 1910 года он получает назначение

обер-офицером для поручений при штабе Приамурского военного округа и убывает из Варшавы на Дальний Восток, к новому месту службы.

Штабс-капитан пробыл на берегах Амура год, или, как говорится, день в день. Но больше всего времени ему довелось провести в китайском Харбине. Такое случайностью не было. По договоренности с Пекином Россия держала для охраны Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) Отдельный корпус пограничной стражи, носивший название Заамурского.

Заамурский корпус пограничной стражи состоял из отдельных пехотных и конных полков, нескольких артиллерийских батарей. И хотя стражниками служили не вчерашние новобранцы, а добровольцы — «охотники», порядки в корпусе были армейские, как и сама служба по охране КВЖД. Поэтому офицеры штаба Приамурского военного округа постоянно командировались в Харбин. Среди них порой велись такие разговоры.

— Опять в Китай приказано убывать. Но там же роты и сотни стражников ничем не хуже армейских. Там люди служат постарше.

— Хорошо, что постарше. Быть большой войне в Европе, заамурцы первыми пополнят полевые войска.

— Воевать в Европе? С кем?

— С немцами, вестимо. Знаешь же по газетам, что на Балканах вот-вот может война пыхнуть.

— Если пыхнет, то нам берегов Амура больше не видать…

Полученный в академии кругозор военного человека, прочные знания и желание работать сослужили хорошую службу. 26 ноября 1911 года следует перевод старшим адъютантом в штаб Варшавского военного округа. То есть карьерный рост был несомненен. Одновременно с назначением следует производство в капитаны со старшинством со 2 мая 1908 года.

Люди, хорошо знавшие Дроздовского по совместной предвоенной службе, заметят, что ему очень помогал солидный багаж академических знаний, помноженный на личностные качества Сам же он помнил напутственные слова преподавателя тактики генерал-майора Николая Александровича Данилова по прозвищу Данилов-рыжий: «Для вас., настоящая учеба начнется после окончания Академии, и тот, кто остановится на тех знаниях, которые он вынес из Академии, безвозвратно отстанет».

Отставать же от требований времени и развития военного дела молодой генштабист определенно не желал. Он продолжает заниматься самообразованием, весь отдаваясь службе. Простой она не была, поскольку округ относился к разряду приграничных.

Помогало то, что офицерский коллектив штаба Варшавского округа традиционно отличался большой спайкой: «…Офицеры Генерального штаба в Варшавском военном округе жили сплоченной семьей. Этому способствовало наличие единственного в армии особого собрания офицеров Генерального штаба, где происходили доклады, военные игры, товарищеские ужины и обеды. Здесь генерал по-дружески говорил с капитаном и обменивался взглядами по военным вопросам…»

Можно сказать, что капитан Дроздовский сразу вошел в собрание генштабистов-варшавян и скоро проникся их корпоративным духом. Исполняя обязанности помощника начальника отчетного отделения, он закрепил за собой репутацию энергичного и делового работника, начальство отмечало его не раз.

Плодом трудов стал третий орден — Святой Анны 3-й степени. Высочайший указ о награждении последовал 6 декабря 1911 года.

Столь скорое награждение (по времени перевода генштабиста в Варшаву) объяснялось достаточно просто. К тому времени уже сложился блок Центральных держав в лице кайзеровской Германии и Австро-Венгерской империи. Ни Берлин, ни Вена особо теплыми отношениями с соседней Россией не отличались. Поэтому в штабе Варшавского военного округа особых мирных иллюзий на недалекое будущее не строили.

Дроздовский понимал, что для русской армии опыта уже далекой Японской войны откровенно недостаточно. Да и к тому это была война не в Европе, а на Востоке. Поэтому, когда началась Первая Балканская война против Турции, он подал рапорт с просьбой отправить его военным агентом (представителем) в сербскую или болгарскую армию. Или, наконец, разрешить ему сражаться в одной из этих армий волонтером.

Но тогда, в событиях сначала Первой, а затем Второй Балканских войн, Россия старалась официально придерживаться нейтральной позиции. Поэтому офицерам русской армии действительной службы командование неизменно отказывало в подобных рапортах: «В вашем пребывании на Балканах, как строевого офицера, сегодня нет надобности…»

Но, получив такой отказ, капитан Дроздовский не успокоился. Он сел писать «большой труд по стратегии, о будущей русско-германской войне». Михаил Гордеевич, как и многие тогда реалистически мыслящие военные люди, предвидел, что в самом скором времени Российская империя столкнется в Европе с империей Германской. Логика европейских событий

склонялась именно к такой развязке ситуации на континенте. И здесь он, как и большинство его сослуживцев, не ошибся.

Работа была окончена и получила высокое одобрение сослуживцев. Но опубликовать ее автор не сумел по многим причинам Одной из них стало то, что окружное командование не рискнуло издать в Варшаве книгу, в которой «заблаговременно» назывался главный противник России в скорой большой войне на Европейском континенте. Когда эта война началась, Дроздовского спросят:

— Михаил Гордеевич, где ваша рукопись, которая наделала столько шуму в штабе Варшавского округа?

— Затерялась.

— А если ее попробовать отыскать?

— Зачем? Война, о которой я писал, уже идет.

— Но там же ваши обдуманные мысли. Им же ценность есть.

— Мысли сегодня обдумываются в окопах…

Те, кто знал его с академической скамьи, вспоминали, что Дроздовский отличался приверженностью к «машинной технике». Он «преувеличивал» значение в будущей континентальной войне аэропланов и аэростатов, автомобилей (грузовых и легковых) и бронемашин, пушечных и пулеметных, бронепоездов с их маневренностью и силой артиллерийского огня.

На занятиях в штабе округа, штабных играх на оперативных картах приграничья с Германией и Австро-Венгрией, особенно с Восточной Пруссией и Галицией, часто происходили настоящие баталии во взглядах на характер будущей войны и на ее техническую сторону.

Оппонентов у твердо стоявшего на своем Дроздовского всегда хватало. Особенно трудно приходилось ему при обсуждении возможностей нарождавшегося воздушного военного флота, или, говоря иначе, армейской авиации.

— Ныне кавалерия, даже легкоконные и скорые на подъем казаки, не смогут добывать требуемые разведданные. Я в этом убежден.

— Почему вы так считаете, Михаил Гордеевич? Вспомните историю войн в той же матушке Европе, и вы потеряете в том убежденность.

— Автомобили, обилие пулеметов, скорострельная артиллерия умалили сегодня роль конницы в разведке. Это реалии нашего времени.

— А что вы предлагаете в разведке взамен испытанной в таком деле конницы?

— Аэропланы и аэростаты.

— Но их же так мало в войсках.

— Будет больше, посмотрите. Взгляните на техническое состояние прежде всего германской армии, и вам все станет ясно, куда она идет и к чему в технике стремится.

— Если вы так убежденно стоите за аэропланы и аэростаты, то на чем основана ваша такая уверенность?

— Я исхожу из опыта Японской войны, на которой имел честь сражаться в 34-м Восточно-Сибирском полку.

— И что лично вам, Михаил Гордеевич, дал этот опыт?

— При штабе Маньчжурской армии был воздухоплавательный отряд. Он несколько раз удачно сработал на артиллерийскую разведку.

— Но это же была просто проба нового технического средства?! Да и к тому же аэростат сам по себе неподвижен. Он привязан к земле.

— Если для разведки этого будет мало, то тогда в воздух надо поднимать аэропланы.

— А что дадут они армейской, корпусной и, наконец, дивизионной разведке?

— Дадут дальность обзора летчиком-наблюдателем, скорость выхода на разведку и возвращения домой. Аэроплану страшна только непогода, ему не надо прорываться через вражеские позиции и заслоны, как кавалерийским партиям.

— А что с высоты сможет прочитать на земле летчик?

— Очень многое. Вернее, все, что неприятелем не замаскировано.

— Но он же пилот, а не разведчик.

— Чтобы сделать его разведчиком, летчика надо учить наблюдать с высоты. Тогда он без труда отличит батарею пушечную от гаубичной или мортирной.

— Но это же новая военная профессия, которой в документах нет.

— Пока нет, но она обязательно будет в наших авиационных ротах. В нашей окружной, наконец.

— Значит, вы убеждены, что конная разведка будет замещаться воздушной, Михаил Гордеевич?

— Да, только так. И только в вопросах ведения дальней разведки, которая даст нам стратегические данные о противной стороне…

Не меньше споров, чем аэропланы и аэростаты, вызывали броневойска, то есть использование в современной войне бронеавтомобилей и бронепоездов. Тут капитан-генштабист Дроздовский имел гораздо больше шансов, то есть примеров, для переубеждения своих оппонентов, которые обычно ходили в старших, чем он, офицерских чинах.

— Опыт Англо-бурской войны нам показал, что простой блиндированный поезд способен парализовать армию конных буров. Такое мы видели и в Трансваале, и в Оранжевой республике.

— Но та война велась не регулярными армиями, Михаил Гордеевич?

— Почему вы так считаете? Ведь экспедиционные войска Британии были из состава королевской армии.

— А буры? Они же чистые партизаны времен нашествия Наполеона Бонапарта на Россию.

— Не совсем так. Буры имели отряды конных и пеших стрелков-ополченцев. Это раз. А вся партизанская борьба в 1812 году велась в первую голову армейскими летучими отрядами. Это два.

— Хорошо, примеров нам здесь не надо.

— Почему не надо, если идет спор. Примеры — гусар Денис Давыдов и генерал Винценгероде. Тот и другой были в славе у князя Смоленского Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

— Значит, вы убежденно считаете бурскую армию регулярной, хотя в мирное время буры содержали только несколько артиллерийских батарей и не имели ни одного батальона пехоты?

— Убежденно. Буры сразу же обратили свое ополчение в регулярную армию и отточили на деле тактику ведения войны с англичанами.

— А что ответили на то британцы? Пустили в ход блиндированные поезда?

— Именно так. Блиндированные поезда и блокпосты сделали линию железной дороги непроходимой для крупных отрядов буров. Это несомненный факт.

— Ту войну, Михаил Гордеевич, вы считаете современной?

— Вне всякого сомнения. Она подарила военному искусству прообраз нынешних бронепоездов и бронеавтомобилей.

— Но мешки с песком и крепкое дерево на железнодорожной платформе еще не являлись броней в ее понимании, не так ли?

— Для тех лет верно. А защиту вагона и паровоза после войны в Южной Африке европейцы поменяли быстро.

— Значит, как вы убежденно считаете, за поездами, одетыми в броневые листы и с артиллерией, будущее? И за автомобилями в железной одежде?

— Только так я вижу будущее поле боя.

— Михаил Гордеевич, а ваш главный довод в этом вопросе? Тот, который вам дает такую убежденность?

— За доводом ходить не надо. Посмотрите только на карту Европы, на то, как растет там число железных и шоссейных дорог. Вот вам и главный мой довод…

Сейчас можно сказать с убежденностью, что офицер Генерального штаба смотрел на развитие армии далеко вперед. Но тогда ему все приходилось доказывать. И порой на личном опыте.

Только этим можно объяснить то, что Михаил Гордеевич, после многочисленных рапортов, добился того, чтобы его временно откомандировали из Варшавы на учебу в… Севастопольскую офицерскую школу авиации Отдела воздушного флота. Сам по себе этот факт был примечательным.

Его откомандировали в морскую крепость Севастополь. В ее окрестностях[4] он с 13 июля по 3 октября 1913 года прошел полный курс обучения летчика-наблюдателя. В послужном списке Дроздовского появилась необычная для офицера Генерального штаба запись: «Совершил 12 полетов вне аэродрома, каждый полет продолжительностью не менее 30 минут, а всего был в воздухе 12 часов 32 минуты».

Скажем прямо, за столь короткий срок налет в воздухе был немалый. И как говорится, слава богу, что все обошлось, особенно в непогоду, без поломок аэроплана, вернее, его мотора Такое в авиации тех лет случалось гораздо чаще, чем сегодня.

Летательные аппараты в начале XX века были совсем иные. Мало того что сделаны из дерева и полотна, они еще и обладали моторами, качество которых и на земле оставляло желать много лучшего.

На чем довелось летать Дроздовскому? Ему не пришлось летать на самолетах прославленного русского авиаконструктора Ивана Ивановича Сикорского — С-12 («Моносике») и «Илье Муромце». Не летал он и на аппаратах других замечательных отечественных авиаконструкторов — Дмитрия Павловича Григоровича (от М-5 до М-16 «Зимняк») и Владимира Александровича Лебедева (несколько модификаций «Лебедей»).

Учащиеся Севастопольской авиационной школы учебные полеты совершали на аэропланах иностранных марок. Это были французские «ньюпоры», «мораны» и «фарманы», строившиеся в России. Свои часы кандидат в летчики-наблюдатели капитан Дроздовский налетал на них. Он был в воздухе одновременно и пилотом, и наблюдателем.

Ему довелось знать многих русских летчиков, прославившихся в Первую мировую войну, одновременно с ним обучавшихся в 1913 году летному делу в крымском небе. Таким, к примеру, человеком был Тимофей Степанович Боровой.

У этого человека удивительная судьба Крестьянин из Изюмского уезда Харьковской губернии в 1909 году был призван в русскую армию. Служил примерно и, будучи унтер-офицером, имевшим начальное домашнее образование, сумел стать слушателем Офицерской школы авиации Отдела воздушного флота Чин прапорщика получил уже в войну, на Юго-Западном фронте, в октябре 1915 года Боровой стал на фронте полным георгиевским кавалером, то есть обладателем солдатских Георгиевских крестов всех четырех степеней. К этому можно добавить еще и три боевых ордена и Георгиевскую медаль.

Крестьянин с Харьковщины в годы Гражданской войны воевал на стороне белых. В их рядах он оказался осенью 1918 года, когда вместе со штабс-капитаном Бафталовским совершил перелет из Харькова в расположение Добровольческой армии.

…По тому, как сгущались тучи над Европой, в окружном штабе в Варшаве понимали, что большая война на континенте должна вот-вот разразиться. На оперативных картах разыгрывались варианты мобилизации войск. Порой возникали споры о том, с кем в первую очередь придется скрестить оружие. Здесь Дроздовский придерживался только одного мнения:

— Национальная профессия Пруссии — только воевать… Посмотрите по разведсводкам, как германцы готовятся. Железные дороги ведут только к границам. Даже полевых кухонь, которые они у нас скопировали, производят с избытком… Немецкие коммерсанты в Варшаве изменились на лицо: только слепой не заметит их военной выправки и не увидит в них пруссаков…

…Первая мировая война — Великая, мировая, Отечественная — вошла в судьбу капитана Михаила Гордеевича Дроздовского так, как она в июле 1914 года вошла в судьбы сотен тысяч военных армии и флота Российской империи. Вошла в историческую память Российской державы двумя высочайшими манифестами.

В первом из них, от 20 июля 1914 года, говорилось об объявлении состояния войны России с Австро-Венгрией:

«Божиею милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным Нашим подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные в силу создавшихся условий принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием Наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений союзная Австрии Германия, вопреки Нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди Великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще сильнее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верою в правоту Нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение.

Дана в Санкт-Петербурге, в двадцатый день шюля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же Нашего в двадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано

НИКОЛАЙ».

Вторым высочайшим манифестом, от 26 июля 1914 года, объявлялась война России с Германией. В нем за подписью государя императора говорилось следующее:

«…Объявляем всем Нашим верным подданным.

Немного дней тому назад Манифестом Нашим оповестили Мы русский народ о войне, объявленной Нам Германией.

Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России.

Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы.

Но с удвоенною силою растет навстречу им справедливый гнев мирных народов и с несокрушимою твердостью встает перед врагом вызванная на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого.

Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов мы не одни: вместе с Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию.

Да благославит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с жезлом в руках, с крестом в сердце…»

Дроздовский, равно как и все воинство России, офицерство армии и флота, восприняли начало Первой мировой войны с огромным воодушевлением, патриотическим ликованием Впрочем, такая ситуация сложилась в первый же день мирового пожара, скажем, в Германии или во Франции. Все говорили о скорой победе своего оружия. И вряд ли кто мог предположить, что Великая война продлится до 1918 года, разрушив сразу три империи — Российскую, Австро-Венгерскую и Германскую.

В штабе Варшавского военного округа в первые дни войны царило необычайное воодушевление всех и каждого. Еще бы! Окружным войскам в числе первых предстояло скрестить оружие с врагом.

Для армейского кадрового офицерства начавшаяся война была связана с надеждой выдвинуться, получить боевые награды и внеочередные чины. Наконец, реализовать свою готовность исполнить клятвенный долг перед Отечеством, то есть показать все то, что уготовила им судьба, выбранная самим собой. Михаил Гордеевич скажет тогда восторженно:

— Эта война, величайший исторический момент, — моя великая, самая страстная мечта!

Он не был одинок в таком восторге. По всей России шли патриотические демонстрации и митинги. Казалось, что война всколыхнула всю державу, успокоила ее от революционных страстей. Единением дышала вся евразийская держава.

О настроениях в российском обществе в связи с началом Великой войны говорят и спорят и в наши дни. Можно, к примеру, обратиться к авторитетному свидетельству председателя Государственной думы М. В. Родзянко, писавшего в своих мемуарах следующее:

«Вернувшись в Петроград перед самым объявлением войны, я был поражен переменою настроения жителей столицы.

„Кто эти люди, — спрашивал я себя с недоумением, — которые толпами ходят по улицам с национальными флагами, распевая народный гимн и делая патриотические демонстрации перед домом Сербского посольства“.

Я ходил по улице, вмешивался в толпу, разговаривал с нею и, к удивлению, узнавал, что это рабочие, те самые рабочие, которые несколько лет тому назад ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады.

На вопрос мой, чем объясняется перемена настроения, я получил ответ:

„Вчера было семейное дело; мы горячо ратовали о своих правах, для нас реформы, проектируемые в законодательных учреждениях, проходили слишком медленно, и мы решили сами добиться своего. Но теперь, сегодня, дело касается всей России. Мы придем к Царю, как нашему знамени, и мы пойдем за ним во имя победы над немцами“.

Аграрные и всякие волнения в деревне сразу утихли в эти тревожные дни, и как велик был подъем национального чувства, красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось 96 процентов всех призывных, явилось без отказу, и воевали впоследствии на славу.

В самой Государственной думе в заседании 26 июля (8 августа нового стиля) все партийные перегородки пали, все, без исключения, члены Государственной думы признали необходимость войны до победного конца во имя чести и достоинства дорогого Отечества и дружно объединились между собой в этом сознании и решили всемерно поддерживать Правительство.

Без различия национальностей все поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что поражение невыносимого германского милитаризма является безусловно необходимым…»

…На границах Царства Польского с Германией и Австро-Венгрией сразу вспыхнули первые вооруженные столкновения. Они были больше спонтанные, чем серьезные. И напоминали собой разведку боем.

В полках и батареях, эскадронах и сотнях зачитывались приказы о первых подвигах в полыхнувшей мировой войне. Дроздовского, как и очень многих других, к примеру, поразил подвиг донского казака приказного (ефрейтора) Кузьмы Крючкова. Шутка ли, его разъезд из четырех казаков — Астахова, Иванова и Щеголькова — храбро атаковал из засады два

вражеских кавалерийских дозора германцев. В этой схватке сам Кузьма Крючков уничтожил одиннадцать всадников, получив при этом шестнадцать колотых ран, нанесенных пиками и саблями. Только три неприятеля сумели ускакать к своим.

Этот бескомпромиссный конный рукопашный бой на границе Восточной Пруссии с российским Царством Польским стал как бы героическим прологом событий на Русском (Восточном) фронте Великой войны. Все герои донцы были награждены Георгиевскими крестами. А приказной Кузьма Фирсович Крючков стал первым георгиевским кавалером русской армии в 1914 году.

Судьба не хранила долго героя Российской Императорской армии. Казак Усть-Хоперской станицы, в 1919 году Крючков, уже подхорунжий, стал участником Вешенского восстания и погиб в бою под деревней Лопуховкой Саратовской губернии. Но тогда, в августе 1914 года, его имя без всякого преувеличения знала вся воюющая Россия.

Дроздовский по долгу службы был знаком с 3-й кавалерийской дивизией, в состав которой входил 3-й Донской казачий полк имени Ермака Тимофеева, атамана, покорившего с дружиной Сибирское царство (ханство), осколок Золотой Орды. В этом полку и служил приказной Кузьма Крючков. Разговоров о том геройском деле было в войсках много. Генштабист Дроздовский, не в пример многим, высказывался сдержанно:

— В каждом полку у нас Крючковы есть. Вот только было бы их побольше среди начальников.

— Это ты о чем, Михаил Гордеевич?

— О том, что блеснул геройством не один Крючков, а 2-я армия генерала Самсонова от Мазурских болот едва ушла назад. Сколько тысяч людей положили там зря.

— Что делать! Переиграли Самсонова с 1-й армией Ренненкампфа германцы. На то она и война, Дроздовский.

— Согласен, война есть война. А чему учили в академии и того же Самсонова, и Ранненкампфа?

— Учили воевать, как в Японской было. А тебя как учили в Академии Генштаба? Забыл, что ли?

— Не забыл. Учили опыту Балкан 1877 года и маньчжурской армии Куропаткина.

— То-то и оно. И прусско-французская война сегодня для нас устарела. Смотри, сегодня в каждом полку пулеметные команды наличествуют.

— Знать нам надо про технику. Про пулеметный огонь мы не сразу вспомнили сегодня.

— Ты все печалишься о лейб-гвардии Кексгольмском полке, что лег под пулеметами в Восточной Пруссии?

— Разумеется, о нем. В нем столько павлонов служило, и все полегли в один день.

— Ничего, государь император приказал восстановить Кексгольмский полк. Он наш, окружной, варшавский.

— Как полк его восстановят, безусловно. Только…

— Что только?

— Только бойцы и офицеры в него придут уже другие. Пообмякшие в запасе…

Большие кровавые события на Русском фронте и государственные потрясения в российском Отечестве были для всех и каждого еще только впереди.

Лично для Дроздовского война началась так. Рано утром в дверь его съемной квартиры постучал посыльный казак-донец из штабной конвойной полусотни. Капитан сразу стряхнул с себя короткий сон (из штаба вернулся за полночь). Казак, держа за уздечки двух оседланных коней, как-то тихо по такому случаю скороговоркой проговорил:

— Ваш бродь, война по телеграфу. Приказано всем в штаб явиться срочно.

— С кем война началась?

— А бог его знает, ваш бродь. Есаул, когда посылал, сказывал, что пока сам не знает с кем А конь ваш под седлом…

Глава 2
Румынский фронт Антанты в Великой войне. Развал Армии

С началом войны Варшавский военный округ, равно как и все западные приграничные округа, прекратили свое существование. Из их армий, корпусов и дивизий были созданы (пока) два фронта — Северо-Западный и Юго-Западный. Во главе первого император Николай II поставил генерала от кавалерии Якова Григорьевича Жилинского, во главе второго — генерала от артиллерии Николая Иудовича Иванова.

Штаб Варшавского военного округа расформировали. Его генералы и офицеры пополнили фронтовые, армейские и корпусные штабы. По мобилизации капитан Дроздовский стал помощником начальника общего отдела штаба Северо-Западного фронта. Приказ о том состоялся 18 июля 1914 года.

Должность в условиях только разворачивающейся войны оказалась хлопотной, или, говоря иначе, «писарской». Генштабист с двумя боевыми (из трех) орденами на кителе уже вскоре сказал своим новым сослуживцам:

— Разве за такой работой война — война?!

Ему ответил за таких же, как Дроздовский, капитанов и поручиков начальник общего штабного отдела:

— Ты прав в одном, Михаил Гордеевич: здесь свиста пуль пока не услышишь. Но кто-то же должен на войне делать и эту работу.

На это Дроздовский ответил так:

— Но я ведь готовый оперативник, офицер Генерального штаба. У меня опыт Японской войны. От меня пользы больше будет не здесь, а на передовой линии.

— Хорошо, коли так настаиваешь. Пиши рапорт по команде. Подпишу…

Рапорт с прошением о переводе из штаба фронта в действующие войска был написан и подписан в тот же день, 3 сентября. По собственному желанию капитан Дроздовский получает назначение состоять обер-офицером для поручений при штабе XXVII армейского корпуса.

Приказ на него подписал начальник штаба армий фронта генерал от кавалерии Владимир Алоизиевич Орановский. Подписывая документ, он заметил:

— Если рвется в бой, пусть идет в корпусной штаб, не ниже.

Все же из корпуса офицеров Генерального штаба.

— Капитан Дроздовский имеет по службе прекрасные аттестации.

— Это хорошо. Повезет ему на войне — может полк получить в командование. Со временем, разумеется…

Такое назначение обрадовало Михаила Гордеевича. Теперь он был несравненно ближе к фронту, чем из фронтового штаба. Как офицер-генштабист, он мог теперь во многих случаях руководить боевыми действиями на передовой или принимать в них самое непосредственное участие. Это было то, к чему он стремился.

Однако в этом корпусе Дроздовский отвоевал всего четыре скоротечных месяца. Его отметили сразу не только потому, что во фронтовом штабе у него осталось немало сослуживцев. Капитан-генштабист сам напрашивался на рискованные поручения. И шелеста пуль и снарядных осколков к новому году наслушался предостаточно. Про него стали говорить:

— Этот Дроздовский со своей хромотой на саму старуху с косой уныние навести может…

Он действительно показал свой твердый характер, энергию, способности оперативника, умение командовать людьми. Показал не только другим, но и самому себе.

Капитану-генштабисту стали искать повышение. Но соответствующая должность была найдена только в соседнем XXVI армейском корпусе. 5 января 1915 года следует назначение уже штаб-офицером для поручений при корпусном штабе. Работа та же, но более ответственная. На передовой вновь приходилось бывать часто, особенно в горячее время.

Ему, пожалуй, повезло с назначением именно в этот корпусной штаб. Армейским корпусом командовал… бывший его дивизионный командир в Маньчжурии Александр Алексеевич Гернгросс, ныне генерал от инфантерии. Когда офицер по прибытии представился ему, Гернгросс спросил его:

— Дроздовский? А вы не тот ли подпоручик гвардии из 34-го Восточно-Сибирского полка?

— Точно так, ваше превосходительство. Был с вами под Мукденом.

— А за бой за деревню Сумапу не вам ли я подписывал представление на орден?

— Вы. На Анну четвертой степени.

— Вы еще тогда были ранены. От того и слегка хромаете?

— Точно так. Долечиться не успел.

— Помню, как же не помнить, убежали после перевязки из полкового лазарета, как мальчишка.

— Было дело, ваше превосходительство.

— Что было, то было, Дроздовский. Теперь у нас с вами большая война, не та, на которой мы с вами уже побывали. Но я рад нашей встрече, ведь мы по Маньчжурии с вами почти однополчане.

— И я тоже рад, осмелюсь сказать.

— Так что нам надо снова воевать. Идите, капитан. Хлопот с сегодняшнего дня у вас будет хоть отбавляй…

Гернгросс имел случай еще раз, спустя десять лет, убедиться в способностях подчиненного офицера. Он относился к нему благосклонно и поэтому задерживать присвоение очередного воинского звания, в силу своей чрезмерной занятости, не стал.

Уже вскоре после своего третьего фронтового назначения Дроздовский производится в подполковники Генерального штаба. Приказ на него состоялся 22 марта того же 1915 года Старшинство в этом чине давалось ему с 6 декабря 1914 года.

Способности оперативного работника демонстрировались им столь отменные, что когда потребовалось на время заменить начальника штаба 64-й пехотной дивизии, попавшего в госпиталь, то генерал от инфантерии Гернгросс сразу сказал:

— Только подполковника Дроздовского.

Собственно говоря, перед этим такую же просьбу высказал ему дивизионный начальник генерал-лейтенант Алексей Ефимович Жданко:

— Ваше превосходительство, моего начальника штаба уложили в госпиталь. Не отбился он от врачей. Дайте на время мне вашего Дроздовского. К тому же в дивизии его знают хорошо.

— Коль надо, то отпущу с временным назначением. Хотя рано ему быть им, молод еще годами.

— Зато оперативную работу знает. Дотошный он, маньчжурец, у вас до всего…

64-я пехотная дивизия была второочередной, то есть составленной из людей, призванных из запаса в первый же год войны. Полки ее громких, победных имен не имели, отзвучивали только турецкими войнами императрицы Екатерины Великой. Назывались полки просто: 253-й Перекопский, 254-й Николаевский, 255-й Аккерманский и 256-й Елисаветградский.

Дивизия в 1915 году не выходила из тяжелых боев. И заслуга временно исполняющего обязанности начальника штаба состояла в том, что он сделал много для того, чтобы полки, понесшие большие потери в людях, сохранили свою боеспособность и бодрость духа.

В разгар боев, 1 июля, подполковник Генерального штаба Дроздовский награждается своим четвертым орденом, боевым В указе о пожаловании ему награды говорилось: «..За отличия в

делах против неприятеля награжден орденом Св[ятого] Равноапостольного Князя Владимира 4-й ст[епени] с мечами и бантом».

События 1915 года на Русском фронте складывались так, что даже высший командный состав не обходился без заметных потерь. В силу этого подполковнику (!) Дроздовскому с 22 октября по 10 ноября пришлось даже временно исполнять обязанности начальника штаба корпуса генерал-майора Александра Федоровича Добрышина.

С ним Дроздовский в будущем мог встретиться в 1918 году на российском Юге. Но не встретился, хотя они друг о друге (кто, где и кем есть) знали хорошо. В тот год бывший командующий Кавказской гренадерской дивизией и командир армейского корпуса Западного фронта перешел на службу в Красную армию.

Бывшего царского генерала Добрышина, ставшего красным военспецом, однажды спросят о белом полковнике Дроздовском, командире пехотной дивизии в деникинской армии:

— Вы, как мы знаем, имели на фронте знакомство с этим беляком Дроздовским?

— Не имел чести. Он временно исполнял мои обязанности начальника корпусного штаба, когда я был вызван в Могилевскую Ставку.

— Ну и как о нем отзывались тогда?

— Чистый службист. Генштабист, одним словом.

— А что еще? Его политические убеждения?

— Монархист, каких редко сыщешь даже у Деникина…

Побывав на посту начальника корпусного штаба в непростое время тяжелых боев, Михаил Гордеевич наконец-то утверждается в должности начальника штаба 64-й пехотной дивизии. То есть он принял дела уже «на законном основании».

Порой со стороны казалось, что он уже и не рад своему званию офицера Генерального штаба То есть старшее начальство продолжало «упорно видеть в нем только перспективного оперативного работника». И при этом старалось, исходя из интересов вышесказанного, не видеть в нем способности строевого командира Один из сослуживцев потом скажет:

— Дроздовский уже в начале 1916-го давно перерос командира полка А в нем все продолжали видеть способного генштабиста..

Так оно в действительности и было. Командиром полка мог быть талантливый и уверенный в себе командир батальона А вот начальника дивизионного штаба из него в большинстве случаев могло и не получиться. При этом роль играло одно обстоятельство — профессиональная, академическая подготовка.

Пока же Михаилу Гордеевичу приходилось по-прежнему тяготиться «текущим бумагомаранием», на которое он часто жаловался в своих письмах родным и товарищам. Но с другой стороны, он не мог не понимать значимость любого штаба, который был «мозгом» и полка, и дивизии, и корпуса, и армии, и фронта, и Ставки Верховного главнокомандующего. Это были, пожалуй, для постороннего человека громкие слова, но за ними стоял уклад армейской и флотской жизни, выработанный не одним столетием.

В августе 1915 года будущему герою Белого дела довелось совершить свой первый командирский подвиг, получивший известность в русской армии. После тяжелых для сторон боев под Вильно германские войска обрели новый наступательный порыв. Война еще носила маневренный характер, и потому немцам удалось, наведя речную переправу, создать угрозу флангового обхода позиции русского XXVI армейского корпуса.

Но дело было еще не только в общем неприятельском успехе. Когда немцы темной августовской ночью заняли речную переправу через Меречанку, прямо перед ними заслоном оказался только… штаб 60-й пехотной дивизии. Подполковник Дроздовский, не сомкнувший глаз в ту ночь, по звуку выстрелов у наведенной через болотистую речушку переправы понял, что там начался ближний бой. Понял и то, что караулу у моста в десяток стрелков нападавших долго не сдержать.

Начальник дивизионного штаба сразу же приказал дежурному телефонисту:

— Передай дежурному по штабу Перекопского полка: второй его батальон поднять из резерва по тревоге и немедленно сюда. Марш-броском С пулеметной командой.

Затем обратился к своему дежурному штабс-капитану Башкатову, уже отдававшему через посыльных какие-то приказания:

— Башкатов, что у нас есть при штабе сейчас?

— Конвойная полусотня донцов, пехотный взвод караула. Телефонисты, санитарная команда, два десятка сапер из корпусного инженерного батальона. Пока все.

— Пулеметы, что ставили на сошки против аэропланов у штаба?

— Дня. Расчеты их уже снимают и ставят на станки.

— Хорошо. Немедленно вызывай к переправе всю без остатка караульную роту.

— Уже вызвана.

— Срочно вызови сюда из артиллерийской бригады ближайшую к нам батарею. Упряжки гнать к переправе, не жалея.

— Есть.

— А теперь, Башкатов, всех людей, что в штабе есть, под ружье и в общий строй.

— Кто их поведет к переправе, Михаил Гордеевич?

— Сам поведу. Тебе оставаться в штабе за старшего, комдив из Аккерманского полка доскачет не раньше чем через два часа, а то и больше. Сообщи в корпус о ситуации.

— Будет исполнено.

— Всю подмогу, что будет подходить к штабу, сразу же к переправе.

У Дроздовского в ту ночь на начало боя оказалось немногим более сотни самых разных людей. Их не набиралось числом даже на одну роту стрелков. И всего два пулемета Он и повел собранный в штабе «тревожный» отряд к мосту через речушку.

Когда его люди прибыли к месту переправы через Меречанку, перестрелка там уже стихла По дороге встретили нескольких пехотинцев, отходивших от реки, злых, расстрелявших все патроны, многие — наспех перевязанные. Дроздовский остановил их:

— Где ваш прапорщик?

— Там остался, господин подполковник. Убитый он.

— Немцы? Какие они?

— Уже на этом берегу. Не удержались мы. Одна пехота с пулеметами. Без кавалерии. Пушек не видно.

Дроздовский понял, что бой за переправу вел авангардный отряд силой вряд ли больше пехотного батальона Если его не сбить на тот берег Меречанки и дать ему закрепиться у моста, тогда речная переправа будет потеряна Начальник штаба с ходу повел свой отряд в штыковую атаку: караульных солдат, спешенных казаков, саперов, связистов. То есть всех тех, кто в эту ночь оказался при штабе и имел винтовку.

Германцы, а это оказались егеря, уже окапывались у моста Тем же занимались и их пулеметные расчеты. В ночной мгле они, ускоренно работая лопатками, не сразу заметили цепь атакующих без привычного «ура!» русских стрелков. Первые выстрелы раздались только тогда, когда в придорожных кустах началась рукопашная схватка.

Егеря, лишившись поддержки своих пулеметов, не выдержав удара в штыки и в темноте не ведая, в каких силах их так яростно атакует противник, в беспорядке отошли через мост на противоположный речной берег. Завязалась жаркая перестрелка, проку от которой было мало. Дроздовский теперь мог вздохнуть свободно: мост удалось отбить. Но где-то рядом, на позициях 60-й пехотной дивизии, разворачивался нешуточный огневой бой.

Завязалась артиллерийская дуэль. Немецкие пушки били у переправы с перелетом. Снаряды рвались за спиной, где-то у штаба дивизии, расположенного в брошенном курляндском хуторе. Один из офицеров, стоявший в наспех отрытом окопчике за песчаным бугром, сказал, обращаясь к Дроздовскому:

— Берегут мостик-то для себя, по всему видно, Михаил Гордеевич.

— Берегут, это точно. Только они его от нас в подарок не получат, тем более сегодня. И завтра тоже…

Когда с того берега раздался первый пушечный залп, стало ясно, что к переправе по лесной дороге стали подходить главные силы вражеского авангарда Прискакавший из дивизионного штаба посыльный донес:

— Штабс-капитан Башкатов велел передать, что Аккерманский и Николаевский полки ведут бой. Германцы идут на прорыв.

— Где комдив?

— Пока у аккерманцев, там атаку уже отбили.

— Батальон перекопцев вызван?

— Сюда идет спешно. Обогнал по дороге. С пехотой батарея.

— Молодец. Скачи назад, скажи Башкатову, что я остаюсь у переправы. Ему доносить мне обо всем.

Дивизионные телефонисты протянули к переправе из штаба провод, который уже успел разок перебить снарядный осколок. Дроздовский по аппарату связался с корпусным штабом, доложил об обстановке. Корпусной оперативник ответил откуда-то издали:

— Михаил Гордеевич, удержи переправу любой ценой хотя бы на сутки. Германцы атакуют по корпусной линии. 61-я дивизия уже подалась назад, чтобы не попасть в мешок. Из армии предупредили, чтобы готовились перейти на новую позицию.

— Приказано отступать?

— Такого приказа пока не пришло. Но ждем по ситуации. Твою 64-ю подкрепить нечем, почти все резервы посланы в 61-ю.

— Вас понял…

Дроздовский видел, что речную переправу с подходом пушечной батареи он удержит точно. Но в ней терялся смысл, если немцы начнут прогибать фланги дивизионной позиции или где-то рядом прорвут фронт корпуса. Он вызвал старшего саперной команды. Тот представился:

— Прапорщик Максимов, господин подполковник.

— Как по имени-отчеству?

— Сергей Петрович.

— Досрочного выпуска?

— Да, из киевского инженерного. Этого года.

— В таком бою впервые?

— Да, первый. До этого с командой устраивали дивизионный лазарет, лес рубили на блиндажи.

— Тогда слушай меня внимательно, Сергей Петрович. Мост на Меречанке видишь?

— Вижу.

— Тебе надо со своими молодцами подготовить его к подрыву как можно поближе к тому берегу, пока совсем не рассвело. Понял?

— Понял, господин подполковник. А с этой частью переправы что делать?

— Ее придется сжечь, когда приказ на то из корпуса будет. Тебе это исполнять, Максимов.

— Понял задачу.

— Скажи своим солдатам, что, если германцам мост не достанется, всем ходить с Георгиевскими крестами и медалями. А тебя, обещаю, представят к ордену. С мечами. Все ясно.

— Приказ понял…

Сводный отряд Дроздовского держал речную переправу ровно столько, сколько затребовали из корпусного штаба. За это время успел отразить несколько сильных атак из-за реки. То есть пять дней и пять ночей. Когда германцы поняли, что захваченный мост им вернуть не удастся, они оставили атакующие усилия. Теперь через Меречанку велась только ружейная стрельба. Время от времени прицельно звучали короткие пулеметные очереди.

Переправа через реку Меречанку была оставлена после того, когда силой подрывного заряда разметало настил в середине моста, а также в щепы разнесло несколько опорных столбов. И сразу же ветер стал раздувать пламя подожженной мостовой переправы у берега, где залег в окопчиках батальон пехотинцев 253-го Перекопского полка. Свои тяжести они уже отправили в тыл, изготовившись отходить сами.

Дивизионный начальник штаба подполковник Дроздовский покинул свой командный пункт у переправы только тогда, когда понял, что пламя мост не пощадит. Не забыл сказать прапорщику Максимову:

— Передай своим молодцам мою благодарность. Подрыв устроили что надо. Быть им с наградами. А на тебя на этих днях напишу представление к Святой Анне. С мечами и бантом…

Самого Михаила Гордеевича за бой по удержанию переправы на реке Меречанке представили к почетному Георгиевскому оружию. Наградной приказ, который уходил «на самый верх», был подписан в ходе тех суматошных событий лишь 2 ноября. В нем говорилось следующее: «Подполковник Дроздовский… награжден

Георгиевским оружием за то, что, принимая непосредственное участие в бою 20 августа 1915 г. у м[естечка] Ораны, произвел под действительным артиллерийским и ружейным огнем рекогносцировку переправы через реку Меречанку, руководя форсированием ее, а затем, оценив важность захвата северной окраины м[естечка] Ораны, лично руководил атакой частями (253-го пехотного) Перекопского полка и умелым выбором позиций способствовал действиям нашей пехоты, отбившей в течение пяти дней настойчивые атаки превосходящих сил противника».

…Георгиевское оружие — саблю с надписью «За храбрость» — подполковник Генерального штаба Михаил Гордеевич Дроздовский, исполняющий делами начальника штаба 64-й пехотной дивизии, получил… в июне 1916 года. Высочайший приказ Верховным главнокомандующим России императором Николаем II был подписан 24 мая того года. В штаб армии известие о награждении пришло сперва телеграфной строкой, а потом с фельдъегерем была доставлена и долгожданная машинописная выписка из высочайшего приказа.

Для фронтовой суеты и штабной неразберихи (выше дивизионных штабов) столь быстро дошедший до армейского штаба приказ вызвал некоторое удивление среди сослуживцев Дроздовского. Кто-то даже пошутил на сей счет за офицерским столом во время скромного фронтового обеда, немногим отличавшегося от солдатского, окопного:

— Везет тебе, Гордеевич, с Золотым оружием. На других приказы по полгода ходят от фронта до Могилевской ставки. И обратно тож. А ты у нас как птица удачи.

— Чем же я напоминаю птицу удачи, скажи на милость?

— Как чем? Представили тебя к Георгиевскому оружию когда?

— Весной, как снег сошел.

— То-то же, что в самом конце распутицы. А государь на тебя указ подписал уже 24 мая.

— Но так и должно быть.

— Должно-то должно, да только на фронте, знаешь, сколько офицеров жизнь свою положили, так и не дождавшись Георгиевских крестов и сабель? Знаешь?

— Да как такое не знать. Сколько случаев наградной несправедливости на фронте, слов нет.

— Помнишь полковника Дросси?

— Как не помнить Петра Ивановича из 31-й артиллерийской бригады. Он же погиб геройски в декабре четырнадцатого. Пристрелялись тогда с той стороны к его позиции, не успел ее

сменить.

— Да, в декабре первой кампании. А высочайший приказ о награждении его Георгием четвертой степени был подписан в январе следующего года, а на Георгиевское оружие — аж в марте.

— Помню такое.

— А тебе Георгиевская сабля принеслась как на крыльях. Верно?

— Пусть будет так. Что ж, если исходить из таких случаев, то мне действительно повезло в скорости.

— А чего слова у тебя такие озабоченные, Михаил Гордеевич?

— Да от того, что награду ждать неизвестно сколько придется.

— Но эта проблема сегодня решаема. Скоро и в единый раз.

— Как так?

— На днях по случаю узнал от армейских штабистов, что в армию пришел из уральского Златоуста груз наградных клинков.

— Георгиевских?

— А каких же? Офицеры маршевых рот на фронт со своими саблями приходят. Довооружать их не приходится, сам знаешь.

— Значит, буду готовиться стол накрывать. Приглашаю всех, господа.

— Это уж как положено, Михаил Гордеевич. Все должно быть как на фронте, как у нас и австрийцев.

— Да, как у них. Что-то сегодня их батареи примолкли на весь день. Поручик Свешников, прозвоните в полки. Пусть разведку с наступлением вышлют за передний край.

— Есть, господин подполковник, разведать умыслы австрийцев…

Сослуживцы Дроздовского оказались правы в знании «наградных грузов», пришедших в штаб армии. Георгиевская сабля была ему вручена уже через несколько дней. Большого торжества из награды делать не стали: на той стороне австрийцы, потеснив соседей 64-й пехотной дивизии из числа румынских войск, теперь готовились атаковать и ее полки.

Да и чествование за офицерским столом Михаила Гордеевича прошло как-то обыденно. Дивизионный штаб жил в ожидании неприятельского частного наступления, поэтому было не до звона эмалированных кружек и снеди из числа той, «что бог послал».

Но то, что исполняющий делами начальника штаба «поменял» оружие, заметили в тот день даже нижние чины из штабных команд. Между собой солдаты, естественно, проговорили такое не самое рядовое событие в обычно серой фронтовой жизни:

— Наш начальник штаба саблей обзавелся новой. Видал?

— Как не видал. Георгиевской?

— Слышь, за что он ее получил? Слыхал?

— Говорили про то, как он к нам в штаб пришел. Несколько атак австрийцев его стрелки отбили. Дело до штыков доходило. А он среди нашего брата солдата в окопах бился.

— Значит, за дело наградили. А с виду он не очень строг-то. Да еще в очках. Пенсне не носит, как те прапорщики, что вчера из пополнения по полкам он распределял.

— Пенсне для бахвальства, а очки, чтоб врага лучше видеть.

— Чтоб на ту сторону смотреть из окопов, он с биноклем не расстается. Разве не видел, ходит по штабу как на смотрах?

— Видал. Наш фельдфебель говорит, что таким пехотный офицер и должен быть. Подтянутым Даже на фронте.

— Здесь воевать надо, а не чистить сапоги до блеска по утрам. И не ходить парадным шагом.

— А он и ходит, и Георгиевскую саблю на себя повесил.

— Ну и что из этого?

— А то, что второй год на фронте, а на штабных солдатах у нас Георгиевских медалей раз-два и обчелся.

— Погоди, наступление начнется, тогда и обзаведемся Егорьевскими крестами…

…Звание полковника Генерального штаба Дроздовский получил в тридцать четыре года, 15 августа 1916 года, со старшинством с 6 декабря 1915 года. Такое для него было возможно только в условиях войны.

В это время русская армия вела тяжелые бои в Карпатских горах, стремясь перешагнуть их и выйти на Венгерскую равнину. 64-я пехотная дивизия не выходила из боев, будучи в первом эшелоне наступающих войск. Начальнику ее штаба постоянно приходилось быть на передовой, координировать действия полков, настаивать, корректировать на местности атакующие усилия дивизии. То есть это была его боевая работа.

Горная война — это борьба за высоты и перевалы. Тот, кто занимает позицию выше, и есть хозяин положения. Австрийцы и венгры защищали Карпатский рубеж с большой стойкостью, зная, что выход русских в Закарпатье равнозначен военному поражению их империи. Господствующие высоты были превращены ими в настоящие горные крепости.

64-я дивизия в своем наступающем движении споткнулась об одну из них. Гора Капуль имела несколько ярусов окопов, пулеметные батареи, ее защитники организовали артиллерийскую поддержку. Дивизия получила приказ взять гору штурмом и продвинуться дальше вперед.

Первые атаки не удались. Тогда 31 августа полковник

Дроздовский лично повел на штурм укреплений Капуля два пехотных полка Однако добежать до линии проволочных заграждений под шквалом пулеметного и ружейного огня ему не удалось.

В самом начале атаки винтовочная пуля поразила область верхней трети правого предплечья с повреждением мышц. Санитары вынесли офицера, потерявшего много крови, с поля боя.

Михаил Гордеевич отказался убыть в тыл, ограничившись только перевязкой раны и оставшись в строю:

— Господин полковник, лазаретная двуколка снаряжена. Пора отъезжать.

— Куда? В госпиталь?

— А куда же, разумеется, в госпиталь. У вас же мышцы предплечья разорваны. Немного левее, и поля прошила бы грудь. И так много крови потеряли.

— Доктор, ранение у меня почти касательное. По себе знаю, что рана не опасна.

— Как не опасна? Вы что же, хотите завтра числиться в санитарных потерях?

— Не волнуйтесь, доктор. Пустяки. С такой же точно перевязкой я продолжил командовать сибирцами перед Мукденом. Обошлось однако.

— Но раз на раз не приходится, господин полковник?

— Однако я себя прекрасно чувствую.

— Вы, Михаил Гордеевич, просто от горячки боя не отошли. Отсюда и храбрость идет, пока не поостыли.

— Уже остыл. Двуколку отправляйте без меня. И так у вас лазарет ранеными из-под Капуля забит…

Но через пять дней ему все же пришлось отправиться на излечение в госпиталь: сквозное пулевое ранение оказалось тяжелым, и ему пришлось сдать дела. Дроздовского, состояние которого резко ухудшилось, «безоговорочно» эвакуировали в тыл. С консилиумом врачей спорить не приходилось.

Вряд ли он мог предположить, что лечение для него затянется более чем на год: с сентября 1915 года и почти до самого конца 1916 года он находился в госпиталях.

С лечением ему в известной степени повезло: лечащие врачи смогли сохранить ему правую руку. Но она, к сожалению, осталась полупарализованной. На медицинской комиссии ее председатель сказал офицеру:

— Должен вас огорчить, Михаил Гордеевич. Заключение комиссии таково, что вам уже не быть в строю, то есть на фронте. Ранение не позволяет вам заниматься боевой работой.

— Но я же офицер Генерального штаба. Чистый оперативник.

— Мы вас прекрасно понимаем. Но вы можете стать преподавателем училища, уездным воинским начальником, комендантом города или железнодорожной станции. Знаете же, сколько школ прапорщиков пооткрывалось.

— Все это не для меня. Ведь идет война, а я со своим Георгиевским оружием буду отсиживаться за несколько сот верст от фронта?

— Вы настаиваете на возвращении на фронт?

— Настаиваю. И самым категорическим образом.

— Однако мнение нашей комиссии единодушно, Михаил Гордеевич. Госпитальные врачи сделали все, что смогли. Они спасли вам руку.

— Я им безмерно благодарен. Покинуть же фронт сочту для себя бесчестием.

— Тогда попробуйте настоять на своем перед начальством выше.

— Попробую. Благодарю за добрый совет…

…Рекомендации врачей на спокойную жизнь в ходе войны Дроздовский, разумеется, принимать и не собирался. Он сумел настоять на своем желании быть в действующей армии и в январе 1917 года вернулся на фронт. Только теперь не на Северо-Западный, а на Румынский. Там как будто для него оказалась вакансия начальника штаба 15-й пехотной дивизии.

Дивизией командовал генерал-лейтенант Петр Николаевич Ломновский. Он тоже был павлоном, окончив училище на десять лет раньше своего нового начальника штаба. Участвовал в Японской войне, состоя в квартирмейстерской службе 1-й Маньчжурской армии. Святого Георгия получил в 1914 году. Дивизией командовал полгода. В Гражданской войне был представителем командования Добровольческой армии в Киеве, при гетмане Украины П. П. Скоропадском. Умер в белой эмиграции, во Франции.

В армии 15-ю дивизию обычно называли Одесской; в этом портовом городе российского Юга до войны находился ее штаб и стояла 2-я бригада: пехотные полки 59-й Люблинский и 60-й Замостский. 57-й Модлинский полк квартировал в Херсоне, а 58-й Прагский — в Николаеве.

Генерал-лейтенант Ломновский при первой встрече с новым начальником дивизионного штаба постарался с теплотой двух людей, на войне бывалых, поговорить с Дроздовским.

— Рад видеть в вас «маньчжурца», Михаил Гордеевич.

— И я рад, Петр Николаевич, вам как начальнику. Ведь мы с вами крещены восточным Мукденом.

— Мукденом? Да, именно восточным. На нашем фронте западного Мукдена, надеюсь, не предвидится. Хотя сложностей в дивизии и на фронте все больше и больше.

— Что так, Петр Николаевич?

— Больших боев пока нет. Но все равно людей теряем, особенно офицеров. А чем пополняемся — одно горе для нас.

— Знакомо уже. Прапорщик ускоренного выпуска не павлон. Не та школа.

— Что прапорщики! Среди них хоть георгиевских кавалеров немало, фронтовиков. А вы посмотрите на нижних чинов. Удручает то, что воевать не торопятся.

— Что делать. Тылы маршевые роты уже почти вычистили…

Прибыв на новое место фронтовой службы, тепло встреченный штабным офицерским коллективом, Михаил Гордеевич сразу, интуитивно ощутил, что в душе русской армии что-то изменилось. Причем изменилось самым серьезным, «противным» образом.

Он не сразу понял простую в то время истину: Его Русская Армия устала воевать. В такое верить он не хотел.

Историк-белоэмигрант Антон Антонович Керсновский в своей замечательной публицистической «Истории Русской армии» своими словами выразил состояние вернувшегося на фронт после длительного излечения генштабиста Дроздовского:

«…В кампанию 1915 года были уничтожены кадры регулярной русской армии — добито все то ценное, что не было перебито на берегах Бауры и Равки. Отныне армия превратилась в ополчение.

Потери этой злополучной кампании можно было пополнить, но их нельзя было заменить».

Иначе говоря, за первые три года войны Российская Императорская армия потеряла в наступательных и оборонительных боях, пленными и умершими в госпиталях, увечными воинами большую часть своего кадрового состава.

Сорокалетний солдат-запасник, давно отвыкший от винтовки, не мог заменить того рядового, который начинал войну в первоочередных дивизиях. Это не касалось только казачьих войск.

На смену кадровым офицерам, в своей массе дворянскому служилому сословию, пришли офицеры военного времени: запасники старших возрастов, выпускники школ прапорщиков, по своей сути, разночинцы, произведенные из георгиевских кавалеров и унтер-офицерского состава.

На начало 1917 года на фронте многие полки имели в своем офицерском составе менее десятой (!) части кадровых офицеров. Для русской армии и фронта это стало подлинной трагедией;

командир нижних чинов изменил свое лицо во всех отношениях: профессиональном, нравственном, в понимании офицерской чести и долга перед Богом, царем и Отечеством.

Полковник-генштабист Дроздовский остро переживал все увиденное после возвращения на фронт. Потом он скажет:

— Два года Великой войны изъяли из сердца армии монархическую идею и верность Российской империи… Голгофа Российской империи началась на фронтах. А ее запевалой стали анархический Кронштадт и Петроградский совет с товарищем из Одессы Троцким… Действующую армию развалил нам не кайзер Вильгельм, а тыловые революционеры…

…Февральская революция свершилась как-то «неожиданно» для сражающегося фронта Она «точно» свершилась в глубоком тылу, поскольку Петроград с его огромным гарнизоном считать прифронтовым городом было нельзя. Первые газетные сообщения о революционном брожении сразили Михаила Гордеевича И было от чего.

В столице первым восстал против самодержавия… его родной лейб-гвардии резервный Волынский полк, развернутый в таковой из запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка, в то время находившегося на фронте. Первой встала под красные знамена его 2-я рота Это случилось сразу после того, как унтер-офицер Т. Е. Кирпичников выстрелом из винтовки убил своего ротного командира, призывавшего солдат сохранять верность присяге государю.

К слову сказать, Кирпичникова в 1919 году поймают на территории, занятой белой Добровольческой армией. По приказу генерал-майора А. П. Кутепова бывший гвардейский унтер-офицер был расстрелян за воинское преступление, совершенное им в 1917 году. То есть за измену присяге и убийство своего ротного.

Однако эпицентром февральских событий все же являлись не солдатские казармы столичного гарнизона, не демонстранты на петроградских улицах, не матросский крепостной Кронштадт, который уже с год признавал власть только своего комитета — Центробалта, который в свою очередь не признавал над собой никакой другой власти, в том числе и Временного правительства, кроме революционной, которая еще только витала в воздухе над Невой. Председатель Центробалта Павел Дыбенко заявлял:

— Нам власть — революция, трудовой народ. А в Зимнем дворце сидят одни буржуи и их прислужники… Пусть сунутся к нам в Кронштадт генералы Керенского. Они сразу узнают, что такое революционная матросская ярость…

Что такое революционная матросская ярость Балтфлота и

прежде всего Кронштадта, страна уже знала не понаслышке. Несколько десятков офицеров и адмиралов, людей, верных долгу и присяге, стали кровавыми жертвами матросских самосудов, то есть революционного произвола.

В воюющей России ясно виделось то, что подкашивало власть более чем 300-летнего дома Романовых. Это были военные неудачи, страшная разруха на железнодорожном транспорте, посмертная «слава» Гришки Распутина И еще — «беззубость» царской власти, которая для монархистов удручающе быстро растеряла верность себе военной силы державы.

И наконец, правление «немецкой» династии в державе, где титульной нацией был русский народ. Французский посол в Петрограде Палеолог подсчитал, что в императоре Николае II была только одна сто двадцать восьмая часть русской крови, которой, к слову говоря, было больше у царствовавшего тогда английского короля Георга, а не у царствующего Николая.

То, что происходило в Северной столице, доходило до фронтов только обрывками телеграфных лент, запоздалыми на несколько дней газетными строчками да лавиной порой самых нелепых, взаимоисключающих слухов. Было ясно только одно: в городе на Неве происходит что-то невероятное и революционное.

Династия Романовых рухнула, как говорится, в одночасье.

Как Февральская революция и низложение царствующего дома воспринимались на фронте, в рядах многомиллионной действующей армии, маленькой частицей которой была 15-я пехотная дивизия? Дроздовский не писал о том в своем «Дневнике».

Его боевой соратник по Белому движению, такой же убежденный монархист штабс-капитан Эраст Гиацинтов, в 1917 году служивший в одной из батарей 3-й Гренадерской артиллерийской бригады, получивший за войну шесть боевых орденов и два досрочных повышения в чине, так описывает в своих мемуарах «Записки белого офицера» события в российской столице:

«Первого марта вечером дошли до нас первые вести о событиях в Петрограде. Впечатление было ошеломляющее. До сих пор верилось в здравый смысл руководителей политической жизни, казалось, что у них хватит все-таки патриотизма для того, чтобы отложить свои партийные счеты до окончания войны.

Однако действительность показала противное. В первый момент на всех нас нашло самое мрачное отчаяние, так как никто не думал, что правительство без всякого сопротивления отдаст власть. Ясно было, что внутренние беспорядки отзовутся гибельно на состоянии фронта, значит, сорвется наступление и

еще затянется война. Никто, конечно, не мог себе представить иного окончания войны, кроме победного.

Через два дня пришел Манифест Государя Императора об отречении от престола и Манифест великого князя Михаила Александровича. Командир батареи, не будучи в силах читать эти манифесты солдатам сам, поручил это сделать мне.

Прочтя оба манифеста перед строем, я от себя добавил, что 304 года тому назад первый Царь из дома Романовых спас Россию и теперь ее спасет его потомок, тоже Михаил. Никаких сомнений в том, что Михаил Александрович будет просить Учредительное собрание отдать власть в его руки, у меня не было.

Не только мы, но и солдаты наши в то время не могли себе представить Россию республикой. Солдаты молча выслушали оба манифеста. Никто из них никаких восторгов не выражал…»

Потом Дроздовский скажет, что на отречение императора Николая II в той ситуации он смотрел как на что-то неизбежное, а на государственный переворот в столице — как на что-то естественное. Но эти слова он, монархист, скажет уже после Февраля 17-го года.

А в первых числах марта Михаила Гордеевича сразило содержание николаевского манифеста об отречении от российского престола, «от шапки Мономаха»:

«Ставка.

Начальнику штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни для жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Завещаем брату нашему править делами

государственными в полном единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои ими будут установлены, принеся в том нерушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

НИКОЛАЙ

г. Псков.

2 марта 15 час 5 мин. 1917 г.

Министр императорского двора, генерал-адъютант граф Фредерикс».

Великий князь Михаил Александрович на следующий день отказался от своих прав на всероссийский престол. Так пала монархия Романовых, без пролития крови и державных потрясений.

Командующий белой Добровольческой армией генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин, в те дни командовавший VIII армейским корпусом, вспоминал в своих мемуарах: «Тихое сосредоточенное молчание. Так встречали полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего Императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы…»

Такую же картину наблюдал и полковник Дроздовский в полках своей одесской дивизии. Может быть, именно такое «тихое сосредоточенное молчание» нижних чинов и офицеров утвердило в нем сознание того, что для монархической идеи в России еще не все потеряно.

— Россия со времен Ивана Грозного не жила и не могла жить без царя в голове…

Однако пала династия Романовых только как символ верховной власти. Идея же монархического правления в России искорениться от событий Февраля 1917 года не могла. Убежденных монархистов на русской земле оставалось намного больше, чем долгие годы об этом писалось.

К числу откровенных монархистов относился и Михаил Гордеевич Дроздовский, который своих убеждений не скрывал, хотя их и не афишировал. Более того, он готов был за них сражаться в открытом бою с теми, кто сверг династию Романовых. Но на тот бой полковник-генштабист пойдет после Октября, когда станет ясно, что «его» русская армия и старая Россия разрушаются окончательно. И что самое страшное для него,

разрушаются преднамеренно.

То, что свершилось в февральском Петрограде, для фронта стало неожиданностью. Историк-белоэмигрант А. А. Керсновский писал:

«Армия была ошеломлена внезапно свалившейся на нее революцией. Рушилось все мировоззрение офицера и солдата, опустошалась их душа.

Построенные темными квадратами на мартовском снегу войска угрюмо присягали неизвестному Временному правительству. Странно и дико звучали слова их присяги».

Присяга на верность Временному правительству действительно звучала иначе, чем та, с которой русское воинство на протяжении уже трех веков клялось служить верой и правдой Богу, царю и Отечеству:

«Клянусь честью офицера (солдата или гражданина) и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству как своему Отечеству.

Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Российского Государства.

Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания.

Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно интерес государства и не щадя жизни ради блага Отечества.

Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда это требует мой долг офицера (солдата, гражданина) перед Отечеством.

Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым офицером (солдатом); не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды.

В заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знамением и ниже подписываюсь».

…Временное правительство, утвердившись в Зимнем дворце, стало проводить чистку армии от монархически настроенных генералов и старших офицеров. Чистка затронула прежде всего Русский фронт, действующие войска Сотни людей в офицерских и генеральских погонах были отправлены или в отставку, или им пришлось лишиться своих высоких должностей. В высшем эшелоне военной власти началась кадровая чехарда.

В той ситуации весной 1917 года полковник Дроздовский

проявил немалую дальновидность. Михаил Гордеевич временно не стал открыто высказываться о происходившем, тем более публично заявлять о своих монархических убеждениях. Он сумел создать относительно себя «видимость благонадежности к новой власти», за чем внимательно следили на фронтах и в армиях комиссары Временного правительства.

Это и сыграло немалую роль в его фронтовой карьере. И сбылось то, о чем мечтал, — стать полковым командиром А полк всегда, во всех армиях мировой войны был самостоятельной тактической единицей, что было важно для утверждения любого военного человека с перспективой. Каждый ждал в своей судьбе услышать такие слова: «Вам вверяется полк…»

6 апреля полковник Генерального штаба Дроздовский, отлично зарекомендовавший себя начальником дивизионного штаба, обладатель почетного Георгиевского оружия, назначается командиром 60-го пехотного Замостского полка. С ним Михаил Гордеевич был хорошо знаком по прошедшим боям.

Должность начальника штаба дивизии Дроздовский должен был передать назначенному из Петрограда полковнику Достовалову, тоже генштабисту. Но тот, увлеченный политической деятельностью в столице, к новому месту службы так и не прибыл. В скором будущем Достовалов окажется в Крыму, где будет организовывать «Ополчение» самообороны из офицеров.

Весной 1918 года он прибывает в состав Добровольческой армии и в скором времени назначается начальником штаба 1-го армейского корпуса генерала Кутепова. Там и «познакомится» со своим бывшим по 17-му году сменщиком. Однако тот отнесется к нему с известной прохладцей, не забыв то, что сдавать должность начальника дивизионного штаба ему, по сути дела, было некому.

В белую эмиграцию Достовалов ушел в чине генерал-лейтенанта. Проживал в Афинах. После передачи в советское посольство в Берлине политического памфлета о причинах поражения белых армий получил разрешение вернуться в Отечество. В 1938 году Достовалов был расстрелян как «враг народа». Впрочем, перечень обвинений в приговоре был гораздо более широк.

Поскольку новый начальник штаба в течение двух месяцев так и не прибыл в дивизию, ее начальник генерал-майор фон Тимрот отчислил Достовалова. Временно исполнять обязанности начальника штаба был назначен штабс-капитан Месснер. Он станет бойцом Добровольческой армии, а в 1920 году — начальником штаба Корниловской ударной дивизии.

…Румынский фронт, в отличие, скажем, от Северного и

Западного, разложению подвергся последним, если не считать Кавказского фронта, созданного по решению Временного правительства из Отдельной Кавказской армии генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича. Это объяснялось не только его удаленностью от столицы, но и тем, что на Кавказе русское оружие всю Великую войну блистало своими победами. И тем, что немалую часть его сил составляли казачьи полки и пластунские батальоны прежде всего с Кубани и Терека.

Фронт, где две союзные румынские армии составляли меньшую часть сил, имел в среде командного начальства немало генералов, которые воспротивились разлагающему влиянию знаменитого приказа № 1 Петроградского совета Для этого генералы Щербачев и Крымов изобрели «оригинальную» практику приема пополнения, прибывавшего из тыла.

Маршевые роты имели в своем большинстве вид, который можно было назвать для фронта «разнузданным». Их в своем большинстве сразу же разоружали и лишали «революционных» знамен. Роты расформировывались как боевые единицы, а солдат пополнения распределяли по полкам А в них распыляли по ротам, человек по восемь в каждую.

Полки Румынского фронта пока оставались нераспропагандированными. Заслуженные фронтовики летом 1917 года еще говорили «тыловым агитаторам» из маршевого пополнения:

— Погоди газетки-то читать, гражданин солдат. На пост заступай, коли по очереди пришло…

— Бери свой котелок, из окопа воду черпай. У тебя ведь после дождя болото под ногами появилось. Сапоги промочишь…

— Ты винтовку-то не бросай в окоп, а держи подле себя. А то кровью от австрийца умоешься…

— Кричать о царских генералах брось. Наш ротный первым в атаку ходит, сколько мы его знаем..

— А я, товарищ…

— Что ты? Стань окопником, тогда будешь нам товарищем. Да вшей покорми, как мы кормим..

На фронте, как известно, действительно надо было воевать, а не митинговать. Когда не было боев — нести службу, выполнять различные работы, а не заниматься чтением газет неправительственного толка и обсуждением прочитанного. Иначе говоря, война для людей оставалась прежде всего тяжелой повседневной работой. Один из свидетелей таких событий вспоминал: «В полках с большевиками не церемонились. Находили какое-нибудь обвинение „уголовного характера“ и изымали из обращения…»

Из этого можно судить, что оснований для инкриминирования не относящихся к «политике» правонарушений имелось предостаточно. И потому в начале и середине лета 1917 года командование Румынского фронта достаточно успешно боролось с разложением воинских частей на передовой. Дела же во фронтовом тылу обстояли намного хуже.

Летом здесь еще не было отказов идти в атаку, наступать. Подобные сообщения, которые приходили с «северных» фронтов, оценивались как удручающие. Дроздовский понимал, что волна разложения рано или поздно докатится до Румынского фронта и захлестнет его дивизию и Замостский полк.

Однако «сдавать агитаторам» свой полк без боя Михаил Гордеевич не собирался. С другой стороны, его душу терзали сомнения и не самые радужные мысли. В одном из июньских писем, отправленных им родным, есть такие строки: «…Мне предстоит сомнительная честь вести в атаку наших „свободных граждан“, свободных от чувства долга и доблести…»

Летом на Румынском фронте прошли тяжелые бои. В первых числах июля командир VIII армейского корпуса генерал-лейтенант Петр Николаевич Ломновский прибыл в штаб 15-й пехотной дивизии, приказав собрать на военный совет командиров полков и начальников их штабов:

— Причина, побудившая меня прибыть к вам в дивизию, состоит в том, что 11 июня нашему корпусу назначено наступать под Марештами. На этом настаивают союзники-румыны, особенно генералы Авереску и Кристеско. Ваше мнение, Готтард Готтардович?

Генерал-майор фон Тимрот встал, поправил очки и приглушенно, чтобы слышно было только в кабинете, сказал:

— Дивизия может перейти в наступление. Однако человеческий материал, полученный нами с последними маршевыми ротами, оставляет желать много лучшего.

— Ситуация мне известна. Но генерал Щербачев приказал наступать вместе с румынами. За это высказалась и миссия Антанты при короле Румынии. Игнорировать ее мнение мы не можем.

— Если так, Петр Николаевич, то офицерам дивизии будет приказано настроить людей на бой.

— Упрашивать ваших солдат наступать придется?

— Придется. Но в полках офицер еще остается командиром для нижних чинов. Они поднимут людей в атаку.

— Прекрасно. Это уже деловой подход. Какой полк будет наносить удар на прорыв?

— 60-й пехотный Замостский полковника Дроздовского.

— Одобряю. В дивизионном штабе есть данные о том, кто будет вам противостоять?

— Разведка последних дней уточнила: это 218-я немецкая дивизия из восемнадцатого резервного корпуса генерала Веннингера.

— Сложно будет прорываться через немецкие позиции. Соседям-румынам будет легче, против них стоят австрийцы. Но задача на прорыв у Марештами должна быть выполнена. Это поднимет дух бойцов, покажет их прежнюю силу.

— Позвольте спросить, Петр Николаевич, вы будете командовать корпусом в наступлении?

— Затрудняюсь сказать. Мне предписано принять десятую армию, а корпус передать генералу Елчанинову. Получена телеграмма, что к началу наступления он прибыть не успевает…

…Немецкое и австрийское командование не ожидало наступления противника в карпатских предгорьях и попытки армий короля Фердинанда осуществить прорыв в Валахию. До этого румыны терпели с начала вступления в Великую войну почти одни поражения. Русским войскам приходилось подкреплять и усиливать союзников, и только благодаря их помощи Румынский фронт устоял.

На этот раз король Фердинанд I (полное имя — Фердинанд-Виктор-Альберт-Мейнард-Гогенцоллерн-Зигмаринген), родившийся в Пруссии, женатый на герцогине Марии Кобург-Готской, внучке российского императора Александра II и английской королевы Виктории, верил в успех. Он так и заявил своему помощнику и фактическому главнокомандующему армиями фронта генералу Щербачеву:

— Мы прорвем, генерал, линию обороны Берлина и Вены в моем королевстве. Расчеты моих французских инструкторов верны. К тому же они привели мои армии в должный порядок.

— Ваше величество, на чем строят французы свои расчеты на серьезный успех?

— Прежде всего на том, что моя пехота восстановила свою организованность и силу, а русская артиллерия продолжает оставаться в войне непревзойденной.

— Но этого мало, ваше величество.

— Почему мало, генерал?

— Мне сложно будет подкрепить вашу пехоту своей. Вы же знаете ситуацию в русской армии с революционным духом, который ее обуял.

— Надо объяснить солдатам их долг перед Антантой.

— Это сложно. Солдатские комитеты не хотят больше кровь проливать. Премьер Керенский до сих пор не дал согласия на

начало совместного с вами наступления.

— Тогда я телеграфирую моему послу в Петрограде, чтобы он подключил к этому делу послов Франции и Англии. Не будет же ваш премьер им отказывать?

— Кто знает, ваше величество?

— Тогда я подпишу приказ о наступлении сам. Как главнокомандующий армиями фронта. Тогда выполните вы, генерал, мой приказ? Или будете продолжать советоваться с солдатскими комитетами?

— В таком случае выполню, ваше величество.

— А как же тогда Петроград и Керенский?

— Я поставлю адвоката Керенского Александра Федоровича в известность о наступлении в день его начала. То есть перед фактом…

— Прекрасно! Надо нам учесть, что ваш премьер-социалист метит в Наполеоны. Чего только одна его поза на фотографиях стоит…

День 11 июля начался с яростных атак русской и румынской пехоты. Румынам при поддержке шквального огня русских батарей удалось прорвать позиции противостоявших им австрийцев, которые начали отступать, подавленные неожиданностью атакующего удара.

Успех сопутствовал и русским войскам. 15-я пехотная дивизия генерал-майора фон Тимрота буквально растерзала 218-ю германскую дивизию, которая была опрокинута. Ее линии окопов тоже оказались прорванными атакующими.

Наибольший успех в тот славный для русского оружия день 11 июля 1917 года выпал на долю 60-го пехотного Замостского полка Шутка ли, из одиннадцати взятых в тот день под Марештами вражеских орудий десять оказалось трофеями подчиненных Дроздовского.

Когда об этом успехе было доложено генералу от инфантерии Щербачеву, он приказал генерал-квартирмейстеру штаба генерал-майору Черемисинову:

— Владимир Михайлович, готовьте наградное представление на полковника Дроздовского. Сегодня мне его на подпись.

— На Георгия четвертой степени или на Владимира третьей?

— Разумеется, на Георгия Победоносца Сегодня Замоете кий полк прославил весь наш фронт…

Германцы и австрийцы от удара оправились быстро. XVIII германский резервный корпус генерал-лейтенанта Карла фон Веннигера начал ответное наступление на Аджуд. Берлин и Вена оказались в замешательстве: Румынский фронт пошел в тот день на запад крупными силами.

Вряд ли там могли предположить, что на следующий день после наступления противника они получат решающую помощь из… Петрограда Премьер Керенский предписал Щербачеву прекратить всякие наступательные действия на фронте. Тому пришлось подчиниться указанию из столицы, хотя оно давалось через голову Могилевской Ставки Верховного главнокомандующего.

Однако от этого бои на линии внезапно прекратившегося наступления не прекращались. Германский корпус продолжал контратаки, стремясь взять хотя бы моральный реванш за понесенное поражение под Марештами. Русские полки 27 июля сильной атакой смяли корпус Веннигера и отбросили его на исходные позиции.

Румынский король Фердинанд I попробовал было объясниться со своим помощником Щербачевым:

— Почему вы приказали остановить русские атаки? Почему солдаты полковника Дроздовского, захватив столько пушек, отошли?

— Потому что, ваше королевское величество, на второй день, 12 июля, из Петрограда на фронт пришла телеграмма Керенского с приказом прекратить операцию.

— Как можно прекратить наступление, если оно в первый день имело такой успех?

— А так, войной в России ныне командуют революционные политики, в чем вы уже не раз убеждались вместе с Антантой.

— Но телеграмму можно было бы скрыть хоть на два-три дня?

— Пытались, но не вышло.

— Опять комитеты?

— Да, они. Теперь даже комиссары Временного правительства не контролируют ситуацию на фронте…

Историк-белоэмигрант А. А. Керсновский так описывает те драматические июльские события на Румынском фронте: «…Не подозревавшие выходки Керенского немцы сначала полагали, что отмену русско-румынского наступления следует приписать энергичной артиллерийской контрподготовке их IX армии.

Начальник русской артиллерийской миссии в румынской армии генерал Виноградский в своих воспоминаниях дает яркую картину ошеломляющего действия, произведенного этой предательской телеграммой. Он пишет про Керенского: „Требовать знания военного дела — значило бы требовать слишком многого для этого ничтожества, знавшего только историю своего революционного движения“.

Телеграмма Керенского сразу же через комитетчиков стала

известна войскам. Скрыть ее Щербачев и Головин (новый начальник штаба фронта — А. Ш.) не имели никакой возможности. Уже вечером 12 июля на фронте солдаты сообщили своим ошеломленным офицерам, что завтрашнее наступление отменяется „по приказу самого Керенского“.

Вся самоотверженная работа офицерства рухнула Созданное грандиозной обстановкой трехдневного ураганного огня приподнятое настроение, обещавшее на следующий день перейти в победный порыв, сменилось сразу озлобленным усталым равнодушием Рука, уже заносившая меч над головой врага, вдруг дрогнула, опустилась и выронила оружие.

И канонада на Серете стала прощальным салютом отлетевшей душе некогда славных полков 6-й армии.

Отчаяние румын было велико. Не имея возможности наступать на Серете, король Фердинанд предписал генералу Авереску продолжать наступление на Сушице. В боях 13 и 14 июля румынские войска, широко поддержанные артиллерией нашей 4-й армии, достигли всех намеченных ими целей, успешно завершив сражение под Марештами.

Всего в сражении под Марештами взято 3000 пленных и 43 орудия. Из этого числа 1000 пленных германцев и 11 орудий взято нашей 15-й пехотной дивизией, а остальное — румынами, показавшими свой урон в 7000 человек».

Героями же русской 15-й дивизии оказались бойцы 60-го Замостского полка и их полковой командир полковник Генерального штаба и георгиевский кавалер Михаил Гордеевич Дроздовский.

…Весь июль на Румынском фронте прошел в позиционных боях. В войсках картина становилась все более безотрадной. Он теперь по «нравственному» состоянию войск все больше походил на фронты Северный и Западный, войска которых больше повиновались резолюциям Петроградского совета, чем приказам Ставки Верховного главнокомандующего и директивам Временного правительства.

Жизнь и боевая работа фронтовых войск смотрелась день ото дня все более непредсказуемой. Полковник Дроздовский 31 июля характеризовал действия 60-го Замостского полка лишь как «нечто вроде боя».

Полк терял свою боеспособность прямо на глазах у своего командира 31 августа началось повальное бегство, или, говоря иначе, самовольное оставление передовой позиции, то есть окопов. Ротные офицеры оказались бессильны что-либо сделать против такого «революционного поветрия».

Михаил Гордеевич понял, что надо что-то срочно

предпринять, иначе его полк, только-только ставший героем дела под Марештами, свои окопы отдаст германцам без даже видимой пальбы. Он, решив применить к беглецам в тыл драконовские меры, вызвал командира полковой команды разведчиков подпоручика Павла Дмитриева, самого молодого из своих офицеров:

— Павел, на твоих разведчиков можно сегодня положиться?

— Как на меня, господин полковник.

— Тогда ставлю перед твоей командой задачу. Знаешь, по каким дорожкам бегут из окопов?

— Точно так, знаю.

— Это уже одно хорошо, Дмитриев. Разбей разведчиков на заградительные команды, поставь во главе надежных унтер-офицеров и перекрой эти дорожки все до единой.

— Ясно. А что делать с беглецами? Брать под арест?

— Ни в коем случае, подпоручик. Бить их палками так, чтобы они бежали назад, в брошенные ими окопы.

— А если будут сопротивляться?

— Тогда приказываю стрелять в бегущих для начала над головой, чтоб знали, что с ними не шутят.

— Но если…

— Дмитриев, всю ответственность за любые последствия беру на себя. А ты только исполняешь мой приказ…

На следующий день столкновения на линии фронта 15-й дивизии возобновились. Команда разведчиков 60-го пехотного Замостского полка скрытно расположилась за окопами своих батальонов. Когда из окопов поутру с началом боя появились первые беглецы, их били палками и палили из винтовок над головами. Люди в страхе бежали обратно, понимая одно: заградительные команды с ними шутить не будут в случае сопротивления.

В итоге случилось то, на что так рассчитывал Дроздовский: его испытанная команда разведчиков удержала полк, а полк в тот день удержал свои позиции при атаке германской пехоты.

Против такого метода борьбы с бегством из окопов возмутились солдатские комитеты и комиссар Временного правительства на Румынском фронте. Он так и высказал генералу от инфантерии Щербачеву:

— Это возмутительно! Какой-то полковник Дроздовский вздумал попирать революционную демократию?! Вспомнил царские замашки?!

— Командир 60-го Замостского полка сделал все, чтобы его бойцы отбили немецкую атаку и удержали позицию, гражданин комиссар.

— Но все комитеты и я с ними против палочной дисциплины. Знает ли об этом ваш Дроздовский?

— Думаю, что знает.

— Знал и все же приказал бить палками революционных фронтовиков? Наших солдат?

— Он наказывал не солдат-окопников, а дезертиров с передовой…

Однако к концу лета и такие драконовские меры уже не помогали. Дезертирство стало охватывать даже те дивизии, в которых беглых с фронта солдат пока считали единицами. Тыловые настроения все больше и больше захватывали фронтовые части. Особенно страдали те полки, в которых большинство солдатской массы составляли последние пополнения.

Ставший на короткий срок Верховным главнокомандующим генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, один из популярных людей в действующей армии, попытался было навести порядок на фронте. Так летом 1917 года в российскую историю вошло слово «корниловщина».

Договоренность Корнилова, премьера Керенского и военного министра — бомбиста Бориса Савинкова о создании Отдельной Петроградской армии обернулась для Отечества так называемым Корниловским мятежом. Керенский и Савинков в решительную минуту «изменили» генералу из триумвирата, и тот оказался со своими сподвижниками в Быховской тюрьме.

После «корниловских дней» на действующую армию легла уже больше несмываемая тень. Между офицерством и нижними чинам пролегла пропасть, и навести мосты через нее редко кому удавалось.

Дроздовский, как полковой командир-фронтовик, все это видел и ощущал, как никто другой. В сентябре он писал в рапорте командиру дивизии о сложившейся ситуации:

«За последнюю неделю было несколько случаев единичного неповиновения и попытки к неповиновению массовому; были подстрекательства к неисполнению законных распоряжений.

По этим случаям ведется дознание, виновные будут преданы суду, но обнаружение зачинщиков очень затрудняется укрывательством и сочувствием им солдатской массы.

Привлечение их к суду вызывает среди солдат глухое недовольство; всякое законное требование, стесняющее разнузданность, всякое требование порядка, законности они именуют „старым режимом“.

Развращенные безнаказанностью, отменой чинопочитания, солдаты позволяют себе в разговорах с офицерами наглые

обвинения их в том, что они стоят за войну, так как получают большое жалованье; в солдатской же среде главное настроение — нежелание воевать, непонимание, вернее, нежелание понимать необходимость продолжать войну».

Такие обвинения для фронтовых офицеров, в своей массе бескорыстных патриотов России (больше старой и меньше новой), были оскорбительны. Михаил Гордеевич переживал такое откровенно обостренно. Уж кто-кто, а он Отечеству служил, как и его отец, не за жалованье. К слову, которое в русской армии никогда не виделось большим.

Личная переписка Дроздовского — лишь подтверждение переживаний тех лет. Писал он родным о переживаемом исключительно искренне: «Оборвалось и рухнуло все, чему я верил, о чем мечтал, для чего жил, все без остатка, — в душе пусто. Только из чувства личной гордости, только потому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней своей головы, только поэтому остаюсь я на своем посту и останусь на нем до последнего часа».

Июньские бои, представление «за отличия» к ордену Святого Георгия сделали имя Дроздовского широко известным не только в своей армии, но и в других армиях Румынского фронта. В том числе и среди союзников-румын, представителей стран Антанты (особенно французов) при короле Фердинанде I. Последний скажет свое слово, когда полковник-генштабист под Яссами, ставшими временной королевской столицей (Бухарест был в руках австрийцев), начнет собирать вокруг себя белых добровольцев.

Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия полковник Генерального штаба Дроздовский, как и Золотое оружие, получил без особых, то есть «привычных», фронтовых задержек. Приказ о том по 4-й армии Румынского фронта состоялся 26 ноября 1917 года за подписью командующего армией генерала от инфантерии Л. Ф. Рогозы.

Это случилось уже после того, как в Петрограде состоялся октябрьский государственный переворот. Поэтому награждение не успело отразиться в приказе по Армии и Флоту Верховного главнокомандующего России. О том, как подействовал на новоиспеченного георгиевского кавалера сам факт награждения, Михаил Гордеевич высказывался так:

— Пришла выписка из приказа по армии, меня поздравляют с Георгием, а у меня от этого нисколько легче на душе не стало. Это был единственный орден России, к которому я никогда не был равнодушен. Стать кавалером Святого Георгия для меня означало одно — продолжать служение рухнувшей Российской

империи…

Награждение как бы повисло в воздухе: оно состоялось тогда, когда декретом Совета Народных Комиссаров (Совнаркома) отменялись все старые титулы, звания, ордена и прочие отличия, в том числе и воинские. Человек был пожалован орденом, а носить награду на службе он уже не мог. Таким образом Советская власть отменила то, что лежало в основе любой военной организации.

Дроздовский, после некоторых раздумий, нашел компромиссное лично для себя решение. Он начал на иностранный манер носить в петлице френча хорошо приметную Георгиевскую ленточку: ее оранжево-черные полоски были хорошо знакомы любому воину старой русской армии. И в каких-либо комментариях она с эпохи Екатерины Великой не нуждалась.

Офицер еще с кадетской скамьи знал Статут Военного Святого Великомученика и Победоносца Георгия, учрежденный императрицей Екатериной II 26 ноября 1769 года, скорее всего, почти наизусть. Особенно помнились такие слова Статута: «…Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают права быть пожалованным сим орденом, но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличали еще себя особливым каким мужественным поступком или подавали мудрые и для Нашей воинской службы полезные советы».

И еще запечатлелась в памяти такая красная строка Георгиевского статута: «Сей орден никогда не снимать, ибо заслугами оный приобретается».

Еще такой малоизвестный факт. Вскоре состоялось представление полковника Дроздовского, как командира пехотного полка, к ордену Святого Георгия более высокой, третьей степени. Награда давалась за те же июньские бои, но теперь не за атакующий порыв, а за оборонительные бои и поражение германцев перед фронтом 60-го пехотного Замостского полка.

Но фронтовое командование рассудило иначе, чем армейская Георгиевская дума. Императорский орден офицер из столицы уже получить не мог. Поэтому наградить его решили повышением в должности. Он назначается командиром 14-й пехотной дивизии.

Поздней осенью 1917 года для Михаила Гордеевича стало определенно ясно, что долг честного русского офицера состоит в борьбе против разрушения «его Армии» и государства Российского. То есть «его» Отечества.

…Поздно вечером на стол командира Замостского полка

легла телефонограмма, полученная из штаба дивизии. За подписью начальника дивизии в ней предписывалось полковнику Дроздовскому сдать без задержек дела начальнику полкового штаба и такого-то числа убыть в недалекий город Яссы, в штаб фронта.

Михаил Гордеевич спустился в землянку, где размещалась телефонная команда полка, несколько солдат из призыва третьей очереди. Командовал ими вчерашний недоучившийся студент из Киева унтер-офицер Богдан Нестеровский, член полкового комитета, заявлявший ранее о себе, что он социалист-максималист, но на последнем армейском съезде уполномоченных солдатских комитетов ставший сторонником украинской Рады, то есть самостийником.

Разговор Дроздовского со старшим телефонной команды при штабе полка начался «далеко» от уставных отношений начальника и подчиненного ему унтер-офицера.

— Нестеровский, почему нет дежурного у телефонного аппарата?

— Гражданин полковник, его нет в этот час на месте потому, что так решил полковой комитет.

— Что это за решение комитета, о котором не знает командир полка?

— А то, что с получением свежих социалистических газет, голоса нашего пробудившегося радянского народа, солдат должен с ними познакомиться в первую очередь. Особенно с «Солдатской правдой».

— Вы что-то не то говорите, гражданин унтер-офицер. Для чтения газет есть личное время. А служба остается службой. В конце концов, есть воинская присяга.

— Революция смела Романовых. Временное правительство для нас временное. И присяга ему, гражданин полковник, есть временная.

— Хорошо, Нестеровский, митинг в землянке устраивать не будем.

— И не надо. Комитет Замостского полка не потерпит контрреволюционной диктатуры офицерства.

— А воинский долг у солдата — замостца есть перед Отечеством?

— Есть. Но только перед революционным Отечеством, а не перед романовской империей. От нее в феврале, как вы знаете, гражданин полковник, остались только воспоминания.

Дроздовский в который уже раз стал всматриваться в своего оппонента, одного из главных «крикунов» комитета родного ему 60-го Замостского полка. Подумалось: «Ударят австрийцы, ведь

первым побежит в тыл или, что еще хуже, начнет агитироваться сдаваться в плен».

Полковой командир посмотрел на солдат-телефонистов, с явной неохотой, подчеркнуто медленно вставших со скамей при его появлении в землянке. Они молчали, прислушиваясь к разговору офицера с Нестеровским. Полковник не стал продолжать давно опостылевшие ему дебаты с членами полкового комитета. Спросил телефонистов:

— Кто дежурит у аппарата?

— Я, — ответил один из тех, кого визит командира полка оторвал от чтения «Солдатской правды».

— Тогда займите свой пост и соедините меня с командиром дивизии.

Тут сразу же вмешался унтер-офицер Нестеровский:

— Я, как товарищ председателя полкового солдатского комитета, не потерплю ваших закулисных переговоров с генералом Тимротом, да еще бароном!

— Гражданин унтер-офицер! Где написано, что вам позволено вмешиваться в распоряжения командира полка по службе телефонной команды?

— Если надо, то такое решение комитет примет хоть сегодня!

— Такого решения, Нестеровский, еще нет. И надеюсь, комитет его не примет. Окопы австрийцев меньше чем в полверсты от нашей передовой, а у аппарата никого дежурного нет.

— Ну и что, что нет!

— А то, что если сейчас австрийцы пойдут в атаку без предупреждения нашего полкового комитета, то мы не сможем вызвать батарейную поддержку. Вам это ясно или нет?

— Мы с австрийцами братаемся…

— Что, брататься с теми, кто неделю назад отправил в братскую могилу едва ли не сотню наших замостцев?!

После таких гневных слов Дроздовского унтер-офицер счел за лучшее, не испрашивая на то разрешения, покинуть землянку. Но сделал он это молча, с лицом «полным возмущения». Михаилу Гордеевичу захотелось сделать зарвавшемуся «крикуну» положенное замечание, но его сдержали слова солдата-телефониста:

— Гражданин полковник, кого спрашивать в штабе дивизии?

— Начальника дивизии генерал-майора Тимрота.

— Сейчас будет на проводе.

…Соединиться с дивизионным штабом удалось не сразу. Где-то в тылу во время последнего огневого боя с австрийцами был перебит снарядным осколком телефонный провод. Обрывки его

соединили почему-то наспех, и теперь порой аппарат больше хрипел, чем говорил приглушенным человеческим голосом.

Наконец, откуда-то издалека в трубке раздался знакомый голос начальника 15-й пехотной дивизии генерал-майора фон Тимрота:

— У аппарата Тимрот.

— Готтард Готтардович, полковник Дроздовский по поводу вашей телефонограммы.

— Вас понял, Михаил Гордеевич. Поздравляю сразу. Главнокомандующий фронтом принял решение назначить вас начальником 14-й пехотной дивизии, нашего соседа слева.

— Вместо генерала Адрианова? Ведь он только назначен в сентябре? Всего два месяца назад?

— Увы, но оно так. У Павла Марковича не сложились отношения с комитетом, и он подал Щербачеву прошение об отставке.

— Готтард Готтардович, а почему именно меня? Ведь я полком командую всего полгода. Есть и поопытнее полковые.

— Ну что вы, мой дорогой Михаил Гордеевич, полгода во главе полка на фронте — немалый срок. А самое главное — в 60-м Замостском полку порядка больше, чем в другом полку нашей дивизии. Щербачев об этом хорошо знает, да и о вас наслышан по последним боям.

— Но вы же знаете, Готтард Готтардович, положение в моем полку?

— Знаю. Но сейчас разговор не об этом. Вам, Михаил Гордеевич, телеграммой из штаба фронта предписано прибыть в Яссы для беседы. Я вам дал самую добрую характеристику. Желаю удачи.

— Благодарю, господин генерал…

Сдав полковые дела начальнику штаба, полковник Дроздовский отбыл с передовой в штаб Румынского фронта, который со всеми своими тылами, складами, службами и госпиталями размещался в городе Яссы, некогда бывшей столице одного из Дунайских княжеств — Молдовы (или Молдавии). Этот город в российской истории был известен тем, что в нем не один год держал свою штаб-квартиру екатерининский фаворит генерал-фельдмаршал и светлейший князь ГЛ. Потемкин-Таврический.

Лучшие ясские дома, каменные, с обязательными балкончиками южного города, однако, занимал не фронтовой штаб. Кусочек земли вдоль реки Прут все еще оставался свободным владением румынского короля Фердинанда I. Он, на правах монарха и номинального главнокомандующего армиями

Румынского фронта, занял под свой королевский двор все лучшие здания в центре этого провинциального городка. Так Яссы на время превратились в прифронтовую столицу Румынского королевства.

В штабе фронта Дроздовского сперва принял его начальник, недавно назначенный на этот пост генерал-лейтенант Георгий Николаевич Вирановский. Дроздовский был наслышан о нем как о боевом начальнике 12-й пехотной дивизии, которая в мае 1916 года отличилась в ходе наступления у деревни Черный Поток, за что Вирановский был награжден вторым орденом Святого Георгия — 3-й степени.

Начальником штаба фронта опальный после февраля 17-го генерал, командующий 2-м Гвардейским корпусом, стал благодаря Корниловскому мятежу. Тогда Временное правительство и его премьер Александр Керенский под давлением Петроградского совета и его председателя Льва Троцкого (Бронштейна) провели основательную чистку фронтового генералитета. Вирановский принял дела у генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина, сторонника идей Корнилова, одного из самых известных военных теоретиков старой русской армии.

Вирановский, блестящий генштабист, принял полкового командира, будучи предупрежден о его прибытии заранее, по-фронтовому просто:

— Заходите, Михаил Гордеевич. Как добрались до Ясс?

— Без осложнений, господин генерал. Ни австрийцы, ни комитет помехами не стали.

— Ну и прекрасно. Как дела в Замостском полку?

— Позицию держит. Как вы знаете, австрийцы в последней разведке боем на полковом участке успеха не имели.

— Да, было у вас такое дело. Теперь на фронте затишье. Вчерашние противники начали то там, то здесь брататься. Как у вас?

— Я своих солдат предупредил, что сам лягу за «максим», если кто потащится к австрийцам за их водкой и колбасой.

— Подействовало?

— Еще как! В последнем бою показал своим бойцам, как могу владеть пулеметом.

— Что комитет ответил на ваше предупреждение любителям угощения за чужой счет?

— Назвали корниловцем.

— Что ж, могло быть и хуже. О причине вызова в штаб фронта знаете?

— Точно так. Из разговора с начальником дивизии генерал-

майором фон Тимротом.

— Тогда, Михаил Гордеевич, я проясню вам ситуацию с назначением. Комитетчики «съели» Павла Марковича Адрианова, начальника соседней с вами 14-й дивизии. Выбор пал на вас.

— Почему, позвольте спросить, господин генерал.

— Скрывать не буду. Наш Щербачев Дмитрий Григорьевич, как помощник главнокомандующего короля Фердинанда, считает вас примерным полковым командиром. Равно как и я. За вами фронтовой опыт, Академия Генштаба, Вам надо расти на войне. Отсюда и предложение на новую должность. Генеральскую, что ни говори.

— Благодарю за признание.

— Но это еще не все, Михаил Гордеевич. У Щербачева есть к вам личное предложение. Оно касается положения дел на фронте. Вы же видите, как Русский фронт разваливается, а наша армия теряет свою боеспособность?

— Как не видеть, когда тому пример мой 60-й Замостский полк.

— Что ваш полк! Он еще дерется на передовой. В 14-й дивизии, которая вам предлагается, дела с дисциплиной и боевым настроем пехотинцев гораздо хуже.

— Хуже?

— Несомненно. Такое впечатление, что солдатские комитеты с людьми совладать уже не в силах. Уже не газеты читают на митингах, а пьют в ротах открыто. А что бывает после — вам рассказывать не стоит. От военных контрразведчиков донесения идут такие пухлые, как дешевые романы о войне.

— Дисциплину можно укрепить, господин генерал.

— Михаил Гордеевич, скажи на милость, как?

— Ударничеством, сколачиванием частей добровольцев.

— Ударники Лавра Георгиевича Корнилова фронты стабилизировать не смогли. Это, надо признать, уже состоявшийся факт. Даже хуже получилось — из неустойчивых полков в батальоны ударников ушел самый стойкий солдатский элемент.

— А добровольчество? Ведь русская армия всегда была сильна духом волонтеров, бойцов-охотников.

— Здесь я с вами согласен, Михаил Гордеевич. О добровольчестве сегодня на нашем фронте с вами и хочет поговорить Щербачев…

С генералом от инфантерии Дмитрием Григорьевичем Щербачевым полковник-генштабист знаком лично не был. Хотя ему не раз приходилось наблюдать этого боевого генерала во фронтовой обстановке, всегда чем-то озабоченного,

требовательного к командирам, заботливого о солдатском быте в окопной жизни.

Щербачев окончил Орловскую Бахтина военную гимназию и престижное Михайловское артиллерийское училище. Служил сперва в армейской конной артиллерии, затем в гвардейской конно-артиллерийской бригаде. В 1884 году по первому разряду окончил Николаевскую академию Генерального штаба. После этого командовал ротой и батальоном лейб-гвардии Егерского полка, потом служил в штабе войск Гвардии.

Перспективный офицер рос быстро. В сорок один год был уже начальником штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. Затем три года стажировался в командовании 145-м пехотным Новочеркасским полком, после чего его вернули в войска Гвардии, вверив ему гвардейцев-павловцев одного из старейших полков русской армии.

В стенах «своей» академии Дроздовский увидел и услышал первый раз Щербачева. Тот, в звании всего лишь генерал-майора, но уже зачисленного в Свиту Его Императорского Величества, с должности начальника 1-й Финляндской дивизии сразу шагнул в кабинет начальника Императорской Военной академии.

Дело обстояло так. Во время так называемого в российской истории Кровавого воскресенья 9 января 1905 года в столице командир лейб-гвардии Павловского полка Щербачев непосредственно командовал войсками на Дворцовой площади, укрощая демонстрацию петербургских обывателей, которых сюда привел поп Гапон.

Он же «отличился» и при подавлении беспорядков в морской крепости Кронштадт, которые грозили вырасти в открытый матросский бунт со всеми его стихийными последствиями. Затем последовало наведение порядка в «возмутившемся» было лейб-гвардии Саперном батальоне.

Те «мятежнические» события как-то не забывались в стенах Академии Генерального штаба ни среди ее слушателей, ни среди преподавательского состава. Среди тех и других традиционно было немало офицеров императорской, во всем привилегированной гвардии. Дроздовскому тогда запомнился такой разговор в кругу его однокашников.

— Пришел приказ по армии за подписью военного министра Опять о шатании в войсках.

— Где?

— В кронштадтском крепостном батальоне. И среди мастеровых команд крепости.

— Но там же трех лет не прошло, как Щербачев со своими павловцами порядок навел. Всех пропагандистов-социалистов

тогда взяли под арест. Военно-полевой суд их делом занимался.

— Тогда в Кронштадте одно его имя после Дворцовой площади страх наводило. Флотские адмиралы его примеру почему-то не следуют.

— Как им Щербачеву следовать, если на императорском флоте дисциплина все падает. Один черноморский «Потемкин» и этот лейтенант Шмидт чего стоят.

— Стоят не стоят, но присягу исполнять обязаны все, на ком погоны носятся. Об этом и судить-рядить не следует.

— Это рассуждаем мы, офицеры с будущим генштабистов. Рядовой армейский ротный смотрит на жизнь и своих солдатушек порой иначе.

— Как иначе? Они для нас и мы для них — все равны. Присягу одну на верность государю, Отечеству и Богу давали.

— Это понимает юнкер и армейский ротный, а вчерашний новобранец из бунтующей против помещика деревни в присяге видит не всё. Вспоминай, сколько поп Гапон людей вывел в пятом году на площадь перед Зимним дворцом. Тысячи.

— Однако образумить их хватило одного ружейного залпа, не так ли?

— Лейб — павловцам Щербачева тогда помогли залпом из пушек. После того и начали строить у фабрик баррикады.

— Ему приказали стрелять в толпу?

— Разные о том мнения. Но в любом случае наш начальник академии принял волевое решение. Бунт надо искоренять в его начале, а не тогда, когда вся столица могла захлебнуться в уличных толпах.

— Но не армия должна воевать с забастовщиками и с попом Гапоном, невесть кто он был тогда Как ты думаешь, Дроздовский?

— Армия должна воевать с внешним врагом. Но им может стать для нас и враг внутренний. Тогда нам не придется выбирать, по какую сторону встать, набирая в обойму не холостые патроны.

— Это ты о Щербачеве говоришь.

— О нем, Дмитрии Григорьевиче. Повиновались же ему павловцы на Дворцовой площади. Он им тогда только о присяге и напомнил. Других уговоров не вел с солдатами…

Дроздовский о твердости Щербачева был самого высокого мнения. Не каждому генералу в революционном 1905 году суждено было избежать колебаний в принятии волевых решений. Иначе Российская империя захлебнулась бы в анархии. Он помнил, что в тот год представляли собой железнодорожные станции, когда из Маньчжурии по Транссибирской «железке» двинулись в европейские губернии эшелоны с

демобилизованными солдатами трех маньчжурских армий.

Щербачева фронтовое офицерство относило к числу одаренных военачальников. Вступив в Великую войну во главе 9-го армейского корпуса, сразу же отличился в Галицийской битве. Его дивизии тогда славно провели бои на реках Золотая и Гнилая Липа Корпусные полки вступили во Львов под мелодии полковых оркестров. Своего первого Святого Георгия 4-й степени генерал-лейтенант получил за Львов и Раву-Русскую.

Затем во главе сводного отряда из шести с половиной дивизий осаждал австрийскую крепость Перемышль. Хотя и провел неудачный ее штурм, все же в декабре 1914 года удостоился производства в генералы от инфантерии. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич-младший тогда сказал о Щербачеве:

— Перемышль мы все равно у австрийцев возьмем. А Дмитрию Григорьевичу с его академическими знаниями в стратегии и армией командовать, и, возможно, фронтом покомандовать придется…

Словно ответом на эти слова хозяина Ставки из Царского Села поступила телеграмма за подписью государя императора:

«…Считаю предложение о создании на Юго-Западном фронте новой 11-й армии взамен расформированной старой с таким же номером целесообразным.

…Считаю нужным утвердить ее командующим генерала Щербачева Он зарекомендовал себя достойным начальником».

Новой русской армии отвели участок фронта, против которого разворачивалась Южная германская армия генерал-полковника Александра фон Линзигена. Тогда после продавливания неприятелем Русского фронта у Горлицы дивизиям Щербачева пришлось отступить. Но уже вскоре в ходе ожесточенных боев у Журавина 11-я армия захватила до восемнадцати тысяч пленных германцев, не считая богатых трофеев пушками, пулеметами и прочим.

Это было в мае 1915 года В августе армия Щербачева в ходе отступления успешно контратаковала германцев у Сбаража, взяв три тысячи пленных, тридцать орудий и двадцать три пулемета Затем немецкая Южная армия потерпела новое поражение на реке Стрыапа, которое длилось пять дней.

Тогда в штабе 27-го армейского корпуса, в котором служил Дроздовский, читали в газетах победные фронтовые сводки, в которых звучало имя генерала от инфантерии Щербачева: «11-я армия завершила победой сражение на реке Стрыапа против германской армии генерала фон Линзигена Взято около 36 тысяч пленных и 34 орудия…»

«Армия генерала Щербачева вышла победительницей в боях под Островой и Драгановкой. Командующий армией доносит, что пленено около 36 тысяч германцев, австрийцев и венгров. Нашими трофеями стали 36 орудий и 149 пулеметов, много разного военного имущества…»

«Высочайшим указом императора Николая II генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев благодарственно награжден за совершенные подвиги орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени…»

Столичные газеты (больше всего читали «Русский инвалид») печатали фотографии героев тех боев — генералов, офицеров, нижних чинов из числа георгиевских кавалеров. Щербачев с двумя Георгиевскими орденскими крестами на газетных полосах был хорошо узнаваем.

Казалось, что к нему пришла общероссийская известность. Еще бы, две неполные военные кампании и два Георгия на генеральском мундире. Но Дроздовский знал о Щербачеве и другое. В маршевых ротах, которые прибывали на фронт из столичного военного округа, порой вполголоса новобранцами из числа мобилизованных фабричных говорилось:

— Этот тот, что приказывал на Дворцовой площади по людям и иконам из ружей стрелять?

— Он самый. Второго генерала с такой щербатой фамилией вроде нет.

— Царь-то его в наградах не обходит. Два креста ему уже дал. «Инвалид» о нем только и пишет.

— Даст и больше. Сколько крестов после того воскресенья за Нарвской заставой у нас в един день появилось, ему и не счесть.

— Ему-то что, в штыки за Егориями на германца не он ходит. Не его, значит, генеральское ето дело.

— Ясно дело, мы, питерцы солдатушки, ходим и жизнь свою здесь кладем.

— Тише говорите, а то ротный прапорщик, а что еще хуже — сам фельдфебель услышит. Вот уж он служака так служака, не хуже тех дворцовых павловцев будет…

Дроздовский, как и его товарищи по офицерской семье, восприняли не без восторга новое высокое назначение генерала от инфантерии Щербачева, хотя дело попахивало военной авантюрой, да еще в условиях большой войны, которой ни конца ни края не было видно. В конце 1915 года Ставка Верховного главнокомандующего приняла решение оказать помощь союзной Сербии, армия которой под натиском превосходящих сил австрийцев с германцами, болгар стала терпеть поражения. В районе Одессы началось формирование новой 7-й армии,

командующим которой и был назначен Щербачев, немало потрепавший за войну германских генералов.

В состав новой армии первоначально вошли 2,16 и 5-й Кавказский армейские корпуса. 7-ю армию предстояло двинуть на выручку Сербии через территорию нейтральной Румынии. Однако официальный Бухарест в такой просьбе, которая грозила королевству немалыми военными бедами, Санкт-Петербургу и русской Ставке в Могилеве отказал.

Когда пришло о том сообщение, Дроздовский не сдержал своего искреннего возмущения:

— Похоже, румыны забыли, что это Россия дала им независимость и право на королевскую корону.

— Что верно, то верно, Михаил Гордеевич. Король Фердинанд, наследовавший трон своего дяди Каролю I, не зря получил у себя дома прозвище Лояльный.

— Но ему пора позабыть о своем родстве с прусским двором. Ведь он же женат на герцогине Марии Кобург-Готской. А она внучка нашего императора Александра II.

— Ну и что из этого, Дроздовский. Воевать Румынии против нас или быть на нашей стороне, решат политики, а не генералы.

— Но не пропустить нашу армию в Сербию?! Это уж слишком! Разве в Бухаресте забыли, что сербы с ними и с нами в семьдесят восьмом году над турками верх взяли.

— Не нам об этом думать, господа, за кого король Фердинанд воевать будет завтра.

— Думаю, что на стороне Антанты он будет довольно скоро.

— Откуда такая уверенность, Михаил Гордеевич?

— Да все от того, что болгары не забыли, как румыны у них после Второй Балканской войны большую часть Добруджи забрали.

— Верно. Такое на Балканах ни сегодня, ни вчера не забывается. Особенно если учесть, что тогда Румыния своему соседу через Дунай в спину ударила.

— С румынами все ясно. Но интересно, куда же поведет Щербачев свою одесскую армию? Куда ему император прикажет?

Действительно, после отказа Бухареста, довольно-таки неожиданного, Верховное главное командование стало искать новое применение 7-й армии с ее боевым командующим. Тогда и обрел вполне реальную форму план проведения армейской десантной операции на болгарском черноморском побережье с последующим походом на Стамбул, который писался в европейских публикациях как Константинополь. А в российской прессе Стамбул еще нередко именовался Царьградом.

Такой план для фронтового офицерства секретом за семью

замками не был. Равно как и для встревожившегося неприятеля. Мнение было достаточно единодушное.

— Русичи уже единожды прибивали княжеский щит на воротах Царьграда. Можно и повторить такое.

— Что там древность. Генерал-фельдмаршал Иван Иванович Дибич-Забалканский в 1829 году под самым Константинополем кавалерийские дозоры расставлял.

— Верно. Белый генерал Скобелев в 1878 году то же самое османам продемонстрировал.

— Будет щербачевский десант, тогда и Турция из войны выйдет. Кайзер с Веной, с болгарами ей не помогут…

Дроздовский не скрывал своего огорчения от того, что Щербачев крайне резко высказывался тогда против такой десантной операции, хотя русский Черноморский флот и держал верх на море. Он не верил в успех такого достаточно авантюрного плана. И сумел перед государем настоять на своей правоте.

7-я армия в бездействии простояла два месяца в Бессарабии, уткнувшись в румынскую границу и берег Черного моря. Сослуживцы Дроздовского и он сам тогда почти все были такого мнения:

— Надо рискнуть, как Щербачев сделал на Золотой и Гнилой Липе, а потом Львов взял галицийский.

— Быть дважды кавалером Георгия и не рискнуть.

— Ведь не было еще такого десанта в нашей войне, на Западном фронте ему места нет.

— Вспомнить только Суворова с его «Наукой побеждать» — он же сам нас в академии тому учил, поручиков да штабс-капитанов.

— Геройское будет дело, братцы, вне всякого сомнения, подлинно геройское.

— Вот бы нам пойти царьградским десантом…

Генерал от инфантерии Щербачев суворовскую «Науку побеждать» знал наизусть еще кадетом. Но рисковать армией он не хотел, опасаясь многого в той «рассекреченной» в высоких штабах операции. Потом еще долго будут спорить в офицерских землянках, прав или не прав был в ноябре 1915 года командующий 7-й армией, так и не ставшей ни особой экспедиционной, ни десантной.

Армия Щербачева, пожалованного в 1915 году в генерал-адъютанты, с юга Бессарабии ушла на брусиловский Юго-Западный фронт. В последующем она не раз участвовала здесь в тяжелых боях, то сама наступала, то под натиском неприятеля отступала. Впрочем, ее командующий на фоне других выглядел совсем неплохо. И даже предпочтительнее многих.

После Февральской революции и отречения императора Николая II от престола Щербачева ожидало немалое повышение по службе. Он сменил неблагонадежного для Временного правительства генерала Сахарова на посту помощника Августейшего Главнокомандующего армиями Румынского фронта короля Фердинанда. То есть того фронта, на котором сражалась дивизия, в которой служил полковник Генерального штаба Дроздовский.

Щербачев (что не являлось ни для кого секретом) фактически командовал этим фронтом, держа фронтовой штаб в Яссах. Это была словно дань памяти светлейшему князю в фельдмаршальском чине Григорию Потемкину, всесильному екатерининскому фавориту. Он тоже почти всю войну 1787–1791 годов с Турцией держал свой штаб в этом городе Молдовы на берегах реки Прут.

К такому фактическому главнокомандующему союзным Румынским фронтом и был вызван полковник Дроздовский. Его вызвали для того, чтобы он принял командование 14-й пехотной дивизией. Но это, как сразу оказалось, был просто предлог, чтобы полковой начальник своевременно оказался во фронтовом штабе.

То есть приказ о новом назначении можно было считать маленькой военной хитростью. Иначе полковник-генштабист мог не пройти согласований о своем убытии в Яссы с полковым комитетом И мог оказаться под арестом с сорванными с плеч погонами и насильно отобранным Георгиевским оружием — саблей с надписью золотой чеканкой «За храбрость». И эта сабля могла украсить кого-то из тех, кто своим красноречием на митингах прибрал к себе власть в 60-м пехотном Замостском полку, историей которого его бойцы могли гордиться.

Русский фронт митинговал, солдатские комитеты отбирали остатки реальной власти у командиров рот и полков, а во фронтовом штабе все подписывали и подписывали приказы о новых назначениях и награждениях. Михаил Гордеевич в те дни не раз спрашивал самого себя и окружавших его офицеров:

— А этим ли сейчас надо заниматься вышестоящим штабам? Ведь не фронт отступает, а русская армия рушится…

Генерал от инфантерии принял уже бывшего командира 60-го пехотного Замостского полка более чем доверительно. Дроздовский с первых минут понял, что речь пойдет о чем-то более важном, чем сказал ему начальник фронтового штаба генерал-лейтенант Вирановский.

Михаил Гордеевич понял с начала разговора и то, что Щербачев достаточно хорошо информирован о нем как полковом командире. И как о человеке с корниловскими взглядами на все,

что происходило и на Русском фронте, и в России-матушке, и в столице, известия о событиях в которой кружили голову и русской армии, и ее глубоким тылам. Старший начальник для начала пригласил полковника сесть с ним рядом за стол:

— Прошу вас, господин полковник.

— Благодарю, господин генерал.

— Ваши политические убеждения, господин полковник?

— Я, господин генерал, убежденный монархист.

— Тогда давайте, Михаил Гордеевич, сегодня без уставного чинопочитания. Я для вас сейчас просто Дмитрий Григорьевич. А дело, о котором пойдет у нас с вами речь, наше общее, отечественное.

— Благодарю за такое ваше доверие, Дмитрий Григорьевич.

— Да что там мое. Вы такое доверие заслужили честью русского офицера в поступках на фронте, Святым Георгием и Георгиевским оружием. Ладно, ближе к делу. Вам известен приказ о новом назначении?

— Точно так. Полк я сдал. Дивизию готов принять хоть сегодня, как прикажете.

— Думаю, Михаил Гордеевич, что 14-ю дивизию, несмотря на подписанный о том приказ, вам принимать не придется. Ни сегодня, ни завтра.

— Почему так, Дмитрий Григорьевич?

— Видите ли, мне лучше вас по известной причине известно, что Русский фронт разваливается прямо на глазах. Многие полки и дивизии распропагандированы большевиками, социалистами-революционерами, а у нас еще и украинскими самостийниками до такой степени, что уже не являются боевыми единицами.

— Позвольте возразить вам, Дмитрий Григорьевич…

— Возражайте, полковник. Я готов вас выслушать. Но только не пространную речь агитатора Временного правительства или Петроградского совета.

— Есть же части, которые верны приказу и присяге?

— Есть, но их страшно мало. Они наш фронт в случае наступления австрийцев и германцев здесь не удержат. А боеспособность румынских войск вам известна.

— А как же тогда другие фронты, Дмитрий Григорьевич?

— Увы, там дела с дисциплиной и воинским порядком обстоят еще хуже. Лучше всего дела на Кавказском фронте. Там Николай Николаевич Юденич порядок держал в своих руках крепко, пока его этот адвокат социалистического толка Керенский с фронта не отозвал.

— Там дела, на мой взгляд, лучше, потому что там казачьих фронтовых войск больше.

— Согласен с вами, Михаил Гордеевич. Штабной кавказский Карс с Тифлисом к тому же более далеки от красного Петрограда.

— Вас не беспокоит этот Чрезвычайный фронт армий Румынского фронта, что прошел в Романе?

— По правде говоря, сегодня он нам не опасен.

— Почему, Дмитрий Григорьевич? Это же совет.

— Да, совет, но какой по составу. В Романе совещалось сто восемьдесят делегатов. Из них сто восемь — эсеры всех толков: левые и правые, максималисты и интернационалисты. Социал-демократов всего шестьдесят пять человек: сорок меньшевиков и всего двадцать пять большевиков. Это на сегодня.

— А завтра?

— А завтра большевиков в так называемом военно-революционном совете Румынского фронта будет больше. Как и националистов из Киевской Украинской рады господ Грушевского и Винниченко. Вот тогда наш фронт действительно начнет неминуемо гибнуть.

— Но если фронт разваливается так неминуемо, то, значит, Россию с ее армией ждет военное поражение.

— Вполне реально, полковник. Ведь вам же не зря в Николаевской академии читали лекции по стратегии. Но фронт можно сдержать, Михаил Гордеевич. Знаете чем?

— Знаю, Дмитрий Григорьевич. Сегодня добровольчеством, завтра тем, что одумавшийся русский солдат вернется в опостылевшие ему окопы под полковое знамя.

— И я в это верю, Михаил Гордеевич. Мне передавали ваши мысли о создании добровольческих отрядов. Я их сегодня, заметьте — не вчера, разделяю полностью.

— Добровольчество обязательно спасет русскую армию от развала, а Россию — от позора.

— Как вы мыслите добровольческие части?

— Я считаю, что их основой должны стать фронтовые офицеры, которые или сами покинули свои части ввиду их разложения, или были изгнаны комитетчиками из полков и батарей.

— Согласен. Ясская комендатура сообщает мне, что таких офицеров в городе на учет поставлено уже не одна сотня.

— Но одного офицерского элемента, Михаил Гордеевич, мало. Очень недостаточно для наведения порядка на фронте.

— Но это не офицеры тыла, а фронтовые бойцы. Кадры нашей армии.

— Смею заметить, что кадровое офицерство Российской Императорской армии войной, к сожалению, было выбито в полках еще к концу шестнадцатого года, полковник.

— Но офицеры, прошедшие школы прапорщиков, не все подверглись разложению, смею заметить.

— Такое относится только к молодому офицерству, Михаил Гордеевич. Они в большинстве видят себя в войне патриотами России, горят отличиться в боях. А другая их часть сегодня заседает в комитетах.

— Мне это знакомо, Дмитрий Григорьевич. Я готов собрать под добровольческие знамена боевое фронтовое офицерство.

— Тогда перейдем к делу. Я решил создать на фронте несколько добровольческих отрядов из офицерской молодежи. Туда войдут добровольцами сознательные нижние чины, юнкера А потом все эти отряды свести в полноценный добровольческий корпус, с кавалерией и артиллерией.

— Надо записывать в добровольцы всех, кто пожелает, кто умеет держать в руках винтовку. Привлечь казаков.

— С казаками вопрос, к сожалению, открыт. Полки донского казачества сегодня в своем большинстве к событиям нейтральны. Хотя дисциплина и порядок у казаков, как и прежде, высоки.

— Дай бог, Дмитрий Григорьевич. Казачество скоро поймет, что от происходящих событий им в стороне не устоять. Тогда и Дон свою силу покажет.

— Это будет не сегодня, Михаил Гордеевич. А пока нам с вами фронт удержать надо, чтобы он в бездну прокламаций не провалился.

— Тогда позвольте, господин генерал, приступить к делу?

— Начинайте, господин полковник. Завтра утром прошу представить мне ваш конкретный план создания добровольческого отряда здесь, в Яссах.

— Будет исполнено…

То, что в эту памятную для себя ночь Дроздовский не сомкнул глаз, говорить не приходится. Слишком много было им видено и пережито в осенние дни 1917 года, когда на его глазах рушилось все то, что было для него святым с детства.

Он вспоминал то, как полки отказывались выполнять приказы о переходе в наступление. Видел командиров, у которых опускались руки. Не мог пройти мимо картин вопиющей для идущей войны анархии в тылах и на железных дорогах. Ему слышался голос полкового священника его 60-го пехотного Замостского полка, которого уже почти никто не слушал. Вспоминал лица солдат, которые спешили на нейтральную полосу брататься с врагом, которых он возвращал обратно в окопы пулеметными очередями выше голов. Читал в донесениях из штаба армии о солдатских самосудах над требовательными командирами, которые помнили о своем долге.

Все это были жуткие для офицера-фронтовика картины, ставшие обыденными во многих полках. Ситуация была лучше только там, где сохранялись еще в немалом числе солдаты-старослужащие, где существовала спайка и единение среди офицеров. Там отобрать у них личное оружие было для солдатских комитетов, скажем прямо, делом не простым.

Полковник Дроздовский, который уже дважды мог быть кавалером Святого Георгия, перед тем как изложить план создания добровольческого отряда на бумагу, спросил самого себя:

— Что есть воинский долг, мой долг русского офицера перед Отечеством?

И сам же без раздумий ответил себе:

— Служение России и династии престолонаследников Романовых. Россия была и должна остаться великой империей Европы и Азии…

На следующий день во фронтовом штабе у Щербачева состоялась новая встреча, которая больше напоминала деловой разговор двух единомышленников, теперь уже всецело доверявших друг другу в общем деле. Оно тогда еще не носило название Белого дела, поскольку пока больше всего разговоров велось о «красном Петрограде».

Оба собеседника являлись с училищной скамьи монархистами по убеждению. И относились к числу тех монархистов из числа людей военных, которые понимали, что удержать старую императорскую Россию на исторической сцене можно только силой оружия. Ни тому ни другому строить иллюзий не приходилось, поскольку драматические для Отечества события развивались у них на глазах.

Щербачев, кратко поприветствовав номинального командующего 14-й пехотной дивизии, без вступлений приступил к делу:

— Михаил Гордеевич, я решил создать из верных долгу частей и отдельных военнослужащих добровольческий корпус. Ваше мнение, полковник?

— Я только за, Дмитрий Григорьевич. Готов вступить в него хоть сейчас на любую должность, даже рядового стрелка.

— Весьма похвально для павлона и полковника Генштаба.

— Другим быть сегодня не имею права, господин генерал. Позвольте спросить вас о главном?

— Спрашивайте.

— Для какой цели вами задуман фронтовой добровольческий корпус? Ведь он же не удержит фронт силой в несколько полнокровных армий, наших и румынских?

— Разумеется, не удержит. Даже если и ляжет костьми весь без остатка в боях.

— Тогда куда вы поведете целый корпус? На казачий Дон, Одессу, Киев? Или на соединение с теми, кому не равнодушна судьба России?

— Думаю, что будет так, Михаил Гордеевич. Антанта не допустит, чтобы король Фердинанд по западную сторону Прута оставил последний кусок земли своего королевства. Германия и ее союзники, особенно Австро-Венгрия, воюют уже из последних сил. Русский фронт на пороге краха Последнюю точку в его развале поставил Петроградский совет с его председателем Бронштейном-Троцким Вы это осознали? Или еще нет?

— Осознаю, Дмитрий Григорьевич. Но верить, скажу честно, могу только разумом, но не сердцем.

— Сегодня, дорогой Михаил Гордеевич, это проза революционного разлива Нам уже не удержать от развала русскую армию. Наша задача сохранить ее боевое ядро, наше офицерство.

— Так говорил Верховный главнокомандующий генерал от инфантерии Алексеев.

— Да, именно он, Михаил Васильевич. Вы имеете сведения о том, что он создал подпольную Алексеевскую организацию, которая отправляет добровольцев из столиц, с фронтов, из тыловых гарнизонов на Тихий Дон?

— Знаю. Значит, наш добровольческий корпус тоже пойдет на Дон, на соединение с идущими туда алексеевцами?

— Только туда, на тихий сегодня Дон. Там боевой атаман Каледин, мой фронтовой товарищ. Дай бог, чтобы нам все это удалось.

— Позвольте спросить, Дмитрий Григорьевич, каким вы видите фронтовой добровольческий корпус?

— Называться он будет пока условно корпусом русских добровольцев. Бригад из двух, а то и трех. Во главе полков — только боевые командиры, такие как вы, Дроздовский. Вам быть бригадным начальником, хотя вы и в чине полковника.

— Благодарю за честь, господин генерал.

— Формироваться корпус будет через сеть вербовочных бюро. Оружие, боеприпасы, снаряжение, денежное жалованье сегодня может быть получено за счет фронта. Как будет завтра, скажу честно, не знаю.

— Какая бригада будет моей?

— Первая. Та, которая будет создаваться здесь, в Яссах. У вас есть на начало работы надежные люди?

— Конечно, есть, Дмитрий Григорьевич. Офицеры моего

Замостского полка, фронтовики испытанные.

— Хорошо, свяжитесь с ними и вызовите их в Яссы. Моим приказом начальника штаба Румфронта вы получите соответствующие полномочия и документы.

— Особые условия работы, извольте спросить?

— О конечных целях создания вашей бригады добровольцев должны знать только самые близкие вам люди из числа офицеров. Для всех остальных должно быть известно, что бригада формируется как ударная часть нашего фронта И все.

— Будет исполнено.

— Михаил Гордеевич, на сегодняшнее утро у нас с вами все. Но вечером я вас приглашаю сюда же, на совещание офицеров Генерального штаба, которые находятся здесь, в Яссах.

— Позвольте узнать цель совещания?

— Конечно, знать надо ее вам заранее. Мы обсудим вопрос восстановления и спасения гибнущей России.

— России императорской?

— Разумеется, Михаил Гордеевич. Не нам с вами менять от политических потрясений жизненные идеалы…

Совещание в штабе Румынского фронта в один из последних ноябрьских дней 1917 года проходило в самом узком кругу генералов и офицеров, причисленных к корпусу офицеров Генерального штаба То есть выпускников Николаевской академии Генштаба разных лет. Если Щербачев носил погоны полного генерала, то есть генерала от инфантерии, то самый младший по чину Федоров — только капитанские погоны. Хотя фронтовиком он был уже достаточно бывалым.

Обсуждалось все: и власть Советов в Петрограде, и то, что Россия неизбежно выходила из мировой войны, предавая свое союзничество по Антанте, положение дел на Румынском фронте, пока еще не распавшемся, хотя и распропагандированном, массовое дезертирство под видом оставления воинских частей «по надобности», положение офицерства, сотнями изгоняемого или уходящего из полков.

По всему было видно, что сам Щербачев сильно колебался в определении мер в вопросе «восстановления и спасения гибнущей России». Такие же колебания проявляли и почти все другие генштабисты в генеральских чинах, участники тайного совещания. Их, убеленных сединами генералов со стажем государевой службы в не один десяток лет, можно было понять.

Одно дело — отдать приказ пойти в бой на фронте, когда перед тобой враг явный, враг твоего Отечества. Здесь было ясно каждому и всем: за тобой Россия-матушка.

Другое дело — отдать такой же приказ на российской земле,

выступить с оружием против своих же сограждан, пусть и обезумевших от революционных страстей. Как, скажем, можно было поднять руку на своего же солдата-фронтовика? Не дезертира или мародера, а на того вчерашнего мужика-крестьянина, опьяневшего от митинговых речей? Где здесь та же Россия-матушка?

Говорили много о фронтовом добровольчестве, о Белых отрядах, которые создавал опальный Верховный главнокомандующий генерал Алексеев. Но арена его деятельности была пока в столицах — и в городе на берегах Невы, и в Первопрестольной. До Румынского фронта Алексеевская военная организация пока не дошла в своих вербовочных делах.

Там все было ясно: в столицах большие гарнизоны с тысячами офицеров, включая тех, кто находился на выздоровлении в госпиталях и отпусках. Там были юнкерские училища, а это не одна тысяча молодых бойцов. Чего, к примеру, стоили московские Александровское и Алексеевское военные училища Или петроградские артиллерийские Михайловское и Константиновское, то же Павловское училища А там были еще десяток школ прапорщиков и кадетских корпусов с их старшими классами.

Участники, говоря о том, напоминали о своих собственных, реальных силах. Все было в Одессе: две школы прапорщиков, военное и Сергиевское артиллерийское училища. Последнее готовило офицеров-артиллеристов для тяжелой артиллерии крупных калибров и едва успело за войну сделать несколько ускоренных выпусков.

Про Одессу, что находилась в ближнем фронтовом тылу, один из участников совещания сказал с нескрываемой иронией:

— Она уже помогла России купеческим сыном Бронштейном-Троцким. Такой золотой подарок отправить бы кайзеру…

Щербачев урезонил сказавшего:

— Нам сейчас не до председательствующего в Петрограде. В Одессе надо собрать в добровольцы юнкеров. Там и много офицеров осело, ушедших с нашего фронта по известной вам причине.

Трудно сказать, к чему пришло бы то узкое по составу совещание фронтовых генштабистов, если бы ведущий, он же хозяин кабинета, не дал слово полковнику Дроздовскому, до поры до времени молчаливо (и угрюмо) слушавшему жаркие слова людей старше его чином и годами. Щербачев, по всей видимости, приберег его выступление на самое главное:

— Господа, думается, что известный вам Дроздовский выскажется о целях добровольческого корпуса Представлять

Михаила Гордеевича вам не надо. Это командир боевого 60-го Замостского полка.

— Знаем полковника..

— Тогда вам слово, Михаил Гордеевич.

Дроздовский встал, поправил Георгиевскую саблю у ремня, обежал собравшихся быстрыми глазами и начал говорить, тщательно выбирая слова На таком представительном, пусть и тайном совещании он был впервые. Говорить же ему пришлось то, что ранее выступавшие старались с болью для себя избежать.

— На мой взгляд, господа, для спасения России нам надо одновременно и без промедления начать два дела. Во-первых, приступить к формированию добровольческого корпуса, вернее, его первых отрядов. Потом они превратятся в полки. Во-вторых, с анархией и большевиками надо бороться с оружием в руках немедленно, пока советы не утвердились здесь, на нашем фронте, в Бессарабии, в той же Одессе.

— Вы предлагаете, Дроздовский, начать вооруженную борьбу открыто? Сейчас?

— Да, именно так. Отечество наше в смертельной опасности. И каждый день промедления играет на руку только тем, кто совершили переворот, взяв силой Зимний дворец.

— Но для этого у нас нет реальных сил на фронте.

— Силы, люди воинского долга и чести, есть. Их только надо собрать воедино.

— Но генерал Корнилов Лавр Георгиевич, как вам хорошо известно, это уже попытался сделать не столь давно. И что у него из этого вышло?

— Рядом с генералом Корниловым были предатели — Керенский и его военный министр Борис Савинков, родом из террористов. Они в самый последний момент отступились от него. Испугались Петросовета и матросского Кронштадта.

— Но каждым из нас дана присяга на верность царю, Богу и Отечеству. Мы же не можем пойти против народа?

— Бог у нас, господа, в сердце. Отечество и монархию, которой больше трех веков, надо спасать. Но прежде всего надо спасать нашу русскую армию, пока не поздно. И сделать все это, на мой взгляд, можно только силой оружия.

— Значит, вы стоите за немедленную гражданскую войну, Дроздовский?

— Ничего не имею против, если наша борьба пройдет под ее знаменами. Если война будет для державы очистительной.

— А как же избранное народом Учредительное собрание? Наш российский парламент?

— Большевики со своими союзниками если не сегодня, то

завтра разгонят его самым малым воинским отрядом.

— Не посмеют.

— Еще как посмеют, господа Винтовку, загнав патрон в патронник, первыми в руки взяли не мы, а они. Ленин с Троцким пошли на государственный переворот ради власти, а мы встать на защиту законности не решаемся.

— Вы же знаете, Дроздовский, что власть все больше забирают в свои руки разные советы. Пример — солдатские комитеты нашего фронта.

— Полковые и прочие комитеты взяли власть в тылах и окопах по той причине, что им в этом никто не противостоял. На митингах голосовали за социалистов, а не за Романовых.

— Не надо было в армии доводить дело до митингов. В феврале об этом забыли. А сегодня единственное лекарство против анархии — винтовка Она же поможет нам напомнить народу и армии о силе власти.

— Михаил Гордеевич, но это же полное безумие пойти в гражданскую войну.

— Почему пойти? Разве вы не видите, что она уже идет?..

На том совещании фронтовых генштабистов обсуждение вопроса о восстановлении и спасении гибнущей России даже после горячей полемики к единому решению не привело. Да иначе тогда и быть не могло. Полковник Дроздовский со своей позицией «конченого» монархиста, как тогда говорили — еще и максималиста, оказался в удручающем Михаила Гордеевича меньшинстве. Последним его доводом в разгоревшемся негромком споре стали такие слова:

— Мы же с вами офицеры Генерального штаба, элита русской армии, которую теряем сегодня прямо на глазах…

Его поддержали только самые молодые участники того разговора за закрытыми дверями кабинета генерала от инфантерии Щербачева Поддержали, вероятно, по той причине, что в силу своих лет острее всего воспринимали происходящее вокруг них. И не желали оказаться во всем этом сторонними наблюдателями, беспристрастно созерцая образ новой России, гибнущей и терявшей свою армию.

Потом про таких офицеров, ставших для истории белыми, напишут, что ими руководили классовые интересы. 06 этом можно вести долгие дискуссии. Но тогда ими двигала судьба русской армии, которая во все времена являлась гарантом Российской государственности. И сами они были людьми уходящего в прошлое государственного уклада России, чего не хотели ни понимать, ни принимать как должное.

И у той белой офицерской молодежи была еще черта,

которую зачеркнуть просто невозможно в отечественной истории. В своей массе добровольческое офицерство было фронтовиками. Дроздовский стал выразителем их жизненной позиции, человеком долга и чести. По-другому единомышленники и современники его не воспринимали.

Сторонников немедленной вооруженной борьбы против крушителей старой власти оказалось среди собравшихся генштабистов вместе с Михаилом Гордеевичем всего четверо. Это были полковники Войналович и Давыдов, капитан Федоров.

Дроздовский после этого совещания понял многое в той атмосфере непростой жизни прифронтовых Ясс и штаба Рум-фронта Последующие частые встречи с Щербачевым убедили его в сильных колебаниях генерала от инфантерии в осознании «исцеляющей силы» белого добровольчества Более того, после совещания генштабистов Дмитрий Григорьевич разуверился в задуманном предприятии:

— Так можно только ускорить развал фронта на правых и неправых, отчего дезертиров будет только больше.

— Однако меры для спасения фронта нужны хирургические.

— Хирургические? Румыны стали опасаться наших развалившихся полков больше, чем австрийцев и болгар…

Тому было чисто человеческое оправдание: Щербачев, не в пример, скажем, Корнилову и Алексееву, Деникину и Кутепову, знамя Белого движения поднять не мог. Он не годился в лидеры ни под одну из сторон баррикад вызревшей гражданской войны в раздвоившейся России. В этом старого генерала могли упрекнуть только горячие головы в среде монархистов и других приверженцев российской державности.

Щербачев отличался известной непоследовательностью в решениях и даже «командной мнительностью». Был известен такой факт. В первых числах ноября 1917 года генерал Н. Н. Духонин из могилевской Ставки обратился за советом к Щербачеву, фактически командующему войсками Румынского фронта. Обратился как к «старшему главнокомандующему и человеку, которому искренне предан»:

«Дмитрий Григорьевич!

Власть продолжает быть захваченной большевиками…

Послать в Петроград достаточные силы, чтобы сокрушить их, представляется задачею, трудно достижимою…

Вполне прочных властей, на которых можно вполне положиться, трудно найти…

Большевистская волна захлестнула Северный и Западный фронты…»

Духонин просил совета у гораздо более опытного большого

генерала в том, как удержать Русский фронт в повиновении и не «найти для себя прочную власть». Щербачев не смог отправить в Могилев более или менее вразумительный ответ, которого там от него очень ждали. То есть Щербачев не мог быть идеологом Белого дела. А полковник Генерального штаба Михаил Дроздовский готов был стать таковым.

Можно утверждать, что при первом знакомстве с генералом от инфантерии Щербачевым полковник Дроздовский был уверен в силе его воли. И тому были все основания, достаточно веские, связанные с уже далекими по времени событиями революционного 1905 года.

Эта страница из биографии Щербачева хорошо изложена в воспоминаниях белоэмигранта генерала А. С. Лукомского «Очерки из моей жизни». Лукомский был одно время начальником штаба Добровольческой армии, а в конце Гражданской войны — председателем Особого совещания, то есть главой деникинского правительства. Полковник Дроздовский познакомился с монархистом Лукомским, когда его бригада пробилась на Кубань.

Лукомский в своих мемуарах, долгое время пылившихся в Русском (или Пражском) заграничном историческом архиве белоэмиграции в Праге, так писал о личности генерала Д. Г. Щербачева:

«Восстание в Кронштадте внесло панику в петербургские верхи. Подавлено оно было и быстро ликвидировано Н. И. Ивановым (он был комендантом крупнейшей морской крепости Российской империи. — А. Ш.) и генералом Щербачевым…

Решительные действия Щербачева, по существу человека далеко не талантливого, способствовали и его выдвижению сначала на пост начальника Академии Генерального штаба, а затем способствовали его дальнейшей блестящей строевой карьере…»

В тех кронштадтских событиях, в подавлении революционного «возмущения» балтийских матросов, деятельно участвовал «особый гвардейский отряд», которым командовал генерал Щербачев. Отряд состоял из двух батальонов лейб-гвардии Преображенского полка, двух батальонов лейб-гвардии Павловского полка и батареи лейб-гвардии артиллерийского дивизиона.

Монархиста Дроздовского подкупала в личности Щербачева и другая страница его генеральской биографии. Тот, будучи командиром лейб-гвардии Павловского полка, 9 января 1905 года, в день Кровавого воскресенья, командовал верными

монархии войсками на Дворцовой площади. Тогда в его сводный отряд входили павловцы и преображенцы, эскадроны гвардейских Кавалергардского и Конного полков, сотни лейб-гвардии Казачьего полка. Тогда Щербачев и отдал команду, которая отдалась по всей России:

— Пли!...

9 января на Дворцовой площади перед Зимним дворцом была расстреляна мирная демонстрация рабочих Санкт-Петербурга, организованная агентом тайной полиции священником Талоном. То есть в Кровавое воскресенье генерал Щербачев еще раз продемонстрировал свою верность династии Романовых и готовность постоять за ее устои.

Имя полкового командира лейб-гвардии Павловского полка в революционном 1905 году стало символом крайних монархических убеждений. Дроздовский, тогда еще воевавший далеко от России — в Маньчжурии, не мог не оценить по своим убеждениям поступки этого военного человека.

— Щербачев — не палач. Он всего лишь продемонстрировал свою верность монархии и государственному устройству нашей России… В чем обвиняют генерала Щербачева? В том, что он стал петроградским Кромвелем. Но почитайте историю Англии или той же Франции с ее генералом Кавеньяком… Решительные поступки решительных людей — это Лекарство от всех государственных болезней…

Щербачевых в преддверии Октября 1917 года в действующей армии было немало. Но почти все такие военачальники оказались в поразительном «бездействии и безволии». Не оттого, что они были людьми колеблющимися, не способными на волевые решения, а оттого, что октябрьский переворот в Петрограде стал для них полной неожиданностью и привел их в полнейшую растерянность.

— Толпа бунтующих рабочих и солдат лишила власти Временное правительство?!

— Кто есть такие Ульянов-Ленин и Бронштейн-Троцкий?

— Почему у них в руках государственная власть, а не у избирателей?

— Это же не революционная демократия, а диктатура?!

— Пройдут свободные выборы в Учредительное собрание, и Россия успокоится…

— Россия же устала от революционной смуты, народ не поддержит ее…

На что надеялись люди в генеральских чинах, составлявшие окружение Щербачева? Они этого не скрывали, уповая на то, что в самом скором времени «начнется эволюция большевиков». О ней

они имели самое смутное представление И что в противном случае можно начать тайный подрыв их власти с каких-то тоже трудно представляемых «законных позиций».

…Капитан Федоров, самый молодой из участников того памятного для Дроздовского и его единомышленников «секретного» совещания, тогда произнес не без иронии:

— Я не могу быть уверенным, что завтра меня те же большевики не заменят каким-нибудь прапорщиком с красным бантом Где же тогда будет моя «законная позиция» для тайной борьбы?

На это возражение до того молчавшего офицера кто-то из старших ответил:

— Вы же капитан Генерального штаба Разве вас в полку может кто-нибудь заменить?..

Федоров тогда, как и Михаил Гордеевич, смолчал, враз подавленный постановкой такого вопроса Им было даже трудно вообразить, что офицера Генштаба может кто-то заменить на войне без соответствующей академической подготовки: генштабисты уже столетие смотрелись на деле элитой любой уважающей себя армии Европы.

(Гражданская война вскоре ответит на этот вопрос, когда фронтами и красными армиями успешно командовали бывшие поручики и прапорщики и даже драгунский унтер-офицер Семен Буденный. Академию Генерального штаба они, разумеется, не оканчивали и даже экзамены в нее не сдавали.)

Четверо молодых генштабистов, три полковника и капитан, покинув затемно щербачевский кабинет, провели свое минисобрание в одном из «отдельных кабинетов» ближайшего ресторанчика, мало чем напоминавшего захудалый трактир в каком-нибудь уездном городке. На этот раз много говорилось уже о деле. Разговор повел Войналович. Для него, Давыдова и Федорова новоиспеченный командующий 14-й пехотной дивизии был человеком почти незнакомым:

— Михаил Гордеевич, надеюсь, что вы поняли, что вам с нами по пути, ибо вы офицер и человек дела?

— Понял. И искренне благодарен вам за поддержку перед генералом Щербачевым.

— Дело сейчас не в Щербачеве. Если он подпишет сегодня приказ о создании добровольческого фронта, завтра фронтовой комитет потребует его снятия. И тогда даже король Фердинанд со своими румынами не сможет его отстоять.

— Полностью согласен с вами, Войналович. Печать комитетская сегодня силы имеет больше, чем у короля.

— Нам же сидеть, по известным вам причинам, сложа руки

нельзя. Для нас это бесчестное дело.

— Значит, создавать отряды добровольцев будем сами?

— Вы, Михаил Гордеевич, как в воду смотрите. Такую предварительную работу в Яссах мы уже провели. Но у нас теперь роль только исполнителей ваших приказов.

— Почему так? Ведь мы равны в чине с вами, с Давыдовым? А я на что-то большее не претендую в задуманном деле.

— У нас троих нет такого фронтового опыта, как у вас Вас по делам знает фронтовое офицерство. Крест Святого Георгия и Георгиевский темляк на вашей сабле — лучшие визитные карточки для офицерской молодежи и других кадров добровольцев.

— Позвольте возразить. Такие визитные карточки только в одной моей дивизии есть не у одного человека.

— Есть, как мы знаем, еще и у командира Модлинского полка. Всего у одного. Но не это главное в нашем деле.

— Тогда что же?

— Генерал Щербачев завтра, вернее сегодня утром, подпишет уже заготовленный приказ о назначении полковника Дроздовского, командующего 14-й пехотной дивизии, командиром 1 — й бригады русских добровольцев Румынского фронта.

— Фронтовой комитет сразу же потребует отмены такого приказа Щербачева.

— Разумеется, потребует. Но не сразу. За эти дни мы успеем создать ряд негласных вербовочных бюро. Здесь, в Яссах, в Одессе, Кишиневе. Где-нибудь еще, скажем в Дубоссарах и Тирасполе. Может быть, удастся это сделать в ряде мест, удаленных от фронта.

— Значит, приказ о моем назначении все же будет работать?

— Несомненно, хотя бы в офицерской семье. Когда одесский совет опомнится, у нас уже будет вооруженная сила, в которой дезертиров не найдется. И оружие для нас найдется.

— Но мне для начала нужны верные люди. Я завтра же свяжусь со своим Замостским полком, вызову из него в Яссы надежных людей. Но на это уйдет какое-то время.

— Михаил Гордеевич, мы здесь до вас сложа руки не сидели. Дождитесь завтра в штабе у Щербачева подписания приказа на вас И тогда мы приступим к делу.

— Нам тогда сразу же потребуется своя штаб-квартира?

— Она уже есть, по крайней мере на первое время. Чисто конспиративная, в духе Савинкова и большевиков.

— Ее адрес?

Войналович оторвал кусок обертки пачки папирос, лежавшей

на столе. Карандашом написал адрес: улицу, дом, номер квартиры. Протягивая клочок бумажки Дроздовскому, сказал:

— Вас там встретят как нашего начальника. Пароль — «Россия».

— Просто «Россия»?

— Да, совсем просто. Ведь нам же придется завтра умирать только за нашу Россию.

— Точно так. За великую, единую и неделимую…

Глава 3
Формирование 1-й бригады русских добровольцев. Яссы

На конспиративную квартиру в Яссах, переполненных людьми военными, все с личным оружием, полковник Дроздовский прибыл 12 декабря. Из полумрака за приоткрытой дверью его кто-то шепотом спросил:

— Пароль?

Михаил Гордеевич, как человек далекий от законов конспирации, привычным голосом ответил достаточно громко и твердо:

— Россия.

Его впустили в квартиру. В комнате, куда его провели, на столе горела одна-единственная свеча. «За столом же сидело некое существо в маскарадном костюме — „домино“, женском платке и автомобильных крагах и небрежно поигрывало револьвером. Вся обстановка казалась жутковатой. Визгливым, хриплым голосом существо обменялось с Дроздовским несколькими фразами и предложило ознакомиться со странным документом».

Очевидец подобной сцены не без иронии вспоминал в своих мемуарах ее продолжение:

«На бумаге черным по белому было написано, что существует тайная организация, располагающая неограниченным кадром членов во всех уголках земного шара до необитаемых островов включительно, неограниченными материальными средствами и неограниченными запасами вооружений.

Управляется организация Верховным Советом из людей, рядовым членам неизвестных.

Цель организации — борьба с большевиками всеми средствами.

Содержание членов организация берет на себя».

Дроздовскому, несколько шокированному таким приемом ясских конспираторов, предложили подписать такую бумагу, что он сделал без колебаний. Затем он подписал другую бумагу, в которой говорилось, что за нарушение правил организации вступающий подвергается смертной казни, так же как и безо всяких проступков, просто по усмотрению Верховного Совета.

Разумеется, что эта сцена описана автором-мемуаристом с немалой долей иронии и такого маскарада, вероятнее всего, не

было. Но Михаил Гордеевич при том посещении конспиративной квартиры понял для себя главное: так собирать белых добровольцев «несерьезно».

При более близком знакомстве оказалось, что человек, который принимал его на «явке», оказался капитаном Николаем Сахаровым, сыном генерала от кавалерии Владимира Викторовича Сахарова, павлона, в Японской войне бывшего начальником штаба у Куропаткина Первую мировую войну Сахаров-старший начал во главе армейского корпуса, став вскоре командующим 11-й армией. После февраля 1917 года помощника августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта оставили только членом Александровского комитета о раненых.

Во время Гражданской войны бывший командарм, отказавшись от «активной жизненной позиции», проживал в Крыму. Там он в 1920 году был захвачен «зелеными» и, как царский генерал, расстрелян.

Среди «учредителей» подпольной организации оказались русский военный агент (атташе) полковник Генерального штаба Б. А. Палицын, ротмистр Д. Б. Болотовский, подпоручик П. П. Ступин (переводчик при американской миссии в Яссах), служащий Земскою Союза Поздняков, местный политический деятель В. Д. Янчевецкий, называвший себя «интернациональным революционером», но убежденным противником большевиков.

Показательно было то, что среди учредителей не оказалось ни одного известного в войсках Румынского фронта человека, скажем командира полка или артиллерийской бригады. Уже одно это вызывало у фронтового офицерства некое недоверие к подобным подпольным (негласным) организациям. О таких учредителях обычно говорили:

— Это не военные вожди… Говорунов нам хватает среди комиссаров Керенского и своих комитетчиков…

Организация была создана недавно, никакой реальной силой не обладала. Единственным ее успехом было получение от французских представителей в Яссах всеми правдами и неправдами двадцати тысяч румынских лей на свою деятельность.

Дроздовский, получивший от генерала от инфантерии Щербачева документы (распоряжение штаба Румынского фронта) на формирование 1-й бригады русских добровольцев, отказался от стиля работы ясских конспираторов, которым так и грозило остаться в прежнем «узком кругу». Он твердой рукой подчинил себе всю деятельность организации. От бутафории не осталось и следа. Первым его шагом стала «легализация» антибольшевистского военного подполья в пределах фронтовой черты.

— Мы берем на себя бремя спасения фронта, русской армии и России. Поэтому мы должны заявить о себе открыто, а не скрываться от своих же по духу людей на конспиративных квартирах.

— Тогда нам придется столкнуться с солдатскими комитетами и местными социалистами.

— Они не пойдут на столкновение, если увидят в нас реальную силу.

— Но военной силой даже в сотню штыков мы пока не обладаем.

— Они у нас будут, эти штыки. И довольно скоро. А пока наша сила в начале открытого набора добровольцев.

— А если комитеты применят против нас силу?

— Не применят. Яссы не Петроград, а Румынский фронт не петроградский гарнизон, который не желал пополнять собой маршевые роты…

Имея на руках небольшую сумму денег, Михаил Гордеевич решился снять дом номер 24 на улице Музилер в Яссах. Этот дом вскоре получил большую известность тем, что здесь открылось Бюро записи русских добровольцев, которое, как организация Белого движения, действовало совершенно открыто.

Если Щербачев старался всячески маскировать деятельность фронтового штаба по формированию частей русских добровольцев, то полковник Дроздовский от прикрытия своей деятельности в Яссах отказался сразу. О работе бюро он широко оповестил войска фронта через публикации в газетах «Русское слово» и «Республиканец».

Однако установить надежный, устойчивый контакт с подпольной Алексеевской организацией ему не удалось. Посланцы бывшего Верховного главнокомандующего России генерала от инфантерии М. В. Алексеева или арестовывались местными Советами на железных дорогах, или по каким-то другим причинам не могли добраться до Ясс Да и достоверной информации с Румынского фронта Алексеев, по сути дела, не имел.

Но благодаря первым контактам с алексеевцами Дроздовский знал, что военные силы Белого движения будут собираться на Дону. Там войсковой атаман донского казачества Каледин, прославленный командующий брусиловской военной армией, объявил себя противником советской власти. Там, на Тихом Дону, уже прозвучали первые выстрелы Гражданской войны.

Открытая вербовка добровольцев быстро дала свои результаты. Первыми стали записываться в дроздовскую бригаду офицеры-фронтовики, которые в своих частях из-за полярности

взглядов на происходящее в России стали сперва париями, а потом изгоями. Такие офицеры, в своем большинстве младшие, охотно покидали полки и бригады и пробирались как могли в Яссы.

Однако далеко не все из них хотели задержаться в Яссах. Многие желали поступить в добровольческие части, которые формировались на Дону, в городе Новочеркасске. О содействии их отправки с фронта на Дон Дроздовский имел первоначальную договоренность с Алексеевской военной организацией.

Все же Михаил Гордеевич в личных беседах с такими офицерами сумел уговорить многих остаться здесь, чтобы на этой российской окраине начать борьбу за ценности старой России. Начальная же военная ячейка будущей добровольческой бригады сложилась так.

В первый же день работы Бюро записи капитан Федоров сообщил Дроздовскому, что в Яссы прибыла группа решительно настроенных офицеров-артиллеристов и что он уже договорился о встрече с ними. Встреча состоялась в тот же вечер.

…Постучавшись и войдя в гостиничную комнату первым, капитан Федоров обратился к офицерам, вставшим навстречу ожидавшимся гостям:

— Разрешите, господа, представить вам начальника 14-й пехотной дивизии. Его рекомендует вам лично генерал Щербачев.

В ответ капитан Нилов, бывший за старшего, сказал:

— Очень приятно. Мы — офицеры 61-й артиллерийской бригады. Прибыли вчера в штаб фронта.

— Полковник Дроздовский, Михаил Гордеевич, — представился им офицер с нашивкой о ранении, пришедший с Федоровым.

С минуту артиллеристы и гости заинтересованно рассматривали друг друга. Дроздовский первым нарушил молчание:

— В бригаду возвращаться не думаете?

— Нет. Бригады, как воинской части, больше не существует. Каждый день кто-то, и не один, дезертирует из части. Бросают винтовки, пушки и уходят домой, не таясь, днем.

— А что солдатский комитет? Там же есть офицеры?

— Комитет сам если не сегодня, то завтра уйдет с фронта Офицеры в нем — все прапорщики военного времени, из мещан. Овеяны революционным духом, солдат боятся.

— Вы твердо решили пробираться на Дон? К генералу Алексееву, к корниловцам?

— Твердо, господин полковник. Мы свою дорогу чести уже избрали.

— Оружие есть?

— Только личное. Сабли, наганы не у всех, комитетчики в бригаде разоружили почти всех офицеров. Боятся их сегодня больше, чем австрийцев на той стороне.

— Картина знакомая. Позвольте, господа, приступить к делу.

Офицеры-артиллеристы, переглянувшись, сделав шаг-другой, сгрудились вокруг Дроздовского и капитана Нилова. По лицу полковника, еще с минуту назад такого беспристрастного, чувствовалось, что речь пойдет о чем-то очень важном для всех. Действительно, дивизионный начальник продолжил разговор открыто, без полунамеков:

— Я думаю начать в самые ближайшие дни в Яссах формирование воинского отряда для борьбы с большевиками. Отряд для начала будет по составу офицерским, чисто добровольческим.

Выдержав минутную паузу, вглядываясь в напряженные лица присутствующих, Дроздовский спросил:

— Согласны ли вы присоединиться ко мне?

Ответ на такое предложение оказался, как и ожидалось, единодушным:

— Так точно.

— Кто из вас старший?

— Я, господин полковник. Капитан Нилов.

— Хорошо. Завтра вам прибыть в штаб фронта к полковнику Давыдову и получить ордер на помещение для офицерского отряда Отряд называется 1 — й бригадой русских добровольцев. Вы будете комендантом офицерского общежития.

— Есть, господин полковник.

— Ладно вам, Нилов. Для вас я с сегодняшнего дня и в бою Михаил Гордеевич. Мы же с вами русские офицеры, фронтовики…

…Встреча вечером 15 декабря 1917 года в небольшом гостиничном номере на окраине города Яссы, где размещался штаб Румынского, к слову сказать, самого пока не распропагандированного фронта, положила начало будущего белого отряда Дроздовского. И девять офицеров-артиллеристов стали его первыми бойцами, думавшими «прежде о Родине, а потом — о себе».

Уже в самом скором времени они будут именоваться среди красных — дроздовцами, среди белых — «дроздами». И в самом начале Гражданской войны на российском Юге станут ударной, элитной частью Добровольческой армии, которой уже не командовал один из «зачинателей» Белого дела генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, погибший под

Екатеринодаром.

К слову говоря, старший из тех офицеров 61-й артиллерийской бригады — капитан Сергей Родионович Нилов — станет одним из героев Гражданской войны со стороны белых. Он не командовал батареями и батальонами, а почти всю войну прошел в должности командира прославленного своими лихими атаками, особенно на Кубани, пулеметного бронеавтомобиля «Верный». Его команда состояла из офицеров-артиллеристов, лишь водитель Г. Хорат был рядовым солдатом-латышом.

Уже в конце тех событий он станет полковником и командиром 1-го броневого отряда, а затем командиром артиллерийской батареи в Крыму. Свою жизнь он завершит безвестным белоэмигрантом во Франции, где закончит высшие военно-научные курсы (6-й выпуск).

…Опираясь на содействие (оно становилось все более осторожным) генерала Щербачева и своих единомышленников в его окружении, Дроздовский смог развернуть под боком у местных Советов и солдатских комитетов сеть вербовочных бюро в прифронтовых городах. Они создавались там, где имелись крупные гарнизоны.

Когда же полковник-генштабист, не таившийся от посторонних, предпринял инспекторскую поездку в Одессу, то его появление в этом городе едва не закончилось трагически. Одесса к тому времени перешла под контроль большевиков и местных красногвардейских отрядов. Дроздовский был арестован на улице и только благодаря находчивости своего адъютанта подпоручика Н. Ф. Кулаковского, сослуживца по Замостскому полку, смог обрести свободу.

Дело обстояло так. Матросский патруль с канонерской лодки «Донец», щелкая семечки, с лихо задранными на затылок бескозырками, все с винтовками, «обозревал» вокзальную площадь Одессы. Людей на ней толпилось много, бойко велась торговля: от вареных солоноватых кукурузных початков и самогонки до разномастных «стволов» с пачками патронов к ним.

Патрульные мало обращали внимание на большое число людей в военной форме, многие из которых уже ходили со споротыми погонами. Но появление двух офицеров с орденскими наградами на груди, подтянутых и в погонах сразу привлекло внимание стражей революционного порядка в городе Одессе.

— Золотопогонники, братцы. Надо задержать. Если контра — сразу к стенке именем мировой революции…

Задержание Дроздовского и Кулаковского состоялось тут же, на привокзальной площади. Вокруг сразу собралась толпа.

— Документ, господа хорошие, есть? Что делаете в Одессе?

— Есть. Личные и предписания.

— Покаж. Посмотрим, кто ты есть такой, господин полковник.

— Смотри, служивый.

— Я не служивый, а как есть матрос революционного Черноморского флота..

В той ситуации человеку в погонах армейского полковника угрожал расстрел. Но находчивый подпоручик Кулаковский сумел убедить командиров одесских красногвардейцев в том, что его фронтовой командир для большевиков совершенно благонадежен.

— Это мой командир Замостского полка, гражданин матрос.

— Знаем мы таких полковников, заели солдат в окопах. Нет больше власти ихней над нами.

— А у него есть власть в полку.

— Это как понимать? Говори.

— Вот его командирский мандат, выданный полковым комитетом. Полковник Дроздовский есть выборный солдатский начальник.

— Тогда другое дело. А мы уже его за контру приняли…

После такого оборота дела патруль задержанных офицеров отпустил. Но после этого Дроздовский со своим адъютантом не поспешил уехать обратно в Яссы: дело было неотложное.

Теперь ему пришлось провести несколько дней в Одессе инкогнито. Все же цели поездки он добился: в этом большом портовом городе открылось бюро записи в добровольческие части Румынского фронта. Но действовать ему сразу же пришлось полулегально, на доверительной основе среди «своих».

Такие же бюро почти одновременно открылись в Кишиневе и Тирасполе, самых больших городах Бессарабии. Здесь работу вели офицеры 60-го пехотного Замостского полка подпоручик Кулаковский, штабс-капитан В. Н. Ляхницкий, прапорщик Т. Чупрынов, капитан Кавтарадзе. Все они пользовались полным доверием своего полкового начальника.

Последний действовал в Тирасполе весьма активно. Штабс-капитан, командир ударного батальона одной из сибирских стрелковых дивизий Антон Васильевич Туркул, автор мемуаров «Дроздовцы в огне», вспоминал о том, как он оказался в рядах 1-й Скинтейской бригады:

«Я с девятью офицерами-ударниками добрался до Тирасполя только к самой зиме, среди тяжелого развала, тягостного и бессмысленного гама митингов, кишащих солдат…

Все эти девять офицеров жили у меня в доме. Мы всюду ходили вместе: даже бриться и за папиросами. Уже тогда мы решили пробираться на Дон, о котором доносились глухие слухи.

Тирасполь, полный солдат и матросов, тоже митинговал, но никто из нас не снимал погон, и ходили мы по улицам с ручными гранатами, обычно четверо впереди, четверо позади, а я посредине.

Товарищи нас явно боялись, а когда попытались напасть, мы отбили нападение ручными гранатами. Гранаты нам пришлось бросать около самой женской гимназии, и сотни детских лиц смотрели на этот нечаянный бой, прижавшись к стеклам окон. Такой была наша тираспольская Вандея.

Вскоре после того, на балу в реальном училище, ко мне подошел какой-то штатский господин. Это был капитан Кавтарадзе, грузин, расстрелянный позже грузинами же. Он предложил мне ехать в отряд полковника Дроздовского, формируемый в Яссах, чтобы идти на Дон к генералу Корнилову.

О Дроздовском ни я, ни девять моих офицеров совершенно ничего не знали. Я поручил одному из ударников, поручику Турбину, съездить и узнать, существует ли такой отряд. Через три дня поручик Турбин вернулся и доложил, что отряд Дроздовского действительно есть. Тогда мы все решили ехать к Дроздовскому, чтобы пробиваться к Корнилову отрядом, а не одиночками, что было куда тяжелее.

Помню солнечное зимнее утро. Мать сидела в гостиной у окна. Ее седая голова была как бы очерчена прохладным серебристым светом. Я вошел и молча сел на поручень ее кресла. Мать заметила, что мне не по себе.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Да, я ухожу с Дроздовским. В поход.

— Какой поход? Войны больше нет. Все развалилось, все кончено…

— Это хуже войны. Дело идет о существовании России.

Мать склонила седую голову:

— Николай в Ялте, больной… Может быть, смертельно. Ты едва оправился от ран. Я почти не видела вас… За что опять отнимают вас обоих? У меня же сил больше нет. Я мать.

Она зарыдала глухо. Я поцеловал ее седую голову с таким строгим и милым пробором. Я говорил ей как умел, что, если не противопоставить человеческой честной силы бесчеловечным и бесчестным насильникам, они все равно разгромят жизнь. Или Россия и человеческая жизнь в России будут взяты нами с боя, или Россия и вся жизнь в ней будут замучены большевиками.

Мать слушала меня, отвернувшись к окну. Когда она обернулась, ее глаза были сухи и светились печально. Мать привыкла к разлукам. Мой отъезд был решен…»

В местечке Скинтея, на железнодорожной станции, офицеры-

ударники были встречены патрулем дроздовцев. Они препроводили новичков в свои казармы. Обычно Михаил Гордеевич лично беседовал с вновь прибывшими добровольцами, кто бы они ни были. Так было и на этот раз.

— Кто из вас старший?

— Я, господин полковник. Штабс-капитан Туркул.

— У вас на груди три Георгия. Два из них солдатских. За что были награждены?

— Войну начал вольноопределяющимся 75-го пехотного Севастопольского полка. Там и получил Георгиевские кресты. Орденом Святого Георгия четвертой степени был пожалован уже у сибирских стрелков.

— Как стали офицером?

— Окончил ускоренный курс юнкерского училища и был произведен в прапорщики. Все последующие чины получил досрочно.

— Недурно для фронтовика Почетно. Да еще у вас Георгиевское оружие есть. Были ранены?

— Трижды, господин полковник.

— Ваша последняя должность на фронте?

— Командир дивизионного ударного батальона Мы все корниловские ударники.

— Очень хорошо. Судя по фамилии, вы родом из Бессарабии?

— Да, я родом из Тирасполя.

— Цели белого добровольчества вы и ваши офицеры знаете?

— Да, вооруженная борьба за Россию. Единую и неделимую Великую империю.

— Прекрасно. Я принимаю вас в бригаду русских добровольцев. Но лично вам, штабс-капитан, могу предложить только должность фельдфебеля в первой роте. Остальным ударникам — должности рядовых стрелков в той же роте. Согласны?

— Да, без всякого сомнения. Благодарим за доверие.

— И я вам признателен, что мы с вами, корниловцы, вместе за Россию. С сегодняшнего дня я для вас не господин полковник, а просто Михаил Гордеевич…

У командира формируемой 1-й бригады русских добровольцев вскоре появился надежный ближайший помощник в лице полковника Генерального штаба Михаила Кузьмича Войналовича, с которым он познакомился на совещании офицеров Генерального штаба в кабинете у Щербачева. Это был человек уравновешенный, неторопливый по характеру, а вместе с тем самоотверженный единомышленник и «полный храбрец».

Войналович, как боевой офицер, имел прекрасный послужной

список. В юности он выдержал экзамен за полный курс Полоцкого кадетского училища (где учился и Дроздовский; их довоенные биографии были во многом схожи), затем окончил военное училище в Москве. Был выпущен из него подпоручиком в 8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Участвовал в Китайском походе 1910–1911 годов, в Японской войне.

После окончания Николаевской академии Генерального штаба командовал ротой сибирских стрелков. Первую мировую войну начал в рядах 7-й Сибирской стрелковой дивизии. За доблесть в первых же боях капитан Генерального штаба был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, уже будучи исполняющим обязанности старшего адъютанта штаба Гродненской крепости.

Звание полковника Генерального штаба получил в декабре 1915 года. Последней фронтовой должностью стало исполнение делами начальника штаба 118-й пехотной дивизии. Войналович в числе первых добровольцев прибыл в местечко Скинтея возле Ясс и поступил там в распоряжение Дроздовского, приступившего к формированию 1-й Добровольческой бригады. Два генштабиста-единомышленника сразу сблизились, как два бескорыстных патриота старой России.

Войналович станет начальником штаба в дроздовской бригаде, будучи надежным помощником ее командира во всех «белых делах». Оба они уйдут из жизни в начале Гражданской войны.

Интересно, что в белой эмиграции этих двух добровольцев часто вспоминали вместе, как что-то единое, образное. В 1922 году в Галлиполийском лагере военные белоэмигранты отмечали четвертую годовщину со дня выступления «дроздов» в свой легендарный поход Яссы — Дон. Доклад на торжестве делал полковник Василий Александрович Андрианов, перед Первой мировой войной закончивший Офицерскую воздухоплавательную и авиационную школу. В начале 1915 года его аэроплан был сбит австрийцами, а сам летчик попал в плен. Дважды бежал из плена, второй раз удачно, в полосу Румынского фронта.

Андрианов в 1-ю бригаду русских добровольцев записался рядовым артиллеристом. В конце похода Яссы — Дон был уже командиром батареи. Потом стал одним из организаторов авиации Добровольческой армии. В своем докладе в Галлиполи полковник Андрианов отметил:

«Полковник Дроздовский, человек чрезвычайной храбрости и высоких нравственных качеств, непоколебимой силы воли, оценил положение и взял на себя объединение этого круга офицеров.

Высокого роста, худощавый, с резко очерченными чертами лица, с орлиным взглядом, с сухой рукой (после ранения в Японскую войну), точно и определенно формулирующий свои мысли, он сразу производил сильное впечатление на всех с ним встречавшихся.

Выбор ближайшего своего помощника, впоследствии начальника Штаба Отряда, Дроздовским был сделан крайне удачно. Единство взглядов и убеждений, полное самоотречение, патриотизм, храбрость, решимость свойственны были в полной мере им обоим.

Некоторые различия характера только дополняли их. Несколько нервный и порывистый не в боевой обстановке Дроздовский и рядом с ним спокойный во всех случаях жизни Войналович — вот те начальники, которым не могло не поверить и не довериться офицерство с первой встречи с ними…»

…Бригада создавалась с немалыми трудностями. Каждый желающий стать добровольцем сталкивался с непростыми преградами, начиная с угроз солдатского комитета и кончая нежеланием старших начальников, объявивших о своем «политическом нейтралитете», официально отпускать подчиненных им офицеров в другую часть, в Яссы. При этом довод был, как правило, один и веский:

— У меня в полку и так не хватает офицеров в ротах. Окопы не могут остаться без командиров. А вы в другую часть проситесь…

Первые добровольцы волей судьбы превращались в агитаторов Белого дела Они посещали вокзалы, гостиницы, кафе, где заводили разговоры с такими же фронтовиками, как и они. Речь шла об идеях добровольчества, об организации дроздовской бригады. И о том, что пришла пора спасать Россию с оружием в руках, пока не стало поздно.

Подобные «агитационные» разговоры давались трудно. В ответ очень часто белый офицер слышал от такого же, как и он, фронтовика удручающие слова.

— Опять воевать? Да я уже устал от войны, от фронта..

— Мирно жить надо. Войне-то ведь приходит, по всему видно, конец. Австрийцы и немцы с нами братаются…

— Как же я против своего народа воевать буду…

Часть поступавших в бригаду волонтеров отправляли в свои прежние полки для агитации. Первые добровольцы размещались в общежитиях христианской Евгениевской общины и получали небольшое денежное пособие. При этом офицеры, покинувшие свои части, автоматически лишались всех остальных видов положенного им довольствия.

С согласия генерала Щербачева и других высших чинов Румынского фронта Михаил Гордеевич разослал по армейским штабам приглашение желающим поступать якобы на американскую службу, то есть в вооруженные силы одной из стран Антанты. Но особого проку от такого приема не было.

Центром вербовки добровольцев продолжал оставаться дом на улице Музилер. Именно в это бюро больше всего прибывало людей, прежде всего офицеров с фронта.

Представители Антанты при румынском короле Фердинанде I довольно скоро обратили внимание на тот обнадеживающий факт, что русское командование в лице Щербачева пытается создать добровольческие части. Их обнадеживала мысль, что эти новые воинские формирования помогут удержать Румынский фронт от развала, а Антанта получит надежду сохранить до победного конца в Великой войне Россию. В королевской штаб-квартире поговаривали:

— Канцлер Вильгельм со своим Гинденбургом из последних сил надувает щеки на Французском фронте…

— Нам надо удержать фронт здесь, в Молдове. Но без русских генерала Щербачева нам этого не сделать…

— Скинтейскую бригаду полковника Дроздовского надо поскорее выставить на фронт…

— Быть великой Румынии! Возьмем в королевство и Бессарабию, и Одессу с Измаилом. Все дунайское устье…

То есть и королевское командование, и представительства Антанты в Яссах, прежде всего французское, лояльно отнеслись к деятельности полковника Дроздовского в прифронтовой полосе. С этого времени добровольцы стали получать некоторую финансовую помощь от союзников, что помогло им обеспечить первых добровольцев всем необходимым. Однако весьма существенной такая финансовая помощь по многим причинам быть не могла.

Через своих посланцев в «собственно Россию» Михаил Гордеевич попробовал наладить новый канал притока добровольцев. Таких офицеров на станции Унгены встречал специальный агент, который направлял прибывших к месту формирования бригады.

К началу января 1918 года в рядах 1-й бригады русских добровольцев, которая теперь размещалась в окрестностях города Яссы, в местечке Скинтея, насчитывалось уже более двухсот человек, в большинстве офицеров. Началось сколачивание первых рот, батарей, различных команд.

Встала проблема оружия, которую штаб фронта сразу решить не смог. Правда, почти все офицеры прибывали с личным

оружием, но револьверы и сабли заменить винтовки, а тем более пулеметы и полевые орудия не могли. В полках комитеты «с левым уклоном» уже давно отлучили командиров от права «начальствовать над оружием». Объяснение тому давалось одно:

— Офицер — это контрреволюционер…

Поняв, что с собой офицеры из оружия почти ничего принести в Скинтею не смогут, Дроздовский решил посоветоваться с генерал-лейтенантом Генерального штаба Санниковым, о котором был наслышан во время своей короткой — годичной — дальневосточной службы. Тогда был начальником штаба Приамурского военного округа, а ныне занимал пост главного начальника снабжения Румынского фронта А самое главное — бывший павлон Санников носил на груди бело-эмалевый орденский крест Святого Георгия.

Такой человек не мог отказать в помощи офицеру-монархисту, тоже георгиевскому кавалеру и генштабисту. И тоже бывшему павлону. Так что разговор у двух заинтересованных лиц состоялся без всяких «восточных хитростей», открыто.

— Михаил Гордеевич, вашей просьбе я помочь не могу.

— Почему, Александр Сергеевич? Комитеты?

— Нет, дело не в них.

— В ком же тогда?

— В союзниках. Король, как главнокомандующий армиями фронта, уступил своему военному министру генералу Авереску.

— И румыны наложили свою дружескую руку на фронтовые склады.

— Именно так. Без их контроля уйти на сторону несколько сотен винтовок или даже один-единственный «максим» сегодня не может. Хотя формально склады не в их руках.

— Тогда, Александр Сергеевич, где искать выход? В содействии Щербачева?

— Нет, вам в вооружении и Щербачев сегодня не поможет. Но выход, Михаил Гордеевич, есть. И вполне надежный.

— Какой же?

— Надо вам научиться своевольничать в окопах и ближних фронтовых тылах, на складах и дорогах.

— То есть забирать нужное силой?

— Силой — только в последнюю очередь. Лучше военной хитростью, набегом. Забирать себе в Скинтею все, что плохо лежит: винтовки и пушки, лошадей и повозки, провиант. Угоняйте к себе броневики и автомобили. Ведь офицеров со знанием автомобильного дела хватает?

— Вполне, Александр Сергеевич.

— Тогда действуйте. Я вам обрисовал программу обеспечения

вашей бригады всем, начиная от гаубицы самой большой мощности и кончая полевыми кухнями.

— А если комитеты воспротивятся такому самозахвату, Александр Сергеевич? Ведь в полках и на складах не все же превратились в дезертиров?

— Верно, Михаил Гордеевич. Не все. Но не будут же комитетчики идти на твоих офицеров в штыки из-за ящика патронов или десятка никому не нужных в полку винтовок?

— Не будут, это ясно. Да и к тому же мои добровольцы за себя постоять и с наганом смогут.

— Прекрасно. Тогда действуйте. Но только на свой страх и риск. Все остальное по тыловой части я беру на себя..

С генерал-лейтенантом Санниковым, героем наступления русской 9-й армии в Буковине, Дроздовский встретится вновь в начале августа в штабе Добровольческой армии. Тот тогда приступил к исполнению должности начальника снабжения деникинских войск. Они оба будут рады нежданной встрече.

— Михаил Гордеевич, я так много наслышан о вашем маленьком ледяном походе от Ясс до Дона Не могу не пожать вашу действительно мужественную руку.

— А я вашу, Александр Сергеевич. С самой глубокой признательностью от моих «дроздов».

— И за что они мне признательны, наши белые «дрозды»?

— За отеческий совет. Помните наш разговор в Яссах?

— Разумеется, помню. Королевский военный министр генерал Авереску тогда много удивлялся, что на фронте бронемашин стало намного меньше. Много их дошло до Дона?

— К великому сожалению, всего один. Но зато какой — «Верный», на четыре пулемета. Остальные из-за поломок пришлось испортить и бросить по дороге.

— «Верный», говорите? Это не броневик ли легендарного капитана Нилова?

— Он самый, Александр Сергеевич. Экипаж беспримерной храбрости и технической грамотности.

— Тогда, Михаил Гордеевич, кланяйтесь от меня этому капитану Нилову. Мы же с ним с одного фронта. С Румынского…

Тогда решено было добывать вооружение, боеприпасы к нему или хитростью, или захватывать силой в разложившихся воинских частях, где можно было не ожидать сопротивления караулов.

Для этой цели Дроздовский со своим помощником Войналовичем решили создать «команду разведчиков особого назначения», подобрав туда наиболее решительных людей. Во главе ее был поставлен ротмистр Бологовский, доверенное лицо

командира бригады.

Однако уже вскоре команде разведчиков Болотовского пришлось заниматься… индивидуальным террором. Он стал своеобразным ответом на убийства в окопах и тылах требовательных командиров, пытавшихся наведением организованности и дисциплины сохранить свои роты, батальоны и полки от полного разложения, сохранить их боеспособность. Для фронта это стало подлинной трагедией.

В последующем ротмистр Бологовский утверждал, что его «командой разведчиков особого назначения» было «истреблено более 700 человек крупных и мелких большевиков». Эту цифру, вероятнее всего, можно поставить под большое сомнение.

Но один такой факт действительно широко известен. Добровольцы забрали в декабре 1917 года из-под румынского ареста комиссара Совнаркома в Яссах С. Г. Рошаля и пристрелили его на шоссе. Рошаль был комиссаром сводного отряда прапорщика Крыленко, который занял могилевскую Ставку Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина, «растерзанного» на вокзале перед вагоном Крыленко, ставшего первым советским Верховным главнокомандующим в ноябре 1917 года.

Неугомонные вербовщики-дроздовцы творили свое ежедневное дело не без успеха. Где-то в середине января в бригаде уже числилось более двухсот пятидесяти офицеров самых различных родов войск, имелось пятьсот лошадей, шесть разнокалиберных орудий и десять пулеметов. С каждым днем людей, лошадей и оружия становилось все больше.

В штабе Румынского фронта, вернее — в его российской части, о таком сборе оружия добровольцами Скинтейской бригады знали хорошо. На имя Щербачева пришла не одна телеграмма с «возмущением» от солдатских комитетов; то пехотного полка, то артиллерийской бригады, то бронеавтодивизиона. Щербачев приказал тогда своим штабистам;

— На подобные телеграммы комитетам не отвечать. В переписку не вступать. Союзников-румын о действиях подчиненных полковника Дроздовского не информировать. Не давать никаких поводов для дискредитации штаба фронта ни одной стороной…

В местечке Скинтея началось формирование первых подразделений добровольческой бригады. Сперва появилась конногорная батарея капитана Б. Л. Колзакова. Затем оформилась пулеметная команда. Появились стрелковые 1-я рота подполковника В. А Руммеля и 2-я рота капитана А. И. Андреевского. Из тяжелого оружия — легкая батарея

полковника М. П. Ползикова, недавнего командира артиллерийского дивизиона, гаубичный взвод подполковника А. К. Медведева (командира 3-й мортирной батареи 6-й армии) и броневой отряд.

Брошенными броневиками (пулеметными и пушечными) дроздовцы обзавелись на удивление быстро и достаточно просто. Или, говоря иначе, умело «приватизировали» то, что плохо стояло у обочин фронтовых дорог. Среди офицеров нашлось немало техников и инженеров, которые смело садились за руль брошенных в прифронтовой полосе автомобилей — грузовых, легковых, одетых в железо — и доставляли их в Скинтею. Доставляли беспрепятственно.

В той «достоваловке» скинтейских добровольцев поражало одно: с брошенных на дорогах и в автопарках их бывшие экипажи не снимали даже пулеметы, оставляя в броневиках и полный комплект пулеметных лент, ручные гранаты. Не оставлялись только отличительные кожаные куртки и сухие пайки. Дроздовцы шутили:

— Как-то неудобно в наших застиранных гимнастерках будет воевать с пехотой большевиков в кожанках…

— Бросить бронемашину со всей начинкой и унести с собой в тыл все луженые банки? Непонятно…

— Что непонятно? Все понятно: броневик — вещь государственная, банка консервов и кожан — личное…

— Улавливаешь, какая разница. Психология это…

Гораздо сложнее дело обстояло с бензином. Его приходилось или покупать, или выменивать у румын, на что те — и рядовые, и их начальники — шли вполне охотно. К слову говоря, проблема с горючим стала одной из причин того, что «моторизованная» вышеописанным образом добровольческая бригада не смогла дотянуть до Дона почти все свои автомобили (грузовые и легковые) и бронемашины.

С отрядной кавалерией дело обстояло иначе. Основу конницы Румынского фронта составляли казачьи полки, особые (ополченческие) сотни и конвойные полусотни. Казаки, в своем большинстве донцы, уже покинули фронт и организованно, чаще всего походным порядком ушли домой. Домой уходили и казачьи офицеры, редко кто из них изгонялись из полков местным комитетом.

Но когда в бригаду прибыла группа офицеров 7-го драгунского полка, тогда и было принято решение о создании первого кавалерийского эскадрона, командиром которого был назначен штабс-ротмистр Аникеев. Было ясно, что добровольцы, как военная сила, должны были иметь собственную конницу.

Кони, опять же бесхозные, нашлись, на удивление, для кавалеристов сразу. Дезертиры с фронта бежали не на лошадях, а на поездах — пассажирских и пустых товарниках, уходивших в тыл. Кони были для беглых солдат весомой обузой, и потому они просто бросали их где придется.

Проблема оказалась только с кавалерийскими седлами. Михаил Гордеевич не уставал напоминать своим и без того ушлым интендантам, научившимся многому за годы войны:

— Ищите где угодно седла и конскую сбрую. Надо — доставайте из-под земли… Наши кавалеристы не скифы и не половцы. Им без седел не скакать по полю с саблей наголо… В бригадной казне деньги есть, хоть и небольшие. Покупайте лошадиную амуницию у румын, хоть в королевском гусарском полку. Ведь продадут же, как бочку бензина… Все, что лишнее на бригадных складах, смело меняйте на седла Если надо — прикажу отдать легковой автомобиль. У нас их уже избыток, сами знаете…

О том, как шло формирование дроздовской кавалерии, рассказывает в своих небольших воспоминаниях подпоручик Николай Новицкий, пятнадцатилетним петроградским кадетом записавшийся в добровольческую бригаду и ставший «дроздом» на всю Гражданскую войну:

«Во время формирования полковником М. Г. Дроздовским своего отряда в городе Яссы, в Румынии, в этот отряд добровольцами записались два кадета, приехавшие на Румынский фронт повидать своих отцов: Вирановский, 16 лет (из) Одесского корпуса, и я, 15 лет (из) Первого (столичного) кадетского корпуса Конечно, мы оба избрали конницу и попали в Первый эскадрон; Вирановский во второй взвод, а я в четвертый, которым командовал мой однокашник, штабс-ротмистр В. Бехтеев.

Наш эскадрон стоял под Яссами, в Соколах, готовясь к выступлению. Ежедневно проводились конные занятия, что было для меня незнакомым и непривычным делом.

Экипировку я получил от своего отца — солдатскую шинель с погонами моего корпуса, офицерское седло, уздечку с мундштуками, офицерскую шашку и револьвер системы „браунинг“. Все это совершенно не подходило для рядового, и в походе я все это заменил на солдатское, кроме браунинга.

В нашем кавалерийском взводе было всего 16 всадников, из них было только три кавалерийских офицера командир взвода и два корнета, а остальные были офицерами пехотных полков…

Нас, кадет, не цукали и оказывали нам поддержку во всех случаях нашей службы. Лично мне было очень трудно, в особенности по тревоге, поднять седло на коня, к которому было

приторочено: переметные сумы с двумя подковами, щетка со скребницей, овес, сетка с сеном, попона, шинель и запас белья.

Один раз я по тревоге вскочил в строй без седла и получил два наряда Наказание было — „под шашку“, дневальство вне очереди, чистка кобылы командира взвода и идти в походе одну-две версты, ведя коня на поводу…»

…Щербачев на первых порах не афишировал отношения штаба фронта к созданию добровольческих частей. Но когда стало ясно, что полковник Дроздовский уже проделал большую организационную работу, помощник короля Фердинанда решил взять начатое дело в свои руки. 24 января 1918 года им отдается приказ о формировании Отдельного Корпуса Русских Добровольцев в составе штаба и трех бригад.

Командующим корпуса назначается генерал-лейтенант Анатолий Киприанович Кельчевский (Келчевский), бывший профессор Николаевской академии Генерального штаба, в годы Великой войны ставший командующим 9-й армией, а в годы Гражданской войны (в 1920 году) — военным и морским министром Южно-Русского правительства По мысли Щербачева, именно в состав этой удобно расположенной на линии фронта армии должны были войти добровольческие формирования.

Щербачев особо не скрывал, что добровольческие формирования лучше всего создавать не на собственно российской территории, а на том кусочке Румынского королевства на правом берегу пограничного Прута Действительно, в этом был немалый резон.

— Король Фердинанд не позволит на том, что осталось от его владений, действовать ни советам, ни комитетам Румынам революция не нужна..

— В Яссах и комиссар Керенского ведет себя подобающим образом, а большевикам с их мандатами себя афишировать не приходится. Здесь Антанта, а не Смольный…

— Румыны не позволят солдатским комитетам лишать офицеров личного оружия…

— Здесь, за Прутом, агитаторам из Одессы места нет. Их румынская пограничная стража просто не пустит в Яссы и окопы…

— В королевской ставке — представительство Антанты. А она против сепаратных разговоров в Брест-Литовске…

— Французский консул уже не раз говорил, что Париж готов профинансировать добровольческие части, которые будут с румынами держать фронт против германцев…

Начальником корпусного штаба назначается генерал-майор Анатолий Николаевич Алексеев, который до начала февраля 1918

года являлся начальником штаба дроздовской бригады. Считался он человеком с опытом в организации оперативной работы.

Бригад предстояло сформировать три. Полковник Дроздовский был оставлен лишь командиром уже «состоявшейся» 1-й бригады, получившей название Скинтейской. Начиналось развертывание 2-й Кишиневской бригады, которой последовательно командовали генерал-майоры Асташов и Белозер. 3-ю бригаду русских добровольцев намечалось создать в степном городе Болграде, центре поселений болгар на юге Бессарабии.

Казалось, что дело с белым добровольчеством на Румынском фронте заметно сдвинулось с места Михаил Гордеевич, не показывая виду, что он уязвлен тем, что его отодвинули с первой роли, работал по созданию Скинтейской бригады с прежним воодушевлением и энергией. Вместе с Войналовичем он составил новый текст подписки добровольцев. Это была своего рода воинская присяга, утвержденная лично Дроздовским и гласившая:

«Я… поступаю добровольно в Национальный Корпус Русских Добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию Русской Армии, причем на все время пребывания в Корпусе обязуюсь:

1. Интересы Родины ставить превыше всех других, как то: семейных, родственных, имущественных и прочих. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея жизни, Родину, жителей ее, без различия классов и партий, и их имущество от всякого на них посягательства.

2. Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.

3. Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами, до применения оружия включительно.

4. Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т. д.

5. Признавать единую волю поставленных надо мной начальников и всецело повиноваться их приказаниям, не подвергая их обсуждению.

6. Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собой пример окружающим.

7. Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами ни были.

8. Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9. Также не роптать, если бы оказались неудобства в расквартировании, как то: теснота, грязь, холод и прочее.

10. Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11. Без разрешения своих начальников от своей части не отлучаться.

12. В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени».

Каждая такая акция скреплялась подписью добровольца. Находились люди, которые в последний момент не решались взять на себя такие обязательства, с одной стороны простые для военнослужащего, с другой — ко многому обязывающие в преддверии Гражданской войны в России, дыхание которой ощущалось прежде всего на ее окраинах.

Последняя неделя января 1918 года показала, что генерал Кельчевский для роли организатора Добровольческого корпуса совсем не годится. Он начал с того, что раздул штаты своего штаба до невероятных размеров, формируя строевые части «остаточным порядком». При этом он начисто забыл о пропаганде идей русского добровольчества и целей создаваемой белой силы.

Положение же дел в 1-й Скинтейской бригаде смотрелось совсем иным. Дроздовский через своих вербовщиков продолжал притягивать к себе все новых и новых добровольцев. К началу февраля в его бригаде числилось уже свыше пятисот решительно настроенных людей, почти сплошь фронтовиков. Они ждали своего часа, когда их «бросят в поход и в бой».

Вскоре в корпусном руководстве произошел раскол. Это случилось в первых числах февраля на совещании в штабе 9-й армии, где Кельчевский собрал совещание командования добровольческих формирований.

— Господа офицеры, о положении дел в корпусе нам доложит начальник его штаба генерал Алексеев.

— Анатолий Киприанович, господа. На сегодняшний день в корпус, по представленным мне данным, записалось пять тысяч человек. Большинство из них офицеры. Но, как боевая единица, добровольческий корпус не боеспособен. Это факт.

— Как так? Пять тысяч бойцов и в них нет боевой силы? Объясните, пожалуйста, Сахаров, сказанное вами.

— Анатолий Киприанович, из пяти тысяч человек три находятся на штабных должностях по всему фронту, и к месту формирования бригад почти никто из них не прибыл.

— Прибудут, уверяю вас. Телеграммой за подписью Щербачева будут вызваны к нужному дню. Что у вас с остальными двумя тысячами добровольцев?

— Полторы тысячи из них значатся в списках Кишиневской бригады. Но это гоголевские мертвые души.

— Доказательства, Анатолий Николаевич?

— Пусть вам их изложит командир Кишиневской бригады генерал Белозер, Анатолий Киприанович.

— Генерал Белозер, прошу вас объясниться.

— Начальник штаба корпуса прав. От генерала Асташова, моего предшественника, мне достался списочный состав бригады в полторы тысячи человек, а в Кишиневе я не могу собрать две-три сотни человек. Хуже того, винтовок почти нет. Пулеметы отсутствуют. Пушек — ни одной.

— Что вы этим хотите сказать, генерал Белозер?

— Только то, Анатолий Киприанович, что вместо Кишиневской добровольческой бригады на сегодняшний день в наличии есть только усиленная офицерская рота, вооруженная наганами, вальтерами и саблями. Не ей вести бой в поле — только нести в городе патрульную службу.

— Ясно. Генерал Сахаров! Анатолий Николаевич, что тогда в наличии из корпусных войск?

— Только бригада полковника Дроздовского в пятьсот штыков.

— И все?

— Так точно, все. Пятьсот штыков, которые рвутся в бой с большевиками и прочими разрушителями России.

— Если это все наши реальные силы, то тогда напрашивается мысль о невозможности похода на Дон, на соединение с отрядами Алексеева и Корнилова, с донскими казаками. Ваше мнение, Сахаров?

— Я считаю, что здесь слово должно быть за генералом Щербачевым, как старшим в русской части нашего фронта.

— А ваше мнение, полковник Дроздовский?

— Мое мнение таково: я готов с каким угодно числом решительных людей пойти на Дон к генералу Корнилову. И я перед вами даю слово офицера, что я доведу их к Дону!

— Но это же авантюрный ход, Михаил Гордеевич?! Пройти по всему Причерноморью с отрядом в пять сотен бойцов?

— И я проведу их на Дон. У меня не просто добровольцы-фронтовики, а большей частью офицеры. У меня многие из них с Георгиевскими солдатскими крестами. Ими русская армия может только гордиться.

— Дроздовский, армии уже больше нет. Все железные дороги запружены эшелонами с вооруженными дезертирами. Их толпы уходят в Россию по всему фронту. А отряды местных Советов? А в скинтейских бараках у вас всего пятьсот штыков.

— Михаил Гордеевич, поймите, корпуса у нас нет. Не получилось. Что нам делать при вашей решительности, скажите на милость?

— Скажу. Пробиваться с боями на Дон, к Лавру Георгиевичу Корнилову, с тем, что мы собрали в кулак.

— Но это авантюра, а вы, Дроздовский, своим упрямством смахиваете сейчас на маньяка, который готов погубить людей.

— Меня, господа, можете называть как угодно, авантюристом или маньяком. Но я не изменю присяге государю императору, единожды мной данной. А свою бригаду в бой поведу…

…Когда генералу от инфантерии Щербачеву доложили о ситуации с формированием при 9-й армии Кельчевского Добровольческого корпуса, он впал в уныние. Это, пожалуй, была его единственная надежда на удержание фронта в своих руках, на котором от полков старой армии оставались уже во многих случаях одни названия и номера. Он спросил прибывшего к нему в Яссы с докладом генерала Сахарова:

— Мнение участников совещания, Анатолий Николаевич?

— Корпуса как боевой силы на сегодняшний день нет, Дмитрий Григорьевич. Нам не с чем идти из Ясс в поход на Дон.

— Мнение участников было едино? Или нет?

— Против выступил полковник Дроздовский. Высказался крайне резко. Думаю, что он предпримет самостоятельные действия, без вашего на то приказа.

— Я знаю, что собранные им в Скинтее добровольцы настроены крайне решительно. Сколько у него на сегодняшний день людей?

— Всего в наличии немногим более пятисот штыков. Он приступил к формированию офицерского пехотного полка в три роты, батарей, нескольких команд. Бригада постоянно пополняется добровольцами.

— Скажите мне откровенно, Анатолий Николаевич: вы вместе с Кельчевским верите в то, что, скажем, в ближайший месяц мы сможем досоздать корпус?

— Нет, Дмитрий Григорьевич.

— Румыния если не сегодня, то завтра подпишет сепаратный мир. Без русских армий королю Фердинанду наступит скорый конец. Австрийцы и германцы в считаные дни возьмут Яссы, а там через Прут шагнут в нашу Бессарабию. А наш фронт сегодня — сплошные дыры из-за отказа солдат сражаться.

— А что на это приказывает новая власть из Петрограда?

— Так называемый Совнарком указывает только на революционный пыл освобожденного непонятно от какого рабства народа России.

— Германия с Австрией уже выставили перед румынами какие-то требования, Дмитрий Григорьевич?

— В том и дело, что да. Одно из главных требований — роспуск всех русских добровольческих частей на территории Румынского королевства. То есть здесь, под Яссами.

— Речь идет о бригаде полковника Дроздовского?

— Именно о ней, Анатолий Николаевич. Немцы знают, что ее состав вместе с командиром — из монархистов. Они стоят за союзнический долг перед Антантой.

— Если Дроздовский откажется распустить своих добровольцев, что будет тогда?

— Только пальба и кровь. Если дело пойдет миром, то германская сторона будет вести переговоры с Румынией и Россией в лице русского командования фронтом о перемирии.

— Значит, и для нас поставлено то же условие, что и перед королем Фердинандом?

— В том и дело, что да. У нас мог быть козырь с начала этого, восемнадцатого года в противостоянии неприятелю и красному Петрограду — наш особый добровольческий корпус. А вместо него мы имеем пятьсот штыков полковника Дроздовского и союзников-румын, уже готовых подписать сепаратный мир.

— Значит, надо воспрепятствовать авантюристическим поступкам Дроздовского?

— Надо. Но только как? Французские советники в Яссах стоят за него.

— Еще бы не стоять, Дмитрий Григорьевич. Немецкие дивизии из Карпат сразу же окажутся на Западном фронте. А от него до Парижа, что от Ясс до славного города Одессы, в котором сегодня не поймешь, чья власть.

— Надо подготовить два приказа за подписью командующего 9-й армией Кельчевского. Я их заверю в тот же день.

— Какие, прикажите, подготовить приказы по армии?

— Первый о недействительности подписки, которую написали Дроздовский с Войналовичем.

— Второй?

— Приказ об упразднении отдельного корпуса русских добровольцев: его штаба и всех трех бригад.

— Это касается и Скинтейской бригады?

— И ее тоже.

— А если полковник Дроздовский не подчинится приказу по армии?

— Мы, Анатолий Николаевич, не сможем на том настаивать перед ним И мешать ему в дальнейших действиях не следует. Но прорываться через все Причерноморье на Дон — сами понимаете,

как это называется.

— Это чистая авантюра, Дмитрий Григорьевич.

— Нет, это уже не авантюра, Сахаров. Это безумие. Ваш сын, поручик, все еще в Скинтее?

— Да. Когда последний раз появлялся в Яссах, сказал, что с Дроздовским пойдет хоть за Волгу.

— Поразительный ответ. Меня лично удивляет вера офицеров-монархистов в этого полковника-генштабиста…

Эти два приказа за подписью командующего армией Кельчевского, утвержденные Щербачевым, действительно появились на свет. Подписка добровольца теряла свое юридическое значение. 2-я Кишиневская добровольческая бригада сразу же расформировалась «сама собой». 3-й Болградской бригады как таковой почти не существовало.

Часть добровольцев, прежде всего в Кишиневе, рассеялась. Они поняли, что «там — наверху» они никому не нужны в своих мыслях и стремлениях постоять жизнью за утраченную старую Россию. Люди попросту разъезжались по домам, в своем большинстве не близким.

Щербачевские приказы появились на свет уже тогда, когда от Румынского фронта как такового оставались одни воспоминания. Недавние союзники-румыны то там, то здесь начали разоружать русские части (вернее, то, что от них оставалось) и захватывать всевозможное армейское имущество. Представители Антанты на такое дело взирали молча.

Вскоре к разоружению остатков русских полков Румынского фронта приступили по указанию Центральной Рады, осевшей в Киеве, украинские националисты — петлюровцы. Они формировали свои войска гайдамаков. Там, где им оружие добровольно не сдавалось, применяли силу.

…Полковник Дроздовский решению Управления по формированию Отдельного корпуса русских добровольцев, естественно, не подчинился. Получив такой приказ, он не промедлил зачитать его перед строем бригады и твердым голосом за всех, стоявших перед ним в строю, громко произнес:

— А мы все-таки пойдем в очистительный для Отечества поход.

Очевидец того события скажет в своих воспоминаниях, написанных уже после Гражданской войны: «Ни одного мнения не было подано против. Как и Корнилов, мы восстали против революции…»

Михаил Гордеевич не только не распустил свою бригаду, но и продолжал вербовку в нее людей, но уже частным порядком, не через бюро, которые закрылись. Теперь люди с фронта, желавшие

примкнуть к Белому делу, шли только к нему.

После появления злополучных приказов по 9-й армии Скинтейская бригада неожиданно получила солидное усиление. Добровольцы, которые размещались на железнодорожной станции Соколы, что в двух верстах от Ясс, по своей воле оказались в Скинтее.

Они заняли пустовавшие здесь два летних холодных и темных барака Офицеры спали на голых нарах, поскольку о постельных принадлежностях говорить не приходилось. Стелили под себя и укрывались шинелями. Жалоб не было. Днем занимались различными хозяйственными работами, прежде всего заготовкой дров и уходом за лошадьми. Командир бригады, чтобы люди не расхолаживались, приказал проводить ежедневные строевые занятия:

— Чтобы подтянуть наш строй, надо заниматься в строю… Все трудности будут у нас впереди… Есть быть в России войне Гражданской, то только с нами, скинтейцы…

На скудность пищи и неустроенный быт никто не жаловался. Добровольцы понимали, что в походе будет еще труднее и голоднее. Один из них вспоминал, что нелегкая доля «не понизила духа, но, наоборот, только сильнее сплотила собравшихся. Трудную непривычную школу пришлось пройти офицерам…».

Дроздовский, пока не вызрел поход на Дон, старался всячески сплотить свою бригаду, которая больше напоминала ударный офицерский на две трети отряд. Он стремился закалить белых бойцов, дисциплинировать их, проверить выносливость всех и каждого. Михаил Гордеевич говорил:

— Я не гонюсь за числом… Мне нужны только мужественные, твердые, энергичные люди… Нытикам у меня не место…

Добровольческий корпус был официально распущен. Теперь прекратились поступления даже самых незначительных субсидий на добровольческие части. Бригада стала жить, как сейчас говорится, «хозспособом»: она сама заботилась о своем обеспечении всем необходимым. И вполне удачно. Такое было возможно только в условиях полного разложения Румынского фронта, прежде всего той его части, что находилась в районе Ясс.

Дроздовский в такой сложной лично для него, как полновластного командира бригады, ситуации не растерялся. Он приказывает командирам рот, батарей и команд:

— Все необходимое для жизнедеятельности бригады с сегодняшнего дня добывать набегами на соседние большевизированные части… Вооружение, прежде всего со складов, брать у них, если надо, под угрозой применения

оружия… Брошенные автомобили и особенно броневики заправлять бензином, спиртом и доставлять в Скинтею… Искать брошенные пушки и снаряды особенно в тех батареях, солдаты которых дезертировали домой… Реквизированный у комитетчиков в полках провиант и фураж свозить сюда же… Разрешаю часть добытого имущества, но не оружие и боеприпасы, менять у румын на то, чем бригада не располагает сегодня…

В считаные недели 1-я бригада русских добровольцев, стоявшая у Ясс, обеспечила себя всем необходимым Впоследствии Дроздовский в частной беседе с командующим Добровольческой армией генерал-лейтенантом А. И. Деникиным, которая состоялась в донской станице Мечетинской, скажет:

— Трудно было в феврале. Ни денег на покупку продовольствия и фуража, ни «законного» поступления боеприпасов, бензина для автомобилей, ни винтовок для новых бойцов.

— Но вы же нашли верный выход из ситуации, Михаил Гордеевич? Единственно верное тогда, авторское решение?

— Нашел, Антон Иванович. Но как оказалось, я в своих действиях только повторялся.

— Как это понимать?

— Точно повторялся. Вслед за Лавром Георгиевичем Корниловым, светлая ему память. Ведь вы так же действовали из Новочеркасска, как я из Скинтеи, когда готовились к выступлению в Кубанский поход?

— Именно так, Михаил Гордеевич. Тоже пришлось заниматься обеспечением самим. Где пушку купим у казаков с фронта, где угоним целую батарею у ставропольских большевиков. Всякое тогда бывало.

— Только вам зимой с Корниловым было полегче, Антон Иванович.

— Несомненно. Ведь мы были на казачьей земле, рядом — атаман Каледин. А вы создавались на краешке Румынии. И для вас король Фердинанд, хоть и союзник, казачьим атаманом быть не мог.

— Не мог. Мы, когда пробивались в поход, чуть не разнесли его королевский дворец в Яссах из пушек…

Добывание вооружения, боеприпасов, различного снаряжения, провианта и фуража способом самозахвата на фронте дало самые неожиданные результаты. К 20 февраля в Скинтее, в расположении бригады, оказались свезенными немало самых различных орудий, в том числе и крупных калибров, бронемашин (пятнадцать единиц!), легковых и грузовых автомобилей, пулеметов и даже… радиостанция. Или, как их

тогда называли, искровая станция. Но потом окажется, что сбежавший радист-«искровик» ее умышленно и умело испортил.

Потом, после Гражданской войны, напишут, что белогвардейский отряд монархиста Дроздовского перед походом на Дон в изобилии был оснащен всем необходимым на французские деньги. То есть Антантой. Но то был вымысел из разряда заказных.

Дело обстояло совсем иначе. «Изобилие» добывалось хозяйственным способом, то есть самозахватом. В итоге бригада собрала с фронта всего ей необходимого столько, что им можно было оснастить воинскую часть — соединение по числу людей в несколько десятков раз большее, чем «компактная» бригада в пятьсот штыков. А бронеединиц в ней оказалось волей случая больше, чем в любой армии любого фронта.

При уходе добровольцев из Скинтеи все, что они не смогли взять с собой, было приведено в негодность и брошено. Часть имущества, прежде всего легковые автомобили, выменяли у румын на бензин. Часть пошла «на покупку» у вчерашних союзников пропусков на выход белой добровольческой бригады с территории Румынского королевства. Было и такое.

20 февраля 1918 года полковник Дроздовский сделал первую запись в своем походном «Дневнике», который вел до самого прихода в Область Войска Донского. Запись полна забот, тревоги, ожиданий:

«Утром 19-го шел Геруа (генерал-майор, новый начальник штаба Румынского фронта. — А. Ш.) передать доклад Совета (конспиративного, по формированию частей добровольцев. — А. Ш.). Встреча с Алексеевым, решение уходить. Тревожные вести — разоружение. Все по моему приказанию за последние 10 дней.

Мое решение — пробиться. Распоряжение Лесли (полковник Г. Д. Лесли, сменивший перед походом генерал-майора Сахарова на посту начальника штаба бригады. — А. Ш.) подготовить помещение и об уходе. Поездка в Скинтею и распоряжение. Ночной переход с 20-го на 21-е.

Приступил к составлению очерка затруднений, творимых румынами. Запрещение выдачи из складов имущества и снарядов, пропусков, неотпуск лошадей в Бельцах. Распубликование в Бессарабии о том, что в Яссах ничего нет (официальная публикация румынских властей о том, что в Яссах нет частей русских добровольцев. — А. Ш.); затруднения, творимые в Бессарабии, — еще хуже».

Официальная любезность, тайные запрещения, итальянская забастовка. Наша борьба с Синедрионом (так Дроздовский называл штаб 9-й армии во главе с генералом Кельчевским) за

выход на Днестр; бесконечно нервное напряжение последних 10 дней, 20-го утром записка Одона (полковник французской военной миссии при короле Фердинанде I. — А. Ш.) о наряде 3 эшелонов. Разрешение на вывоз оружия и артиллерии. Днем обещание отпуска недополученного снаряжения, снарядов и патронов.

Подача записки Презано (генерал Прежан — главнокомандующий румынской армией. — А. Ш.). Все это результат давления Щербачева, увы, позднего; вообще Презано шел охотно, тормозило правительство с Авереску (генерал Александр Авереску, новый председатель совета министров Румынии. — А. Ш).

Однако к 22 февраля все переменилось. Стало известно, что Румыния намеревается заключить с Центральными державами сепаратный мир. Одно из его непременных условий — разоружение русских добровольческих частей, которые готовы и будут драться с германцами и австрийцами.

В тот день в Скинтею пришло достоверное сообщение:

— Гали б, посол Украинской народной республики в Румынском королевстве, просит генерала Авереску разоружить русских.

На это полковник Дроздовский отдал следующее приказание, которое двусмысленностью не отличалось:

— Всей бригаде быть готовой к применению оружия. На провокации не поддаваться и самоуправством не заниматься.

Михаил Гордеевич понимал, что заключение сепаратного мира сразу же повлечет за собой попытку разоружить бригаду. Он отдает распоряжения на такой случай. Стало явно «попахивать порохом». Последняя запись в его «Дневнике» за 22 февраля была такова:

«…Разрешение министра на перевозку — в руках. Весь день те же мытарства: румыны водят за нос, нет до сих пор допуска к бензину, нет разрешения на снаряды, инженерное имущество, снаряжение…

Составы есть, но нет еще разрешения грузить…

…Страшный кавардак и хаос, над всем царит страх отмены нашего выпуска с оружием (румынам верить нельзя) или занятия австрийцами Дубоссар.

Весь день мечусь как угорелый, ездил в Соколы, нервы раздергались, становлюсь невыдержанным в разговоре. Обещались завтра примкнуть от 70 до 110 человек чехословаков и человек 60 запорожцев».

В бригаде лихорадочно готовились к выступлению на восток. Румынская сторона делала (неофициально) все возможное, чтобы

воспрепятствовать этому. Прежде всего задерживался пропуск эшелонов и выдача бензина для «дорогих и редких» автомобилей и бронемашин, которых у добровольцев оказалось, волей разных случаев, несколько десятков.

Встал вопрос о финансах. Бригадная казна была пуста, людям задолжали положенное им жалованье за один-два месяца Щербачев, получивший от союзников по Антанте (от французов) семь миллионов франков, согласился выделить 1 — й русской добровольческой бригаде полтора миллиона. На деле же в бригадную казну поступило всего шестьсот тысяч франков.

Для выплаты жалованья личному составу подчиненной Дроздовскому воинской части этих денег не хватало. Тогда он, чтобы пополнить бригадную казну, приказал своим помощникам:

— Разрешаю вам продать еще часть снаряжения, которое мы не сможем взять с собой. И часть автомобилей. Деньги нам нужны сегодня, но не завтра.

— Кому продавать наше добро, Михаил Гордеевич?

— Любым румынам: военным, чиновникам, трактирщикам, торговцам из гражданских. Любым, кто заплатит сразу.

— А автомобили?

— Грузовики большей частью пригодятся нам самим. А от легковых «парижанок» и «американок» надо сегодня и завтра избавиться…

Такое приказание было вызвано тем, что Дроздовский не счел возможным нарушить свои, как бригадного начальника, финансовые обязательства перед подчиненными. Ранее было установлено офицерам месячное содержание в двести рублей, а нижним чинам — от двадцати пяти до ста рублей. Это был, как говорится, прожиточный минимум на войне.

В походном «Дневнике» полковника Михаила Дроздовского появляется такая многозначащая запись:

«Агитация против похода изводит, со всех сторон каркают представители генеральских и штаб-офицерских чинов, вносят раскол в офицерскую массу.

Голос малодушия страшен, как яд. На душе мрачно, колебания и сомнения грызут, и на мне отразилось это вечное нытье. И все же тяжелые обстоятельства не застанут врасплох. Чем больше сомнений, тем смелее вперед на дороге долга…

Только неодолимая сила должна останавливать, но не ожидание встречи с ней.

И все же тяжело…»

В той ситуации, когда решался вопрос выпустят румыны бригаду русских добровольцев из Ясс или придется пробиваться в Россию силой оружия, сказалась сплоченность бойцов

Дроздовского. Сплоченность эта была на монархической почве.

Начав формировать Скинтейскую бригаду, Михаил Гордеевич на вопрос полковника Войналовича ответил так:

— Как мне и всем нам понимать вашу идейную позицию?

— Сейчас я за Российскую республику. Но в душе я, знайте это, все-таки монархист…

В те дни ротмистр Болотовский предложил Дроздовскому… начать вербовку внутри создаваемого добровольческого отряда в тайную монархическую организацию. Предложение было сразу принято. Вербовка велась самим Дроздовским и ротмистром Болотовским в частных беседах. Завербованным членам тайной организации выдавали особые карточки трех степеней. Большинство получало карточки с одной полосой, двенадцать человек из числа начальствующего состава — с двумя. Лишь у Дроздовского и ротмистра Болотовского были карточки с тремя отличительными полосами.

Автор такой «монархической идеи», один из первых добровольцев, вставших под знамя русского добровольчества, писал в своих воспоминаниях: «Процент имеющих карточки в отряде за все время… был очень высок и колебался около 90 %…» То есть дроздовская бригада по своей идейной сути была настроена за восстановление в России монархии, то есть династии Романовых. Тайная организация еще больше сплотила белых добровольцев. А их командир получил над ними двойную власть. Теперь он мог рассчитывать на неограниченную преданность подчиненных.

…В 10.30 23 февраля в Скинтею пришло известие о том, что румынский кабинет министров запретил перевозки и «вообще выход с оружием» любых русских воинских частей с территории Румынского королевства, Дроздовский собрал командиров бригады и оповестил их о таком решении союзников:

— Нам готовится ловушка, если бригада начнет перевозиться в Кишинев, а оттуда в Дубоссары.

— Ваше решение, Михаил Гордеевич?

— Пойдем силою через мост. В карманах иметь пропуска и разрешения их министра Авереску. Способ прохода через Прут вижу такой — сам встану во главе колонны. И на огонь будем отвечать огнем, всей бригадой.

— Значит, будем пробиваться в Россию с оружием в руках?

— Вполне возможно, господа офицеры. Сегодня нам шутить не приходится, поскольку шутки с нами плохи.

— Приказ такой будет дан сегодня, Михаил Гордеевич?

— Повременим. Завтра, а может быть, послезавтра все прояснится. Но быть готовым ко всему, в том числе к ночному

марш-броску до Унген.

— Когда? В каком порядке пойдет бригада?

— Если будет необходимо принять такое решение, то выступим в десять или одиннадцать вечера. Пехотные роты на подводах впереди, затем эскадрон, легкая батарея и мортирный взвод, пулеметные команды и штатный обоз. Мортиры придется в таком случае бросить.

— Почему бросить? Это же наша огневая мощь?

— Потому что мортирные снаряды союзные румыны подбросили нам подмоченные. Еще есть вопросы?

— Никак нет.

— Тогда всем быть наготове на своих местах…

Страсти, связанные с выступлением 1-й бригады русских добровольцев в поход, достигли своего наивысшего накала в памятный для них день 26 февраля. «Дрозды» постарались ничего не оставить недоброжелательным союзникам в Скинтее, сами перебрались поближе к Яссам, на железнодорожную станцию в Соколах.

Там тоже имелись в достаточном числе временные бараки, в которых когда-то останавливались на день-два маршевые роты. Бараки в лучшем случае имели только нары, иногда кое-как сложенные печи на случай холодов. В любом случае добровольцам приходилось их обживать: с поиска дров, для приготовления нехитрой походной пищи.

Как только добровольческий отряд сменил место нахождения, его сразу же начали брать в кольцо румынские войска.

Дроздовский записал в своем походном «Дневнике»: «… Прибытие двух рот румын днем в Соколы. Демонстрация — узнав, приказал ответить тем же».

Из близких Ясс пришло требование сдать все оружие, военное имущество и свободно разъехаться по домам. Это был откровенный ультиматум вчерашних союзников. Начальник штаба бригады полковник Войналович в отсутствие командира построил бойцов и зачитал им требование румын. Ответом стало единодушное решение идти на прорыв с боем, если этого потребует обстановка:

— В Россию надо прорываться с боем!

Командование румынских войск, расквартированных в королевской и правительственной ставке в Яссах, просчиталось. Вместо согласия, то есть капитуляционного согласия на сдачу оружия, русские добровольцы именем полковника Дроздовского отправили королю Фердинанду I свой ультиматум. Он гласил следующее:

«Королевский дворец в Яссах.

Лично Его Королевскому Величеству.

1. Оружие сдано не будет.

2. Требуем гарантии свободного пропуска до русской границы.

3. Если до 6 вечера не уйдут (румынские. — А. Ш.) войска, будет открыт артиллерийский огонь по Яссам и, в частности, по королевскому дворцу.

Полковник Генерального штаба *Дроздовский».*

Михаил Гордеевич сел в автомобиль и сквозь румынские посты повез ультиматум в Яссы. Там он настоял на том, чтобы «во всем потерявшийся» генерал Щербачев передал этот немногословный документ королю Фердинанду. Тот, разумеется, поспешил передать дроздовский ультиматум своему председателю кабинета министров:

— Разберитесь с этим полковником, господин Авереску. Вы же глава кабинета, а не я.

— Но, ваше величество, я временный председатель кабинета. Я командующий вашей 9-й армией.

— Но вы же генерал, герой сражения на Сушице. А тут перед вами площадь у вокзала.

— Смею заметить, ваше величество, что у русских добровольцев и пушки, и мортиры. А пулеметные расчеты только офицерские, смею заметить.

— Ну и что? Вы же начальствуете у меня не одной армией.

— В Яссах, ваше королевское величество, ни одной из этих армий сегодня нет. А у них пушек стало сразу намного больше.

— Откуда?

— Дроздовский приказал своим офицерам подобрать орудия русских, брошенные еще на той неделе на привокзальной площади Ясс. И прибрал к своим рукам снаряды к ним.

— А куда смотрели наши караулы?

— Их никто и не ставил, ваше величество. Полки и дивизии генерала Щербачева нам здесь столько всего поостaвляли, что тыловики до сих пор не могут подсчитать. Всего очень много.

— Значит, Авереску, как я понимаю, брошенные пушки составили на привокзальной площади батарею.

— Точно так, ваше королевское величество.

— А куда смотрят сейчас эти пушки?

— Как куда? На королевский дворец. И снаряды к ним притащены в избытке…

Ультиматум дроздовцев (которые к пяти вечера изготовились более чем серьезно идти на прорыв) подействовал. Королевские войска отошли на «разумное» расстояние от железнодорожной

станции. Решительность белых бойцов пугала румын угрозой нешуточных боев в собственном тылу, да еще во временной столице Яссах. Осторожный царедворец Авереску рисковать ни своим креслом, ни целостностью королевского дворца не помышлял.

Командир белой гвардии получил пропуск на беспрепятственный выход с территории королевства и шесть эшелонов (паровоз с паровозной бригадой, вагоны, платформы), которые должны были доставить бригаду в несколько сотен бойцов, броневики и автомашины, провиант, мортирную и конногорную батареи в бессарабскую столицу Кишинев.

Железнодорожные составы для дроздовцев нашлись на станции Александрия. Каждый воинский эшелон состоял из тридцати крытых платформ (товарных) вагонов и пятнадцати открытых платформ. Паровозные бригады находились там же, в Александрии (Дроздовский в крайнем случае был готов поставить на паровозы машинистами и кочегарами своих артиллеристов).

Из Кишинева нужно было двинуться на Дубоссары, а там переправиться по мосту (охрану его несли румыны) через реку Днестр. В этом приднестровском городке вполне реально могли оказаться австрийские или немецкие войска, которые после Брест-Литовска спешили занять как можно больше территории своего недавнего противника.

От Дубоссар, от днестровских берегов предстояло идти на Дон походным маршем по кратчайшему маршруту, уже вычерченному на штабной карте. Идти с боями? Сомнений в том у белых добровольцев не было: на мирный лад походных будней командир бригады никого не настраивал. И прежде всего самого себя. Белый романтик Дроздовский все же был большим реалистом в последний год своей жизни, в год 1918-й.

Реакция союзного румынского командования на ультиматум явилась для добровольцев большой моральной победой, которая еще теснее сплотила их вокруг своего командира Его потом назовут обладателем маленькой преторианской армии, в верности которой военному вождю сомневаться не приходилось.

Белоэмигрант А. В. Туркул в своих мемуарах «Дроздовцы в огне. Картина Гражданской войны 1918–1920 годов» тот особо ему запомнившийся февральский день в Яссах — день исключительно волнительный и тревожный — описывает так:

«…Мы стали военными бунтовщиками.

Дроздовский уехал в штаб Румынского фронта выяснять обстановку, а офицеры и добровольцы, подходившие к нам из города, стали передавать, что наш отряд со всех сторон окружают румынские войска. Мы немедленно отправили сторожевые

охранения и выставили пулеметы.

У вокзала были брошены русские пушки. Мы расставили нашу артиллерию, с ней и эти пушки. Наши жерла были направлены на парламент, заседавший тогда в Ясском дворце. Было решено не допускать разоружения. Я помню бессонную ночь, помню ночное собрание старших начальников. Мы ждали приезда Дроздовского, мы решили пробиваться с боем, если румыны не согласятся нас пропустить.

Утром румыны прислали нового офицера с требованием разоружиться. Мы отказались и предупредили, что при первой же попытке разоружить нас силой огонь всей нашей артиллерии будет открыт по городу и парламенту.

А Дроздовского все не было. У многих не только росла тревога за него, но закрадывались и сомнения. В десять часов утра погожего ясного дня мы со всех сторон были окружены румынами и зловеще сверкало на солнце их и наше оружие.

Вдруг показался автомобиль. В нем Дроздовский. Он как будто бы махал белым платком Машина остановилась. Толпой, кто только был свободен, мы кинулись к командиру.

— Господа, — радостно сказал Дроздовский, махая листком бумаги, — пропуск у меня в руках — дорога свободна. После обеда мы выступаем.

От нашего молодого горячего „ура“ задрожали вокзальные стекла. Дроздовский не мог к нам вернуться вчера — его не пропустили. Тогда он снова поехал в штаб Румынского фронта и там раздобыл нам пропуск.

Мы стали лихорадочно грузиться в эшелоны. 26 февраля 1918 года бригада русских добровольцев полковника Михаила Гордеевича Дроздовского начала свой поход; я шел фельдфебелем второй офицерской роты. В Кишинев мы пришли эшелонами. Там подождали, когда придут последние эшелоны, и вот — поход начался.

Было нас около тысячи бойцов. Никто не знал, что впереди. Знали одно: идем к Корнилову. Впереди — сотни верст похода, реки, бескрайние степи, половодье, весенняя грязь и враги со всех сторон, свои же, русские враги.

Впереди — потемневшая от смуты, клокочущая страна, а кругом растерянность, трусость, шкурничество и слухи о разгуле красных, о падении Дона, о поголовном истреблении на Дону Добровольческой армии. Мы были совершенно одни, и все-таки мы шли.

Нас вел Дроздовский…»

Автор этих слов, бессарабский дворянин, доброволец Первой мировой и Гражданской войн Антон Васильевич Туркул, навсегда

оставил родительский дом. Уходя в поход Яссы — Дон, он уже больше не увидит родной приднестровский город Тирасполь, основанный великим Суворовым, и мать, которая отдала русской армии в Великую мировую войну четверых своих сыновей.

У многих белых офицеров, уходивших в поход, позади оставались не просто родные дома и семьи, а пепелища и свежие могилы. То есть кровавая черта Гражданской войны уже перечеркнула их судьбы до того, как они вступили в свой первый «праведный бой».

Самому Михаилу Дроздовскому так и не удалось познать семейного счастья. Перед самой войной он женился на потомственной дворянке православного вероисповедания Ольге Владимировне Евдокимовой. С начала Великой войны он с нею уже больше не увидится. Ее судьба нам неизвестна. Как и то, знала ли она о гибели своего мужа.

Дроздовцы уходили из таких неприветливых для них румынских Ясс в историю Гражданской войны в России. Их старались в будущем то забыть, то очернить, то обезличить, то лишить права быть самими собой. А они 26 февраля уходили в неизвестность, обстрелянные пока только в окопах Первой мировой войны (и совсем немногие — в Японской), с одной-единственной мыслью в сердцах «о воскресении России».

— Россия с нами. И мы умрем за нее…

За день до выступления в поход в дроздовском «Дневнике» за 25 февраля появилась такая запись: «Сведения с Дона большевистских искрограмм (радиограмм. — А. Ш.): Ростов и Новочеркасск пали. Какие же тогда у нас цели, как искать соединения? Страшная трудность задачи. Время покажет, а пока по намеченному пути, лишь бы немцы пропустили».

…О чем думал Михаил Гордеевич Дроздовский, полковник Генерального штаба, георгиевский кавалер, имевший два тяжелых ранения, участник двух больших войн и сознательно вступавший в третью для себя войну — гражданскую? И все это в тридцать шесть лет! Ответ этому есть — в его словах личных дневниковых записей:

«Только смелость и твердая воля творят большие дела. Только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь, в грядущей борьбе, смело ставить себе высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы».

«Голос малодушия страшен, как яд».

«Нам остались только дерзость и решимость».

«Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно, на сколько времени. Это иго горше татарского».

«Пока царствуют комиссары, нет и не может быть России, и только когда рухнет большевизм, мы можем начать новую жизнь, возродить свое отечество.

Это символ нашей веры».

«Через гибель большевизма к возрождению России. Вот наш единственный путь, и с него мы не свернем».

«Я весь в борьбе. И пусть война без конца, но война до победы. И мне кажется, что вдали я вижу слабое мерцание солнечных лучей. А сейчас я обрекающий и обреченный».

Дроздовский писал о себе: «Я обрекающий и обреченный». Но пожалуй, лучше всего к его образу подходят другие слова: «Я белый романтик российской Гражданской войны».

Собственно говоря, без всякой натяжки такими же «обрекающими и обреченными белыми романтиками» были те люди, которых он уводил за собой в поход Яссы — Дон. Даже если они и не были монархистами по убеждениям.

Легко ли было на душе у белых добровольцев, когда они выступали в поход Яссы — Дон? Что их мучило и тревожило? Ответ на то достаточно ясный есть. 27 февраля в дроздовском походном «Дневнике» появилась такая запись:

«…На душе тяжело — если правда потеря Ростова и Новочеркасска, то трудность соединения почти неодолима; вообще задача рисуется теперь все более и более тяжелой. Как ни мрачно — борьба до конца, лишь бы удрать от немцев за линию Слободка — Раздельная и дальше сохранить в целости полную организацию отряда, а там видно будет — может, и улыбнется счастье.

Смелей вперед!

Успеем ли, сумеем ли проскочить?..»

Глава 4
Прорыв: «По долина и по взгорьям шла дивизия вперед…»

Поход Яссы — Дон, или Дроздовский поход, начинался с едва не состоявшегося вооруженного конфликта с румынами, которые еще вчера были союзниками старой России по Антанте. То, что эшелоны с белыми добровольцами покинули Яссы и двинулись на Кишинев, еще не означало мирного улаживания отношений с румынской стороной.

Перед самым Кишиневом, на станции Перлица, местный воинский начальник бывших союзников попытался силой оружия захватить, отцепить и увезти паровоз головного эшелона бригады. В весеннем воздухе над небольшой железнодорожной станцией сразу «запахло порохом». Королевский офицер заявил безапелляционно, показывая на свои пулеметные расчеты:

— Я имею из Ясс предписание моего командования. Сдать оружие, имущество, пушки и казну…

Старший эшелона капитан-артиллерист Колзаков не дрогнул под дулами двух «союзнических» пулеметов, наведенных на него с десятка шагов. И отдал команду, которую от него перлицкий комендант никак не ожидал услышать:

— Все из вагонов! К бою!..

По сигналу рожка «дрозды» дружно покинули вагоны и взяли румын в кольцо. Добровольцы «посмотрели» союзникам по Антанте в лицо десятком стволов «максимов» и «пошумели» затворами своих винтовок, загоняя патроны в патронники. Те сразу сообразили, что сцена на вокзале в Перлице может получить нешуточное продолжение в виде шквала пулеметного огня и последующей штыковой схватки.

Сила натолкнулась на силу. О волевом настрое сторон и говорить не приходилось. Приказ остановить походное движение бригады русских добровольцев комендант железнодорожной станции исполнить не мог: людей, а тем более столько пулеметов он просто не имел. Вероятнее всего, применять силу королевский офицер тоже не хотел и не мог, а взять русских на испуг ему не удалось.

Румынам пришлось извиняться за задержку головного эшелона по каким-то непонятным даже им причинам. Но полковника Дроздовского устраивало и такое объяснение. Путь его добровольческой бригаде был свободен.

На станции Перлица румыны больше не посягали на паровозы русского отряда, даже последнего эшелона, команда которого могла «опереться только на себя». В столице же Бессарабии эшелоны были окружены цепью румынских пулеметных постов, но все обошлось без провокаций и кровопролития.

Благоразумие взяло верх над конфликтующими сторонами. Королевское командование наконец-то определилось в своем отношении к бригаде русских добровольцев:

— Пусть побыстрее уходят из нашей Бессарабии за Днестр. Пусть идут в свою Россию. Нам до них дела нет…

Уходящим с территории Румынского королевства (сохранившегося в огне Первой мировой войны благодаря только русской армии) белым «подсобил» не кто иной, как сам Александру Авереску, будущий маршал и бывший военный министр.

— Нам надо думать о себе. В России пусть творится все, что нам не годно… Нам сильный сосед не нужен. А украинского гетмана мы из нашей Одессы выбьем..

В Кишиневе Дроздовский надеялся заметно пополнить свой отряд за счет формировавшейся здесь 2-й бригады Русского добровольческого корпуса. Но «благодаря» приказу по 9-й армии она уже успела рассеяться. К «дроздам» присоединилась только одна офицерская рота численностью почти в сто штыков. И это было все, что мог дать Белому делу Кишинев, утративший немалый тыловой гарнизон Румынского фронта.

Такое обстоятельство не обескуражило полковника Дроздовского: он уже знал, что генерал Щербачев еще до выступления Скинтейской бригады к Яссам завалил все Белое дело на своем фронте.

— Те, кто из добровольцев дожидался нас в Кишиневе, — настоящие бойцы. В надежности их сомневаться не надо…

— По пути пополнимся. Офицеры-фронтовики, иные добровольцы найдутся в каждом городке до Дона..

— Кишиневцев принимаем в бригаду отдельной сколоченной ротой. Они этого заслужили…

В Кишиневе добровольцы оставили железнодорожные эшелоны, доставшиеся им с таким трудом в Яссах. Но лошадей на то время в бригаде было предостаточно, равно как и всевозможных повозок, для тылов и артиллерии с ее зарядными ящиками и снарядными запасами.

4 марта бригада, двигавшаяся уже походным порядком, достигла Дубоссар на берегу Днестра и заняла их. Возникла опасность столкновений с австрийцами: их небольшие отряды

появились на пути движения бригадной колонны, но в соприкосновение с русской воинской частью они не входили, словно стараясь «ее сознательно не замечать».

На Дубоссары у Михаила Гордеевича была большая надежда здесь еще в начале года стоял немалый прифронтовой гарнизон, уже совсем растаявший. Часть гарнизонных офицеров осталась по разным причинам в этом приднестровском городке. Была объявлена регистрация офицеров, на которую, к немалому удивлению Дроздовского и его помощников, никто так и не прибыл. Бригадный командир только раз обмолвился по такому поводу:

— Неужели все они думают отсидеться на печах, когда Россия зальется людской кровью…

Зато в Дубоссарах к бригаде русских добровольцев присоединились кавалерийская команда из Болграда и Польский эскадрон. Число бригадной кавалерии заметно возросло.

Из Дубоссар Дроздовский отправил в Кишинев два последних «лишних» легковых автомобиля и два грузовика Их надлежало продать за деньги для бригадной казны или обменять на бензин (прежде всего для бронеотряда), который был уже на исходе.

За время четырехдневной стоянки в Дубоссарах бригада прошла реорганизацию наличных сил. Добровольческий отряд полковника Дроздовского перед выходом в свой легендарный поход теперь состоял из следующих воинских частей:

«Штаб 1-й добровольческой бригады.

Сводно-Стрелковый полк в составе трех стрелковых и одной пулеметной роты и хозяйственной части (487 штыков) под командованием генерал-майора В. Семенова.

Конный дивизион штабс-ротмистра БА. Гаевского (102 сабли). Он сформировался из двух кавалерийских эскадронов — штабс-ротмистра Аникеева и ротмистра В. А Двойченко.

Конно-горная батарея капитана БЛ. Колзакова.

Легкая батарея полковника М. Н. Ползикова.

Гаубичный взвод подполковника А. К. Медведева (его вскоре сменил капитан Михайлов).

Броневой отряд (бронеколонна) капитана Ковалевского.

Автоколонна капитана Лисицкого.

Команда связи полковника Грана.

Конная и автомобильная радиотелеграфные станции.

Команда конных разведчиков особого назначения (15 сабель).

Техническая часть.

Отрядный лазарет.

Обоз (отрядный и отдельных частей)».

Белый отряд, выступивший из Ясс, насчитывал 1050 бойцов, в

душевном настрое которых сомневаться ни своим, ни чужим не приходилось. Из них две трети — 667 человек — были фронтовыми офицерами, почти сплошь молодыми, младшими в чинах. Все больше прапорщики, подпоручики и корнеты, поручики и капитаны: «бедняки-офицеры, романтические штабс-капитаны и поручики». В отряде состояло еще 370 нижних чинов, 14 врачей, военных чиновников и священников, 12 сестер милосердия, добровольно пришедших на фронт мировой войны.

Потом, гораздо позже, исследователи заметят, что по своему составу добровольческая бригада полковника Дроздовского удивительно походила на Добровольческую армию генералов Корнилова и Алексеева. Даже в пропорциях людей в погонах. Из Новочеркасска выступили в 1-й Кубанский поход те же фронтовики, те же офицеры в младших чинах. И те же георгиевские кавалеры, гордость армии старой России.

Потом, спустя семь-восемь десятков лет, скажут о первых белых добровольцах, еще совсем недавно именовавшихся только «белыми гадами», «контрреволюционерами», «классовыми врагами», примирительно так:

— Это были люди старой России, которой уже не было как таковой.

В этих словах большая доля и сила исторической правды: старая Российская держава возрождению уже не подлежала. Она была уже разгромлена своими «внутренними и внешними врагами». Отечественную историю нашу не перепишешь.

Белая гвардия. Это была в своем большинстве офицерская молодежь, уже понюхавшая на фронте пороха, готовая скрестить оружие с большевиками и положить на алтарь любимого старого Отечества свои молодые жизни. Думается, что «дрозды» больших иллюзий для себя в тех событиях не строили. Полковник Генерального штаба был им примером достойным. «Дрозды» вспоминали в мемуарах: «В поход Дроздовский вышел с одним вещевым мешком, и нам было приказано не брать с собой никаких чемоданов».

Если не считать небольшого отрядного штаба, в рядах дроздовцев уходило на Дон всего шесть (!) штаб-офицеров. То есть старших офицеров, от подполковника и выше.

Командиру отряда о выучке своих добровольцев заботиться не приходилось: все они были фронтовиками, прошедшими окопную закалку. Большинство имело ордена за боевые заслуги не только на Румынском фронте. Имелись и ветераны Маньчжурии. Набралось немало и георгиевских кавалеров, в том числе награжденных солдатскими Георгиевскими крестами.

Начальником штаба 1-го добровольческого отряда (бригады)

стал полковник Михаил Кузьмич Войналович. До этого он командовал 1-м Стрелковым полком дроздовцев. На протяжении всего похода Яссы — Дон оставался ближайшим сотрудником своего начальника. 21 апреля 1918 года он в числе первых ворвется на железнодорожную станцию города Ростова-на-Дону и погибнет в бою за нее.

Помощником начальника штаба был назначен полковник Георгий Дмитриевич Лесли. Выпускник ускоренного курса Николаевской академии Генерального штаба, он пришел в Скинтейскую бригаду русских добровольцев из штаба Румынского фронта, где был обер-офицером для поручений при Щербачеве. После гибели Войналовича заменит его на посту начальника штаба 1-й Отдельной бригады русских добровольцев.

Начальник отрядной артиллерии — генерал-лейтенант Николай Дмитриевич Невадовский. Начальник столичного Михайловского артиллерийского училища, которое сам заканчивал. Георгиевским кавалером стал за бои 1914 года, когда командовал артиллерийской бригадой. К добровольцам пришел в должности инспектора артиллерии 12-го армейского корпуса.

После ухода в белую эмиграцию бывший инспектор артиллерии деникинской Добровольческой армии, а затем — Крымско-Азовской Добровольческой армии и войск Северного Кавказа будет жить в Париже. Там он возглавлял Союз добровольцев и был издателем основанной в 1936 году А. И. Деникиным газеты «Доброволец».

Примечательно, что при вступлении в отряд между Невадовским и Дроздовским случился примечательный для обоих разговор, доброжелательный и предельно откровенный.

— Михаил Гордеевич, прошу записать меня в ваш добровольческий отряд.

— Господин генерал, Николай Дмитриевич, к сожалению, у меня в отряде нет для вас должности по генеральскому чину. Даже командиром пушечной батареи не могу вас назначить.

— Что ж, Михаил Гордеевич. На том я не смею настаивать, поскольку Отечество у нас с вами одно. Готов поступить в отряд рядовым.

— Рядовым в генерал-лейтенантском чине?!

— Точно так. Я же старый артиллерист. Мне что за трехдюймовкой стоять, что за гаубицей — все едино. Могу наводчиком быть, готов снаряды подносить к стволу.

— Значит, вы, Николай Дмитриевич, согласны рядовым в артиллерию отряда?

— Рядовым, как фронтовой поручик-ротный. Но с солдатской шинели генеральские погоны снимать не думаю.

— Хорошо, господин генерал. Но я вам обещаю, что в нашем добровольческом отряде должность начальника артиллерии будет введена еще до выступления в поход.

— Михаил Гордеевич, у меня к вам сегодня речь не о том. К кому мне поступить сегодня в подчинение?

— К капитану Колзакову, командиру нашей конно-горной батареи. Вестовой прапорщик Царегородцев вас сейчас к нему проводит.

— Благодарю за доверие. Во мне, как в пушечном бомбардире, вы не ошибетесь…

Дроздовский верил в своих людей, которые шли, говоря высоким слогом, на подлинное самопожертвование. И в красном стане было немало подобных романтиков Гражданской войны, испепелившей пол-России. Если не большую ее часть.

Добровольческий отряд, он же 1-я бригада так и не «родившегося на свет» Добровольческого Румынского корпуса, сразу же оказался в огне боев. В самом скором времени Михаил Гордеевич скажет:

— Мне в атаку никого поднимать не приходилось. Добровольцы даже под шквалом огня поднимались по первому приказу сами…

Дроздовский в таких разговорах обычно добавлял:

— Я верил в своих бойцов в самые тяжелые минуты похода на Дон.

— А ваши люди верили в вас?

— Верили. Иначе бы мы вместе не дошли до казачьей земли, до Добровольческой армии…

Кто они были, эти белые «дрозды», начинавшие из румынских пределов поход Яссы — Дон? Ведь у каждого из них была своя судьба, в итоге приведшая их в ряды белых добровольцев, к гибели в Гражданской войне или к уходу в белую эмиграцию. Вот лишь некоторые из них.

Витковский Владимир Константинович. Полковник. Георгиевский кавалер. Тридцать два года Окончил столичные кадетский корпус и Павловское военное училище. Мировую войну встретил в рядах лейб-гвардии Кексгольмского полка, в 1914 году почти полностью погибшего в лесах Восточной Пруссии вместе со 2-й армией генерала Самсонова Затем командовал ротой и батальоном Последняя должность — командир 199-го пехотного Кронштадтского полка.

В походе Яссы — Дон был командиром сперва роты, потом батальона Офицерского стрелкового полка Во время 2-го Кубанского похода деникинской Добровольческой армии стал командиром 2-го Офицерского полка В декабре 1918 года

производится в генерал-майоры. С февраля 1919 года — начальник Дроздовской дивизии. С нею в наступлении на Москву дошел до Орла, в отступлении — до Новороссийска.

Во врангелевской Русской армии В. К. Витковский получит чин генерал-лейтенанта за успешный десант дроздовцев у Хорл на Азовском море и последующие бои в Северной Таврии. В августе 1920 года был назначен командиром 2-го армейского корпуса Врангель писал о нем; «Начальник Дроздовской дивизии, генерал Витковский, был генералом большой личной храбрости, прекрасно разбиравшимся в обстановке, исключительно хороший организатор».

В эмиграции, в Галлиполи, Витковский — начальник дивизии, в которую был свернут Добровольческий корпус С переездом в Болгарию — командующий войсками 1-го армейского корпуса и председатель Общества галлиполийцев. Во франции работал в Русском Обще-Воинском Союзе (РОВСе). После Второй мировой войны, опасаясь выдачи союзниками Советскому Союзу, переехал в США, где и умер в Сан-Франциско в возрасте девяноста трех лет. Автор воспоминаний «В борьбе за Россию».

Колтышев Петр Владимирович. Капитан. Двадцать три года Окончил Псковский кадетский корпус и Павловское военное училище.

Боевое крещение получил в рядах 2-го стрелкового Финляндского полка Тяжело ранен в Восточной Пруссии. В 1917 году окончил курсы 1-й очереди при Николаевской военной академии и был причислен к Генеральному штабу.

В январе 1918 года записался рядовым в 1-ю русскую добровольческую бригаду. В ходе Гражданской войны стал начальником штаба Дроздовской дивизии, затем бессменным докладчиком по оперативной части при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанте А. И. Деникине.

После отъезда Деникина за границу полковник Колтышев вернулся в ряды «дроздов» — рядовым в свой 1-й Офицерский генерала Дроздовского полк. Вскоре стал помощником командира полка Был дважды тяжело ранен. Находясь на излечении в Севастополе и получив там должность помощника коменданта города, сформировал из выздоравливающих офицеров роту, которая прикрывала посадку Русской армии на суда во время эвакуации в ноябре 1920 года.

В белой эмиграции более тридцати пяти лет проработал шофером такси в Париже. Помогал Деникину и его семье долгое время материально, собирал материалы для известных

деникинских мемуаров «Очерки Русской Смуты». Скончался в девяносто четыре года Похоронен на участке Дроздовской дивизии на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем Состоял фактическим секретарем редакции газеты «Доброволец». Автор воспоминаний «На страже Русской чести».

Манштейн Владимир Владимирович. Капитан в двадцать три года Служил в 7-м пехотном Киевском полку. В бригаду Дроздовского поступил рядовым 4 марта 1918 года В апреле того же года назначен ротным командиром во 2-м Офицерском стрелковому полку. В мае 1919 года за боевые отличия произведен из капитанов сразу в полковники. В 1920 году после тяжелого ранения принял командование 3-м Офицерским стрелковым генерала Дроздовского полком Летом того же года за отличия в боях в Северной Таврии произведен в генерал-майоры.

Вместе с Дроздовской дивизией прибыл в Галлиполийский лагерь, затем переехал в Болгарию. Будучи одноруким инвалидом, проживал в Софии, очень нуждался. В тридцать четыре года кончил жизнь самоубийством Медведев Александр Константинович. Подполковник в тридцать пять лет. Окончил кадетский корпус в Москве и Константиновское артиллерийское училище. Участник Русско-японской войны. В 1914 году — командир батареи 4-го мортирного артиллерийского дивизиона 1-й армии генерала Ренненкампфа. Участвовал в боях в Восточной Пруссии, под Лодзью и Варшавой. Награжден Георгиевским оружием Последняя фронтовая должность — командир 3-й мортирной батареи 6-й армии Румынского фронта.

Один из первых добровольцев Скинтейской бригады. Командовал гаубичным взводом Отличился в бою за Ростов. Участник всех больших боев дроздовцев. В январе 1920 года у станицы Елизаветинской получил сильное обморожение и был эвакуирован в Армавир. С большими трудами жене полковника Медведева удалось вывезти мужа через горы в Туапсе, а оттуда — в Крым Там он занимал должность командира артиллерийского резерва Дроздовской дивизии.

Проживал после Галлиполийского лагеря в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии), затем переехал во Францию. Похоронен на Дроздовском участке русского кладбища Сент-Женевьев-де-Буа.

Харжевский Владимир Георгиевич. Капитан в двадцать пять лет. В 1914 году — студент Горного института в Санкт-Петербурге. В армию призван как прапорщик запаса. Георгиевский кавалер. В 1917 году воевал на Румынском фронте. Участник похода Яссы — Дон. Полковником стал, командуя 2-м Дроздовским полком За боевые отличия в Северной Таврии

произведен в генерал-майоры. Командовал «дроздами» в последних боях на Перекопе и на Юшуньских позициях.

В белой эмиграции после Галлиполи переехал в Прагу, где окончил Горный институт. Возглавлял Общество галлиполийцев в Чехии. Затем жил и работал в Германии, Марокко и США. С 1967 по 1981 год — начальник РОВСа Стал его последним начальником в генеральском чине…

…О том, что происходило на российском Юге, и прежде всего на казачьем Дону, Дроздовский сведений не имел, кроме разве что самых смутных и противоречивых слухов, в которые лучше было не верить. Молчал телеграф, разрушенный во многих местах отрядами разных батек-атаманов. Паровозные бригады на железнодорожных станциях тоже толком ничего разъяснить не могли. Равно как и беженцы, согнанные с мест войной. Той, что закончилась в Европе, и той, что только начинала полыхать в России.

Опрашиваемые люди давали зачастую взаимоисключающие сведения о том, что, по их сведениям, творилось по походному маршруту «дроздов».

— Австрийцы второго дня взяли Херсон и Николаев. Немцы зашли в Крым…

— Большевики с Черноморского флота высадились в Очакове. Идут на Екатеринослав. Херсон в их руках…

— Гетманская власть пришла в Харьков и еще дальше…

— Московские отряды прапорщика Сиверса освободили Харьков от Украинской рады…

— На Екатеринославщине какой-то батько Нестор Махно свою республику сделал и правительство назначил…

— Германцы в Донецком бассейне. Уголь наш теперь их…

— Красные пришли на Дон. Корниловцы ушли в степи, куда — никому не известно. Может, их уже и в помине нет…

«Дрозды» не знали, что две недели назад Добровольческая армия во главе с двумя генералами от инфантерии, двумя бывшими Верховными главнокомандующими России в Первой мировой войне — сыном простого сибирского казака Л. Г. Корниловым и сыном армейского штабс-капитана, выслужившегося в офицеры из сверхсрочнослужащих унтер-офицеров М. В. Алексеевым, выступила с Дона на Кубань в свой Ледовый поход.

Впереди у «дроздов» был путь в сто двадцать верст по весенней стуже и грязи, с боями, в которых они потеряют немало людей. Поход Яссы — Дон уложится для них в шестьдесят один день.

Добровольцы от Дубоссар двигались на восток с известной

осторожностью. Походное движение тормозилось то появлением поблизости крупных отрядов австрийцев с артиллерией (те по-прежнему избегали столкновений), то поломками автомобилей. Из-за этого количество броневиков в отряде быстро сокращалось. 7 марта был первый случай дезертирства из отряда: «Побег поручиков Ступина и Антонова на „пакаре“; украли десять пудов бензина».

После перехода через Днестр походную колонну стали догонять добровольцы, по разным причинам не сумевшие присоединиться к ней. Большой радостью для Михаила Гордеевича стало то, что к нему прибыли из Одессы три офицера его 60-го пехотного Замостского полка — Ляхницкий, Кудаковский и Чупрынов. Они до последних дней работали в одесском вербовочном бюро.

Выслушав их рассказ о положении дел в Одессе, в которую вот-вот должны были войти австрийские войска, Дроздовский приказал Кудаковскому вернуться в город с задачей:

— Вам надо сегодня же быть в Одессе.

— Моя задача, Михаил Гордеевич?

— Взять в городе кого можно из верных нашему делу людей и ловить меня в походном пути.

— Как я буду знать о вашем маршруте движения?

— Для вас в Кантакузенке мною будет оставлен посыльный, лично вам известный человек…

…С самого начала похода Дроздовскому пришлось заниматься дисциплиной среди добровольцев. Речь шла прежде всего о самовольных реквизициях продовольствия у местного населения. Особенно этим грешили отрядные кавалеристы. В походном «Дневнике» появилась такая запись:

«Сегодня я очень ругал конницу, грозил судом, потребовал окончательного прекращения реквизиций.

…Эта буйная публика может только погубить дело, пока налаживающегося ввиду нейтралитета немцев».

Михаил Гордеевич был пока против любых реквизиций, в том числе провианта и фуража. В бригадной казне имелись деньги, которыми расплачивались с местными жителями за продовольствие. Но при этом от селян требовалось продавать продукты питания «по-божески».

Если судить по «Дневнику» Дроздовского, в правдивости которого не приходится сомневаться, местное население по пути движения белых добровольцев, пока в большинстве случаев, встречало их доброжелательно или нейтрально. Враждебных действий не отмечалось. Такое было возможно благодаря все той же воинской дисциплине.

Карал ее злостных нарушителей полковник-генштабист сурово. Он сумел окончательно навести порядок в отряде лишь после того, как за грабеж с насилием приказал перед строем расстрелять подпоручика И. Зорича С тех пор насилия не повторялись.

Дроздовского, заботившегося о «лице» своих бойцов, сильно удручала слава о его бригаде, которая слухами катилась перед ним. Слухи называли «войско» белых, которое шло с Румынского фронта, «карательным отрядом». Все же эти слухи имели под собой «классовую почву»: разведчики, высылаемые вперед, приносили с собой такие пересказы крестьян — землеробов: «Идут — видимо-невидимо, и все князья и графья, кричат „гады“ и бьют всем морды…»

С самого начала похода «дрозды» по пути наводили «прежний порядок». Для условий начавшейся Гражданской войны он был «прост». Местные жители защищались и от красноармейских отрядов, занимавшихся реквизициями под популярный возглас: «Именем мировой революции!» Защищались и просто от откровенно разбойных шаек, которых в степях Малороссии становилось все больше и больше.

Война «раздала» населению, особенно селянам, массу «не учтенного» нигде и никем оружия. В любом воинском эшелоне, уходящем с фронта, можно было запросто обменять на продукты, реже — купить винтовку и наган, гранату-лимонку, а то и пулемет «максим», неизвестно почему так и не брошенный его хозяином. А сколько оказалось брошенными складов с армейским вооружением и снаряжением: бери, сколько можешь увезти или утащить!

Возмездие за убийства и грабежи полковник Дроздовский совершал по законам военного времени немедленно и беспощадно: активные большевики и особенно севастопольские матросы расстреливались с объявлением состава преступления. В Крыму ими у штабс-капитана Туркула был растерзан родной брат, больной офицер-фронтовик, а перед этим матросы убили там еще двух его братьев.

Гражданские лица, совершавшие доказанные насильственные реквизиции, подвергались публичной порке шомполами при участии своих же соседей. Дома местных большевиков сжигались, часто в отместку за подобные же деяния с их стороны.

Таким действиям Дроздовский сам перед собой старался дать известные оправдания. У него были свои понятия о справедливости. Поэтому в его походном «Дневнике» время от времени появляются следующие, достаточно красноречивые строки:

«Нет-нет да и сожмет тоской сердце, инстинкт культуры борется с мщением врагу, но разум, ясный и логичный разум, торжествуй над несознательным движением сердца!..

Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за „буржуйство и контрреволюционность“?

Или как отвечать тому, кто является духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом, кто чужие души отравлял ядом преступления?!

Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни.

Сердце, молчи и закаляйся, воля, ибо этими дикими, разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон — „око за око“, а я скажу; „два ока за око, все зубы за зуб“, „поднявший меч…“

В этой беспощадной борьбе за жизнь я стану вровень с этим страшным звериным законом — с волками жить…

Жребий брошен, и в этом пути пойдем бесстрастно и упорно к заветной цели через потоки чужой и своей крови.

Такова жизнь… Сегодня ты, а завтра я…»

Исследователи потом скажут на основании этих дневниковых записей весны 1918 года, что именно полковник Дроздовский в числе первых военных вождей Белого дела понял логику любой гражданской войны. Она рассматривалась им как война на истребление врага, который тоже ни перед чем не останавливался. Истребить врага значило победить его.

…По пути к переправам через реку Южный Буг дроздовцев догнал отряд полковника Михаила Антоновича Жебрака-Русановича, который шел на Дон с берегов Дуная, из Измаила. Туркул в своих мемуарах о том рассказывает так:

«На походе мы узнали еще и о другом отряде добровольцев. Один полковник собрал его в Измаиле и выступил вслед за нами. В селе Каменный Брод этот отряд нас догнал.

Измаильский полковник был небольшого роста, с пристальными светло-серыми глазами. Он заметно приволакивал ногу, мы узнали, что его фамилия Жебрак-Русакевич (правильно — Жебрак - Русанович. — А. Ш.).

Полковник Жебрак был ранен в колено еще на Японской войне, когда был офицером в одном из сибирских полков. Тогда же он получил орден Святого Георгия. На большую войну он пошел добровольцем; был он военным судьей, но подал рапорт о зачислении в действующую армию и получил полк Балтийской дивизии, стоящий тогда по гирлам Дуная.

Он принес нам знамя Балтийской дивизии, морской

Андреевский флаг с синим крестом Андреевский флаг стал полковым знаменем нашего стрелкового офицерского полка..»

Жебрак-Русанович вскоре стал одним из ближайших сподвижников Дроздовского. Он был известным боевыми делами человеком на Румынском фронте. Окончил Виленское юнкерское училище. Георгиевским кавалером стал на Русско-японской войне 1904–1905 годов. В сражении под Мукденом получил тяжелое ранение, оставшись на всю жизнь хромым. Окончил Военно-юридическую академию и служил в военно-судебном ведомстве.

С началом Первой мировой войны полковник Жебрак-Русанович добился возвращения в армейский строй. Его назначили командиром 2-го Морского полка отдельной Балтийской дивизии, которая в конце 1916 года была переброшена в устье Дуная, войдя в состав 6-й русской армии Румынского фронта.

В приказах армейского и фронтового командования не раз отмечались успешные действия 2-го Морского полка, которые прославили его командира. Однако события Февраля и Октября 1917 года разложили полк балтийских моряков, проведя резкую грань между его офицерами и матросами.

Жебрак-Русанович, равно как и Дроздовский, не смог смириться с развалом Русского фронта, армии и флота, видя в этом гибель Российской империи. В начале 1918 года он собрал в Морской дивизии добровольческий, почти полностью офицерский отряд, который базировался в Измаиле.

Получив сведения о выступлении в поход 1-й русской добровольческой бригады, флотский отряд силой в одну роту двинулся с дунайских берегов на соединение с дроздовцами.

Соединение белых добровольцев — Скинтейской бригады с измаильским флотским отрядом — состоялось 13 марта 1918 года в районе села Новопавловка. Но объединились они несколько позднее, лишь 26 марта, после переправы через реку Южный Буг. Там «дрозды» вынужденно остановились на дневку: из сил выбились не люди, а лошади, которым приходилось идти по обледенелым проселочным дорогам.

На то были свои причины. Встреча Дроздовского с морским полковником прошла трудно: тот настаивал на том, чтобы влитый в добровольческую бригаду морской отряд пользовался особой «автономией». Дроздовский же, как сугубо армейский начальник, да еще офицер корпуса Генерального штаба, на такое согласиться никак не мог.

— Михаил Гордеевич, я готов влиться со своими моряками в вашу бригаду при одном непременном условии.

— При каком условии, Михаил Антонович?

— Мы, как флотская воинская часть, в рядах вашей бригады должны пользоваться известной самостоятельностью. Императорский флот никогда не входил в состав императорской армии.

— Не входил, это точно. Но сейчас иная картина — русской армии и флота как таковых больше нет. Сейчас идет Гражданская война, в которой сражаются две силы — мы, белые, и красные. Так на какую автономию вы можете претендовать, Михаил Антонович?

— На полную командирскую самостоятельность в походе совместно с вами, внутреннюю организацию и боевую деятельность.

— А что вам дает право на такие неприемлемые для меня, как командира бригады, требования?

— Михаил Гордеевич, мы, в отличие от вашего отряда, имеем знамя Морской дивизии. У вас же такового нет.

— Да, вы совершенно правы, Михаил Антонович. Знамени у нас действительно нет. Но у меня есть другое, чему вы должны подчиниться.

— Что именно?

— Под моим командованием сводный отряд трех родов сил; пехоты, кавалерии и артиллерии. У меня бронеавтомобили, искровые станции и тысяча бойцов в строю. А у вас сколько человек?

— У меня семьдесят один штык.

— Я не сомневаюсь в боевом духе ваших морских офицеров. Но их только одна рота, да к тому же неполная.

— Разве это что-то решает, Михаил Гордеевич? Ведь мы все добровольцы Белого дела?

— Верно. Но не может командир сводной бригады быть в походе и бою на равных с командиром роты. Пусть даже тоже в полковничьем звании. Это прямое нарушение основ армейского уклада. Особенно на фронте.

— Значит, вы настаиваете на моем полном подчинении в случае объединения наших добровольцев?

— Именно так, Михаил Антонович. Иначе мы с вами можем не пробиться на Дон, к генералу Корнилову.

— Хорошо, Михаил Гордеевич. Вы правы. Я готов стать у вас командиром офицерской морской роты.

— Вот и прекрасно. Но для начала я устрою вашей стрелковой роте, которая проделала такой тяжелый путь сюда от Измаила, смотр.

— Считайте, что моя рота готова к смотру. Вооружена полностью, есть даже небольшой обоз.

— Михаил Антонович, а дивизионный Андреевский флаг, с вашего согласия, пусть станет боевым знаменем нашей бригады. Не возражаете?

— Разумеется, нет. Мы, измаильцы-балтийцы, этим будем только гордиться…

Уже в первых боях все это было забыто. Жебрак-Русанович в скором времени станет командиром 2-го Офицерского полка дроздовской бригады, ядром которого станут флотские офицеры Балтийской дивизии, сражавшейся на Румынском фронте. Вернее, те из них, которые останутся в живых после завершения похода Яссы — Дон.

О том, как бригада шла походным маршем к переправам через Днепр, могут рассказать дневниковые записи ее командира Вот лишь один день похода:

«18 марта, Еланец.

Настоящая зима, хотя не холодно. Ветер сильный. Кругом бело. По дороге снега немного, но все же для автомобилей плохо.

Бросили автомобиль с пушкой — что-то сломалось, кажется шестерня. Суток трое надо для починки, если вообще возможно, но по внешним признакам нельзя, а ждать невозможно. Взяли что можно: запасные части; машину и орудие испортили.

Выступили в 9 часов. Дорога до Сербуловки была очень тяжелая — от таяния тонкого слоя снега верх дороги загрязнился. Стало скользко и липко. А тут еще перед выходом на тракт немало поблуждали целиной по степи — проводник плутал. На ногах налипли комья грязи…

Головной броневик, который должен был идти с конницей, положительно надрывался. Конечно, за конницей не поспел. Колеса буксовали; даже одев лапы, шел с трудом; кое-как добрался до Сербуловки, по деревне не смог пройти, так как мост через ручей был крайне ненадежен…

Тут мы его и оставили. Я приказал ему ждать остальные автомобили и выступить всем вместе, когда подмерзнет. После Сербуловки, в общем, дорога была хороша — почти везде сухая. Через первый встречный ручей пройти не удалось, так как пародия на мостик была разрушена. На переезде через ручеек увязали даже телеги. Пришлось дать версты две крюку на обход…

Вообще из-за дороги переход оказался достаточно неприятным — воображаю, что здесь делается, когда получается настоящая грязь.

Большевиков нигде нет, говорят, что они бегут при первых вестях о нашем приближении и давно уже покинули наш район; вообще о нас ходят самые дикие вести: то корпус, то дивизия, то 40 тысяч, то буржуи, нанятые помещиками, старорежимники.

Жители разбираются, в общем, слабо; нередко спрашивали:

— Вы украинцы?

— Так кто же вы?

— Мы — русские.

— Значит, большевики — русские ведь все большевики…

В общем, массы довольны. Просят защиты, установления порядка: анархия, дезорганизация измучила всех, кроме небольшой горстки негодяев. Говорят, что некому жаловаться, нет нигде защиты, никакой уверенности в завтрашнем дне. В Еланце просят навести порядки, если не можем репрессиями, то хоть напугать…

Постоянные налеты, грабежи, убийства терроризировали население, а виновных боятся называть из страха мести. Наши хозяева евреи, ограбленные вчера на 900 рублей, встретили нас крайне радушно. „Хоть день будем спокойны“.

К интенданту привезли, собрав по домам, три воза хлеба и очень удивились, что он заплатил. Посылали в виде откупного, так привыкли, что проходящие части грабили и отбирали даром. Это углубление революции после большевистского переворота гастролерами, наезжающими в деревню, — грабежи имений и экономий, под угрозой пулеметов; иногда, впрочем, сопротивляются, дают отпор, защищая помещиков (Домашевка, Трикраты).

Самое зло — пришлые матросы и солдаты-красногвардейцы.

В Еланце пришлось дать дневку, поджидая автоколонну, — еще день пропал против расчета, еще промедление…

Начинается полоса неудач, пока еще не очень значительных. Погода здесь — великий фактор».

Верный себе Михаил Гордеевич переносил вся тяготы походной жизни наравне со всеми добровольцами. Он этим не бравировал и не рисовался. В каких-то личных излишествах упрекнуть его было нельзя. Он мог заснуть на обозной повозке и уступить единственную кровать на дневке кому-нибудь другому, более измученному дневным переходом соратнику, пусть это будет прапорщик или кадет.

С самого начала похода Яссы — Дон шла удивительная со стороны и по прошествии времени поэтизация (другим словом такое явление в исторических писаниях просто не назовешь) в Белом движении образа убежденного монархиста полковника Дроздовского. То есть его личность становилась легендарной не с годами, а росла по дням похода через российский Юг, с румынской земли до западных окраин Области превеликого Войска Донского.

Причем повод к этому давал он сам своим поведением в повседневной походной жизни, с первых до последнего боев его «дроздов». О нем впоследствии, в эмиграции, его добровольцы вспоминали так:

«Полковник Дроздовский был типом воина-аскета; он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни; всегда — от Ясс до самой смерти — в одном и том же поношенном френче, с потертой Георгиевской лентой в петлице; он из скромности не носил самого ордена.

Всегда занятой, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать…

В походе верхом, с пехотной винтовкой за плечами, так он напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господень…»

К тому же Михаил Гордеевич внешне весьма импонировал фронтовому офицерству, вставшему на сторону Белого дела Он виделся ему таким, каким его знали с первых дней знакомства, пусть даже не близкого: «Высокого роста, с резко очерченными чертами лица, с орлиным взглядом» (пусть и сквозь «интеллигентное» пенсне), «он сразу производил сильное впечатление…»

В историях Гражданской войны на российском Юге о походе (в тысяча двести верст!) добровольцев полковника Дроздовского обычно писали как о белом терроре против «трудового народа», прежде всего местного беднейшего крестьянства. Бесспорно, что, начав войну против большевистской власти, Дроздовский и его соратники были «прямодушны»: проливая свою кровь, они проливали кровь чужую.

Но такое же творила и противная сторона, поэтому такие «подсчеты жертв» здесь — дело неблагодарное и откровенно предвзятое, если исходить из принципа: «наш» и «не наш». То есть в годы любой гражданской войны в любой стране человеческая жизнь весьма теряла свою ценность. Военные вожди любой окраски во имя «великой цели» эту ценность не воспринимали. Может, поэтому донесения о понесенных людских потерях всегда были предельно кратки и сухи.

В том, что противная сторона относится к ним так же и будет относиться еще ненавистнее, иллюзий белая гвардия не строила. Примеров тех и других в истории российской Гражданской войны более чем предостаточно. Но к началу похода «дроздов» Яссы — Дон Гражданская война еще только «подкатывалась» к пику ожесточения.

Дроздовский в своем «Дневнике» о многом пишет образно, но с великой достоверностью происходящего вокруг его маленькой

армии, уходившей с развалившегося Румынского фронта в неизвестность. Он писал: «..Мы — блуждающий остров, окруженный врагами: большевики, украинцы, австро-германцы!!!»

На всем своем походном пути от Ясс до Дона белая гвардия монархиста Дроздовского наводила старый порядок силой оружия, порками шомполами, оставлением оружия и патронов отрядам местной самообороны, которые старались защитить свои селения от грабителей любой масти.

Так, в Новом Буге он приказал оставить в распоряжение командира отряда самообороны, учителя, бывшего прапорщика, десять винтовок с патронами. Причем этот учитель-прапорщик, деятельно боровшийся с грабителями, был… большевиком, чего он перед белыми скрывать не стал…

Что за карательные операции проводил дроздовский отряд на своем пути на Дон? Вот лишь две дневниковые записи самого Дроздовского за один и тот же день:

«22 марта, Новый Буг.

Утром прибыл в 10 часов штабс-капитан, начальник одного из летучих партизанских отрядов — их 7 офицеров совместно с хуторянами одного из хуторов севернее деревни Малеевки сорганизовались и вели борьбу с бандами; вчера сделали налет на Малеевку (11 человек с чучелом пулемета!), сплошь большевистскую, захватили их пулемет и удрали благополучно; малеевцы собираются их бить, и они, укрепившись на хуторе, просят помощи — обезоружить Малеевку.

Это почти нам по дороге — послал отряд: 3-ю роту, конногорный взвод и 2-й эскадрон, все под командой Невадовского. Обещают, что часть офицеров поступят к нам добровольцами.

Отряд выступил только в 3 часа. Войналович оттянул отдачу приказания, не сочувствуя экспедиции! А предполагали выступить в 12.30.

Вскоре прибыли два раненых офицера Ширванского полка, помещены в больницу. Они с командиром полка и несколькими солдатами со знаменем пробирались на Кавказ. В районе Александрова (Долгоруковка) банда красногвардейцев и крестьяне арестовали их, избили, глумились всячески, издевались, четырех убили, повыкалывали им глаза, двух ранили, ведя на расстрел, да они еще с двумя удрали и скрылись во Владимировке, где крестьяне совершенно иные, но сами терроризированы долгоруковцами и фонтанцами. Еще человека 4–5 скрылись в разных местах.

Из Владимировки фельдшер привел их сюда в больницу, так как там фонтанцы и долгоруковцы требовали выдать их на

расстрел.

Внутри все заныло от желания мести и злобы. Уже рисовались в воображении пожары этих деревень, поголовные расстрелы и столбы на месте казни с надписями за что. Потом немного улеглось, постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть беспощадной: „два ока за око!“ Пусть знают цену офицерской крови!

Всем отрядом решил завтра раненько выступить, чтобы прийти днем на место и тогда же успеть соорудить карательную экспедицию.

Присоединились 4 офицера, догонявшие нас из Кишинева..

Шли все время упорно; позади нас остался страх — эти 4 офицера по дороге вооружились, отняв у жителей оружие, поколачивали советы, конфисковали двое рожек и одну стереотрубу…»

«22 марта, Владимировка

…Голова колонны прибыла во Владимировку в 5 часов. Конница — первый эскадрон, прибывшая много раньше, получив на месте подробные указания от жителей о том, что творится в Долгоруковке и что какие-то вооруженные идут оттуда на Владимировку, двинулась сразу туда с горным взводом под общим командованием Войналовича.

Окружив деревню, поставив на позицию горный взвод и отрезав пулеметом переправу, дали две, три очереди из пулеметов по деревне, где все мгновенно попряталось.

Тогда один конный взвод мгновенно ворвался в деревню, нарвался на большевистский комитет, изрубил его, потом потребовали выдачи убийц и главных виновников в истязании четырех ширванцев (по точным уже сведениям, два офицера, один солдат-ширванец, писарь и один солдат, приставший к ним по дороге и тоже с ними пробиравшийся). Наш налет был так неожидан и быстр, что ни один виновник не скрылся…

Были выданы и тут же немедленно расстреляны; проводниками и опознователями служили два спасшихся и спрятанных владимировцами ширванских офицера. После казни пожгли дома виновных, перепороли жестоко всех мужчин моложе 45 лет, причем их пороли старики…

Около 8 прибыл отряд Невадовского. С 22-го на 23-е он ночевал на хуторе партизан, что в верстах шести севернее Малеевки. Хуторяне встретили их хлебом-солью, называли своими спасителями, накормили всех прекрасно, лошадям дали фуража до отвала и ни за что не захотели взять ни копейки.

23-го с утра двинулись, сразу оцепили деревню Малеевку конницей. Помешали попытке удрать, поставили орудия и

пулеметы на позицию и послали им ультиматум в двухчасовой срок сдать все оружие, пригрозив открыть огонь химическими снарядами, удавив газами всю деревню (кстати, ни одного химического снаряда у нас нет).

В срок все было выполнено, оружие отобрано, взяты казенные лошади; найдены списки записавшихся в красную гвардию — кажется, человек 30. Эти доблестные красногвардейцы после записи, получив деньги и прослужив недельку, дружно все убежали домой. Этих горе-красногвардейцев всех крепко перепороли шомполами по принципу унтер-офицерской вдовы. Вой столбом стоял — все клялись больше никогда не записываться.

Кормился отряд как хотел от жителей даром — в карательных целях за приверженность к большевизму…»

Дроздовский такие действия считал мерами наведения порядка в селениях, которые лежали по пути движения его отряда, который, хотя и терял в небольших боях людей, все же продолжал расти численно. Пока основным пополнением была учащаяся молодежь: гимназисты старших классов, недоучившиеся студенты и юнкера, разъехавшиеся по домам после закрытия училищ или бежавшие в родные места после неудачных антибольшевистских восстаний.

Это было и понятно: семейные приверженцы Белого движения пока предпочитали (часто — на свою голову) оставаться дома, в надежде в более или менее спокойной обстановке переждать смутное время. Но это оказалось смертельно опасным самообманом. Человек, еще вчера носивший на плечах офицерские погоны, пусть даже звездочку прапорщика за доблесть на фронте, становился классовым врагом Советской власти.

Когда красные занимали какой-то город, то с нейтральным офицерством, не пожелавшим служить и в их рядах, скажем прямо, не церемонились. О том свидетельствуют их массовые расстрелы, своего рода «классовая зачистка» буржуазных слоев. Такая практика велась и после окончания Гражданской войны: достаточно вспомнить крымские расстрелы.

Михаил Гордеевич сам по дороге на Дон познавал логику и теневую, оборотную сторону Гражданской войны. Он уже не видел себя в ней в «белых перчатках», то есть романтика первых походных дней сама по себе улетучивалась. И подтверждение тому — его дневниковые записи, навеянные карательной экспедицией под командованием ротмистра Двойченко (кавалерийский эскадрон с двумя конными орудиями) на «красное» селение Фонтанку:

«22 марта, Владимировка.

…В 19 часов вернулась экспедиция Двойченко — нашли только одного главного участника убийств, расстреляли, остальные бежали; сожгли их дома, забрали фураж, живность и т. д.

Оттуда заехали в Долгоруковку — отряд был встречен хлебом-солью, на всех домах белые флаги, полная и абсолютная покорность всюду. Вообще, когда приходишь, кланяются, честь отдают, хотя никто этого не требует, высокоблагородиями и сиятельствами величают.

Как люди в страхе гадки: нуль достоинства, нуль порядочности, действительно сволочной, одного презрения достойный народ — наглый, безжалостный, полный издевательств против беззащитных, при безнаказанности не знающий препон дикой разнузданности и злобы, а перед сильным такой трусливый, угодливый и низкопоклонный…

А в общем, страшная вещь гражданская война Какое омерзение вносит в нравы, какою смертельною злобой и местью пропитывает сердца! Жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев.

Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям. Надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения…

Что требовать от Туркула, потерявшего последовательно трех братьев, убитых и замученных матросами, или Кудряшева, у которого недавно красногвардейцы вырезали сразу всю семью? А сколько их таких?»

1-я бригада русских добровольцев продолжала двигаться к Днепру, своим походным маршрутом нацеливаясь на Каховку, где имелась паромная переправа. Серьезных боев все не было, исключая мелкие столкновения. Красные пока не вставали перед белыми заслоном Красногвардейские отряды явно уступали дроздовцам в выучке и настроенности на бой, пусть даже рукопашный и ночной.

Местные банды батек-атаманов сразу уходили с пути, чтобы через день-два снова занять оставленное белыми селение или уездный городок, железнодорожную станцию. Да и по числу людей такие банды, попадавшиеся на пути, заметно уступали

«дроздам». Атаманы же не упорствовали ни при встрече с белыми, ни при встрече с красными. Время махновщины еще не пришло.

Дроздовский строго следил за спаянностью своих бойцов: любой из них, проявивший в бою трусость, душевную слабость или недовольство походными тяготами, беспощадно изгонялся из отряда. Он понимал, что сила его немногочисленного отряда не в числе штыков, а в спаенности добровольцев. Он верил в их душевный порыв, который надо было еще сохранить до Дона и не растерять в походе.

Показателен такой пример. В хату, где на дневку остановился Дроздовский, вошел полковник Войналович. Вид его был необычайно мрачен: значит, случилось что-то неординарное.

— Михаил Кузьмич, что-то стряслось? Присаживайся к столу. Рассказывай.

— Сегодня утром сторожевое охранение от второй роты полка имело боевое столкновение с красными. Офицеров — четверо, тех — около десятка, шли сюда с подводой, не зная, что мы здесь.

— Бой был?

— Да, Михаил Гордеевич. В балке придорожной столкнулись. Большевики бежали, потеряв трех человек, повозку бросили. Везли зерно на фураж. Трофеи — четыре винтовки, три подсумка с патронами.

— Потери есть?

— Ранен подпоручик князь Шаховский. Одно пулевое ранение, несколько штыковых. Сейчас он в лазарете. Тяжел, как сказал доктор.

— Если бой выиграли, Михаил Кузьмич, то почему так хмур?

— В секрете Шаховский сидел с подпоручиком Поповым. Два других офицера дозорили на другой стороне балки…

— Говори дальше.

— Когда секрет обстреляли и был ранен Шаховский, подпоручик Попов покинул его в опасности. Того и искололи штыками, да добить не успели. Второй секрет на выручку подоспел — штабс-капитан Владыченко с подпоручиком Александровым. Они и выиграли бой.

— А Попов что ж?

— Струсил. Только стрелял, а в штыки не кинулся.

— Так! Прикажи построить вторую роту. С подпоручика Попова погоны снять, оружие отобрать. После позора перед строем он будет вычеркнут из числа добровольцев. И с позором изгнан из отряда.

— Уже исполнил, Михаил Гордеевич. Погоны сорвал с труса сам, оружие изъято. Бывший офицер сейчас под арестом.

— Молодец, Войналович. Таким людям нет места среди белых добровольцев…

Дисциплина поддерживалась в добровольческой бригаде всячески. Пример тому — дневка в Ново-Павловке 26 марта. Дроздовский вызвал к себе начальника штаба:

— Михаил Кузьмич, переговорил с разведчиками о селе?

— Так точно. Сведения не особо утешительные для нас.

— Противник объявился?

— Нет там его. Иное: в Ново-Павловке много пьяных. Водка за бесценок продается из казенного завода в соседнем Давыдовом Броде. А нам в селе по диспозиции ночевать.

— Понятно. Тогда напишешь в приказе вот что. Во-первых, под страхом кары запретить в Ново-Павловке продажу водки и спирта Оповести о том и заводское начальство, ведь какое-то там есть.

— Найдем, Михаил Гордеевич.

— Во-вторых, караулы нарядить только из непьющих.

— Будет исполнено.

— А я наших командиров набодрю. Хотя не знаю, выйдет ли что. Ротмистр Бологовский, что ходил в конную разведку, сказал мне, что в каждом, самом бедняцком доме Ново-Павловки полно водки. Хоть ты залейся ею…

«Дрозды» впервые увидели перед собой серьезную опасность только перед самым Днепром, когда походная колонна начала движение к переправе у Большой Каховки и Берислава. Посланные туда под видом пришлых красногвардейцев разведчики под начальством штабс-капитана Беспалова принесли не самые отрадные вести.

— Разрешите, Михаил Гордеевич, доложить о результатах поиска в тылу красных?

— Докладывайте, Беспалов, что там есть у них.

— Пропили и Новую Каховку, и Берислав. Караульной службы там почти никакой. Там и здесь банды по нескольку сот человек. Военной организации в них — одни знамена.

— Так, одно это уже для нас хорошо. Где у них штаб? В Новой Каховке или в Бериславе?

— В Новой Каховке, Михаил Гордеевич. Сами сказывали, когда мы их спрашивали, — штаб в отряде атаманши Маруськи.

— Что с мостом?

— Мост охраняется с пулеметами на той и другой стороне Днепра. Я оставил наблюдать за делами на мосту подпоручика Петровскою. Что случится, он доложит.

— Правильное решение, Беспалов. Вообще здесь главная трудность — не развели бы или не разрушили бы красные мост.

Что есть там из переправочных средств?

— Почти ничего. Пароходы и большие барки угнаны вверх по Днепру. О нас, значит, знают. Но лодок не один десяток найти можно.

— На лодках пушки и обозные повозки мы через реку не переправим. Надо думать, как внезапно захватить переправу…

…Дроздовская бригада по пути на Дон постоянно пересекалась с небольшими отрядами (от роты до батальона) австрийцев и германцев, которые после сепаратного Брест-Литовского мира и распада Русского фронта двинулись на восток. При этом они шли по югу Украины (Малороссии, Северной Таврии) почти беспрепятственно, занимая города и железнодорожные станции.

Для тех и других мировая война на Восточном фронте закончилась. На Французском фронте еще шли ожесточенные бои, а здесь, на Украине, дела обстояли иначе. Еще до выступления 1-й русской добровольческой бригады в поход Яссы — Дон в районе Киева и ряде других мест начались вооруженные столкновения отрядов Красной гвардии с войсками Центральной Рады.

Предыстория этих событий была такова. Еще 7 ноября 1917 года Центральная Рада, во главе которой стоял Симон Петлюра, в Киеве провозгласила образование Украинской народной республики (УНР) в составе России. В противовес этому решению вскоре, 12 декабря, состоявшийся в Харькове 1-й Всеукраинский съезд Советов объявил Украину республикой Советов.

Красногвардейские отряды заняли Левобережную Украину и завязали боевые действия на правобережье Днепра против сил Центральной Рады за установление Советской власти. В такой ситуации делегация УНР, прибывшая в Брест-Литовск, где велись переговоры между делегациями Четвертного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) и Советской России (РСФСР), огласила ноту о независимости Украины.

30 декабря делегация Четвертного союза признала самостоятельность делегации Центральной Рады. 12 января рада провозгласила выход Украины из состава РСФСР и образование уже независимой Украинской народной республики. 19 января делегация союза в Брест-Литовске признала УНР во главе с Центральной Радой независимым государством, правомочным вступать в международные отношения.

26 января части украинской Красной армии при поддержке советских войск из России заняли Киев. На следующий день, 27 января, в Брест-Литовске между делегацией Четвертного союза и УНР был заключен мирный договор. Центральная Рада приглашала войска Германии и Австро-Венгрии оказать ей

помощь в войне против своих противников. За военную помощь германцам и австрийцам УНР обязывалась поставить 60 миллионов пудов хлеба, 3 миллиона пудов живого веса рогатого скота, другие продукты, уголь и т. д.

Германские и австрийские войска 18 февраля на киевском направлении перешли линию фронта, который уже некому было держать. 1 марта немцы вместе с войсками Центральной Рады (петлюровцами — «синежупанниками», или гайдамаками) 1 марта занимают Киев. Одесса занимается германцами 14 марта В походе на восток участвовали и австрийцы.

…То, что перед Каховкой в Бериславе оказались германцы и австрийцы (около пятисот человек с четырьмя пулеметами), Дроздовского особо не удивило. Те сначала настороженно отнеслись к появлению некоей третьей силы (Каховка и противоположный берег были заняты красными). Но, увидев на добровольцах погоны, а в их рядах немалую артиллерию, смягчились. К тому же русская бригада спешила на восток.

Пока бригада перестраивалась для прорыва на левый берег Днепра, из Херсона к месту событий пешком прибыл батальон германской пехоты. С противоположного берега начался артиллерийский обстрел: «в темноте ярко сверкали необычайно высокие разряды шрапнели».

Германцы постарались найти в белых добровольцах союзников. В дроздовском «Дневнике» появилась такая запись о немцах, прибывших в Берислав: «Сильно устали. Роты слабые, но дисциплина хорошая».

Прибывший в штаб бригады белых немецкий пехотный майор с Железным крестом на запыленном мундире весьма заинтересованно начал переговоры:

— Господин полковник, майор германской армии Карл фон Науман. С кем имею честь беседовать?

— Полковник Генерального штаба Дроздовский. Командир 1-й русской добровольческой бригады.

— Кто вы будете?

— Мы регулярная воинская часть Белого движения.

— Вы противники киевской и московской Красной армии?

— Да, господин фон Науман.

— Это хорошо. А вам известно соглашение о союзничестве между Германией и Центральной Радой?

— Да, известно. Но мы, как видите, уходим с ее территории.

— Мне об этом, господин полковник, уже доложил командир австрийского батальона, что стоит на этом берегу.

— Вы, господин майор, хотите предложить совместные действия против красных в Каховке?

— Да, именно так. Я имею приказ командира 21-го пехотного полка полковника барона Пауля фон Крафта занять Каховку. Вы согласны на совместные действия?

— Да, но только на эти дни. После переправы через Днепр мы уходим дальше на восток.

— Прекрасно. Тогда пусть ваша бригада займет участок на берегу правее позиции моего батальона И я очень надеюсь на ваши батареи.

— Хорошо, мои добровольцы встанут на позиции. Но с одним условием.

— С каким, господин полковник?

— Завтра на рассвете мы атакуем Каховку через мост. Если город мы возьмем, то встанем там на дневку, после чего уходим. Но в эти день-два просим вас с австрийцами в Каховку не входить. Вы согласны на такие условия, господин майор фон Науман?

— Согласен. Надеюсь, что ваши офицеры не будут конфликтовать с нами? Ведь Россия подписала в Брест-Литовске с нами мир?

— Нет, не будут…

В тот день 27 марта Михаил Гордеевич уже ночью, при свете догорающей свечи, сделал в своем походном «Дневнике» такую запись:

«…Странное впечатление оставляло положение и переговоры — три стороны, три врага Каждая сторона враждебна остальным двум, но случайным ходом обстоятельств вынуждена бороться совместно.

„В Каховке почти вся масса населения встретила нас с восторгом и благословением, как избавителей — крепко насолили им большевики, взяли с них 500 тысяч рублей контрибуции, отобрали лошадей, платье, белье, съестное и т. п.

Навезли нам подводы с хлебом в подарок, приготовили обед начальникам (уклонились, некогда было), все, что желали, было к услугам и добывалось точно из-под земли. Всячески выражались радушие и радость.

Проходили город стройными рядами (пехота) с песнями. Много пристало сразу добровольцев, преимущественно учащиеся старших классов (гимназистов, семинаристов), были и юнкера, и офицеры, чиновники и т. п., всего человек 40…“

Не задерживаясь в Каховке, полковник Дроздовский уводил бригаду подальше от нее. Войналович, рассчитывавший здесь остановиться на дневку, спросил:

— Стоит ли сегодня торопить людей в поход, Михаил Гордеевич? Упряжки еле тащат орудия и повозки.

— В Каховке дневать нам смысла нет, Михаил Кузьмич.

— Почему вы так решили?

— Нам надо сегодня же отцепиться от германцев, они ставят в Каховке свой гарнизон. Когда к Науману и австрийцам прибудет батарея из Херсона, майор запросто может изменить свое отношение к нам.

— А нам тогда делать дневку в Любимовке?

— Там. Но надо сперва узнать, далеко ли ушли от Каховки красные. Вышлите вперед по дороге конный разъезд, человек пять…

Отряды красногвардейцев действительно ушли не так далеко от Каховки, остановившись в Любимовке. Это был 1 — й партизанский Приднепровский отряд, имевший красный флаг с многозначительной надписью „Смерть буржуям“. По всей видимости, отрядов в Каховке и в ближайших к ней селах стояло несколько.

Конный разъезд белых в небольшой рощице наскочил на умело устроенную засаду. Трое попало в плен, двоим удалось, отстреливаясь, ускакать. Дроздовский, получив такое известие, немедленно выслал вперед кавалерийский эскадрон, нападение которого оказалось внезапным В ходе боя за Любимовку красные потеряли более тридцати человек. Выяснилось, что плененные белые были ими расстреляны почти сразу.

Любимовка была рядом с Каховкой. Дроздовский отправил в город караул для охраны найденного там склада с легкими снарядами. Германский пехотный батальон (без австрийцев) уже занял центр города. „Довольно нахальный немецкий“ младший лейтенант заявил русским офицерам;

— Отсюда ничего не будет вывезено…

Дроздовскому пришлось спешно ехать в Каховку. Майор фон Науман был настроен к белым по-прежнему лояльно, и потому разговор прошел без каких-либо осложнений.

— Господин майор, когда мы вошли в город, конница захватила снаряды. Был поставлен около них наш караул, послали за подводами, нагрузились. Но появился немецкий караул и запретил их вывоз.

— Господин полковник, я такого приказа своим солдатам не отдавал.

— Охотно верю, господин фон Науман. Я не претендую на весь склад снарядов, брошенный красными. Хотя снаряды захватили сегодня мы.

— О чем речь? Пожалуйста, берите все.

— Все нам не нужны, только то, что уже погружено на подводы.

— Сколько на них погружено снарядов?

— Пятьсот штук.

— Забирайте их. Ведь большая часть трофеев остается у германской армии, не так ли, господин полковник?

— Именно так. Как мне доложили, на складе не одна тысяча снарядов малых калибров.

— Будете вывозить сейчас?

— Да, желательно. Но мне нужна записка на имя начальника вашего караула, чтобы избежать всяких недоразумений.

— Сейчас будет написана.

— Благодарю…

Майор фон Науман разрешил добровольцам беспрепятственно посещать Каховку во время их дневки в Любимовке. В городе работали все лавки. Бригадные интенданты смогли закупить здесь несколько пудов бензина, масла и пакли для чистки оружия и многое из того, в чем нуждался отряд.

„Совместные“ действия 1-й русской добровольческой бригады с германским и австрийским пехотными батальонам по „взятию с боем“ Каховки вне истории не остались. Они дали основание главнокомандующему вооруженными силами Советской Украины В. А. Антонову-Овсеенко сказать в своих „Записках о Гражданской войне“ (том второй) следующее: „…Кроме немецких частей вели наступление австро-венгерские части, русская офицерская ударная бригада, созданная генералом Щербачевым на Румынском фронте, а также гайдамацкие части“.

…Дроздовский лично принимал в отряд каховских добровольцев. Часть юношей отговорили родители не ходить на войну. Но были и другие случаи. Один отец привел двоих своих сыновей, сказав приемной комиссии:

— Я служил, пусть теперь и они послужат патриотическому делу, нашей России…

Командир бригады распорядился так:

— Юных добровольцев — в артиллерию, пока не обстреляются. Добровольцев основательных, с военным опытом — в пехоту.

Встала проблема („горе“), как новых людей обмундировать, винтовки для них нашлись. Шинелей запасных нашлось всего штук пятнадцать. Однако ушлые бригадные интенданты обнаружили на одном из местных складов много рубашечного защитного материала и заказали местным портнихам быстро сшить из него гимнастерки.

Когда доложили радостно о том полковнику Дроздовскому, он отреагировал на услышанное так:

— Молодцы! Мне бы быстрее одеть новых добровольцев в

солдатское.

— Будут одеты, Михаил Гордеевич, не волнуйтесь. Все отдано в шитье местным мастерицам.

— Они не успеют сшить. Завтра уходим из Любимовки дальше.

— Тогда как прикажете быть?

— С портнихами расплатиться. Что не успели — увезти кроеное и оставшийся материал с собой. Дошьем на новом месте…

В Каховке состоялся военный парад: 1 — я русская добровольческая бригада промаршировала по центру под Андреевским флагом 2-го полка Балтийской дивизии. В данном случае Михаил Гордеевич решил все же поостеречься, приказав Михаилу Кузьмичу Войналовичу:

— Что прибыло сегодня к германцам в Берислав? Известно, Михаил Кузьмич?

— Да, посылал нашего офицера, прапорщика Ольшевского, под видом местного жителя на тот берег. Разведал все.

— Кто там, кроме австрийцев?

— Свежий немецкий батальон пехоты, батарея полевых пушек. Пулеметов прибыло много.

— Как смотрится настроение германцев? Здесь, в Каховке?

— Если не считать майора Наумана, как будто стали к нам не столь благосклонны.

— В чем это видится?

— Караул у снарядного склада удвоен. Поставлен пулемет. Мост блокирован австрийскими патрулями.

— Значит, пора нам уходить от Днепра.

— Как быть с парадным расчетом, Михаил Гордеевич?

— Надо еще раз поостеречься. Только одну роту на парад, оба эскадрона и взвод конно-горный.

— Остальным что приказать?

— Не расхолаживаться. И готовиться к маршу дальше…

…Следующим маршрутным пунктом стало большое селение Серогозы. Красногвардейский отряд из местных оттуда ушел заранее. К Дроздовскому обратился директор гимназии, эвакуированной во время войны из Риги, просил оружия для гимназического отряда самообороны. Тот отказать в такой просьбе не смог старому гимназическому учителю:

— Я прикажу выдать вам десять трехлинейных винтовок с патронами.

— Премного благодарен. Вооружу ими учителей, старших гимназистов, что покрепче.

— Вы в армии сами-то служили?

— Нет, не довелось. Служил государю по гражданской части.

— Это хорошо. Тогда обратитесь к кому-нибудь из местных, к офицеру или надежному бывшему старому солдату. Пусть научит ваш отряд самообороны обращаться с оружием.

— Премного благодарен вам за такой дельный совет. Есть у меня на примете такой человек.

Когда походная колонна выступила из Серогоз, начальник бригадного штаба Войналович, подъехав к Дроздовскому, заметил как бы между прочим:

— Михаил Гордеевич, что-то мы ведем себя не как на войне.

— А что такое, Михаил Кузьмич?

— Сегодня меня штабные связисты осадили. Серьезные у них к нам претензии есть.

— Чем они недовольны?

— Пересказали сначала ваши слова, Михаил Гордеевич, что бригада вошла в зону действий красных.

— Ну и что? Оно действительно так и есть.

— Тогда почему мы не портим им телеграфную связь? Вот в чем нас упрекнули наши связисты.

— Они правы. Верное дело сказали. Прикажите, чтобы теперь по дороге портили телеграфные линии. Чтобы лишить большевиков возможности передавать сведения о нас.

— Есть рвать провода и пилить телеграфные столбы…

…Бригада „дроздов“ пылила по дороге на Мелитополь, уже несколько дней не имея боевых столкновений. В провианте добровольцы особо не нуждались: местное население, особенно хуторяне, сами привозили к дороге разные продукты своим „избавленцам“. Деньги зачастую брать отказывались.

На одном из хуторов натолкнулись на пункт сбора реквизированного мелитопольским советом скота у местного населения. Скот был возвращен хозяевам.

Теперь полковник Дроздовский постоянно рассылал вперед и боковыми маршрутами усиленные конные разъезды, имевшие надежных проводников из местных жителей. Телеграфная связь портилась всюду. В „Дневнике“, к примеру, появилась такая запись:

„…Сняли телефонные аппараты с Мелитополем, телеграфные электромагниты; предварительно наш пионер (сапер; в данном случае связист. — А. Ш.) разговаривал от имени (местного) комитета с заместителем Гольдштейна, начальника мелитопольской банды. Оказалось, что у Гольдштейна в деревне Веселое, где их сотни две-три, своего рода штаб. В общем, получили известную ориентировку, но ничего очень существенного, боялись расспросами себя выдать…“

В селе Калга белая добровольческая бригада сделала очередную дневку. В дроздовском „Дневнике“ за 1 апреля появились такие записи, больше напоминавшие повседневную прозу похода Яссы — Дон. Похода по той территории российского Юга, которую Гражданская война еще не залила обильно кровью и основательно не выжгла, не испепелила человеческие сердца на историческом изломе старого и нового Отечества:

„…Весь путь отряда встречается и провожается благословениями и восторгами одних, проклятием и ужасом других и тупым безразличием массы; хотя, впрочем, не везде: где сильно поработали грабители, там удовлетворение было массовым.

…Народ, в общем, так напуган всяким появлением вооруженных, что и здесь (в Калге) часть поскрывалась, особенно женщины, пока им не разъяснили, что мы не враги. В Калгу опять прибыл ряд хуторян с мольбою о помощи — послали экспедицию, но только на одном фольварке, что у почтовой станции Калга, удалось арестовать для разбора вины, а троих, выскочивших с оружием, ликвидировали на месте.

Из остальных мест вся эта рвань разбежалась, но пока не удалось захватить…

День тяжелого удара, возвращение Кудряшева (его приключение, арест в Лепетихе, угроза крестьян расстрелять за большевизм).

Вести о Доне — Корнилов в районе Кавказская — Петровск (на Каспии). Измена молодых казаков, поражения, расстрелы офицеров. Может, преувеличено, но суть — едва ли. Эти показания дали два офицера; один из отряда, защищавшего Новочеркасск.

Движение японцев; поход поляков к Воронежу. Болотовский поехал дальше. Маяком ему будут служить Симферополь и Ростов. Принципиальное решение — сохранить отряд до лучших времен. Что же делать непосредственно — обдумаем, пока же в районе Мелитополя немного задержаться. Надежда на помощь союзников, японцев больше, но какою ценой.

Катастрофа Корнилова и Алексеева — это национальное несчастье.

Мое переживание: пройдя уже больше половины пути, потерять точку стремления! И все же бороться до конца…“

Спустя месяц в донской станице Мечетинской полковник Дроздовский расскажет о „смутных днях“, пережитых им перед занятием города Мелитополя, когда до Области Войска Донского остались считаные походные версты. Его собеседниками были командующий Добровольческой армией Антон Иванович Деникин

и командир Корниловского полка полковник Александр Павлович Кутепов, одна из легендарных личностей Белого дела. Разговор вел старший за столом.

— Михаил Гордеевич, неужели почти до самого Мелитополя вы не имели о нас никаких сведений?

— Нет. Даже слухи на слухи мало походили. Даже газеты одесских большевиков ясности не давали: одни лозунги, Ленин сказал, Троцкий сказал и „смерть буржуям“. А Дона и нас, добровольцев, для Одессы как бы и не существовало.

— Но что-то же вами предпринималось?

— Разумеется, Антон Иванович. В Ростов был послан командир моих конных разведчиков ротмистр Болотовский с офицером. Они и дали первые сведения о вас и положении дел у донцов.

— Интересно, что за информацию они вам доставили?

— Первое, что Корнилов ведет бои где-то у Петровска на берегах Каспия. Или намного ближе, у станции Кавказская, на Кубани. И что на Дону молодые казаки изменили присяге, идут массовые расстрелы казачьих офицеров.

— На Дону действительно часть фронтовых полков колыхнулась в сторону советской власти. Один есаул Голубов чего стоил, в Новочеркасске был убит войсковой атаман. А сейчас станишники-донцы одумались, взялись за оружие. Сами видели, Михаил Гордеевич.

— Видел под Новочеркасском А как же бои на Каспии?

— Добровольческая армия в Ледяном походе дальше Екатеринодара на восток по Северному Кавказу не прошла. Это вы уже знаете?

— А кто же тогда вел бои у Петровска, на дагестанских берегах?

— Полковник Бичерахов из осетин, терец. Собрал несколько казачьих сотен, пластунский батальон, батарею — все с Кавказского фронта уходившие — и не пустил турок вдоль берега Каспия на Терек. А османов вел сам военный министр султана Энвер-паша.

— Турки отступили?

— Антанта потребовала. Но они ушли недалеко, в Баку.

В разговор вступил Кутепов, до того молчавший. С ним у Дроздовского отношения сложатся сразу, поскольку оба были монархистами из числа убежденных сторонников России единой и неделимой. Да и к тому же если Михаил Гордеевич был наслышан о командующем лейб-гвардии Преображенским полком и его действиях в Петрограде в Феврале 1917 года, то Кутепов его не знал.

— Михаил Гордеевич, скажите честно, что вы почувствовали после того, как получили такие вести от вашего ротмистра?

— Скажу. Сердце сжималось от боли. Первые мысли были только об одном, Александр Павлович.

— О чем же, если не секрет?

— Сохранить до лучших времен бригаду, тысячу моих добровольцев.

— Пожалуй, это верная мысль. Но вы все же не стали отсиживаться в Мелитополе, а пошли на Ростов?

— Пошел. Для моих бойцов Дон был точкой стремления. Не повести их туда, значит, надо было отказаться от наших одних-единственных помыслов на всем походном пути от Ясс.

— И оставили Мелитополь со всей его привлекательностью?

— Для нас он стал только вехой. Тысяча двести верст прошагать с боями за считаные два месяца. Разве это не закалка для Белого дела?

— Согласен, дорогой ты наш Михаил Гордеевич. Корниловский Ледяной поход мы с Антон Ивановичем ставим в ряд с походом Яссы — Дон. Так и скажите об этом вашим добровольцам.

— А почему поход на Кубань назвали Ледяным?

— Дело было так. Одна медсестра как-то в сердцах сказала генералу Маркову Сергею Леонидовичу: ну и дался мне ваш Ледяной поход…

Деникин, как бы приглашая собеседников сделать то же самое, встал из-за стола. Сказал тепло Дроздовскому:

— Пора нам в полки. Ваш поход, Михаил Гордеевич, — уже история Белого движения. И каким красивым словом у нас прозвали ясских добровольцев — „дрозды“…

…2 апреля „дрозды“ выдержали самый сложный для них бой с начала похода — в местечке Акимовка, что находилось вблизи Мелитополя. Для белых тот день сложился крайне удачно во многом благодаря распорядительности полковника Войналовича. Он все так же продолжал начальствовать авангардом походной колонны бригады, состоявшим из двух кавалерийских эскадронов с конной пулеметной командой и уже единственного в бригаде бронеавтомобиля „Верный“, сумевшего сделать пробег в тысячу верст (!) без серьезных поломок.

Сам Дроздовский в том бою не участвовал. В дневниковых записях он только рассказывает о том, как на железнодорожной станции Акимовка с боем был взят эшелон с красногвардейцами. Другому эшелону, люди в котором боя не приняли, удалось уйти обратно к Мелитополю:

„…Колонна задержалась (в немецкой колонии Ейгенфельд. —

А. Ш.) на час. Только что собрались выступать — донесение (на автомобиле от Войналовича) о появлении большевистских эшелонов на станции Акимовка Приказал одной роте с легкой батареей идти немедленно переменным аллюром на поддержку, если бы таковая потребовалась, а остальным тоже не задерживаться, идя частью рысью. Сам на автомобиле.

Приехал в местечко Акимовка — на вокзале все уже было кончено; шло два эшелона из Мелитополя на Акимовку. На запрос ответили, чтобы подождали, пока еще путь неисправен. Потом приготовились и вызвали. Должны были взорвать путь позади второго эшелона, а первый направить в тупик. Второй захватить не удалось — раньше времени взорвали путь.

Первый же приняли в тупик и встретили пулеметным огнем кавалеристов и с броневика, который стрелял почти в упор. Всюду вдоль поезда масса трупов, в вагонах, на буферах, частью убитые, частью добитые. Несколько раненых. Между прочим, машинист и три женщины. Когда пришел, еще выуживали попрятавшихся по укромным углам Пленных отправили на разбор в штаб к Семенову. Всего на вокзале было убито человек 40.

Как жили большевики: пульмановские вагоны, преимущественно 1-й и 2-й классы, салон; масса сахару, масло чудное, сливки, сдобные булочки и т. п.

Огромная добыча 12 пулеметов, масса оружия, патронов, ручных гранат, часть лошадей (много убитых и раненых). Новые шинели, сапоги, сбруя, подковы, сукно матросское шинельное, рогожка защитная, калоши, бельевой материал. Обилие чая, шоколада и конфет.

Всего в эшелоне было человек около 150 — следовательно, считая пленных, не спасся почти никто. Вскоре запросили по телеграфу эшелон большевиков с юга, хотели его принять, но на разъезде южнее Дмитровки его предупредил, по-видимому, кто-то из бежавших — он не вышел с разъезда и вернулся.

У нас без потерь, одному оцарапало палец, у другого прострелен бинокль, но выбыло пять лошадей. Второй эшелон отошел после взрыва и скрылся из вида.

К вечеру были предопрошены все пленные и ликвидированы; всего этот день стоил бандитам 130 жизней, причем были и „матросики“, и два офицера, до конца не признавшиеся в своем звании.

Отряд сосредоточился в Акимовке часам к 17…“

Движение сразу трех воинских эшелонов красных (два были из Мелитополя) сильно встревожило полковника Дроздовского. Он понял, что неприятель, не имея точных сведений о силах белых, попытался взять их в кольцо на подходе к Акимовке. То,

что к этому делу они отнеслись серьезно, свидетельствовало число пулеметов, захваченных в первом эшелоне.

Дроздовский по прибытии в местечко, ознакомившись с оперативной обстановкой, поставил задачи Войналовичу и Жебраку-Русановичу:

— Красные постараются взять нас в Акимовке, благо железные дороги в их руках. Поэтому вам, Михаил Кузьмич, разместить бригаду так, чтобы ее можно было без лишнего шума поднять по тревоге.

— Понял. Где прикажете поставить пулеметный заслон?

— На северной окраине местечка. Всю артиллерию, кроме взвода на вокзале, поставить против Мелитополя. Конную разведку выслали?

— Выслали, Михаил Гордеевич.

— А вам, Михаил Антонович, вместе с моряками и 3-й ротой смотреть за железкой от Дмитровки. Тот эшелон, если командир его человек по-военному стоящий, должен подойти опять к Акимовке.

— Как мне в случае надобности можно будет получить артиллерийскую поддержку?

— Орудийный взвод, что на вокзале, в случае надобности будет ваш. А пока разрешаю взять себе половину пулеметов, что мы захватили в разбитом эшелоне. Лент к ним в избытке…

Красные атаковали белых в Акимовке уже на следующий после первого боя день. Все велось по сценарию „эшелонной войны“. На рассвете 3 апреля конная застава, высланная на север, снялась и отошла к местечку: подходил поезд, который двигался настороженно. Добровольцы были подняты по тревоге, заняв заранее указанные стрелковым ротам места.

Поезд не дошел до железнодорожной станции с версту, остановившись в степи. Было видно, как вагоны покинула не одна сотня людей, которые сразу же стали разворачиваться в цепи. После этого красные повели наступление на Акимовку.

Легкой батарее полковника Ползикова был дан приказ открыть огонь по цепи, но снаряды поберечь. Орудийные расчеты из офицеров-фронтовиков дали два выстрела шрапнелью, без пристрелки накрыв атакующую, уже далеко ушедшую от эшелона цепь. Та сразу потеряла стройность и обратилась в бегство к спасительным вагонам на железнодорожной насыпи.

С платформ поезда открыли ответный беглый огонь два легких орудия. Их расчеты явно состояли не из пушкарей: снаряды рвались где попало, много выпущенных по Акимовке гранат оказалось неразорвавшимися. По местечку били даже зажигательными снарядами.

Артиллерия добровольцев открыла ответный огонь. Когда снаряды стали рваться по соседству с эшелоном, осыпая его землей и осколками, на паровозе развели пары и поспешили увезти поезд „за перегиб местности“. На этом утренний огневой бой прекратился. Но красные, не свертывая стрелковой цепи, далеко не ушли. Они залегли в степи, прикрывшись холмами.

Дроздовский приказал бригаде выступать на Мелитополь в начале одиннадцатого. Авангард колонны вновь составила отрядная кавалерия с четырехпулеметным бронеавтомобилем „Верный“, который катил по пыльной дороге, что шла рядом с железнодорожным полотном. Кавалеристы штабс-ротмистра Гаевского время от времени кричали команде броневика:

— Не пылите! Нас же за версту красным видно!..

Через открытую по случаю солнечной погоды дверцу бронеавтомобиля конникам отвечал обычно капитан Нилов:

— Пусть видят! Скорей бы в бой покатиться…

К тому времени к первому мелитопольскому эшелону подошел второй, с которого тоже высадился пехотный десант. Теперь стрелковая цепь удлинилась вдвое и носила уже охватывающий вид. Когда эскадроны белых перевалили через гребень высоты, они увидели идущую на Акимовку длинную и редкую цепь неприятеля.

Командир бригадного конного дивизиона в сотню с небольшим сабель штабс-ротмистр Борис Анатольевич Гаевский не зря слыл бывалым кавалеристом. Почти всю мировую войну он прошел в рядах родного ему 8-го уланского Вознесенского полка. В 1916 году был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, когда исполнял обязанности начальника штаба 3-й Туркестанской стрелковой дивизии.

Одного взгляда на поле боя хватило Гаевскому, чтобы понять, что красные допустили непростительную ошибку: стрелковая цепь была редка, пулеметных расчетов в ней не виделось. Командир конницы „дроздов“ без задержки (не ожидая пушечных выстрелов с поездов) скомандовал эскадронным начальникам:

— Штабс-ротмистр Аникеев! Ротмистр Двойченко! Атакуем с хода! Цепь прорвать, разделить ее на две части и окружить!

Наступавшие, равно как и те, кто оставался в эшелонах, не ожидали появления конницы белой, которая к тому же числом своим не впечатляла. Поэтому атакующие не сразу осознали, какую опасность для них представляют две полусотни всадников, набегавших на них по полю.

В это время на гребень выскочили расчеты конно-горной батареи, которая развернулась на высоте, как на показательных учениях. Несколько шрапнелей через голову атакующего

кавалерийского дивизиона привели цепь в полное замешательство. Поэтому эскадроны Аникеева и Двойченко разорвали ее надвое без потерь и отрезали большую часть красной пехоты от эшелонов. Особенно отличился второй из эскадронов. Началась рубка разбегавшихся „эшелонников“, которые сбивались в разрозненные группы.

Дальше события второго „акимовского“ боя 3 апреля 1918 года вблизи города Мелитополя и его занятие разворачивались так, как говорится в походном „Дневнике“ самого полковника Дроздовского:

„…В то же время конно-горная стреляла по поезду, причем одна граната попала почти в платформу, большевики частью успели сесть в эшелоны и уехать, частью разбежались в дикой панике, кидая сапоги, шинели, портянки, оружие, спасаясь по разным направлениям.

Уничтожение их продолжалось, в плен не брали, раненых не оставалось, было изрублено и застрелено, по рассказу конницы, до 80 человек. Броневик помогал своим огнем по цепи. Когда дело было кончено, броневик вернулся к колонне главных сил, а конница прошла через Иоганнесру (немецкая колония. — А. Ш.) на вокзал Мелитополя с целью обойти (город) с запада и севера.

В этой операции конница потеряла 5–6 убитых и раненых лошадей и был легко ранен в ногу серб-офицер Патек.

Перед выступлением главной колонны (из Акимовки) часть имущества (захваченного в разгромленном эшелоне), что не могли поднять, была продана на месте (чай, калоши), часть роздана на руки…

Подход к Мелитополю — сплошное триумфальное шествие; уже в деревне Песчаное (пригород) встретили толпы крестьян и приветствия; ближе к городу — еще хлеб-соль, в городе улицы, проходящие на вокзал, запружены.

Делегация железнодорожников с белым флагом и речью — приветствие избавителям, еще хлеб-соль. Цветы, приветственные крики. Входили спасителями и избавителями. На вокзале депутация инвалидов (увечных воинов Первой мировой и Японской войн. — А. *Ш.)* с приветом.

Большевики бежали спешно на Антоновку, оставалась подрывная команда анархистов и еще кое-какие мерзавцы, которых частью перебила, частью арестовала вооружившаяся железнодорожная милиция…“

Заняв Мелитополь, Дроздовский предусмотрительно выставил по его окраинам сторожевое охранение. Он понимал, что когда красные соберутся с силами в недалекой Антоновке, то они перейдут снова в наступление. А пока он приказал доставить

в город из Акимовки трофеи и издал по бригаде приказ, в котором особо отметил „примерные“ действия конного дивизиона и экипажа бронеавтомобиля „Верный“. Об отличившихся в бою 2 апреля добровольцах в приказе говорилось особо: „…Пример храбрости в бою против красного эшелона подавал командир 2-го эскадрона ротмистр Двойченко Владимир Абрамович. Он подтвердил славу обладателя Георгиевского оружия — сабли „За храбрость“, полученной им в 1915 году в бытность службы в Крымском конном полку…“

В Мелитополе больших трофеев не оказалось, но белые добровольцы неожиданно для себя стали там обладателями блиндированной платформы. Вместе с паровозом она и составила первый бронепоезд (если его так можно было назвать) „дроздов“.

Еще во время учебы в Николаевской академии Генерального штаба Дроздовский показал себя сторонником развития „броневых сил“ в русской армии. Но тогда это были дискуссии. В Скинтее он не случайно требовал собирать в бригаде бесхозные автомашины и бронеавтомобили. И хотя до Мелитополя дошел один-единственный броневик капитана Нилова, в двух „акимовских“ боях он творил чудеса. А тут целая блиндированная платформа, пусть и невооруженная. Но зато издали такая грозная, ощетинившаяся пулеметами.

Полковник лично осмотрел такой необычный трофей. Пушку на платформе можно было установить только в заводских условиях. А вот для пулеметных расчетов амбразур имелось более чем достаточно. Дроздовский вызвал к себе бригадного начальника штаба;

— Михаил Кузьмич, тебе докладывали из полка о взятии блиндированной платформы?

— Докладывали. Но она не вооруженная.

— Значит, надо вооружить. Как ты это думаешь сделать?

— Я ее еще раньше осмотрел. Пушечного места на ней, как видите, нет. Думаю, что полный пулеметный взвод она в себя вместить сможет. Четыре „максима“.

— Прекрасно! Возьмите из пулеметной роты офицерский взвод поручика Марковича. Знаю его по Замостскому полку.

— Паровоз к блиндированной платформе здесь, в Акимовке, есть. На ходу. Вот только задача с паровозной бригадой, Михаил Гордеевич?

— Она у нас есть. И надежная. Возьмите людей из городской железнодорожной милиции.

— Из тех, что вылавливали на станции анархистов-подрывников?

— Только из них, Михаил Кузьмич.

— Отлично, бронепоезд у нас на время есть. И задача ему, думаю, на сегодня будет?

— Задача есть, и ответственная. Как только пулеметчики поручика Марковича устроятся на блиндированной платформе, паровоз поставить под пары. Бронепоезду идти сторожевой заставой от Акимовки к разъезду Тащанак. Держать с ней связь все время.

— Михаил Гордеевич, вам уже доложили, что оттуда дали телеграфом сюда, будто к Тащанаку подходит большевистский эшелон?

— Доложили.

— Какие еще будут приказания?

— Первое. Надо снабдить мелитопольскую железнодорожную милицию трехлинейками и патронами из наших трофейных запасов.

— Будет исполнено. Что еще будет приказано сделать?

— Эшелон красных, а что еще опаснее — их бронепоезд может пойти на Акимовку. Надо, чтобы местные железнодорожники подготовили локомотив и платформу перед ним с рельсами. С его помощью в случае чего можно будет перед разъездом устроить большевикам крушение.

— Задачу понял, Михаил Гордеевич. Для нее подберу толковых людей из артиллеристов, знающих и подрывное дело…

Блиндированная платформа с прицепленным сзади паровозом и пулеметным взводом „на борту“ дело свое под Мелитополем сделала отменно. Она дошла почти до самой станции Соколиногорное, на которой стоял крупный красногвардейский отряд с бронепоездом, имевшим пушки. Дальше события разворачивались так.

Сперва стороны завязали пулеметную перестрелку, от которой офицеры поручика Марковича не пострадали. После этого красный бронепоезд, разведя пары, двинулся на блиндированную платформу. Та дала ход назад. На железной дороге разыгрался бой. Дроздовский писал в походном „Дневнике“:

„Велась перестрелка пулеметами, враги стреляли артиллерией, но попадали почти все в свой поезд, давая чудовищный недолет — наши умирали со смеху, видя эту стрельбу.

Верстах в двух с половиной южнее станции Акимовка они сняли районные рельсы и увезли (их) под огнем большевистских разъездов. Когда оставляли Акимовку, разъезды уже подходили к станции.

Все это достоверные сведения — ясно, что дальше этого

разобранного пути поезд не мог пройти, а занять они могли только Акимовку…“

В Мелитополе добровольцы долго оставаться не могли, впереди был близкий Дон — их „цель стремления“. Красногвардейские отряды городу больше не угрожали: подходили немецкие войска, которых сопровождали гайдамаки. На радушие встречи с последними белым рассчитывать не приходилось, хотя открытого столкновения германское командование вряд ли допустило бы. Оно было хозяином положения, уповавшим на силу.

На правобережье Днепра сразу устанавливались две власти — оккупационная германская и УНР, правитель которой Симон Петлюра доживал свои последние дни, чтобы потом уступить власть гетману Скоропадскому. После этого с местного населения этими двумя властями начинался насильственный сбор хлеба, живого скота и прочего, что крупными партиями отправлялось в Германию.

За несколько дней, проведенных в многолюдном Мелитополе, белая бригада отдохнула, пополнилась новыми добровольцами. Для такого города их было откровенно мало, всего семьдесят человек пополнило бригадную пехоту. В дроздовском „Дневнике“ за 4 апреля есть такая запись:

„…Понемногу город очищается от бандитов. В Акимовку из Мелитополя приехал на автомобиле офицер, сказался бежавшим. Там, однако, был опознан солдатами Крымского конного полка; один солдат, увидев его, сразу в морду — оказался вовсе не офицер, а убийца командира, похитивший его же шашку после убийства. Расстрелян.

Железнодорожная охрана (все низшие служащие) арестовала типа, призывавшего бить буржуев, анархист. Случай разобран. Расстрелян.

Мелитополь дал многое, есть военно-промышленный комитет, получили ботинки и сапоги, белье; из захваченного материала шьем обмундирование на весь отряд — все портные Мелитополя загружены нашей работой, посторонних заказов не берут“.

В Мелитопольском уезде менялась власть. Белые выпустили объявление об отмене декретов большевиков. Вся гражданская власть передавалась в руки городской думы и волостных земств. Думе предложили организовать самооборону и для этой цели создать отряд „сильной“ милиции. Охрану станции взяли на себя сами железнодорожники. У населения изымалось оружие, которое передавалось „самообороне и в волости“.

Германцы, понимая, что бригада русских добровольцев на

своем пути на Дон представляла немалую, а самое главное — организованную и боеспособную силу, конфликтовать с ней не собирались. Поэтому, когда немецкий эшелон подходил к Мелитополю, он сперва, словно в ожидании, остановился в Акимовке.

Оттуда полковнику Дроздовскому был послан телеграфный запрос о желании „провести переговоры“. Дежурный по бригадному штабу доложил:

— Господин полковник, немцы эшелоном уже пришли в Акимовку. Заняли караулом станцию. Дали оттуда нам телеграф.

— О чем спрашивают?

— Предлагают на одиннадцать часов переговоры.

— Где?

— У нас, в Мелитополе.

— С кем вы разговаривали?

— С начальником 15-й ландверной дивизии генерал-майором Фридрихом фон Штольцем.

— Передай ему, что я готов встретиться с ним между тринадцатью — четырнадцатью часами дня здесь, в городе. Как желает германская сторона. Что слышно о большевиках?

— Штабс-ротмистр посылал усиленный разъезд к Антоновке. Там сказали, что красные ушли на Токмак.

— Гайдамаки Симона Петлюры есть у немцев?

— В первом эшелоне ландверной дивизии их нет.

— Значит, непременно прибудут со вторым устанавливать в Мелитополе свою власть.

— В связи с прибытием немцев какие будут приказания?

— Снимите внешнюю охрану города и станции из наших. Посты передать местной самообороне. Так мы можем избежать столкновений. Как настроение офицеров?

— Надо сказать, что они издерганы тем, что немцы идут за нами по пятам. Встречу с ними предвидят в тяжелых чувствах.

— Тогда передай полковнику Войналовичу, чтобы сделал распоряжения о выводе всей бригады из города в деревню Константиновку. Там подождем окончания портняжных работ. Выполняйте…

6 апреля бригадный обоз двинулся из города на восток в соседнюю деревню Константиновку. Днем туда же направились стрелковые роты, артиллерия, конный дивизион, другие строевые команды. Мелитопольские милиционеры занимали сдаваемые ими посты.

В назначенный срок в Мелитополь прибыл блиндированный поезд с ротой германской пехоты, которая сразу же заняла караулами железнодорожную станцию. Дроздовский уклонился

от „невеселых“ переговоров с начальником поезда, поручив вести их полковникам Войналовичу и Жебраку-Русановичу. Немецкая сторона, как виделось, вполне доверяла лояльности к ним русских добровольцев.

На переговоры же с начальником 15-й ландверной дивизии генерал-майором Фридрихом фон Штольцем Михаил Гордеевич отправился сам, облачившись по такому случаю в новенький, пошитый в Мелитополе за „божескую плату“ френч. В Акимовку он прибыл на своем автомобиле, шины которого были все в тряпичных заплатах, перетянутых веревками. С собой взял одного лишь водителя, вооруженного карабином.

К слову говоря, будучи уже командиром дивизии в рядах Добровольческой армии, Дроздовский в самых крайних, редких случаях брал с собой конвой или хотя бы небольшую личную охрану. Появление автомобиля с русским полковником без сопровождения произвело на немцев заметное впечатление: их старшие начальники на войне так не ездили.

Начальник ландверной дивизии фон Штольц, старый кайзеровский служака, принял Дроздовского вполне корректно и даже любезно. Переводчиком служил капитан германского Генерального штаба Вильгельм фон Грольман, выходец из известного прусского дворянского рода, хорошо знавший русский язык (у Михаила Гордеевича сложилось о нем впечатление как об офицере контрразведки).

— Господин полковник, я, как полномочный представитель германского командования на территории известной вам Украинской республики, обязан переговорить с вами по ряду вопросов, важных как для нас, так и для вас, поскольку Мелитополь и его железнодорожная станция сегодня находится в русских руках.

— Я готов, господин генерал, ответить на все интересующие германскую сторону вопросы.

— Нам стало известно, что вы раздали железнодорожным служащим оружие и они создали целый воинский отряд. С какой целью это делалось вами?

— Моя добровольческая бригада, как вам известно, из Мелитополя уходит. Чтобы его вновь не захватили большевики, здесь из местных служащих создается отряд самообороны.

— Он будет лоялен к нам, господин полковник?

— Думаю, что да. В ваших же интересах наладить отношения с местной железнодорожной администрацией, господин генерал.

— Вне всякого сомнения. Мы не собираемся воевать с гражданским населением, но нам в зоне нашей оккупации по договору с Киевом нужен порядок и еще раз порядок.

— Это уже ваши заботы, господин генерал. Я не имею полномочий в них вмешиваться.

— Ваша бригада русских офицеров, как мне известно, идет с Румынского фронта к донским казакам.

— Да, мы идем на Дон, к генералам Корнилову и Алексееву.

— Это же бывшие верховные главнокомандующие вашего бывшего премьера Керенского?

— Да, господин генерал, это именно они.

— Как мне известно, у вас там началась Гражданская война?

— Не совсем так, Гражданская война идет уже по всей России…

Переговоры с генерал-майором Фридрихом фон Штольцем завершились обоюдным согласием. Караулы от 15-й германской ландверной дивизии сперва занимают железнодорожные станции Акимовка и Мелитополь. После ухода белой бригады — и сам город. Немецкая сторона заверила, что она не проявит никакой враждебности к русским добровольцам в обмен на такую же лояльность с их стороны.

После официальной беседы Дроздовский имел разговор с немецким капитаном-генштабистом Вильгельмом фон Грольманом. Тот оказался куда более откровенным, чем его начальник.

— Господин Дроздовский, позвольте дать вам, как офицеру Генерального штаба, самый дружеский совет.

— Какой, господин капитан?

— Я бы посоветовал русским военным скорее уходить из Мелитополя.

— Почему?

— Настроение новой украинской власти против вас откровенно враждебное. Заверяю вас в этом.

— Ваше начальство тоже такого мнения?

— Нет, это мое частное мнение. Вы уже понимаете?

— Понимаю. Благодарю за такое предупреждение. Почему вы, господин капитан, симпатизируете нам, белым?

— Мы с вами одной дворянской крови. Но не это главное для меня. Мне белые в России очень симпатичны своими высшими целями наведения порядка в стране.

— У вас в Германии тоже неспокойно?

— Не то слово — революция. Патрули красных спартаковцев в Берлине, матросы в Киле ведут себя так же, как ваши матросы митингуют в Кронштадте или Севастополе.

— А германская армия?

— Та, что на фронте, верна присяге и долгу.

— А в ее тылах творится то же, что и в России.

— Совершенно верно, господин полковник.

— Гетманские власти могут повлиять на генерала фон Штольца?

— Не думаю. Но из Киева, где стоит наш гарнизон, уже требуют разоружить вашу русскую бригаду.

— Но это еще не приказ 15-й ландверной дивизии.

— Согласен. Приказ может дать только командующий оккупационными войсками на Украине.

— Ясно. А германская армия из Малороссии не двинется вслед за нами в Великороссию?

— Мы не пойдем туда, разве что нас пригласят для наведения порядка, как это сделало гетманское правительство. Но может быть, и в таком случае наши войска не пойдут дальше Дона.

— Значит, вы считаете, господин капитан, что, если в Мелитополь придут части гайдамаков, возможен их конфликт с нами?

— Несомненно. Самое опасное для вас будет, если нашей дивизии прикажут поддержать этих гайдамаков…

Добровольцы (строевики) переходили из Мелитополя в соседнюю с городом Константиновку по главной городской улице с музыкой, под Андреевским флагом. Сам командир бригады шел во главе 1 — й Офицерской стрелковой роты. Встречавшие по пути немецкие патрули отдавали честь.

Позднее Михаил Гордеевич, вспоминая мелитопольскую дневку, которая растянулась на несколько суток, выразится об отношениях белых добровольцев с германцами так:

— У моей бригады задача в конце похода была, мною не поставленная, такая. Идти впереди немцев, своим появлением спасать население от банд. Вторичным появлением немцев — будить патриотизм у того же населения. Это был наш триумф. Когда роты офицеров-фронтовиков проходили по селам, особенно по Мелитополю, их жители понимали, что Русская армия не погибла, а Россия еще жива. Русской армией для малороссиян были в течение походных двух месяцев только мы. Одна бригада в тысячу с небольшим белых добровольцев. И они это понимали. Не хуже меня…

Дроздовцы покинули город, в котором политические страсти с их легкой руки заметно поутихли. Потом в белых мемуарах о том будет написано так: „В Мелитополе с помощью населения изловлено и ликвидировано 42 большевика“.

Для мелитопольцев это был едва ли не „первый взнос“ в кровавую копилку Гражданской войны. Город будут потом занимать то красные, то белые, то подступят махновцы. Тогда людей будет гибнуть больше. Весной 1918 года стороны еще не

дошли до пика „классовой вражды“.

За время стоянки в Мелитополе Дроздовскому впервые в „Дневнике“ пришлось делать какие-то политические обобщения. Исходил он из ситуации в „треугольнике“, одну сторону которого составляли русские добровольцы, вторую — германцы-оккупанты, третью — гайдамаки-гетманцы, которые назывались автором записей украинцами:

„Странные отношения у нас с немцами: точно признанные союзники, содействие, строгая корректность, в столкновениях с украинцами — всегда на нашей стороне, безусловное уважение. Один между тем высказывал: враги те офицеры, что не признали нашего мира.

Очевидно, немцы не понимают нашего вынужденного союзничества против большевиков, не угадывают наших скрытых целей или считают невозможным их выполнение. Один немец говорил:

„Мы всячески сочувствуем русским офицерам, сочувствуем им, а от нас сторонятся, чуждаются“.

С украинцами (гайдамаками, гетманцами. — А. Ш.), напротив, отношения отвратительные: приставание снять погоны, боятся только драться — разнузданная банда, старающаяся задеть. Не признают дележа, принципа военной добычи, признаваемого немцами. Начальство отдает строгие приказы не задевать — не слушают. Некоторые были побиты, тогда успокоились: хамы, рабы.

Когда мы ушли, вокзальный флаг (флаг ведомства путей сообщения Российской империи. — А. Ш.), даже не национальный, сорвали, изорвали, истоптали ногами.

Немцы к украинцам — нескрываемое презрение, третирование, понукание. Называют бандой, сбродом; при попытке украинцев захватить наш автомобиль на вокзале присутствовал наш комендант, кричал на украинского (гетманского) офицера:

— Чтобы у меня это больше не повторялось.

Разница отношения к нам, скрытым врагам, и к украинцам, союзникам, невероятная.

Один из офицеров проходящего украинского эшелона говорил немцу: надо бы их, то есть нас, обезоружить, и получил ответ: они также борются с большевиками, нам не враждебны, преследуют одни с нами цели, и у него язык не повернулся бы сказать такое, считает непорядочным… Украинец отскочил.

Украинцы (петлюровцы) платят (белым) такой же ненавистью…

…(Гетманские) офицеры больше половины враждебны

украинской идее, в настоящем виде и по составу не больше трети не украинцы — некуда было деваться… При тяжелых обстоятельствах бросят их ряды…“

Перед уходом белых добровольцев из Мелитополя у Дроздовского произошло несколько столкновений с только что назначенным комендантом города от гетманской власти. Петлюровец откровенно высказывал свое недоброжелательство к русским добровольцам. Но на большее не решался: батальон „синежупанников“ — сечевых стрелков против отряда офицеров-фронтовиков силы не представлял.

Такое недоброжелательство объяснялось довольно просто: выходец из Галиции в мировую войну служил, естественно, в австро-венгерской армии. Для начала петлюровский комендант наложил руку на триста тысяч рублей в кассе военно-промышленного комитета города Мелитополя. Часть этих денег, как военная добыча, должны были пополнить кассу добровольческой бригады.

Личная беседа Дроздовского с комендантом-гетманцем состоялась в ресторане, где был накрыт обеденный стол для начальства трех военных сил, стоявших в городе, — германцев, русских добровольцев и петлюровцев. Разговор получился такой, как его описал Михаил Гордеевич.

— Полковник, мои сечевики поймали несколько красных на хуторе близ Акимовки. Будем их судить, расстреляем.

— Это ваше право, ведь после нашего ухода гражданская власть в городе будет ваша.

— Почему только гражданская? Власть гетманства будет полная и военная. Это приказ самого Петлюры.

— Вы здесь ошибаетесь вместе со своим Петлюрой. Пока в Мелитополе останется хоть десяток немецких солдат с унтером, военная власть будет германская.

— Не буду спорить, хотя это территория Украинской народной республики. У меня к вам личная просьба, полковник.

— Какая же?

— Когда нужно будет расстреливать этих красных, что мы взяли под арест, дайте мне в расстрельную команду ваших людей. Таких, кто не дрогнул бы при расстреле.

— Роль исполнителей чужих приговоров на себя не беру. Расстреливаем только своих приговоренных.

— Тогда я, как комендант города, посланец гетмана в Мелитополе, имею полномочия приказывать здесь всем германским и сечевым войскам. И вам тоже.

— Мне, полковнику российского Генерального штаба, вы приказывать ничего не можете.

— Могу.

— Можно вам приказывать только тому, кто ваш приказ исполнит. Я — нет.

— Вы обязаны исполнить любой мой приказ!

— Не исполню.

— Вы находитесь на территории свободной Украины.

— Нет. Где войска и сила, там ваша территория. Мы же идем с фронта по территории большевистской, которую и освобождаем.

— Никто вас, полковник, сюда не просил.

— Нет, просят. Мы лояльны местному населению, не воюем с ним. Уж так получилось, что мои бойцы возвращаются с войны по вашей, как вы сказали, территории.

— Тогда помогите мне очистить от красных окрестные села и хутора.

— Охотно. Но только в направлении нашего пути. В остальных местах пусть воюют и теряют людей ваши синежупанники…

В Мелитополе штатный состав 1-й бригады русских добровольцев несколько изменился: он пополнился двумя командами. В городе нашлось с десяток неизвестно откуда появившихся на местных складах мотоциклов. Они все оказались на ходу. Нашлось и немного бензина. Среди офицеров оказалось немало людей, знакомых с такой тогда редкой автотехникой. Из них и были созданы две новые воинские команды: мотоциклистов-пулеметчиков и мотоциклистов-разведчиков.

9 апреля 1 — я Отдельная бригада русских добровольцев вновь двинулась привычным походным маршем. Впереди шел конный дивизион с бронеавтомобилем „Верный“. Тылы походной колонны на всякий случай прикрывала одна из стрелковых рот с пулеметным взводом. Между селами Владимировка и Богдановка ей повстречался автомобиль с депутацией от города Бердянска, стоявшего на берегу Азовского моря.

Разговор с депутацией людей гражданских и, как выяснилось, самых различных политических партий Дроздовский вел с полковником Войналовичем Их в первую очередь интересовал вопрос, чья власть в городе.

— Вы, как нам передал старший конного разъезда, из Бердянска?

— Да, господин полковник.

— Какую власть вы представляете?

— Только свою. Разве вы не получили телеграмму в Мелитополь о том, что советская власть в городе свергнута восстанием?

— Нет, не получали. Возможно, ее получили или комендант

от Петлюры, или немцы.

— Тогда знайте, что большевиков в Бердянске нет больше. Но мы просим вас Христом Богом скорей послать нам в избавление артиллерию.

— Зачем освобожденному Бердянску артиллерия? Красные войска на подходе?

— Какие красные?! Город с моря обстреливают из пушек в упор севастопольские матросы.

— Но как черноморские корабли могут подойти к Бердянску? У ваших же берегов сплошное мелководье, годное только для рыбацких лодок и прогулочных яхт?

— Правильно, крейсер не подойдет. Но матросы поставили на две рыбацкие лайбы (шаланды. — А. Ш.) по шестидюймовой пушке. Так определили наши офицеры. Красные громят город прямо из гавани. У нас нет ни одной своей пушки. Надежда только на вашу артиллерию.

— Я человек военный, господа, и потому об организации обороны города могу говорить только с посланцем-офицером. Офицеры есть среди восставших против красных?

— Есть. И очень много.

— Кто вами командует?

— Полковник Черков. Он из изюмских гусар. Был на фронте.

— Погоны он носит? Что у него на погонах?

— Погон наш полковник не носит.

— Хорошо. Я пишу вашему Черкову записку. Пусть присылает ко мне для переговоров своих офицеров с полномочиями.

— А артиллерия?

— У меня нет грузовых автомобилей, чтобы отправить в Бердянск хотя бы одну батарею. А Черкову передайте — пусть удержится до нашего прихода любой ценой.

— Но дайте нам хотя бы одну пушку для защиты города с моря.

— Не могу. Мои пушки, увы, летать не могут…

Дроздовскому действительно не на чем было спешно перебросить на помощь восставшему Бердянску хотя бы одну из своих батарей. Он приказал ускорить марш, сократив привалы по времени до минимума.

Утром к колонне прибыла на том же легковом автомобиле новая депутация из Бердянска. На этот раз в ней были одни офицеры. Все в полувоенной форме и без погон. Вера к ним со стороны Михаила Гордеевича была с первого взгляда полнейшая. Он даже воскликнул, увидев их:

— Да ведь все трое офицеры моего 60-го Замостского полка! Вот так боевая встреча!..

Получив разъяснения Дроздовского по поводу артиллерии, они вернулись в город, где на улицах, в садах и огородах время от времени рвались снаряды шестидюймовок севастопольских матросов, которые не уставали громить „белый город“ со стороны моря. В ответ же они ничего не получали.

Дроздовский сел на коня и в авангарде походной колонны сменил начальника бригадного штаба. Недалеко от Ногайска был встречен автомобиль с командиром бердянских повстанцев Черковым. Разговор двух полковников был по-деловому краток и открыт.

— Мою записку с первой депутацией вы получили?

— Получил. Благодарю за добрый совет.

— Севастопольские лайбы все еще в городской гавани?

— Да, там стоят. Держатся от берега на дальность выстрела из винтовки. Взять на прицел мы их не можем.

— Стреляют из орудий?

— Сегодня почти не слышно. Видно, снаряды на исходе. Ждут, наверное, когда из Севастополя новый боезапас подвезут.

— Как настроение защитников города? Обывателей?

— Скажу прямо, неважное.

— Отчего так?

— Настроение видится не сдаваться. Прежде всего у инвалидов-фронтовиков, у нас их много. Но все же тревога и неуверенность в массе защитников есть.

— А в чем причина, по вашему мнению?

— Она ясна; нам неоткуда ждать помощи. А тут мы о вас прослышали из Мелитополя.

— Вам, Черков, надо вернуться в Бердянск. Скажите там, что мы придем утром Выступим же вечером, с наступлением темноты…

Сразу сняться с привала Дроздовский не мог. По карте было отмечено, что через одну-две версты дорога шла уже по самому берегу Азовского моря. Красные моряки могли легко обнаружить походную колонну явно чужих войск и обстрелять ее до того, как батареи белых встанут на позицию.

Поэтому Михаил Гордеевич решил проявить военную хитрость, то есть провести бригаду по берегу ночью и на рассвете оказаться в Бердянске. Тогда бы севастопольским лайбам, стоявшим в Бердянской гавани, пришлось познать меткость ответной пушечной пальбы. Для их команд это стало бы неприятным сюрпризом.

По пути в Ногайске дроздовцы „арестовали местный совет“ и „выловили еще несколько мерзавцев“. Власть на месте была возвращена разогнанной красными городской думе.

Вводить всю бригаду в приморский Бердянск полковник Дроздовский не стал. Туда двинулись только одна стрелковая рота, броневик „Верный“ и вся артиллерия. Остальная часть добровольцев разместилась в пригородном селе Ивановка. Ожидалось, что со стороны Новоспасского или Петровского могли подойти красногвардейские отряды, о чем ходили упорные слухи. По округе были разосланы конные разъезды.

…События весны 1918 года в небольшом портовом городе на берегу Азовского моря относятся к числу действительно малоизвестных страниц Гражданской войны в России. В Бердянске власть к революционному совету перешла в конце 1917 года. Когда в начале следующего года большевистская часть ревсовета начала преследовать своих коллег — социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов (меньшевиков), в городе начались демонстрации под лозунгом „Долой советскую власть“.

К тому времени в городе уже не было воинского гарнизона в лице 46-го запасного пехотного полка, переведенного сюда из Одессы. Солдаты разъехались по домам, но часть офицеров осталась в Бердянске. Вооружение полка тоже осталось в Бердянске, у местного ревсовета.

Самой сильной организацией в городе оказались не политические партии, а местное отделение всероссийского Союза увечных воинов, то есть вчерашних фронтовиков-инвалидов, людей сплоченных своими бедами и думами, умевших держать в руках оружие Увечные воины и стали зачинателями восстания в Бердянске.

Все началось с того, что в начале февраля 1918 года отряд в триста черноморских матросов занял город и начал аресты местных контрреволюционеров, прежде всего бывших офицеров любого звания, возраста и происхождения. Всего в считаные дни было арестовано около пятисот человек, которых собирались вывезти в Севастополь конечно же не для того, чтобы пополнить ими камеры местной тюрьмы.

Однако этому воспротивились члены Союза увечных воинов во главе со своим председателем старшим унтер-офицером Апанасенко, в руках которых оказалась часть оружия 46-го запасного полка. Севастопольскому отряду пришлось освободить арестованных контрреволюционеров, а самим вернуться в Севастополь, успев, однако, „пограбить Бердянск“.

Восстание началось после решения ревсовета вывезти из города морем „наличную пшеницу“, то есть запасы хлеба. Далее события развивались так, как говорит о них в своих воспоминаниях штабс-капитан 46-го запасного пехотного полка

Абальянц:

„…Портовые грузчики, в своем большинстве члены Союза увечных воинов, категорически отказались грузить (пшеницу). Увещевания ревсовета не помогли. На грузовике был поставлен пулемет, и его послали в порт. Пулеметчик был снят первым выстрелом портового рабочего, а грузовиком овладели. Члены союза и многие другие появились с оружием в руках…“

Был организован Военный штаб, основу которого составили местные офицеры. Председателем штаба стал старший унтер-офицер Апанасенко, фактически же обороной города руководил штабс-капитан Абальянц. Тот предложил избрать начальником всех отрядов восставших проживавшего в городе генерала от кавалерии Поповича-Липоваца:

— Ну и что, если ему седьмой десяток годов идет. Он же полный кавалерийский генерал. Второго генерала в Бердянске и уезде нет. И к тому же георгиевский кавалер.

Члены Военного штаба эту кандидатуру на должность командующего военными силами Бердянска поддержали единодушно:

— Он наш, герой России, хоть и из Черногории. Воевал на Кавказе и в Маньчжурии. Геройски воевал…

— У него три Георгия. Два солдатских, один офицерский. Что еще нам в нем надо?..

— Он самый известный бердянский писатель и поэт. Кто не читал его поэмы „Знаменосец“ и „Сумасшедшая мать“?..

Черногорец Иван Юрьевич Попович-Липовац человеком был известным и для всей России. Семнадцатилетним оставил стены Московского университета, чтобы принять участие в восстании герцеговинцев против турок. Сформировав собственную чету (роту), сражался против османов в рядах родных ему черногорских юнаков. Был награжден высшей наградой княжества Черногория — золотой медалью Милота (Милоша) Обилича.

В Русско-турецкую войну 1877–1878 годов черногорец добровольцем поступил в ряды лейб-гренадерского Эриванского полка и воевал на Кавказе. Отличился в сражениях под Авлияром и у Деве-Бойну. В последнем случае портупей-юнкер во главе своих охотников ночной атакой захватил у османов восемь орудий (батарею) и тридцать два зарядных ящика. За храбрость при штурме крепости Эрзерум производится в прапорщики.

Участвовал в Ахал-Текинской экспедиции 1880 года генерала Ломакина. Затем поступил в Николаевское инженерное училище, но проучился в нем всего два года. Стал участников восстания в Боснии и Герцеговине, на этот раз против власти австрийцев. За это Веной был заочно приговорен к смертной казни. После этого

был адъютантом черногорского князя Николая Негоша. В 1903 году вернулся в Россию и в чине полковника командовал батальоном лейб-гвардии Гренадерского полка.

Активный участник Японской войны, после Тюренченского боя командовал 22-м Восточно-Сибирским стрелковым полком. Орден Святого Георгия 4-й степени получил за „молодецкое дело“ у Кангуалина, когда, командуя двенадцатью батальонами пехоты, в штыковой атаке выбил японцев с занимаемой позиции. Затем получил Георгиевское оружие за оборону „горы с кумирней“, которую удержал в своих руках, хотя потери его отряда из 640 человек составили 472 человека убитыми и ранеными.

В Великую войну Попович-Липовац, по возрасту, состоял в резерве чинов при штабе Минского военного округа. После 1915 года вышел в полную отставку и поселился на азовских берегах, в городе Бердянске, став в нем едва ли не самым знаменитым жителем.

Однако генерал от кавалерии при всех своих регалиях и боевом опыте не принял предложения штабс-капитана Абальянца, который сделал ему предложение стать во главе городской обороны. Старый, заслуженный перед Россией генерал ответил:

— Не ты в моем распоряжении, а я в твоем, мой сын… Севастопольский матросский совет без бердянской пшеницы оставаться и не подумал. Абальянц писал в своих малоизвестных читателям мемуарных записках:

„…Часам к 9 вечера я получил телеграфное сообщение, что к вокзалу подходят два эшелона. Это оказался отряд Мокроусова, и это нас застало совершенно врасплох. Дело в том, что наше „войско“ разошлось по домам, празднуя победу. Мы срочно собирали наших „воинов“, но приказ был — в бой не вступать.

На совещании мы решили их (матросов) обезоружить, но обещать им выпустить их в море. В переговорах с Мокроусовым я просил Поповича-Липовца также принять участие, и мы, и матросы искали возможности избавиться друг от друга. Пароход, вместо хлеба, вывез через день матросов в море.

Мы организовали три батальона милиции, один полуэскадрон, но артиллерии у нас не было. Были дежурные роты, чтобы не застать нас снова врасплох.

Нами были отправлены разведчики в Мариуполь, Мелитополь и на север…“

Через три дня после окончания тех событий на рейде Бердянска и появились те две севастопольские лайбы. С них и стал обстреливаться из орудий город. Обстреливался прежде всего порт, где заняли позиции бердянские ополченцы. Они потеряли убитыми от снарядных разрывов человек пятнадцать.

Среди убитых оказался старший унтер-офицер Апанасенко.

Вскоре одно из шестидюймовых орудий заклинило. Теперь пушечные выстрелы гремели с моря реже. На берег высаживаться севастопольские матросы не решились, хотя одну попытку такую и сделали: восставшие имели и организованную пехоту, и двадцать пулеметов, расчеты которых были составлены из увечных воинов-фронтовиков.

Оборона от красных матросов Черноморского флота завершилась после прихода дроздовской бригады. Перед этим усиленная разведка принесла в Военный штаб бердянцев сообщение, что „у Мелитополя есть какой-то отряд, идущий якобы из Румынии по направлению к Дону“.

Штабс-капитан Абальянц и члены повстанческого штаба были несказанно рады такому сообщению своих толковых разведчиков, добравшихся до Мелитополя.

— Если отряд офицерский с фронта, то он может стоять только за Россию. Иначе бы не пробивался в нашу сторону…

— Надо послать телеграмму по всем железнодорожным станциям у Мелитополя на имя командующего Румынским фронтом генерала Щербачева. Это его отряд…

— И телеграммы, и нашу депутацию. На автомобиле…

…Когда полковник Дроздовский прибыл в Бердянск с частью своей бригады, рейд был уже пустынен: обе лайбы ушли то ли в Севастополь, то ли в недалекий Мариуполь. Артиллерийским батареям и офицерской стрелковой роте на всякий случай было приказано занять позиции у маяка и на кладбище, которое расположилось на удобной высоте.

Бригадный начальник штаба заинтересованно объехал позиции защитников города у моря, а сам Дроздовский посетил Военный штаб бердянских повстанцев. После этого два полковника обменялись мнениями о ситуации, в которой на марше оказалась добровольческая бригада.

— Доложите о своей поездке на набережную, Михаил Кузьмич.

— Увечные воины держат там оборону ротными позициями. Мне они понравились, хотя устроили ее совсем неостроумно.

— Все же фронтовики, хоть и увечные воины. Воевать знают как. А я был свидетелем тех оваций на улицах, которые сорвал наш капитан Нилов со своим броневиком.

— Разрушений в городе от обстрела с моря много, Михаил Гордеевич?

— Немного. Но все основательные. Колокольню гимназической церкви совсем снесло снарядом. Больше всего матросики пристреливались к порту. Получилось у них.

— А как выглядит черковский штаб?

— Там царит хаос от того, что в дела его начальника вмешиваются миллионы людей, претендующих на право все знать и распоряжаться.

— Но штаб, как нам сказали, состоит из людей военных?

— Это так сказали. А на самом деле там полно людей гражданских, представителей разных партий и рабочих организаций.

— Надолго задержимся в Бердянске?

— Нет. Хотелось бы дать здесь отдых бойцам на день-два. Да не получится у нас такая дневка на Азовском море.

— Почему, Михаил Гордеевич? Ведь в гостеприимстве местному Союзу увечных воинов отказать нельзя.

— Не то слово, Войналович. Памятник надо здесь поставить инвалидам Великой войны, что они здесь взялись за оружие. Но за нами идут германцы, гайдамаки и вроде бы эшелон австрийцев. Это их зона оккупации.

— Опять отрываемся от них?

— Да, такой мой приказ по бригаде будет. А пока надо пополнить казну деньгами — если получится. Достать у местных властей провиант, сахар, разжиться патронами, пулеметными лентами.

— Комендатуру в Бердянске на эти дни учреждать будем?

— Да. Приказом моим и полковника Черкова объявить город на военном положении. Бердянским комендантом назначить Жебрака. Подчинить ему третью стрелковую роту, что вошла в Бердянск, броневик и мотоциклеты. Открыть вербовочное бюро.

— Каков будет приказ остальной бригаде?

— Сосредоточиться в колонии Ивановке. Это по карте, а местные называют Ивановку почему-то Куцаем. И всем отдыхать. Дон уже близок…

В тот же день на имя командира отряда русских добровольцев пришли по телеграфу извинения насчет того, что австрийский эшелон не смог прибыть своевременно, чтобы помочь в освобождении города от большевиков. Дроздовский, прочитав телеграмму, сказал Войналовичу:

— Для нас это опять зарез. Как было в Мелитополе.

— Может быть, попробовать остановить на день-два эшелон с австрийцами?

— Можно и очень нужно. Попроси от меня полковника Черкова дать ответную телеграмму, что, мол, отряд добровольцев стоит в Бердянске, море чисто, помощь не нужна.

— Будет сделано в течение часа. Сам составлю ответ.

— Как дела у Жебрака?

— Роту разместил в городской гимназии. Там же комендатура и вербовочное бюро.

— Хорошо. Надо проследить за отправлением телеграммы. Нам так нужны эти день-два отдыха именно здесь…

Однако этим надеждам о спокойной дневке не суждено было сбыться. Утром следующего дня проснувшемуся Дроздовскому дежурный офицер штаба бригады отрапортовал:

— Михаил Гордеевич, австрийцы уже в Бердянске. Телеграмму нашу начальник их эшелона получил.

— Надо же, такая на нас напасть! Как себя ведут австрийцы?

— Пока заняли только один вокзал. В порту их патрулей нет. А вот несколько гайдамацких офицеров…

— Не тяни, говори.

— Они уже устроили свою гайдамацкую комендатуру и поставили караул к кассе военно-промышленного комитета.

— Ясно. В кассе ведь двадцать два миллиона рублей. Учуяли, что нам местные власти деньги в бригадную казну пообещали. Ладно, прикажи водителю готовить автомобиль в город. Поеду знакомиться. Надо выяснять наше положение.

— Что передать полковнику Жебраку?

— Ему офицерскую роту держать на всякий случай в готовности. Броневик подтянуть к комендатуре. Вербовочное бюро не закрывать…

Дроздовский прибыл на вокзал и представился начальнику австрийского эшелона Тот сразу сказал, что его патрули займут Бердянск только после ухода из него русских добровольцев. Гайдамаков, как выяснилось, не набиралось и на роту. Поэтому с их назойливостью и категоричными требованиями, „последними предупреждениями“ можно было молчаливо не считаться.

После визита на железнодорожный вокзал Михаил Гордеевич поехал в совет местного Союза увечных воинов. Там его встретили самым доброжелательным образом. За накрытым по такому случаю столом помянули погибшего в порту старшего унтер-офицера Апанасенко, который в день свержения советской власти командовал восставшими.

После короткого, по-фронтовому, застолья Дроздовский открыто переговорил с инвалидами-фронтовиками, часть которых была офицерами:

— Нам, белым добровольцам, нужна ваша помощь на завтра.

— Мы ее вам дадим. Что надо?

— Провиант, прежде всего хлеб в муке и сахар. Сахару желательно бы пудов шестьсот.

— Хлеб есть на складах в порту. Там же и сахарные запасы. Все дадим, сколько сможете взять с собой.

— Отлично, братцы. Еще нужны патроны, шинели, воинская амуниция и сапоги, прочее к сему. Мне надо одеть и обуть ваших бердянских добровольцев, что уходят с нами на Дон. Их уже человек семьдесят записалось.

— И это найдем, хоть с себя снимем.

— Еще нам нужны снаряды. Мы их по пути частью запаса поизрасходовали. Найдутся в порту?

— Есть, но только к горным пушкам. В конце семнадцатого у нас в порту партия их в тысячу штук застряла каким-то образом.

— Вот это находка. Берем всю тысячу…

Бердянский совет увечных воинов оказал белым добровольцам действительно неоценимую помощь. Тылы пополнились провиантом Из портовых складов забрали всю тысячу снарядов к горным орудиям. Нашлись и патроны в достатке, обмундирование, обувь. Гетманская комендатура такому опустошению складов в бердянском порту помешать не смогла, поскольку порт продолжали охранять вооруженные инвалиды, имевшие всю полноту военной выправки, сплоченные и дисциплинированные люди.

Не нашлось разве что медикаментов, а в отрядном лазарете закончился даже „прозаический“ йод. Бинты медицинские сестры стирали и перестирывали, вываривая их в котле.

Все же насолить белым русским добровольцам комендант-гайдамак несколько сумел. Он заявил в порту, когда его „разгрузка“ дроздовскими интендантами уже завершалась:

— В Бердянск прибыл германский эшелон. Я получил полное доверие его начальника. Поэтому вывоз сахара запрещаю: он украинский, а потому не для русских офицеров, которые не подчиняются Центральной Раде.

Так „дрозды“ на дорогу вместо шестисот пудов сахара получили только сто. Применять силовой нажим в вопросе о сахаре Дроздовский запретил. Военный конфликт в умиротворенном Бердянске его бригаде был бы совсем не кстати.

Однако Михаил Гордеевич проявил немалую твердость в „бодании“ с петлюровцем, когда вопрос зашел о лошадях, которых белые забирали в городе. Речь, разумеется, шла не о частном имуществе. Все началось с разговора со штабс-капитаном Абальянцем.

— Господин полковник, ко мне в штаб явился этот гайдамак с какой-то телеграммой из Киева и потребовал, чтобы мои инвалиды забрали у белых, то есть у вас, всех городских лошадей.

— А вы что ему на это ответили?

— Показал комбинацию из трех пальцев.

— Молодец! Правильный поступок.

— Но все же что нам делать, господин полковник? Он же может в это дело немцев с австрийцами впутать.

— А мы время до нашего ухода с вашей помощью потянем. С вашей доброй, конечно, помощью.

— Согласен. Но как мы время потянем?

— А очень просто. Вы запросите от военного штаба за номером таким-то начальника городского конского запаса, И поставите об этом в известность гетманского коменданта.

— Тогда все понял. Начальник конского запаса подумает и тоже даст письменный ответ по интересующему нас и коменданта вопросу. И отвечу ему опять же письменно.

— Когда этот ответ уйдет из бердянского военного штаба, гетманцу останется только искать ветра в поле. Бригада будет уже в походе…

…Из Бердянска бригадная походная колонна выступила утром 13 апреля. Дроздовскому в день перед уходом стало известно, что начальник германского эшелона получил интересное телеграфное сообщение из штаба 15-й ландверной дивизии, занявшей Мелитополь. Там оценивались силы русской добровольческой бригады, уходящей на Дон, в пять тысяч человек, в том числе две тысячи фронтовых офицеров. В действительности „дроздов“ было намного меньше — немногим более одной тысячи бойцов.

Михаилу Гордеевичу все же пришлось в чем-то высказать сожаление по поводу пребывания в Бердянске. Эту ноющую мысль он заключил в таких словах:

— Деньги местного военно-промышленного комитета нам улыбнулись. А ведь из чего-то я должен жалованье платить людям И за постой, провиант местным жителям тоже платить из чего-то надо…

На дневке в Новоспасском, в котором белых, то есть вооруженных людей, приняли с известным радушием, село дало нескольких добровольцев, среди которых оказалось двое мальчишек-кадет.

Новая дневка состоялась в Мангуше — „греко-татарской деревне. Богатой, большой, благоустроенной, уцелевшей от грабежей и контрибуций, не шедшей течением большевизма“. Так ее охарактеризовал в своих дневниковых записях Дроздовский.

Для него ночлег в Мангуше оказался почти бессонным Поздно вечером ему доложили, что из Бердянска бригаду догнал ротмистр Бологовский, посланный ранее на разведку в Кубанскую область. Михаил Гордеевич приказал немедленно звать его к себе:

— Бологовский! Я так рад тебя видеть. Ведь ты же вернулся из неизвестности. Как ты нас нашел? Как возвращался?

— Из Ейска морем добрался в Бердянск. Нанял рыбацкую лодку. А там мне помогли достать коня и показали дорогу, по которой наши ушли. Собственно говоря, дорога по берегу Азова здесь одна.

— Какие новости привез?

— Не самые радостные, Михаил Гордеевич. Но зато определеннее, чем сообщал ранее. И даже несколько лучшие.

— Выкладывай.

— По тому, что узнал, генерал Корнилов определенно убит, когда штурмовал Екатеринодар.

(Не желая умалять боевой дух отряда, Дроздовский поставит в известность о гибели генерала Корнилова только командиров.)

— Вот это потеря для Белого дела! Екатеринодар взяли?

— Нет. Отошли от него без патронов и снарядов. Добровольческой армией теперь командует генерал-лейтенант Деникин. Не Алексеев. Кубанское казачество повернулось к добровольцам. Это уже состоявшийся факт.

— Какие силы выставляют кубанцы?

— У Армавира, по слухам, находятся крупные надежные казачьи силы генерала Баратова. Он из Персии пришел на Кубань.

— Так. А что еще?

— Генерал Эрдели командует большими силами кубанских казаков. Те хотят вернуть себе Екатеринодар — ведь это их войсковая столица.

— А так, какое впечатление о Кубанской области? О положении дел в ней?

— Сложно определить. На базарах и в газетах — одни слухи. Но белая борьба несомненно усиливается.

— Это отрадно, Болотовский. Это то, что нам сегодня важно. Молодец! Не могу тебя не похвалить за такую дальнюю разведку. Ее можно назвать только стратегической.

— Благодарю, Михаил Гордеевич. А как у нас дела здесь?

— Всего не скажешь. Пополнились немногим числом добровольцев. Но люди горят желанием пойти в бой. А Дон, сам знаешь, ротмистр, уже рядышком, рукой подать уже можно.

— Со мной уходил на Дон к казакам поручик Кудряшев. Удалось ли ему туда пройти?

— Нет. Он выдавал себя за фронтового большевика и за это едва не поплатился жизнью среди крестьян. Но вернулся назад невредимым Сумел уйти от мужиков-селян.

— А моя команда конной разведки?

— Твои все целы. Отличались не раз. Иди принимай команду и отдыхай. Завтра выступаем из Мангуша…

После разговора с ротмистром Болотовским в походном

„Дневнике“ ее автор оставил не самую спокойную для души запись:

„В общем, неопределенность и неясность кругом, есть что-то родное, какая-то точка, к ней надо стремиться, но блуждающая, какая, где, куда идти? Вообще только слухи, почти ничего реального, отрезаны от мира, весь в своих руках, на своем ответе…

А денег мало, они иссякают…

Грозный знак“.

Уже за полночь к еще не уснувшему Дроздовскому прибыл полковник Жебрак-Русанович. Он был с мичманом Шахматовым, который был оставлен им еще два месяца назад в Одессе, чтобы быть провожатым для организовавшегося там офицерского отряда. Тот принес с собой не самые радостные вести.

— Мичман Шахматов из Балтийской дивизии. Прибыл из Одессы. Шел по вашим следам. Наконец догнал.

— Что ж, молодецкий поступок для флотского офицера на суше. Как дела в одесской офицерской организации?

— В целом, господин полковник, было неплохо. Отряд составился из более чем сотни офицеров и местных юнкеров. Удалось добыть почти десяток пулеметов, почти все кольты, патроны. Когда же отряд был уже почти готов к выступлению в поход, то есть идти вдогонку вашей бригаде, одесские газеты едва ли не все напечатали телеграмму из „Киевской мысли“ о вас.

— О нас? И что за вирши в ней сообщались?

— Со ссылкой на самые достоверные источники говорилось, что бригада русских добровольцев-офицеров под начальством царского полковника Дроздовского вся погибла „в двухдневном кровавом бою“ с крестьянами и красногвардейцами у какого-то села Возсиятского.

— Что за чушь! Жебрак, мы такого села от Днестра до этих мест даже не проходили.

— И на походной карте того населенного пункта не отмечено, Михаил Гордеевич. Его петлюровские газетчики просто выдумали. Как и про нашу гибель.

— Ладно, с „Киевской мыслью“ все ясно. Шахматов, а что одесский офицерский отряд? Почему не выступил?

— На собрании одесситы решили, что выступать с походом в неизвестность им не следует. Пулеметы, патроны спрятали в надежных местах. Я же сразу пошел догонять вас…

В ту ночь Дроздовскому сомкнуть глаз почти не пришлось. Рано поутру из близкого уже Мариуполя прибыл штабс-ротмистр. Настойчиво попросил дежурного по штабу бригады сообщить о нем полковнику Дроздовскому:

— У меня к нему срочное сообщение. Ждать не могу.

Дроздовский без всяких рассуждений принял прибывшего офицера сразу. Разговор шел действительно о серьезном.

— Штабс-ротмистр Павловский, 12-й гусарский Ахтырский полк. Сегодня Мариуполь занят австрийским отрядом. Два эшелона уже разгрузилось. Больше батальона пехоты, полевая батарея. На подходе остальная часть их пехотного полка.

— Что австрийцы говорят о нас?

— Швабы настроены не совсем благосклонно. Судя по разговорам.

— Ну и пусть. У них нет приказа нам преграждать дорогу. В крайнем случае мы можем обойти Мариуполь с севера. Там есть проселочные дороги. Они отмечены на нашей штабной карте.

— Господин полковник, я прибыл к вам не только чтобы сообщить о появившихся в городе швабах, но и помочь вам делом.

— Чем помочь?

— В Мариуполе есть солидный конский запас, отбитый у большевиков. Кони для кавалерии, орудийных упряжек. Что похуже — сойдут для обоза. У вас за такой поход от Румынии, наверное, есть проблемы с конским вооружением?

— Есть, Павловский. Поможешь — лучшая лошадь с седлом твоя. Пойдешь к нам?

— Я за этим и прибыл сюда. Приду не один. Здесь со мной несколько ахтырцев осело.

— Это уже хорошо. А как возьмем конский запас из-под носа австрийцев, надумал?

— Точно так. Эти две сотни лошадей уведем у швабов ночью. Скрытно. Их караулы днем по городу сонными ходят. Местной горилкой больно увлеклись.

— Тогда сейчас дежурный по штабу вызовет ротмистра Двойченко. Он у нас большой мастер на тихие налеты будет. Пойдешь с его эскадроном.

— Есть, господин полковник.

— Только смотри, все дело должно пройти тихо, без столкновений. Сейчас в бой с австрийцами мне вступать совсем не надо. Мы в пути…

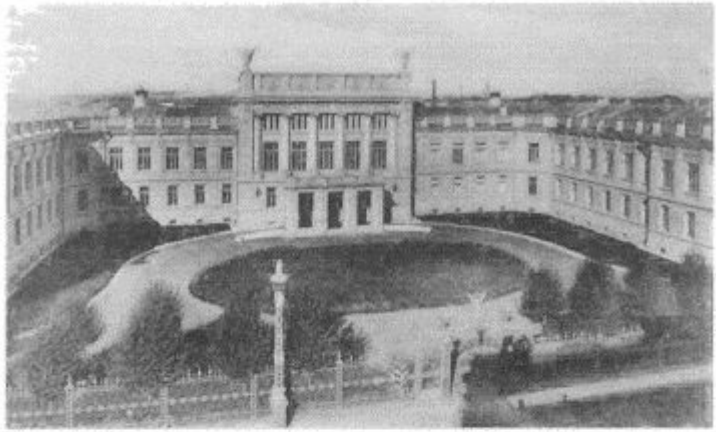
Спустя немногим больше часа в Магнуш к Дроздовскому из Мариуполя „придрала“ официальная делегация. Она представила ему документы от местной „Военной коллегии фронтовиков“ и от австрийского городского коменданта. В городе, как стало ясно, гайдамаков не было. А германские эшелоны, как выяснилось, были еще на подходе из Мелитополя.

Полковник Михаил Гордеевич Дроздовский

Фасад здания Павловского военного училища

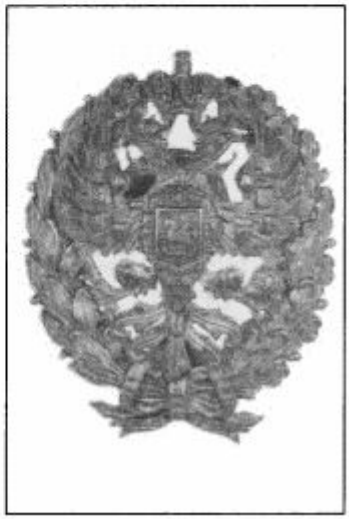
Русско-японская война.
Отражение атаки японцев под Сандепу (Хейгоутай).
Январь 1905 г.

Капитан Михаил Гордеевич Дроздовский

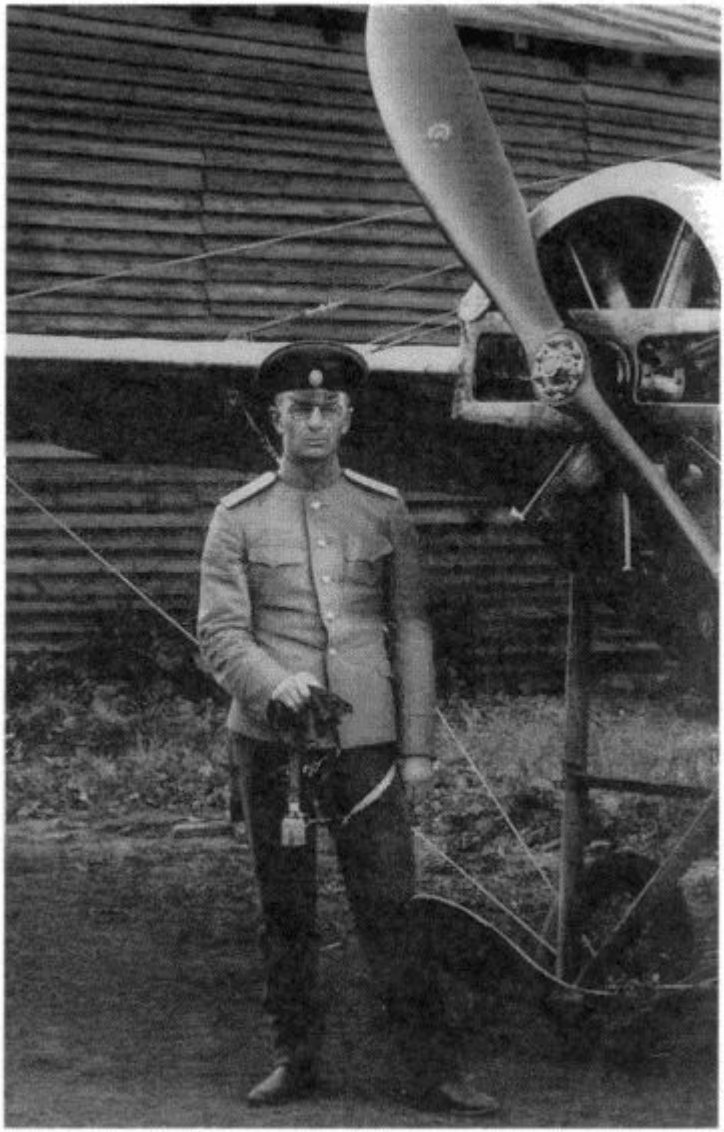


Здание Николаевской академии Генерального штаба

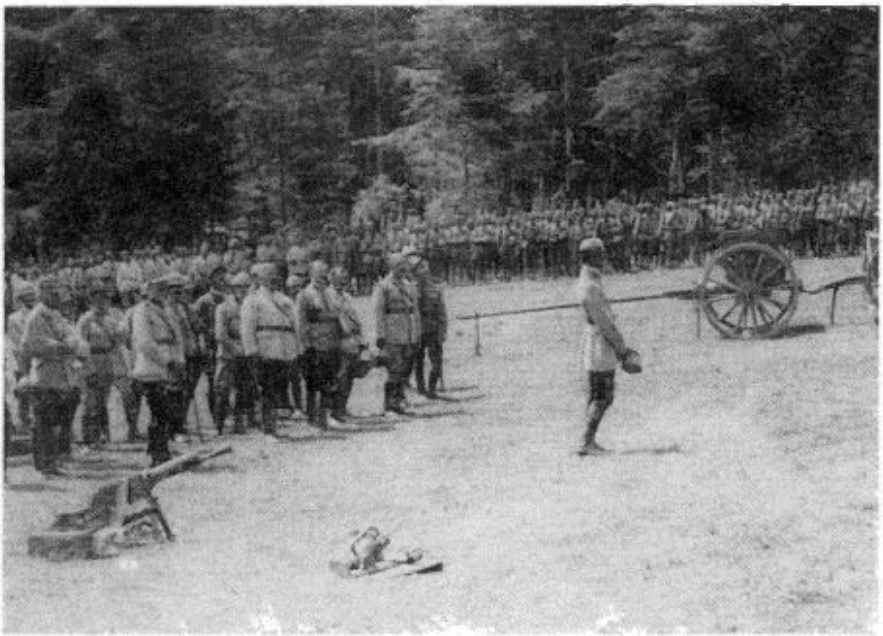
Знак об окончании Павловского военного училища



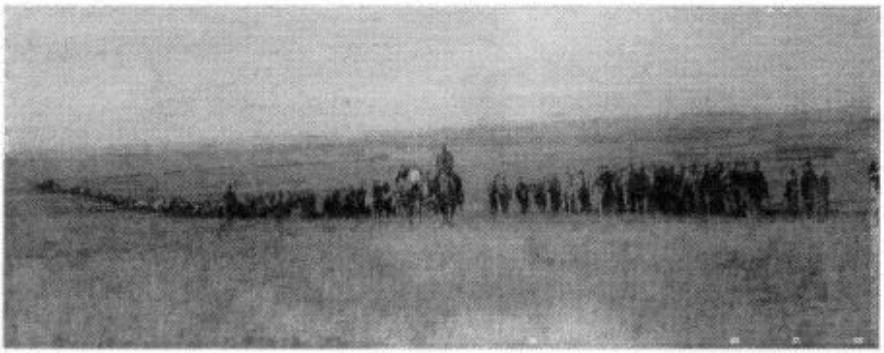
Знак офицера, окончившего Николаевскую академию Генерального штаба



Капитан Михаил Гордеевич Дроздовский.
Севастопольская авиационная школа. 1913 г.

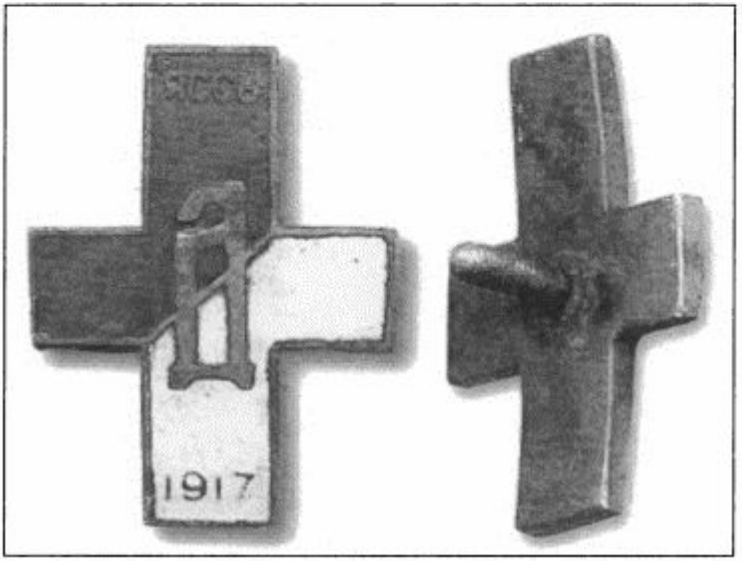


Союзные войска на Румынском фронте в районе Мерешешти. 1917 г.



Части походной колонны полковника Дроздовского в Херсонской губернии. Весна 1918 г.

Памятная медаль участникам Дроздовского похода. 1918 г.



Знак Дроздовского стрелкового полка. Аверс и реверс. 1935 г.

Генерал от инфантерии Владимир Викторович Сахаров

Генерал от инфантерии Дмитрий Григорьевич Щербачев

Командный состав Добровольческой армии:
генералы А.П. Богаевский, А.И. Деникин, П.Н. Краснов.
Станция Чир. 1918 г.

Полковник Михаил Гордеевич Дроздовский

Генерального штаба генерал от инфантерии, генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев

Генерального штаба генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов

Генерального штаба генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин

Генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов

Генерального штаба генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков

Генерал-лейтенант Иван Павлович Романовский

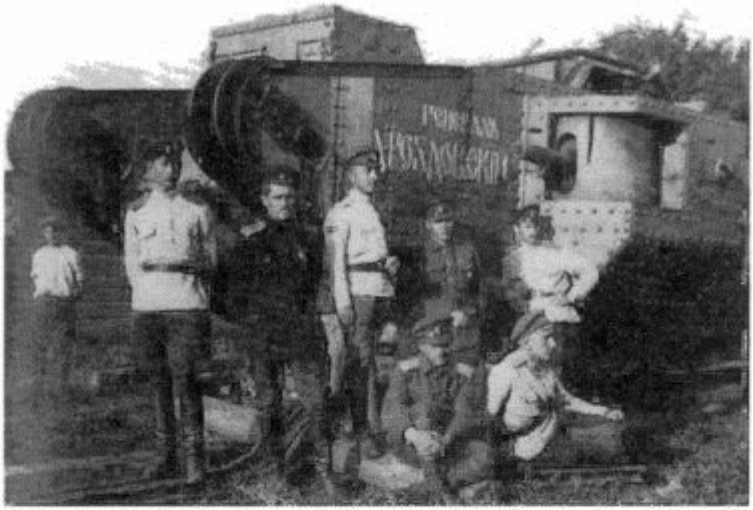
Атаман Всевеликого Войска Донского, генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов

Генерального штаба ге.. ал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель

Атаман Донского казачьего войска
Африкан Петрович Богаевский

Донской атаман, Генерального штаба
генерал от кавалерии
Петр Харитонович Попов

Кубанский войсковой собор Святого Александра Невского, где первоначально был похоронен М.Г. Дроздовский



Команда танка «Генерал Дроздовский». Сентябрь 1919 г.

Легкий бронепоезд «Генерал Дроздовский» на вокзале в Ростове-на-Дону. 1919 г.

Штаб 2-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка.
Харьков, 1919 г.

Генерал-лейтенант
Николай Дмитриевич Невадовский

Генерал-лейтенант
Владимир Константинович
Витковский

Генерал-майор
Антон Васильевич Туркул

Генерал-майор
Владимир Григорьевич Харжевский

Полковник
Владимир Адольфович Руммель

Генерал-майор
Владимир Владимирович Манштейн

Памяти генерала М.Г. Дроздовского и дроздовцев,
павших за Родину и на чужбине скончавшихся. Галлиполи

Памяти генерала М.Г. Дроздовского и дроздовцев. Сен-Женевьев-де-Буа

В документах говорилось о том, что русским добровольцам и их командованию воспрещались на украинской территории любые реквизиции какого-либо провианта и фуража не за наличный расчет. И забирать подводы и лошадей где-либо.

У полковника Дроздовского с мариупольской делегацией, представлявшей прежде всего интересы австрийского коменданта, получился не самый приятный разговор о действительно важном для белой добровольческой бригады.

— Я, господа, как командир отряда Румынского фронта, за восемьсот с лишним верст проделанного похода первый раз

получаю такую штуку.

— Это официальный документ, господин полковник. Адресован лично вам. Вот подписи, печать.

— Это видно на бумаге. Но кто вам сказал, что мой добровольческий отряд берет провиант и фураж, подводы и лошадей даром? Откуда вы это взяли, господа хорошие?

— Мы получили на вас по телефону жалобу из Магнуша.

— Но я только высказал местным старостам требование на фураж. На зерно и сено. Местным жителям за все это будет уплачено.

— Значит, по телефону высказались неверно, господин полковник. Мы готовы принести вам за беспокойство свои извинения.

— Я охотно их принимаю. Но должен вам высказать свое удивление и недоумение.

— Какое? Мы не догадываемся.

— Разве вы не знали, какой отряд подходит к вашему Мариуполю? Добровольческий, офицерский, со строжайшей дисциплиной. Разве вам о нем ничего не адресовалось телеграфом?

— Ничего. Мы про вас знаем только то, что вы пришли в Магнуш, а это наш уезд, из Бердянска…

Дроздовский понял, что делегация в своем неведении о белом добровольческом отряде „наводит тень на плетень“. Михаилу Гордеевичу в сердцах подумалось: „Врут, что не знали. Свои бумаги адресовали правильно. А еще назвали себя фронтовиками…“

Дроздовский в силу вышеизложенных обстоятельств отказался от дневки в Мариуполе, хотя городок смотрелся привлекательно и был не самым маленьким на берегах Азовского моря, которое так и манило своей близостью. Область Войска Донского была уже совсем рядом. В „Дневнике“ появилась новая запись:

„15 апреля, Косоротовка, три версты восточнее Мариуполя.

…Отряд направился, пройдя Мариуполь, через речку и стал в деревнях Косоротовка и Троицкое, на земле Войска Донского.

Я в Мариуполь, в „Военную коллегию фронтовиков“. Физиономия оказалась поганая, много бывших большевиков, все еще близко Советская власть. Предъявили миллион кляуз, фактически вздорных и их не касающихся. Настаивали на возвращении лошадей особенно — решил разобраться, может, и придется часть вернуть…

Разошлись якобы дружно, в душе враждебные вполне.

Австрийцы — враги, но с ними приятнее иметь дело, нежели

с этими поистине лаброзовскими типами.

Результатом жалоб австрийцам из-за лошадей явилась их претензия на этих лошадей — переговорили, помирились, отдав меньшую и, конечно, худшую часть швабам, а „фронтовики“ остались с носом. Я извелся, говори либо со мной, либо жалуйся, и не только уже не вернул из взятого, но даже и больше не разговаривал с ними, как обещал было.

Сначала по телеграфу, потом около 23 часов делегат от казаков станицы Новониколаевки (Новониколаевской. — А. Ш.) просят помощи от банд на Кривой Косе, из Антоновки и из станицы Вознесенской. Послал 80 трехлинеек и… патронов, но выступить решил только утром 17-го — крайней надобности нет, а нам изнурение, и нужно дождаться добровольцев. Пока продержатся.

Население Мариуполя и наших деревень большевистского типа, масса против нас, сказываются фабрики…

Интеллигенция, конечно, за, но ее мало“.

Утром 16 апреля дежурный по штабу доложил командиру бригады по поводу револьверных выстрелов, которые прозвучали на рассвете на окраине деревни, в небольшой рощице у ручья:

— Михаил Гордеевич, в шесть утра в бригаде состоялась дуэль чести на личном офицерском оружии, на револьверах. Дистанция — двадцать пять шагов, до трех выстрелов каждому.

— Кто стрелялся?

— От пехоты — подпоручик Белевский, от кавалерии — корнет Петров.

— Почему стрелялись? Ссора была?

— Точно так. Пехотный офицер в пьяном виде дал пощечину кавалеристу. Ссору сразу же прекратили.

— Кто-то убит из них?

— Виновник ссоры, подпоручик Белевский. Третьим выстрелом Не повезло ему. Но тут есть дуэльная странность, позволю заметить.

— Какая такая странность дуэлянтов?

— Оскорбитель, он же убитый, сам требовал наиболее суровых условий дуэли. Но секунданты оба были против этого.

— Так, ясно с ними. Корнета Петрова — под арест, с отнятием личного оружия. Ротного и эскадронного их командиров — ко мне для разговора. Добровольцы должны гибнуть в бою, а не по пьяной ссоре…

Случай с дуэлью Дроздовский провел пристрастно. Речь зашла было даже о лишении корнета Петрова фронтовой орденской награды — Святой Анны с мечами и бантом. Но за него горой встали командиры конного дивизиона и даже начальник

бригадного штаба. Михаилу Гордеевичу пришлось уступить. Дисциплинарный приказ по отряду о дуэли с гибелью офицера так и не состоялся.

Дроздовский провел короткое совещание со своим штабом. Разговор велся за закрытыми дверями, как говорится, „с грифом секретности“. Разговор шел о важном.

— Господа, бригада вошла в зону боевых действий наших и красных. Мы уже на земле Войска Донского. Впереди Таганрог и Ростов. По карте они почти рядышком. Но у нас нет полноты картины о том, что происходит ни впереди нас, ни кругом нас. Нужна разведка, как на фронте. Ваши мнения, господа?

По старшинству слово взял бригадный начальник штаба полковник Войналович:

— Михаил Гордеевич, ротмистр Болотовский со своей особой командой конных разведчиков уже предпринял, на мой взгляд, удачные шаги. Результат есть.

— Что предпринял Болотовский?

— Вчера его разведчики под видом местных жителей прочесали Мариуполь. И нашли в нем то, что нам сегодня как раз надо.

— Агента в городе? Платного?

— Разумеется, платного. Но какого?! Они наняли одного мерзавца из местного совета — большевики ему не платили денег. Поэтому он перешел к нам за двойную плату и наградные. Но в зависимости от ценности информации.

— Что еще ему от нас обещалось?

— Кроме денег, еще и пулю. За обман, ложность информации и двойную игру. Думаю, что свой за большевиками следить будет прочно. Связника ему уже дали.

— Это хорошо, по всем правилам контрразведки. Но нам, Михаил Кузьмич, нужна еще и чисто фронтовая разведка. Есть у кого дельные на сей счет предложения? Болотовский, хочешь высказаться?

— Да, Михаил Гордеевич. Разведывательные дозоры мы рассылаем ежедневно. Добавить к ним с переодеванием мужчин-разведчиков сложно и опасно. Новый человек в селе всегда заметен одним своим видом Да и офицеру трудно изображать из себя крестьянина средней руки или торговца-разносчика.

— Согласен с тобой. А что ты нам предложить хочешь?

— Посылать в разведку наших женщин, как это делают красные. Думаю, что здесь мы можем их переиграть по результатам. У нас в отряде отважных умниц хоть отбавляй.

— Знаю. Согласен. Сегодня же представь свои соображения. Но не на бумаге, только устно. И конкретно: кого, куда, с каким

заданием..

В тот же день, под вечер, Дроздовский сделал в своем „Дневнике“ такую запись:

„Привлекаем для разведки женщин. Одна пошла из наших сестер, другая, имея Георгия 2-й степени (солдатский Георгиевский крест. — А. Ш.), старшая унтер-офицерка. Когда переодевалась в женское, так мало похожа на женщину, говорить привыкла басом и ругается, как ломовик“.

Решив дать добровольцам отдохнуть в Косоротовке и Троицком, то есть на самой границе Области Войска Донского, и не спешить в ближайшую казачью станицу Новониколаевку, Дроздовский оказался прав. Утром из станицы прискакал казак с устным донесением о прошедшем дне:

— Ваше благородие, у нас пока все благополучно. К станице попытался подойти отряд большевиков, больше пеший, сотни в две людей. Обоз был при нем.

— Отогнали красных от станицы?

— Зачем отогнали? Мы их побили в балке из засады, когда они ручей и болотину переходили. Часть ушла. Трофеи взяли хорошие.

— Что именно?

— Винтовки. Патронов мало. На повозках оказалось полторы сотни легких снарядов и еще кое-какая мелочь. Ее казаки уже разобрали. Куда везли снаряды — мне не сказано.

— Передай станичному атаману мою благодарность за успешный бой. Бригада выступает к вам в Новониколаевку. Снаряды возьмем к своим пушкам, а вам в награду дадим пятьдесят французских винтовок. Называются „гра“. И много патронов к ним.

— Ваше благородие, когда вас ждать-то станишникам?

— Завтра выступаем…

Весь день ушел на то, чтобы отрядным интендантам обзавестись бензином для бронеавтомобиля „Верный“ и легковой машины бригадного начальства. Запас этот возился неприкасаемый. В Мариуполе удалось купить-добыть разными путями пудов двадцать. Михаил Гордеевич был признателен за такое дело своим тыловикам: броневик капитана Нилова не раз выручал добровольцев в непростых ситуациях и в бою был эффективнее любого отрядного орудийного расчета.

Если за все время пути после переправы через Днестр к дроздовцам пристало более двухсот человек, то в первой же казачьей станице под отрядный Андреевский флаг встали многие местные казаки. Так в бригаде появилась первая конная сотня донцов под командованием есаула Фролова, Сражались они выше

всяких похвал.

Дроздовский, словно повторяя то, что уже делали на Кубани первопоходцы-корниловцы, поставил в строй около трехсот человек пленных, сформировав из них четвертую роту единственного полка своей бригады — Офицерского стрелкового. Полк же был силой в батальон пехоты. Новопризванные добровольцы показали себя в течение всего похода с самой лучшей стороны, и в дальнейших событиях некоторые из них заслужили офицерские погоны прапорщиков и подпоручиков.

К слову сказать, походные трудности закалили белых добровольцев, дали им выносливость и волю. По пути шел вполне естественный процесс отсеивания „неустойчивого элемента“. Здесь показателен такой факт: отряд по разным причинам за время похода покинуло всего двенадцать (!) офицеров.

Спайке добровольцев во время походных невзгод способствовал сам Дроздовский — собственным отношением к тем же трудностям пути в тысячу двести верст. То есть в этом он старался ни чем не отличаться от своих бойцов, никогда не ставя себя в некое привилегированное положение в походе. Об этом знали все в бригаде, имея возможность лицезреть своего командира каждодневно.

В белоэмигрантских мемуарах „дрозда“ А. В. Туркула описан такой эпизод, который как нельзя лучше характеризует личность Дроздовского в те походные дни:

„Припоминаю один ненастный серый день на походе, когда несло мартовский снег. Дымилась темная мокрая степь, дымились люди и кони, колыхавшиеся в тумане, как привидения. Уныло чавкала под ногами холодная грязь. Я и капитан Андриевский устроились на подводе под моей буркой. Снег стал мельче, колючее; сильно похолодало, и бурка затвердела Поднялась пурга.

Из тумана на нашу подводу нашло высокое привидение. Это был Дроздовский верхом, в своей легкой солдатской шинелишке, побелевший от снега Его окутанный паром конь чихал. Видно было, как устал Дроздовский, как он прозяб, но для примера он все же оставался в седле.

Мы предложили ему немного обогреться у нас под буркой. Неожиданно Дроздовский согласился. Сено под нами было теплое и сухое. Мы быстро нагребли ему сена, он лег между нами, вздохнул и закрыл глаза Мы накрыли командира буркой и еще стали своими спинами согревать его от злющего ветра Под мерное качание подводы Дроздовский заснул.

Глухо носилась пурга Мы с Андриевским побелели от снега, нас заметало, но мы лежали не шелохнувшись.

Дроздовский спал совершенно тихо, его дыхания, как у ребенка, не было слышно. Он отдыхал. Так он проспал часа четыре, а когда пробудился, был очень смущен, что заснул на подводе..“

…17 апреля в восемь часов добровольческая бригада выступила на станицу Новониколаевку. Белые шли туда с плохо скрытым волнением: вот он, желанный Дон. Позади остались почти тысяча двести верст трудного пути, да еще с рядом серьезных боев. Но как встретит добровольцев донское казачество? Приняло ли оно идеи Белого дела? Как идет Гражданская война на берегах Тихого Дона?

Все эти опасения разом улеглись, когда 1 — я бригада русских добровольцев вошла в первую на их пути донскую казачью станицу. Прием оказался более чем радушным и искренним. В дроздовском походном „Дневнике“ появилась в тот же день такая светлая для него запись:

„17 апреля, Новониколаевка

…Встреча в станице, первой станице Войска Донского, восторженное отношение казаков, скрытое недоброжелательство и страх пришлого, иногороднего. Казаки понадевали погоны, лампасы, шпалерами пешая и конная сотня, воинский вид; вражда между половинами населения — пришлого больше.

Казаки очень сплочены, много выше по качествам, особенно боевым. Станица вообще одна из лучших, не было ограблений, мешали другим. Долгая политика с нашим приходом вылилась наружу. Энергично стали арестовывать виновных в большевизме, комитетчиков. Колонна отдает честь, „ура!“, рапорт офицера.

Сильный запах цветов, жжет солнце…

Восстановлено казачье самоуправление, атаман, выборные, судьи. Сформировали сами полки. Продолжают организовываться…“

…В Новониколаевке полковник Дроздовский наконец-то стал обладателем действительно значимой для него информации о положении дел. Но только на Нижнем Дону: в районе Ростова и казачьей столицы Новочеркасска. Она и радовала полковника Белой гвардии, и обнадеживала на день сегодняшний, на будущее. Начальник бригадного штаба Войналович без устали трудился над „картиной происходящего“. Под вечер 17 апреля он уже мог доложить своему начальнику следующее:

— Вести собраны больше хорошие, чем дурные, Михаил Гордеевич. И что самое главное — почти верные.

— Для начала мне важен Новочеркасск. Что там? Ведь город был в руках большевиков?

— Совершенно верно. Новочеркасск и сейчас в их руках. Но

крутом на восстание поднялись станицы. Войсковой старшина Фетисов сформировал отряд из казаков станицы Кривлянской и сейчас сражается под Новочеркасском. 14-го числа он город было взял, но сегодня его выбили оттуда.

— Где сейчас отряд Фетисова?

— Укрепился в пригородных станицах и хуторах. Продолжает вести бой за Новочеркасск. Но сил у него мало — красных больше. И к тому же у Фетисова нет никакой артиллерии.

— Хорошо, с Новочеркасском мне все ясно. Где сейчас Добровольческая армия генералов Деникина и Алексеева?

— По имеющимся сведениям, на днях корниловцы провели сильный бой у железнодорожной станции Тихорецкая.

— Бой добровольцы выиграли или нет?

— Точных сведений не имею. Но они от Тихорецкой наступают с Кубанской области на Дон, в направлении на Батайск.

— Вот это для нас важно, Михаил Кузьмич. Мы же идем к корниловцам на соединение! Что еще есть хорошего у тебя?

— Есть, Михаил Гордеевич. Походный атаман Донского казачьего войска генерал-майор Попов Петр Харитонович сейчас оперирует со своим партизанским отрядом у станицы Великокняжеской, на краю Сальских степей. И действует, скажем прямо, довольно успешно. Наступательно.

— Какой силы его отряд?

— У него более двух тысяч казаков-партизан. Есть пулеметы, сильная конная артиллерия, войсковые табуны в зимовниках. И самое главное: на его пути в сторону Новочеркасска станицы и хутора поголовно берутся за оружие.

— Значит, мы скоро можем с ним повстречаться у Новочеркасска.

— Несомненно, Михаил Гордеевич.

— Это уже одно для нас очень хорошо. Но, Михаил Кузьмич, ты же не ходишь ко мне без плохих новостей?

— Сочтем это за фронтовую шутку, Михаил Гордеевич. Но новость получена с телеграфным подтверждением действительно плохая.

— Какая? Не томи, Кузьмич.

— Германцы крупными силами идут на Таганрог.

— Но ведь это не территория петлюровской УНР?! А город Области Войска Донского!

— Немцы это знают не хуже нас. Но все равно наступают на Дон…

К вечеру удалось перехватить по телеграфу „отчаянную телеграмму большевиков“. В ней говорилось, что они уходят из

Таганрога в Азовское море, оставляют город из-за невозможности его защищать, так как отрезаны от Ростова. Далее в телеграфных строках значилось, что немцы всего в трех верстах севернее Таганрога и что они в ловушке.

Телеграмму на стол Дроздовскому положил Войналович. Михаил Гордеевич сразу же задал ему вопрос:

— Кем большевики в Таганроге отрезаны от Ростова? Немцами или корниловцами?!

— Об этом нам неизвестно.

— Для меня сейчас это самый важный вопрос, Михаил Кузьмич. Надо мне знать, кем отрезан красный гарнизон в Таганроге. Вышли конные разъезды с новониколаевскими казаками. Озадачь ротмистра Болотовского.

— Все будет сделано. Узнаем любой ценой.

— Поспеши. Нам надо знать, куда завтра наступать. Кто все же будет у нас с тобой в тылу?..

…Дроздовский всерьез опасался, что его добровольцы, проделав поход Яссы — Дон, расслабятся на границе Области Войска Донского. Не увидят, что настоящие опасности их поджидают именно здесь и что Каховки и Акимовки здесь для них вряд ли найдутся. И не осознают сразу, что пришли они на войну без окопов, тылов и открытого неприятеля по ту сторону тройных рядов колючей проволоки.

Думается, что Михаил Гордеевич, суровой рукой трактовавший в походе логику Гражданской войны, зачищая два месяца свой путь от большевиков, анархистов и просто новоявленных степных разбойников-экспроприаторов чужого добра, понимал, что ожесточения здесь он встретит гораздо больше. Что Дон и Кубань станут аренами противостояния России старой и России советской. Что смута станет гибельной для Отечества, в котором он жил, которому служил, которое защищал и которое видел в грезах.

Еще будучи в Яссах, когда добровольческая бригада только-только начинала собираться с силами, Дроздовский сказал своим первым сподвижникам:

— Грозный призрак междоусобной брани повис над Россией…

Теперь же, в Новониколаевке, он мог сказать своим „первопоходцам“ несколько иное:

— Мы с вами пришли на поле российской междоусобной брани. Она уже для нас не грозный призрак…

В дроздовском „Дневнике“ появились записи, которые стали последними. Сделаны они в станице Новониколаевке. Строки скупые, но в них сказано все о том, как разворачивалась на

азовской окраине Дона Гражданская война со стороны белых:

„Решили спешно идти на Федоровку. Скорее вперед, не дать большевикам опомниться. Скорее на соединение. Хотя сильно хотелось постоять — казаки исключительно радушны. Только что сообщили: в добровольцы записались 44 женщины!!! Я побежден…

Много добровольцев из простых казаков — сразу видно, воины.

А ведь по роду занятия — те же крестьяне, как и солдаты.

Станица богатая. Прекрасные чистые дома, преимущественно каменные, обстановка с запросами культуры. Сады, все цветет.

Особое чувство — первая станица. Мы у грани поставленной цели. Иные люди, иная жизнь… Много переживаний — что-то ждет впереди. Большевики, по-видимому, всюду бегут, всюду у них паника…

В станице и соседних поселках идет обезоруживание неказачьего населения.

Тюрьма пополняется изо всех закоулков. Казаки волокут за жабры вчерашних властелинов — колесо истории вертится.

Много главарей расстреляно…“

…Отдых в Новониколаевке не затянулся совсем не потому, что полковник Дроздовский желал сыграть на упреждение, заявив о себе как новоявленной силе белых. Она действительно могла внести сумятицу в стан противника. Ночной покой нарушили красные, вернее, сведения об их приближении к впереди лежащему Таганрогу по донской земле. Еще не светало, как командира бригады разбудил Войналович:

— Михаил Гордеевич, не сердись, что потревожил. Вестник прискакал из слободы Платовой, которая наша, казачья.

— Кто на подходе — германцы или большевики?

— Красные. Идут вдоль Миусса от Мелентьева. По правому берегу колонна человек в шестьсот, другая колонна приблизительно по берегу моря — человек четыреста.

— Артиллерия, конница у них есть?

— О том точных сведений нет. Якобы пушки имеются.

— Что это за отряды?

— Скорее всего, отрезанные от Ростова отряды.

— Что платовцы?

— Опасаются больше колонны, которая идет правым берегом Миусса. Паром через него испортили. Но будет ли от этого толк, бродов через реку хватает и в низовьях.

— Ясно. Что известно о Таганроге?

— Таганрог уже сильным составом заняли немцы.

— Как они ведут себя?

— Пока трудно сказать. Пока известно, что с белыми донскими казаками конфликтовать не собираются, а большевики от них сами уходят. У Таганрога тихо.

— Их намерения проявляются?

— Кажется, что ждут подкреплений и собираются идти на Ростов.

— Ничего, мы их обгоним. Поспешим и раньше швабов займем станицу Синявскую. А та перед самым Ростовом стоит. Кто сейчас в нем?

— Точных сведений нет. В Ростове, кажется, большевиков уже нет…

Озадаченный рано поутру Дроздовский решил помочь отряду казачьей самообороны слободы Платовой отразить двигавшиеся на нее колонны красных отрядов. Прежде всего ту из них, что двигалась по правому берегу реки Миусс. Он отдал начальнику бригадного штаба следующие распоряжения на ближайшие час-два.

— Колонны большевиков надо не пропустить к Платовой и изловить. Бригада выступает в восемь часов двумя колоннами — по правому берегу Миусса и на Федоровку.

— Что приказано иметь в первой колонне?

— Первую офицерскую роту полка с ее пулеметами, взвод легкой артиллерии, взвод конницы и вспомогательную сотню новониколаевских казаков. Есаул Фролов эти места знает хорошо.

— Михаил Гордеевич, не мало ли этих сил будет?

— Думаю, что достаточно. В Платовой надо будет взять с собой сотни две казаков, пешую и конную.

— Остальная часть бригады пойдет на Федоровку?

— Да, Михаил Кузьмич. Мы займем эту деревню, тогда красные колонны мимо не проскочат отрядами. А рассеются — все равно всех не выловим Сейчас главное для нас будет лишить их тяжелого оружия.

— Кого ставить в авангарде?

— Конный дивизион и броневик. Я сам буду с ними…

…Бой за слободу Платову не состоялся. Отряды красногвардейцев, чтобы не оказаться между двух огней — германцами, занявшими Таганрог, и невесть откуда появившимся белым отрядом со стороны Бердянска, — отошли на север от прибрежья Азовского моря. Часть их людей из местных жителей разошлась по окрестным деревням и в сам Таганрог, до поры до времени схоронив оружие.

Вполне возможно, что дроздовцы смогли бы как-то помешать такому рассеиванию противника, но бронеавтомобиль „Верный“ при переходе по мостику через речную протоку провалился

задними колесами. Сотни людей трудились часа три, пока не вызволили бронемашину капитана Нилова из беды, создавая для его подъема с помощью домкрата „фундамент из бревен“. На все предложения Войналовича выдвинуть большую часть бригады вперед Дроздовский отвечал односложно:

— Бросить нашу броневую часть через два месяца после походных тысячи двухсот верст? Ни за что!..

Конная разведка, донесения казаков Платовки говорили только об одном: берега нижнего течения Миусса от красных свободны. Тогда полковник Дроздовский приказал отряду сосредоточиться в большом крестьянском селе Федоровка и встать там на дневку. В его „Дневнике“ появилась новая, красноречивая для последних дней запись:

„Стали на ночлег в Федоровке — одной из паскуднейших областей Таганрогского округа, гнездо красной гвардии и ее штаба Отобрали всех лучших лошадей из награбленных, не имеющих хозяев. Отобрали оружие.

Много перехватили разбегавшихся красногвардейцев, захватили часть важных — прапорщика, начальника контрразведки, предателя, выдавшего на расстреле полковника и часть казаков из станицы Новониколаевской, и т. п. Троих повесили, оставили висеть до отхода, указали, что есть и будет возмездие.

Попа-красногвардейца выдрали. Только ради священства не расстреляли, ходил с ружьем с красной гвардией, брал награбленное, закрыл церковь и ограбил ее.

Левее, оказывается, шла еще казачья колонна, по Егорлыку вверх, обезоруживая население, казня виновных.

Идет очищение, идет возмездие.

Связь с правой колонной (шедшей по берегу реки Миусс — А. Ш.) установили автомобилем — там все благополучно…“

1-я русская добровольческая бригада, пополнившись донскими казаками, двигалась на Таганрог. 19 апреля белые остановились на дневку в деревне Николаевке, которая считалась пригородной Таганрога Дроздовский так описал ее в дневниковых записях:

„…Ночлег в Николаевке. Деревня большая, с хорошими домами, но нет ни фуража, ни хлеба, ни яиц. Спекулируют не только своим, но скупают и из окрестных деревень — продают и перепродают их втридорога в город. Население сильно смахивает на большевиков. Питаются за счет города“.

Здесь, в Николаевке, полковник Дроздовский узнал из частного письма немаловажную для себя новость вполне в духе Гражданской войны в России: в Киеве произошел

„государственный переворот“. Суть его состояла в следующем:

Германское оккупационное командование решило сменить власть в Киеве, поскольку Центральная Рада его больше не устраивала. Был организован съезд „хлеборобов“, который 29 апреля избрал генерал-лейтенанта Павла Петровича Скоропадского, до этого стоявшего во главе военных формирований рады, гетманом Украины.

Потомок украинского гетмана И. И. Скоропадского, служившего петровской России, упразднил УНР и провозгласил создание Украинской державы. На его сторону перешла половина сечевиков. Однако гетманом Скоропадский пробыл недолго: после Брест-Литовского мира и ухода германцев с Украины он 14 декабря того же 1918 года отрекся от гетманского поста и убыл в эмиграцию в Германию, где прожил двадцать семь лет и сотрудничал с гитлеровцами. Был убит в Берлине во время воздушного налета на город.

…Дроздовский, прочитав письмо с такой поразительной для многих его соратников информацией, сказал не без задумчивости:

— Какая судьба у этого человека! Вчера Скоропадский был у императора Николая II командиром 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Сегодня стал у немцев украинским гетманом…

Ночевка в Николаевке едва не лишила белый отряд бронеавтомобиля „Верный“. По неизвестной причине внутри его взорвалась ручная граната. Находивший в броневике в ту минуту единственный член экипажа — шофер-рядовой — не пострадал. Взрывом вырвало заднюю дверцу, сорвало пулемет и расщепило днище. На двух пулеметных лентах „погорели и полопались“ патроны. Однако покалеченный „Верный“ свою подвижность и „работоспособность“ сохранил.

Немцы продолжали подтягивать в Таганрог по железной дороге новые войска. Разведка из города подтвердила опасения Дроздовского.

— Германцы выдвигаются на Ростов.

— Спешат?

— Нет. Словно чувствуют свою силу. Не торопятся.

— Ничего. Мы поспешим. Авось обгоним их и первыми придем в Синявскую. А из этой станицы пойдем добывать Ростов.

— Хорошо бы там Пасху встретить? Не говели еще.

— Встретим. Пожалуй, нам придется еще идти, как вечному Каину…

С немцами, занявшими Таганрог, Дроздовский решил наладить если не дружественные, то хотя бы нейтральные

отношения, чтобы на Дону не оказаться между двух огней. Такое поручение он дал опытному штабисту полковнику Лесли.

— Георгий Дмитриевич, не подзабыли свой немецкий?

— Как его забудешь, Михаил Гордеевич. На фронте австрийцы и германцы были перед нами, сейчас — вокруг нас.

— Надо вам по полной форме съездить в Таганрог и представиться от меня местному немецкому командованию, особенно коменданту города.

— Значит, подружиться с ними?

— Именно так. Мы должны пройти бригадой мимо Таганрога без помех.

— Что еще надо будет сделать?

— Возьмешь с собой разведчиков ротмистра Болотовского, пусть они арестуют кое-кого без шума. Есть указания, между прочим, о предательстве вдовы одного расстрелянного казачьего офицера.

— Будет исполнено.

— Свяжись также с местным „Союзом фронтовиков“. В городе, как знаю, много офицеров. Пусть помогут людьми, бензином Адреса есть?

— Задачу понял, Михаил Гордеевич. Адреса нужных людей уже у меня. В Таганроге даже сослуживцы оказались по 5-й стрелковой дивизии.

— Вот и отлично. Возьмешь с собой интенданта. Пусть разузнает на складах о запасах подков и седел. Лошади у нас подбиваются, а нам еще с вами пылить и пылить, Георгий Дмитриевич…

Полковник Лесли с задачами справился. Бригадная разведывательная команда особого назначения свою миссию в городе, занятом германскими войсками, исполнила. Немецкий комендант был настроен миролюбиво к противникам большевиков: иных указаний он, по всей видимости, от начальства и не имел.

Походная колонна „дроздов“ вступила в станицу Синявскую в восемь часов утра. Стало известно, что на сообщение о появлении под самым Таганрогом 1-й русской добровольческой бригады немецкое командование не отреагировало осторожностью к ней. Дроздовский на то заметил:

— Еще бы, мы старые знакомые, с Каховки. Делить нам пока здесь нечего. Швабы это понимают. И мы ученые…

Лесли вновь был послан в Таганрог — для вывоза имущества. Он провел переговоры с нужными людьми и добился неожиданно действительно многого. Добровольцы „из-под немецких часовых“ получили сто пятьдесят седел, два аэроплана на местном

авиаремонтном заводе (офицеры-летчики в бригаде имелись) и автомобиль.

Так в добровольческой бригаде появился свой небольшой авиационный отряд. Но из-за ограниченности горючего двум аэропланам летать почти не пришлось, разве что на разведку.

Седла и прочая конская сбруя требовались для отрядной конницы, которая стала заметно увеличивать свою численность. Верховых лошадей, годных для кавалерии, большей частью „реквизированных“ у „красных реквизиторов“, набиралось много. А вот кавалерийские (казачьи) седла оказались в большом дефиците. Тыловики сбивались с ног в поисках „приличной“ конской амуниции.

Полковник Лесли, докладывая Дроздовскому о результатах повторного визита в Таганрог, не без возмущения сказал о германском коменданте города и его начальниках, управлявших им по телеграфу из Киева:

— Броневика и снарядов не дали, под самыми разными предлогами. Подлецы, одним словом. Ведь обещали еще утром все это дать!

— Не кипятись зря. Немцы не дураки. Чуют, что мы за Россию единую и неделимую. Как же нас вооружать? Не с руки такое делать их коменданту…

Однако часть обещанного вооружения и боевых припасов в Таганроге белые добровольцы все же получили и доставили к себе. Помог „Союз фронтовиков“, имевший своих людей на местных военных складах: в станицу Синявскую доставили часть обещанных германцами винтовок и патронов, в чем бригада, заметно пополнившаяся людьми, испытывала нужду.

Вечером и сам Дроздовский посетил Таганрог. В частном собрании собрались местные офицеры — гарнизонные, но большей частью вернувшиеся с фронта. Михаил Гордеевич агитировал их за Белое дело, но не все получилось, как ему хотелось.

Разговор получился трудный („инертность страшная“). Офицерская масса еще не перегорелась начавшейся Гражданской. Ее еще не всколыхнули репрессии красных по отношению к бывшему офицерству старой русской армии: Таганрог еще не знал массовых арестов и расстрелов „золотопогонников“.

Отсюда „росли ноги“ того, что услышал полковник Генерального штаба Дроздовский, человек монархических взглядов, на том негласном офицерском собрании.

— Русской армии уже нет. Где она?..

— Неясна задача Белого дела Мы за Корнилова, а он погиб под Екатеринодаром Кто теперь военный вождь белых?

— Война против большевиков так не делается. Ее надо начинать совсем иначе…

— Вы же раскалываете Россию. У нас немцы дома, а вы раскачиваете лодку, наше отечество…

— У вас же нет сил. Где вы их возьмете?»

— Нам лучше и безопаснее на местах, чем в походах…

— Сколько можно нам воевать? Вчера фронт там, сегодня фронт здесь. Устали от войны…

Для полковника-генштабиста, давно поражавшего людей, хорошо знавших его, своим ровным отношением к происходящему и редко выходящего из себя, такие слова были большой личной обидой. Причем они исходили не от каких-то малознакомых ему офицерских товариществ, а от своих собратьев-фронтовиков.

Собрание, такое сдержанное в начале откровенного разговора, закончилось на «минорных нотах». Командир отряда добровольцев, который под славным для истории Андреевским флагом, по сути дела, завершил поход Яссы — Дон, сказал таганрогским офицерам свое последнее слово, которое на подобных собраниях называют заключительным:

— Я пришел к вам, как к офицерам и фронтовикам, с предложением защитить Россию от большевизма и берлинского кайзера. Я не в обиде на вас за то, что вы здесь высказали. Но все вы должны понять одно: не мы, белые добровольцы, принесли вам сюда гражданскую войну. Она уже у вас идет. Вы это должны понять сами.

Когда небольшой зал, переполненный людьми в полувоенном одеянии, от этих слов притих, полковник Дроздовский заключил сказанное им перед этим:

— Если кто-то из вас завтра придет ко мне в отряд, я приму его как человека офицерского долга. Дам винтовку и руку боевого товарища.

Вряд ли кто из тех, кто в этот поздний вечер собрался здесь, мог себе представить, что в не маленьком по тому времени городе на берегу Азовского моря, в Области Войска Донского, разыграются одни из самых трагических событий Гражданской войны. И имя им — красный террор к «классовому врагу», хотя большинство этих врагов не поднимали оружия против новой власти. И больше всего полило своей кровью таганрогскую землю местное офицерство.

То есть массовым репрессиям подверглись те люди, которые вернулись с Русского фронта Великой войны живыми или увечными воинами с офицерскими погонами на плечах. И тем, кто лишал их жизни не только пулей, не было дела до того, был

ли офицер дворянином с юнкерским образованием, или он получил первую офицерскую звезду в окопах за личную солдатскую доблесть. Репрессии пали и на их беззащитные семьи.

…Конечно, Дроздовский самое большое офицерское пополнение ожидал не, скажем, в Мелитополе или в Бердянске, а именно в Таганроге, где еще со времен Екатерины Великой всегда стоял немалый воинский гарнизон. И потому людей, связанных корнями с армией, здесь набиралось немало.

Таганрог же дал в ряды 1-й русской добровольческой бригады всего человек пятьдесят. Но все фронтовики, с боевыми наградами и, как правило, монархисты по взглядам. То есть выступление Михаила Гордеевича на том частном собрании оказалось не таким уж и неудачным.

Более того, история Гражданской войны многократно подтверждала простую истину, что качество человеческого материала, облаченного в серую шинель с одинаковой для воюющих сторон трехлинейной винтовкой системы Мосина, пусть и не всегда, било число того же человеческого материала. То есть часто срабатывал суворовский принцип: «Воевать надо не числом, а умением…»

Этот принцип был одинаков и для армий Белого дела, и для Красной армии. Может быть, отчасти и от того, что творили планы боевых операций, строили тактику и стратегию в Гражданской войне на той и другой стороне выходцы из одной среды. Из среды офицерства старой русской армии, прошедшего войну мировую.

И такими генераторами идей, которые выражались в классических планах военных действий, стали офицеры — выпускники императорской Академии Генерального штаба. Они с двух сторон «творили идеологию» той войны, испепелившей пол-России и души едва ли не всего ее населения.

Судьба офицеров-генштабистов, выходцев из одной школы военного искусства — отечественной, оказалась трагичной. Как ни странно, на полях сражений Гражданской войны их пало не так уж и много. Но свой жизненный путь они закончили так: белые генштабисты обрели после «классового» поражения чужбину белой эмиграции, а из красных генштабистов единицы прошли сквозь сталинское сито 30-х годов. Для последних клеймо «царского офицера» осталось в личных делах несмываемым.

…Думается, что Дроздовский вечером 20 апреля 1918 года находился в несколько подавленном настроении. Хотя внешне он давно научился не показывать себя таким окружающим. В дневнике за тот день появилась следующая запись о состоявшейся встрече с офицерским собранием Таганрога: «..Дирижеры

(состоявшегося разговора. — А. Ш.) — кадровые, не кто, как свой. Инертность поразительная…»

Затем на тетрадную страницу легла последняя запись в памятном для истории Гражданской войны дроздовском «Дневнике»: «Хотелось выехать засветло, но задержался. Ночью дорога плоха, без фонарей, пришлось ночевать в гостинице. Распоряжений не отдал — одно утешение, что Войналович сам разберется в обстановке и решит, стоять (бригаде) или двигаться».

После этих слов на следующий день в походном «Дневнике» появится одна-единственная заглавная страничная строка: «21 апреля, Недвиговская».

Больше Михаил Гордеевич не вернется к дневниковым записям И совсем не потому, что поход Яссы — Дон для него и его бойцов с Румынского фронта завершился. 1 — я бригада русских добровольцев почти что с ходу влетала в пламя Гражданской, братоубийственной войны на российском казачьем Юге.

«Дрозды» от Таганрога, пройдя «по долинам и по взгорьям» тысячу двести верст пути, двинулись на город Ростов, чтобы взять его с боем и затем соединиться с бывшей уже корниловской, а теперь деникинской Добровольческой армией. Теперь они шли по донской земле, охваченной антибольшевистским казачьим восстанием.

Сам Дроздовский сгорел, как путеводная свечка для своих соратников, в этом безжалостном пламени. Жить же ему оставалось меньше года. Но эти шесть месяцев станут эпиграфом к его биографии. Ведь не зря же Михаила Гордеевича Дроздовского, прошедшего в своей короткой жизни три больших войны, сторонники его борьбы назовут «ГЕРОЕМ БЕЛОГО ДЕЛА».

А судить о том, был ли этот генерал белой Добровольческой армии образца 1918 года героем истории Гражданской войны в России. Истории отечественной. Или он останется в исторической памяти одним из главных «белых гадов».

История ведь всегда была, есть и будет в наших глазах двуличной: благодарной к памяти какой-то неординарной человеческой личности или неблагодарной. Уничтожающей величие этой личности среди других.

Сразу напрашивается вопрос: а как быть с исторической справедливостью? Спорить о ней, думается, не стоит. Историческая справедливость как таковая в человеческой природе бесспорно есть. Вопрос стоит в другом: когда справедливость приходит в человеческое миросозерцание? В ходе событий или по прошествии их?

Все это непреложно относится к такой неординарной личности судьбоносного перелома истории России — Гражданской войне, какой была фигура белого генерала Дроздовского.

Глава 5
Бой за Ростов. Соединение с Добровольческой армией

Цель похода Яссы — Дон была для «дроздов» близка; впереди лежал Ростов, а где-то южнее его вела бои Добровольческая армия. Белая, корниловская. Кругом в станицах и хуторах грозно для красных полыхали казачьи восстания.

Дроздовский с Войналовичем, рассматривая в бинокли силуэты огромного для российского Юга города, тихо переговаривались.

— Похоже, что Ростов в руках красных, Михаил Кузьмич?

— Похоже, Михаил Гордеевич.

— Вышлем разведку в город?

— В сам город? Кого посылать-то?

— Конный приметен будет в городе, даже если погоны с себя снимет. Офицера видно в нем и без них.

— Тогда пошлем мотоциклиста-разведчика, Михаил Гордеевич. Он объедет город на одном баке.

— Дельное предложение, Михаил Кузьмич. А есть у нас такой рискованный мотоциклист?

— Есть, да еще какой — лихой сам из себя.

— Уж не юнкер ли это Прицкер Анатолий?

— Он самый.

— Тогда поставь ему задачу: где и что посмотреть. В своей кожаной униформе без погон мотоциклист за кого угодно сойдет.

— Задачу поставлю, Михаил Гордеевич. И сразу же отправлю в Ростов. А что будет приказано бригаде?

— Пусть бойцы пока отдыхают, Михаил Кузьмич. И готовятся к штурму Ростова. Нам его без жестокого боя, чувствую, не взять…

Один из участников похода с берегов пограничного Прута на берега Тихого Дона вспоминал о том дне перед штурмом Ростова в своих белоэмигрантских мемуарах:

«Стояла сильная весна. Все купалось в радостном свете. Зелено-дымная степь звенела, дышала. Это был благословенный гул жизни, как бы подтверждавший, что и мы все идем для одного того, чтобы утвердить в России Благоденствие.

И вот после двухмесячного похода, после тысячи двухсот верст пути появились мы со всей нашей артиллерией и обозами под Ростовом, точно из самой зеленой степи чудесно выросло

наше воинство…»

…Полковник Войналович поставил задачу на разведку положения дел в Ростове всей команде мотоциклистов-разведчиков, но в сам город посылался только один из них — юнкер Анатолий Прицкер. Задачу он имел лично от начальника бригадного штаба такую:

— Выясни силы большевиков в Ростове. Установи, где они сосредоточены. Есть ли артиллерия и где она у них стоит. Обрати особое внимание на вокзал.

— Что мне там смотреть, господин полковник?

— Там может находиться их бронепоезд, воинские эшелоны уходящие и прибывшие с подкреплениями.

— Задание срочное?

— Срочное. Тебе, Прицкер, надо будет пулей прокатить по Ростову и стрелой вылететь из него в нашу сторону. Мотоциклет надежен?

— Еще как! Любого всадника обгоню по проселочной дороге, не говоря уже о степном тракте.

— Выполнишь задание, Дроздовский тебя, юнкер, в приказе по бригаде обязательно отметит.

— Мне благодарности особой не надо за это дело.

— А какой же награды ты желаешь за разведку? Если ты задачу исполнишь?

— Пусть меня Михаил Гордеевич посадит за руль первого же броневика, который возьмем у большевиков…

…Штурм Ростова-на-Дону стал первым действительно серьезным испытанием на боевую прочность и спайку для белой 1-й русской добровольческой бригады с Румынского фронта. Доблестный и самоотверженный поход дроздовцев с его жестокостями и кровопролитием остался позади: Дон лежал прямо перед ними.

Теперь здесь на Юге, в казачьих областях Дона, Кубани и Терека, можно было начинать наступательную борьбу за возрождение Российской державы. Сомневался ли тогда кто-нибудь из «дроздов» в ее победном исходе?

На этот дискуссионный сегодня, но не тогда вопрос можно ответить однозначно: «Никто».

Один из мемуаристов, участник ростовских событий, вспоминал спустя многие годы об освобождении этого ключевого города на российском Юге белыми «дроздами»:

«Стройно, блестя на солнце штыками, шла какая-то военная часть, с необыкновенными солдатами и офицерами. Можно было смело поверить, что маленький воинский отряд, безусловно, ведет куда-то и совсем необыкновенный командир. Все, все было

необыкновенно в этом маленьком отряде, начиная с одежды и кончая строгой дисциплиной, царившей в нем. Великолепно пригнанное обмундирование — новые защитные гимнастерки, добротные сапоги. И что еще удивительнее — погоны на плечах.

Звучит, несется солдатская песня. Поет радостно весенняя зеленая степь.

Куда-то вперед помчались по дороге разведчики отряда — мотоциклисты, и видение растаяло в степи.

Сон? Волшебство зелено-дымной степи? Такого не было.

Вот и разгадка. Гремят выстрелы над большим городом… Рвутся снаряды над громадным вокзалом… Белые облачка разрывов над перекинутым через большую реку мостом… Еще немного — и смолкло все.

Освобождение. Воскресение. Весеннее в природе. Весеннее в душах и сердцах людей… Весна, радость, жизнь… Счастливые улыбки. Слезы радости вновь обретенного счастья…

А необыкновенные солдаты и офицеры необыкновенного отряда в этот момент — горды и так же, как освобожденные, счастливы. Им — цветы, благодарности, улыбки…

В душах и сердцах в этот момент бьется одно, оно поет, громко и трепетно звучит ОСВОБОЖДЕНИЕ!

Начало его… Вот один большой город… А потом — дальше!.. Вся Россия? Возможно?! И звучит в душе ответ: смелым и дерзким — возможно. Трудно?.. Да, будет трудно. Будет тяжело, кровь, жертвы, гибель многих, муки…

Чудо, рожденное в зелено-дымной степи, — маленький отряд полковника Дроздовского»..

…Безусловно, командование красноармейских войск, занимавших Ростов, знало о подходе к городу со стороны Таганрога какого-то белого отряда, появившегося откуда-то с запада, из пределов Украинской державы гетмана Скоропадского. У красных тоже была своя разведка, которая доносила: «Белых добровольцев-офицеров у неизвестного нам полковника Дроздовского не больше тысячи человек…»

Всего лишь — одна тысяча. Почти как краснорубашечников Джузеппе Гарибальди, не больше. Не впечатляла и белая артиллерия, не говоря уже о коннице силой в два неполных эскадрона.

Иначе говоря, в красном Ростове не увидели в белых «дроздах» смертельной для себя опасности.

— Откатятся от города, как корниловцы от Екатеринодара еле ноги унесли к черкесам в аулы…

— Белые буржуи-авантюристы… Безумцы…

— Хотят нас взять на испуг…

А зря так сказали. Добровольческий отряд, теперь чаще называвшийся бригадой полковника Дроздовского, для начала (и до конца) Гражданской войны являл собой образец военной организованности, дисциплинированности, спаянности, настроя на победный исход любого дела. Хотя дроздовцы и не всегда побеждали, в противном их упрекнуть было просто нельзя.

Белые тогда не владели ситуацией вокруг Ростова. Не знали того, что в городе и его окрестностях была сосредоточена в начале 20-х чисел апреля двадцатипятитысячная группировка войск противника. Что она была хорошо вооружена и имела немалую артиллерию. И потому могла если не разбить белых добровольцев, то оказать им самое сильное и стойкое сопротивление.

Полковник-генштабист Дроздовский не зря считался на фронте зрелым оперативником. Он зрил ситуацию на поле боя более чем похвально. И сразу понял, что легкой схватки за огромный город у его маленького войска не будет. Даже если исходить только из того, сколько в нем и окрестностях красных войск.

Михаил Гордеевич даже не знал того, кто ими единственно начальствует. Времени на уточнение деталей ростовской операции не имелось в силу многих причин, не говоря уже о выяснении фамилии старшего во вражеском стане. Даже пленные на такой незамысловатый вопрос отвечали неопределенно:

— Кто его знает. Отрядов разных много. Комиссаров тоже много. Приказов издается много, а подписей на каждом — не счесть…

Юнкер Анатолий Прицкер с задачей справился более чем успешно. Разведчик удачно миновал на приличной скорости сторожевые заставы по дороге у города, которые поразили его своей беспечностью. Красноармейцы только провожали глазами промчавшегося мимо них, поднимая тучи пыли, мотоциклиста. И никто из них в тот день не высказал сомнения в, казалось бы, напрашивающемся вопросе, кто он: наш или белый?

Патрули в городе тоже говорили, провожая глазами мчавшийся мимо них с непривычным треском мотоциклет и одетого с ног до головы в черную кожу мотоциклиста:

— Верно наш…

— Ишь, как торопится…

— Ясно дело, в штаб с донесением, посыльный, видимо…

— В какой такой штаб?

— А кто его знает, в какой? Нынче в Ростове штабов много. Война…

Мотоциклист-разведчик то с самым озабоченным выражением

лица, то с приветливой улыбкой прокатился по центру города, по правобережной части Ростова, заскочил на привокзальную площадь и даже зашел на сам вокзал, на его перрон. Он высмотрел действительно многое, вступая не раз в разговоры с рядовыми красноармейцами:

— Товарищ, ты какого полка будешь?

— Не полка, а ударного революционного отряда имени Мировой революции. Слыхал про такой?

— Как не слыхать, геройский отряд.

— То-то.

— Где ваш штаб стоит, не подскажешь?

— А ты езжай вот по той улице, видишь? Штаб там, где наша пушечная батарея стоит. Все четыре ствола. Чего там тебе надо?

— Да с пакетом я. Спасибо, братец…

Обо всем увиденном юнкер, не менее благополучно миновавший сторожевые заставы и на обратном пути по дороге на Таганрог, доложил Дроздовскому и Войналовичу. Те слушали его внимательно, не перебивая. И уже после того, как мотоциклист-разведчик умолк, стали уточнять детали о расположении противника.

— На заставах по дороге к городу пулеметы видел?

— Нет. Только стрелки по десятку-два человек.

— Где бронепоезд красных стоит, на подъезде к вокзалу или на батайской ветке, у Нахичевани?

— Ближе к Батайску, в его сторону стоит.

— Сколько орудий на нем?

— Два. Оба — трехдюймовки. И пулеметы, наверное, не меньше десятка будет. Команда бронепоезда сборная.

— Где больше всего штабов у красных?

— Смотря по часовым и флагам — вокруг вокзала. Там же и больше всего пулеметов виделось.

— Батареи где у них смотрят в нашу сторону?

— На позициях у таганрогской дороги их нет.

— От вокзала могут быстро против нас пушки подвести?

— Нет. Видно, что порядка особого в артиллерии у большевиков нет.

— Почему ты так определил?

— Потому что ни у одной батареи близ вокзала лошадиных упряжек не видел Видно, пасут их где-то у города.

— Так, это уже хорошо. Сколько, ты считаешь, у противника сил в самом Ростове?

— Трудно сказать. Но думаю, тысяч с пять или семь наберется.

— Как у них с дисциплиной? С организованностью?

— Да никак. Часовые на постах сидя семечки щелкают. Разве это есть дисциплина…

С численностью красных войск в Ростове, наполнявших город, мотоциклист-разведчик сильно ошибся. Но об этом станет известно после ростовского штурма, при допросах пленных и просмотре трофейных документов, найденных в брошенных противником штабах.

Красные войска в схватке за город Ростов 21–22 апреля 1918 года численно превосходили атакующую белую 1-ю бригаду русских добровольцев с Румынского фронта в двадцать пять раз! Такое соотношение сил было без всякой на то натяжки.

Поблагодарив юнкера Анатолия Прицкера за бесстрашие и смекалку в разведке и отпустив его, Дроздовский с начальником бригадного штаба задумались крепко: брать или не брать Ростов штурмом?

Решили собрать военный совет отряда, пригласив на него всех единоначальных командиров: стрелкового полка, конного дивизиона, батарей, сотен, команд. Такой военный совет собирался впервые. Разговор велся об одном: быть штурму или повременить с ним?

Дроздовский дал слово Войналовичу. Тот скупо обрисовал силы свои (известные) и силы красных (только что разведанные). Картина вырисовывалась не самая обнадеживающая, поскольку противник имел подавляющее преимущество в людях, числе орудийных стволов и, более чем вероятно, пулеметов, коннице. И обладал настоящим пушечным бронепоездом, одетым в заводскую броню, а не обложенным просмоленными шпалами и мешками с песком.

Когда Войналович высказался, водя карандашом по от руки нарисованной карте Ростова, Дроздовский попросил высказаться каждого из участников военного совета:

— Сегодня мы должны решить, господа, самое главное для нас Поход завершен. Мы на донской казачьей земле, которая за нас. Или штурмовать Ростов с теми силами, или уходить от него, расписавшись в собственном бессилии? Командир Офицерского полка?

— Только штурм, Михаил Гордеевич.

— Полковник Жебрак, ваше мнение?

— Идти на приступ. Это последняя перед нами преграда перед соединением с Добровольческой армией.

— Штабс-ротмистр Гаевский?

— Идти на приступ сегодня же.

— Капитан Колзаков?

— Штурм. Иного решения наши добровольцы нам не простят.

— Полковник Ползиков?

— Брать Ростов открытой атакой. В лоб.

— Подполковник Медведев?

— Вспомним Суворова Я за штурм.

— Капитан Ковалевский?

— У меня нет расхождений с мнением военного совета…

Когда высказался последний из приглашенных на военный совет бригадных командиров, Дроздовский подвел итоги высказываний:

— Мы с Михаилом Кузьмичом не сомневались в итоге такой формальности на войне. Сейчас он вам изложит диспозицию штурма Ростова, даст направления атак частям, укажет, куда выдвигать батареи и гаубичного взвода, броневика «Верный».

— Главный вопрос, Михаил Гордеевич.

— Какой?

— Во сколько начинаем штурм Ростова? Сегодня?

— Сегодня. Начинаем наступление ровно в десять вечера, когда стемнеет. Город будем брать ночной атакой. Внезапно…

Военный совет показал Дроздовскому то, в чем он хотел видеть полное подтверждение. Его бойцы буквально рвались в серьезный бой: все прежние походные стычки в сравнение с ожидавшимся в Ростове боем не шли. Из всех участников совета, включая и полковника Войналовича, только командир бригады внешне смотрелся сдержанным. Но только внешне.

Получив боевые расписания, командиры поспешили в свои части, которые с утра жили ожиданием атаки города Дроздовский же, переговорив с бойцами одной из офицерских стрелковых рот, поехал в бронеотряд, от которого у него оставалась только одна бронемашина — «Верный».

Броневик хоронился в неширокой балке с удобным для машины спуском. Дежурный по экипажу еще издали приметил сидевшего на коне командира бригады. Когда тот спустился в балку, команда бронеавтомобиля капитана Нилова была уже построена для встречи Дроздовского.

Получив краткий доклад о том, что броневик готов к действию, Михаил Гордеевич медленно обошел строй экипажа За два месяца похода он хорошо узнал каждого ниловского подчиненного. Команда «Верного» состояла из восьми человек: сам капитан Нилов, штабс-капитан Антипов, поручик Бочковский, подпоручик Муромцев, прапорщики Шаталин и Гребенщиков, унтер-офицеры Кобенин и серб Хорат.

Дроздовский мог сказать, что экипаж бесстрашен, что в нем собраны едва ли не самые лучшие пулеметчики отряда, что шофер Хорат — мастер вождения самого высокого класса И мог

отметить такую немаловажную деталь: команда капитана Нилова состояла из тех «походников», которые прибыли к нему в местечко Скинтею в числе самых первых добровольцев.

Поприветствовав за руку каждого, стоящего в строю перед бронемашиной, с вылущенной во многих местах от попаданий пуль краской защитного зеленого цвета, Дроздовский сказал:

— Сегодня в ночь мы идем брать Ростов.

Лица людей, одетых как один в черные кожаные куртки, разом просветлели от услышанного. В глазах читалось: «Наконец-то!» Полковник, уловив такой миг в сознании ниловцев, продолжил:

— У отряда на вас большая надежда Да и моя тоже, скрывать не стану. Это будет дело посерьезнее, чем в Акимовке. Там «Верный» показал себя просто прекрасно.

О том деле на вокзале, как посчитал Дроздовский, напомнить надо было обязательно. Броневой экипаж им гордился.

— Сегодня ночью вам опять предстоит бой на вокзальной площади. Вокруг нее — главные силы большевиков. Надо их ошарашить внезапной атакой, огнем всех ваших четырех пулеметов. Ясна задача?

— Ясна, господин полковник, — ответил за всех капитан Нилов.

— Кто из вас знает город?

— Никто.

— Проводник найден?

— Так точно. Прапорщик Журавский из автоколонны. Он в Ростове два года назад окончил коммерческое училище, сам местный.

— Ну что ж, Нилов, тогда, как говорится, с Богом и в бой…

…Красноармейские отряды ожидали боя с невесть откуда появившимися белыми в тысячу человек. А их командиры все не могли решить, громить «белых гадов» в городских пригородах или самим напасть на них. Для этого требовалось повести наступление из Ростова на Таганрог, покинув удобные гостиницы, квартиры и особняки местных буржуев.

Но то, что дроздовцы предпримут дерзкий ночной штурм, не говоря уже о его ярости, такого никто из защитников города, пожалуй, не ожидал. Добровольцы в ту ночь преуспели в главном: во внезапности атакующего удара, в его слаженности и продуманности. То есть обеспечили себе тактический успех. Они брали город не числом, а умением.

Офицерские стрелковые роты, кавалерийские эскадроны, казачья сотня есаула Фролова, артиллерийские расчеты подтянулись к пригородам в наступавших сумерках без лишнего

шума. Строжайше было запрещено курить. Предупреждать о лишних разговорах никого не приходилось. Броневик «Верный» на самом малошумном ходу продвигался в хвосте атакующей колонны.

В условленном месте колонна стала разворачиваться для атаки, назначенной для всех и каждого ровно на 22.00, — какого-либо сигнала подавать не стали. Даже одиноким, шальным выстрелом из винтовки.

Сторожевые заставы красных, откровенно говоря, спали. Они встретили добровольцев беспорядочной пальбой уже тогда, когда их цепи подкатились к первым пригородным строениям. Дозорные, отстреливаясь всюду на ходу, в замешательстве спешно отходили в сам город, больше к вокзалу.

Теперь хорониться атакующим уже смысла не было никакого, и белая конница с гиканьем и присвистом вынеслась из-за спин пехотинцев и понеслась по улицам, высветленным лунным светом Бронеавтомобиль «Верный», ощетинившись четырьмя пулеметными стволами, тоже дал полный ход. «Свою» улицу его экипаж при помощи прапорщика Журавского выбрал безошибочно.

Главной целью штурмующих белых стал ростовский вокзал. Овладение им означало овладение центром города, уже не говоря о том, что вблизи него размещалось много всевозможных штабов красных. Еще перед штурмом полковник Войналович сказал Дроздовскому:

— Михаил Гордеевич, прошу в эту ночь для себя только об одном.

— Понял без слов, Михаил Кузьмич. По одному твоему виду. Хочешь в первую линию?

— Сочту долгом чести. Прошу вас в моей просьбе не отказать.

— Ладно. Где хочешь командовать?

— Там, где будет всего тяжелее в эту ночь.

— Тогда бери под свое командование первый эскадрон штабс-ротмистра Аникеева и штурмуй вокзал. Подчинишь себе все наши части там и броневик.

— Благодарю, Михаил Гордеевич.

— Давай поцелуемся на всякий случай, Михаил Кузьмич. Помни: вокзал взять и удержать надо любой ценой.

— Я там лучше лягу, чем брошу бой…

Эскадронцы штабс-ротмистра Аникеева вынеслись на вокзальную площадь, совершенно не встретив по пути какого-то мало-мальского отпора. По улицам в ночной темени метались какие-то полуодетые люди, стрелявшие из винтовок и наганов в разные стороны. Всадники на полном ходу рубили направо и

налево тех, кто не успевал увернуться.

Полковник Войналович в числе первых вынесся к вокзалу, успев скомандовать эскадронному командиру:

— Очистить вокзал! Бери на себя привокзальные улицы!..

Караул, который дежурил в здании вокзала, встретил нападавших редкой стрельбой из окон и дверей. Нападавшие отвечали. В ход пошли ручные гранаты: прогремело несколько оглушительных в ночи взрывов. Гремело железо, лопались стекла, и ржали лошади. Красноармейцы стали разбегаться от вокзала в улицы.

Войналович, соскочив с храпящего коня, с револьвером бросился через открытую нараспашку вокзальную дверь на перрон, успев крикнуть последние в своей жизни слова:

— За мной, братцы…

В том ночном штурме ростовского вокзала он оказался едва ли не единственной жертвой среди атакующего спешившегося эскадрона. На перроне он был убит выстрелом в упор из винтовки каким-то красноармейцем, сумевшим скрыться среди вагонов, стоявших на путях.

Донесение о гибели полковника Войналовича и взятии вокзала стало в ту ночь первым для Дроздовского. Он в ярости и горечи тихо сказал прискакавшему от Аникеева драгунскому корнету:

— Если 6 ты знал, корнет, какая это для меня потеря…

Внезапный удар на какое-то время породил в красном гарнизоне Ростова панику и неразбериху. Но только на какое-то время, пока не стало ясно, где белые, что успели захватить и то, что их мало. Вот тогда-то и начался настоящий ночной бой на городских улицах.

События развивались стремительно. 2-й кавалерийский эскадрон ротмистра Двойченко захватил станцию Ростов-Товарная и выслал связных на вокзал. Там уже находилась 2-я рота Офицерского стрелкового полка, которая стала очищать от красноармейцев привокзальные улицы, встречая здесь самое неорганизованное сопротивление.

Дальше района вокзала и товарной железнодорожной станции белой кавалерии продвинуться не удалось. Более того, собравшись с силами, противник несколькими контратаками вытеснил ее в городские предместья, за Темерник. Но в том ночном бою за Ростов это, как оказалось, был единственный неуспех штурмующих.

В полночь в Ростов ворвалась вся бригадная пехота, подтянулись артиллерийские батареи, встал на высотке гаубичный взвод подполковника Медведева. Офицерские расчеты

профессионально метко повели прицельную стрельбу из орудий. Когда в центр города ворвался броневик «Верный», строчивший короткими очередями из всех своих четырех пулеметов, стало ясно, что полная победа за атакующими.

Масла в огонь подлил гаубичный взвод. Артиллеристы подполковника Медведева так удачно поражали в ночи очаги сопротивления красных вблизи вокзала, а на рассвете и их эшелоны, что те стали спешно отходить из-под огня по мосту на левый берег Дона и по железной дороге в близкий Батайск.

Пожалуй, самую яркую картину о том ночном штурме Ростова в Страстную субботу написал в своих воспоминаниях А. В. Туркул, бывший тогда командиром 2-й роты Офицерского стрелкового полка:

«…Большевики толпами потекли на Батайск и Нахичевань.

Ночь была безветренная, теплая, прекрасная — воистину святая ночь. Одна полурота осталась на вокзале, а с другой я дошел по темным улицам до ростовского кафедрального собора В темноте сухо рассыпалась редкая ружейная стрельба На улицах встречались горожане-богомольцы, шедшие к заутрене. С полуротой я подошел к собору; он смутно пылал изнутри огнями. Выслав вперед разведку, я с несколькими офицерами вошел в собор.

Нас обдало теплотой огней и дыхания, живой теплотой огромной толпы молящихся. Все лица были освещены снизу, таинственно и чисто, свечами. Впереди качались, сияя, серебряные хоругви: крестный ход только что вернулся. С амвона архиерей в белых ризах возгласил:

— Христос воскресе!

Молящиеся невнятно и дружно выдохнули:

— Воистину…

Мы были так рады, что вместо боя застали в Ростове светлую заутреню, что начали осторожно пробираться вперед, чтобы похристосоваться с владыкой. А на нас сквозь огни свечей смотрели темные глаза, округленные от изумления, даже от ужаса С недоверием смотрели на наши офицерские погоны, на наши гимнастерки. Никто не знал, кто мы.

Нас стали расспрашивать шепотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский. Темные глаза точно бы потеплели, нам поверили, с нами начали христосоваться.

Я вышел из собора на паперть. Какая ночь, святая тишина! Но вот загремел, сотрясая воздух, пушечный гром. Со стороны Батайска стреляет бронепоезд красных. Каким странным показался мне в эту ночь гул пушечного огня, находящий шум снарядов!

От собора я с полуротой вернулся на вокзал. По улице, над которой гремел пушечный огонь, шли от заутрени люди. Они несли горящие свечи, заслоняя их рукой от дуновения воздуха Легкими огоньками освещало внимательные глаза.

На вокзале, куда мы пришли, в зале первого класса теперь тоже теплились церковные свечи, и от их огней все стало смутно и нежно. Ростовцы пришли нас поздравить на вокзал. Здесь были пожилые люди и седые дамы, были девушки в белых платьях, только что от заутрени, дети, молодежь. Нам нанесли в узелках куличей и пасок. На некоторых куличах горели тоненькие церковные свечи. Обдавая свежим весенним воздухом, с нами христосовались. Все говорили тихо. В мерцании огней все это было как сон.

Тут же, на вокзале, к нам записывались добровольцы, и рота наша росла с каждой минутой.

В два часа ночи на вокзал приехал Дроздовский. Его обступили, с ним христосовались. Его сухощавую фигуру среди легких огней и тонкое лицо в отблескивающем пенсне я тоже помню, как во сне. И как во сне, необычном и нежном, подошла к нему маленькая девочка Она как бы сквозила светом в своем белом праздничном платье. На худеньких ручонках она подала Дроздовскому узелок, кажется с куличом, и внезапно, легким детским голосом, замирающим в тишине, стала говорить нашему командиру стихи.

Я видел, как дрогнуло пенсне Дроздовского, как он побледнел. Он был растроган. Он поднял ребенка на руки, целуя маленькие ручки.

Уже светало, когда вокзал опустел от горожан…»

Можно сказать, что белый офицер Туркул в своих воспоминаниях «Дроздовцы в огне» сделал лирическое отступление от тех событий, которые происходили в Ростове в ночь на 22 апреля 1918 года Ночной бой не утихал, на то она и была война.

Красные и не думали отдавать город врагу. Вскоре им стало ясно, насколько он мал числом. И насколько сильны они перед ним На рассвете к выбитым из Ростова красногвардейским отрядам из Новочеркасска подошли сильные подкрепления. Теперь по расположению дроздовцев вели орудийный огонь уже два бронепоезда, с которых снарядов не жалели.

Дроздовский понимал, что упускать инициативу в атакующих действиях нельзя. Он лично возглавил кавалерийскую атаку в обход противника. Орудийный огонь с бронепоездов перенесли на конную лаву, мчавшуюся по полю. Один из снарядов легкой пушки разорвался едва ли не под самыми копытами коня

полковника, но сам он не пострадал.

Конная атака удачи не имела в силу малочисленности белых. И самое главное, в том кавалерийском наскоке они неожиданно для себя натолкнулись на хорошо организованную стрелковую цепь красноармейцев, усиленную пулеметами. Противник, отразив конную лаву, сам пошел вперед правильными цепями, которые благодаря чьей-то властной руке умело перемещались по полю боя.

Теперь вся тяжесть боя легла на плечи Офицерского стрелкового полка, которым командовал генерал-майор Семенов. Потом скажут, что он проявил трусость, отказавшись от рукопашного боя и укрывшись от неприятельских пуль в ямах возле кирпичного завода близ ростовской окраины.

Из-за этого приказ Дроздовского об отходе стрелковых рот своевременно выполнен не был. Полк оказался в полуокружении, под шквалом ружейного и пулеметного огня. Теперь офицерским ротам пришлось буквально прорываться к своим При этом часть убитых и тяжелораненых вынести в тыл не удалось: они оказались брошенными.

Дроздовский в такой критической ситуации не растерялся, приказав конно-горной и легкой батареям выдвинуться вперед, а гаубичному взводу завязать артиллерийскую дуэль с бронепоездами. Затем он еще раз повел в атаку конный дивизион и сотню новониколаевских казаков. Хотя атака опять оказалась неудачной — демонстративной, офицерские роты успели выйти из-под губительного огня.

Вскоре цепи атакующих красноармейцев залегли под разрывами снарядов и откатились назад. Командир бригады приказал подсчитать потери. Через час ему доложили:

— От девяноста до ста человек, почти все стрелки. Убитыми, ранеными.

— Всех раненых в лазарет, в обоз.

— Всех не можем, Михаил Гордеевич.

— Почему?

— Часть тяжелораненых осталась на поле боя, за кирпичным заводом.

— Значит, были вами брошены! А вы знаете, что большевики с ними уже сделали?!

— Знаем…

Дроздовский на месте пристрастно разобрался в понесенном поражении. С себя вины за него он не снимал: это был бы с его стороны бесчестный поступок. Но виновный виделся не только им. Он вызвал к себе командира Офицерского стрелкового полка генерал-майора Семенова, проделавшего с ним весь путь из Ясс

до Дона, спросил:

— Почему вы вовремя и точно не исполнили мой приказ об отходе всех трех офицерских рот?

— Я не получил вовремя вашего приказа.

— Почему вы под огнем утратили командование полком, решив с частью стрелков укрыться в ямах у кирпичного завода?

— Надо было организовать оборону. Нас могли охватить пехотной цепью…

— Дальше не надо, ваше превосходительство. Вот вам мой последний приказ: сейчас же передать командование полком полковнику Жебраку-Русановичу. Я отрешаю вас от занимаемой должности.

— Вы меня изгоняете из отряда?

— Да, вы лишаетесь морального права оставаться в рядах добровольцев даже на правах рядового.

— А за что?

— За трусость в сегодняшнем бою…

Дроздовский очень тяжело переживал людские утраты в том неудачном и неравном бою под самым Ростовом. Лишиться почти сотни бойцов в один день для его маленького отряда, числом немногим более тысячи человек, значило многое. Михаил Гордеевич, как вспоминали очевидцы, был крайне подавлен, «плакал и говорил, что он по своей вине погубил отряд».

Потом, когда его «дрозды» увязнут в жестоких боях на Кубани и Ставрополыцине, он поймет, что ростовские потери были не такими уж страшными и гибельными. Но своих «первопоходников» герой Белого дела жалел всегда.

Дроздовец генерал-лейтенант Николай Дмитриевич Невадовский, в эмиграции возглавлявший Союз добровольцев и бывший издателем газеты «Доброволец», вспоминал почти два десятилетия спустя после этих ростовских событий:

«Во время похода, вернее под конец его, в бою под Ростовом, когда наш отряд, отвлекая от Новочеркасска большевистские силы, понес тяжкие потери в неравной борьбе, его с превеликими трудностями удалось оттянуть в деревню Мокрый Чалтырь.

Остановились мы в армянской избе. И тут, оставшись вдвоем со мной, полковник Дроздовский — этот сильный духом человек — опустил голову, и слезы потекли из его глаз…

…Слезы Дроздовского выражали силу той любви, которую он питал к своим соратникам, оплакивая смерть каждого из них. Но Ростовский бой, где мы потеряли до 100 человек, отразился на его психологии: он перестал быть суровым начальником и стал отцом-командиром в лучшем смысле этого слова.

Проявляя личное презрение к смерти, он жалел и берег своих

людей. И кончил, играя сам со смертью, тяжелым ранением, стоившим ему жизни…»

…Оторваться от германских войск, которые следовали за русским добровольческим отрядом то по пятам, то обгоняя его, идущего походным порядком, по железным дорогам, Дроздовскому так и не удалось. Пока на подступах к нему со стороны Новочеркасска разворачивались вышеописанные события — первое поражение белых «дроздов», немцы были уже в Ростове.

Ни белые, ни красные тягаться с ними на донской земле не стали. Было не по силам, да к тому же они и так увязли в кровавом противостоянии друг с другом. А кайзеровская Германия с австрийцами и турками в первой половине 1918 года пожинали обильные плоды сепаратного Брест-Литовского мира.

Германские военные созерцали со стороны гражданскую междоусобицу в России, которая росчерком пера деятелей новой в ней власти — Совнаркома — сама себя вычеркнула из списков государств — победителей в Первой мировой войне. И у немецкого армейского офицерства, просто нижних чинов сложилось личное отношение к тем русским, которые теперь обильно проливали свою кровь на родной земле. То есть в своем Отечестве.

Немецкие и австрийские войска на Дону не имели приказов свыше о поддержке ни белых, стоявших за Россию единую и неделимую, ни красных сепаратистов. Но все же свое отношение к ним они высказывали, как говорится, на «бытовом» уровне.

В мемуарах А. В. Туркула «Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918–20 гг.», литературно обработанных Иваном Лукашом, есть одна поразительная картинка тех апрельских событий. Автор воспоминаний пишет следующее:

«…В те мгновения боя, когда мы несли тяжелые потери, к Дроздовскому прискакали немецкие кавалеристы. Это были офицеры германского уланского полка, на рассвете подошедшего к Ростову. Германцы предложили свою помощь. Дроздовский поблагодарил их, но помощь принять отказался.

Мы стали отходить на армянское село Мокрый Чалтырь. На поле у дороги мы встретили германских улан. Все они были на буланых конях, в сером, и каски в серых чехлах, у всех желтые сапоги. Их полк стоял в колоннах. Ветер трепетал в уланских значках.

Когда мы с нашими ранеными проходили мимо, раздались короткие команды, слегка поволновались кони, перелязгнуло, сверкнуло оружие, и германский уланский полк отдал русским добровольцам воинскую честь. Тогда мы поняли, что война с Германией окончена…»

Поход Яссы — Дон показал следующую политическую окраску Белого движения, его военной части, на российском Юге. Сторонники государственно-монархических начал, к которым принадлежали Дроздовский и его добровольцы, были склонны в начале Гражданской войны опереться на Германию и получать от нее военную и материальную помощь. Прогерманские настроения в белых войсках присутствовали несомненно. Исключением были добровольцы генералов Корнилова, Алексеева и Деникина.

Но здесь следует сделать одну серьезную оговорку. Такие настроения присутствовали в Белом деле до поражения кайзеровской Германии в Первой мировой войне. И до изменения «лица» Германии, то есть до свержения в ней монархии.

Показателен в этом отношении такой факт. Полковнику Дроздовскому, который вел свой добровольческий отряд из Румынии на Дон, удалось наладить с германцами вполне джентльменские отношения. Или, говоря иначе, сам Михаил Гордеевич и его бойцы в офицерских и солдатских погонах сумели в конце 1917 года преодолеть «психологию продолжающейся войны».

— Монархическая Германия не может не подать руку помощи отстраненной от власти монархии России…

— Большевики России сродни таким же большевикам в Германии. Они наши общие враги…

— Все монархии в час исторического испытания должны подать руку друг другу…

Бойцы дроздовского отряда на всем походном пути могли не раз видеть то, как недоброжелательно относились германские и австрийские военные, прежде всего офицеры, к той анархии, которая витала на российском Юге. Более того, немцы с откровенной симпатией относились к целям борьбы, которую начинали «дрозды», не выражая вражды к русскому отряду, спешившему с почти развалившегося Румынского фронта на казачий Дон.

На Германию в начале Гражданской войны ориентировался атаман Войска Донского генерал П. Н. Краснов. Он действительно получил от немцев немалую материальную помощь, прежде всего боеприпасами, оружием и военным снаряжением, в своем большинстве из германских трофеев.

Прогермански были настроены армии монархического толка, существовавшие на Юге России параллельно с деникинской Добровольческой армией. Это были так называемая Астраханская армия генерала Павлова и полковника князя Дундукова и Южная армия. Последняя была создана организацией «Наша Родина» под руководством М. Е. Акацатова и герцога Г. Н. Лейхтенбергского.

Сильные прогерманские настроения были в белых силах Северо-Запада России.

Такое положение с прогерманскими настроениями в Белом деле, то есть в немалой части белых войск монархического миропонимания, в значительной степени объясняется следующим. С начала Гражданской войны в России Антанта повела в отношении своего недавнего союзника «двусмысленную» политику…

…После гибели полковника Войналовича в бою за ростовский вокзал ближайшим помощником и советчиком Дроздовского стал Жебрак-Русанович, новый командир Офицерского стрелкового полка, в который входило больше половины состава добровольческой бригады. Эти два разных по характеру волевых человека за время похода Яссы — Дон так притерлись друг к другу, сблизились, что теперь могли понимать мысли другого с полуслова.

К тому же бывший командир 2-го Морского полка Балтийской дивизии тоже был Михаилом. И монархистом по убеждению. Этим он чем-то роднился с Михаилом Гордеевичем, который еще долго переживал потерю Войналовича.

Красные не стали оспаривать боем у германцев Ростов, отойдя от него на Батайск и к Новочеркасску. Для белых Великая война закончилась, и подымать оружие на немцев они не имели «законного» основания. «Дрозды» в итоге всех событий оказались в верстах пятнадцати от Ростова, к северо-западу от освобожденного было ими города.

Дроздовская бригада, собравшись воедино у пригородного армянского селения, оказалась, как говорится, в подвешенном состоянии. О том Дроздовский и повел разговор с полковником Жебраком-Русановичем Начал Жебрак.

— Михаил Гордеевич, все роты полка стянуты к селу. Раненые в лазарете. Сторожевые посты выдвинуты в подкрепление конным разъездам.

— Хорошо, Михаил Антонович. Садитесь. Есть разговор. Знаете, что сегодня утром германцы вошли в Ростов?

— Знаю.

— Тогда мне хотелось бы вас спросить, вернее, посоветоваться, куда вести добровольцев дальше. Сегодня или в крайнем случае завтра утром?

— На соединение с корниловцами, с Добровольческой армией.

— Сегодня это сделать уже нельзя. Мост через Дон уже в руках немцев. Они прикрыли его батареей по всем правилам военной тактики.

— Тогда обойти Ростов севернее и найти переправу.

— Нельзя. Там красные. И их гораздо больше нас. Что еще?

— Тогда нам надо остаться на Нижнем Дону.

— Для чего, Михаил Антонович?

— Чтобы оказать боевое содействие восставшему казачеству, Михаил Гордеевич.

— Верное решение. Точно так же сказал бы Войналович. Светлая ему память наша.

— По последним сведениям, донцы сейчас бьются за Новочеркасск.

— Бьются, верно. Только что мне казачий разъезд от есаула Фролова доставил не самое приятное известие оттуда.

— Какое, Михаил Гордеевич?

— Казачьи отряды не смогли взять Новочеркасск, но в его пригородах еще держатся. Интересно, что красную революцию на Дону делал свой же казачий офицер — войсковой старшина Голубов.

— Тот, который расстрелял войскового атамана Назарова в Новочеркасске?

— Тот самый. Только по его приказу красные казаки отказались убивать своего атамана Это сделали за них красногвардейцы-шахтеры.

— Тогда надо поспешить к ним на помощь. Добровольцы хотят сражаться с большевиками, а не зализывать свою ростовскую рану.

— Туда мы и выступаем завтра на рассвете. Получил только что письмо от генерал-майора Попова Петра Харитоновича Он со своим отрядом вышел из Сальских степей и теперь сражается у Новочеркасска.

— Значит, Михаил Гордеевич, опять в бой?

— Да, за донскую казачью столицу Новочеркасск.

— Но в Ростов же мы вернемся?

— Обязательно вернемся. И скоро. Здесь же первая братская могила наших братьев по духу, скинтейских добровольцев.

— Приказ?

— Михаил Антонович, моим приказом поднять бригаду в поход. Конный дивизион со мной и броневик «Верный» — в авангарде.

— Арьергард составить мне?

— Да Офицерскую роту усильте пулеметным взводом Раненым, что на подводах, оставить оружие. На тот случай, если красная конница налетит по дороге.

— Генерал Попов ждет нас?

— Да, я уже отправил к нему есаула Фролова с письмом о

том, что мы выступаем от Ростова под Новочеркасск, к Каменному Броду…

…Оказавшись на территории Области Войска Донского, Дроздовский пусть и не сразу, но все же достаточно полно разобрался в здешней ситуации. Она была, скажем так, архисложная. Вернее, крайне запутанная, да еще с минимумом информации о происходящем на местах.

О том, что было на Нижнем Дону весной 1918 года, хорошо сказано у историка-белоэмигранта Андрея Андреевича Гордеева Бывший белоказачий офицер, автор труда в четырех частях «История казаков», написанного (или завершенного) во Франции, до последнего времени был почти неизвестен у себя в Отечестве. События марта и апреля того года он описывает так;

«…Развертывавшиеся на территории России события сопровождались на Дону частичными восстаниями казаков некоторых станиц, преимущественно прилегавших к Новочеркасску. Правители-большевики Новочеркасска, со своей стороны, решили принять меры, и в Новочеркасск был введен особый карательный отряд из Ростова.

Было принято решение установить беспощадный террор и беспощадно подавлять всякое сопротивление. 27 марта в Новочеркасске была снова объявлена регистрация офицеров, в ближайшие станицы посланы были вооруженные группы.

Одна из этих групп в составе пяти конных матросов появилась в станице Кривлянской, открыла стрельбу и стала требовать сдачи оружия. Казаки их обезоружили, избили и отправили в Новочеркасск. Появление матросов в станице встревожило казаков. На следующий день по звону колокола собрана была станица, и собравшимся было сообщено, что из одной из ближайших станиц, Заплавской, прибыл гонец с извещением, что в ней началась мобилизация казаков всех возрастов для похода на Новочеркасск.

В приговоре говорилось, что пришлые банды красных угрожают спокойствию станиц, посягают на собственность трудового казачества и крестьянства, забирают хлеб и скот.

Кривлянцы приступили к организации сотен отрядов и о решении своем послали извещение в несколько других станиц с просьбой присоединиться к ним. Из Заплавской и других станиц стали подходить мобилизованные отряды казаков. Был избран начальник, которым и было организовано наблюдение и выслана разведка в сторону Новочеркасска.

Большевики имели сведения о происходившем в станицах и на Кривлянскую станицу отправили вооруженный отряд с бронированным автомобилем, вооруженным пулеметами.

Автомобиль застрял в грязи, был брошен наступающими и захвачен казаками. Часть прислуги была уничтожена, часть взята в плен, что сильно озлобило красных, и они решили расправиться с мятежниками.

31 марта красные повели наступление на станицу с грузовиками, на которых были установлены батареи и пулеметы. По станице был открыт огонь из пушек. Все казаки бросились к оружию, и старики, женщины и дети вышли на защиту станицы. Красные были вооружены пушками, пулеметами и винтовками, на вооружении казаков было исключительно холодное оружие: шашки, пики, топоры и все, что имелось под руками.

Боевое счастье было на стороне казаков. В результате боя красные, под угрозой охвата флангов, бросились бежать, потеряв 74 человека убитыми, у казаков оказалось всего двое раненых. Под впечатлением восстания, поднятого казаками окружных станиц, и понесенного красными поражения в Новочеркасске поднялась тревога, и красные начали готовиться к бегству из Новочеркасска.

Казаки общими усилиями всех станиц решили занять Новочеркасск. В ночь на 1 апреля казаки заняли Новочеркасск, захватив 400 пленных, несколько пулеметов и вагоны с разным имуществом. Большевики бежали, президент казачьей республики Подтелков и начальник карательного отряда Антонов бежали в Ростов.

Но еще раньше восстание казаков началось в более отдаленных станицах. Первой поднялась станица Суворовская, и с присоединившимися к ней несколькими другими станицами была освобождена окружная станица Нижне-Чирская, в которой 19 марта был избран окружной атаман, большевики изгнаны и ликвидирован военно-революционный совет, в который входили представители местной интеллигенции…

От восставших направлялись гонцы с просьбой о помощи в отряд генерала Попова, который к тому времени отдельными отрядами разбросан был в Сальских зимовниках. Отряд „степняков“ генерала Попова в условиях начинающегося восстания казаков, на вооружении которых было только холодное оружие и незначительное количество сохранившихся винтовок, приобрел значение не только морального фактора, но и становился основной вооруженной, хорошо организованной воинской частью.

На собранном военном совещании было принято решение идти на помощь восставшим, и 8 апреля отряды прибыли в станицу Константиновскую. Генерал Попов был избран походным атаманом всех восставших войск, и началась организация

разрозненных станичных отрядов в правильные войсковые объединения.

Угроза большевиков была со всех сторон, и поэтому вооруженные части казаков были разделены на несколько отрядов и заняли позиции в разных направлениях. Занятый Новочеркасск из-за плохо организованной обороны 5 апреля снова был занят большевиками.

Казаки отошли в сторону станицы Заплавской. Там под начальством полковника Денисова, под председательством которого было образовано и Временное донское правительство, собралось до 6 с половиной тысяч бойцов при шести орудиях и 30 пулеметах.

Штаб к началу апреля перешел в станицу Раздорную. Здесь произошла встреча генерала Попова с полковником Денисовым и приняты были решения об управлении восставшей частью Дона. Возглавляющим восставших казаков был признан генерал Попов, и намечен был план созыва членов Круга спасения Дона.

Новочеркасск занимался все же красными, и с севера сильную угрозу составляла Александро-Грушевская группа, где Ворошиловым формировалась Красная армия из разбитых германскими войсками беглецов, шахтеров и добровольцев из местного населения.

Перед командованием восставших казаков встал вопрос выбора направления главного удара. Заплавская группа предлагала первые усилия направить на занятие Новочеркасска, а штаб походного атамана ставил первой задачей очистку Александро-Грушевского района, дабы не ставить Новочеркасск под угрозу напора с этой стороны и со стороны Ростова.

Александро-Грушевская армия красных выступила в сторону Харькова против наступающих германцев, была снова разбита, германцы заняли Бахмут и 11 апреля находились в 60 км от границ Донской области. Германская армия по договору с советской властью, заняв Украину, решила обеспечить свои фланги и двинула войска для занятия Крыма и на северо-восток с целью захвата центральных железнодорожных узлов: Воронежа, Миллерово, Ростова.

Красные части были поставлены под давление с двух сторон: наступавшей с запада германской армии и восставших станиц казаков — и всеми средствами старались обеспечить себе свободное движение на восток. Особенно тревожное положение создавалось для красных, сгруппировавшихся в Ростове и занимавших Новочеркасск.

17 апреля сильные части красных повели наступление на Заплавскую группу казаков. Казаки разбили красных и захватили

восемь орудий, пять тысяч снарядов и двести тысяч патронов, что в условиях отсутствия средств вооружения имело важное значение.

После успешного отражения красных 17 апреля со стороны Заплавской группы казаков было принято решение атаковать Новочеркасск.

23 апреля казаки, перейдя в наступление со стороны Заплавской станицы, снова заняли Новочеркасск. Однако требовались большие усилия для его удержания. Красные под давлением германцев, отступая перед ними, вели сильный напор, и казачьи части через день принуждены были отступить на окраины Новочеркасска, в сторону его предместья — Хатунка.

Но в этот критический момент помощь казакам пришла со стороны, откуда ее никто не мог ожидать, — от совершенно посторонних случайных сил, оказавшихся в этом районе. Случайность эта была связана с наступлением германцев.

Казаками на второй день после занятия Новочеркасска был послан разъезд в сторону Ростова, подходя к которому он встретил входившие с другой стороны германские части. Через день на Новочеркасск хлынули бегущие перед германцами советские войска, старавшиеся пробиться на юг. Под напором бегущих красных казаки стали отходить на окраину Новочеркасска, но в это время…»

Полковник Денисов разместил свой штаб на окраине Хатунки, заняв под него небольшое кирпичное здание местной церковно-приходской школы. Он в бинокль рассматривал картину боя, который шел впереди от него менее чем в полверсты. С передовой то и дело прибывали посыльные. Их донесения порадовать не могли.

— Кривлянский атаман просит поддержки. Людей не надо, нужны патроны. Они в станичных сотнях на исходе.

— Передай атаману, что дам только по десятку на винтовку. Пусть бережет их. И держится…

— Есаул Парамонов докладывает: противника остановил, но матросский отряд захватил крайние дома хутора.

— Отбейте их назад…

— Сотник Мельников разведал, что красные опять кучковаться начали вон в той балке у дороги. Готовят, говорит, новую атаку на Хатунку.

— Молодец, сотник! Сейчас прикажу из трехдюймовки послать туда полдюжины снарядов…

— Сотни кривлянцев отходят к Хатунке.

— Вижу. Скачи к атаману, пусть его казаки занимают позицию вон на той крайней улочке. Видишь?

— Вижу.

— Тогда скачи к кривлянцам…

Батареи красных, стоявших в Новочеркасске, на его высотах, осыпали Хатунку снарядами, которых не жалели. То там, то здесь вспыхивали пожары: загорались дома, сараи, скотные дворы, дворовые постройки… Жители с криками пытались потушить то, что спасти было уже невозможно.

Денисов войну видел и знал. Он сам был артиллеристом, окончившим Михайловское артиллерийское училище и начинавшим офицерскую службу в одной из донских казачьих батарей. Великую войну закончил командиром 11-го донского казачьего полка. Понимая настрой артиллерии противника, сказал своим адъютантам:

— Если они до вечера не сожгут снарядами Хатунку дотла, то мы эту ночь ее удержим. От Новочеркасска не уйдем.

— А завтра, Святослав Варламович?

— Завтра мы, если и дальше так пойдет дело, к обеду расстреляем последние запасы наших патронов. Слышите — пулеметы бьют только с их стороны.

— Но генерал Попов должен же подать помощь нам в Хатунке?

— Должен, не должен. Он сам четвертый день не выходит из боя со своими «степняками».

— Однако помощь, как сказано в донесении, нам сюда уже послана.

— Верно, послана. Только сотни станицы Багаевской сами-то имеют патронов с гулькин нос… Смотрите, что там по дороге от Ростова?

— Мотоциклист, Святослав Варламович. Как несется. И прямо в Хатунку, на нас.

— Скачи один к заставе. Разузнай, в чем дело, кто он и откуда…

Через полчаса запыленный с головы до ног мотоциклист, с наганом в кобуре и в погонах подпоручика, предстал перед полковником Денисовым, представился:

— Подпоручик Варламов.

— Кто вы?

— Мотоциклист команды разведчиков 1-й русской добровольческой бригады полковника Дроздовского.

— Откуда вы взялись здесь? Мы о вас ничего не знаем.

— Пришли походом с Румынского фронта. Из Ясс Взяли ночью Ростов и потеряли его. Там немцы.

— Вас прислал ко мне полковник Дроздовский?

— Точно так. Он приказал мне доставить пакет старшему

командиру казачьих частей, которые ведут бой в Новочеркасске.

— Значит, мне, я — полковник Денисов. Давайте пакет, подпоручик.

Содержание короткой записки, наброшенной карандашом на блокнотном листке, было следующее:

«Я с отрядом подхожу к Каменному Броду. Отдаю себя и мой отряд в Ваше распоряжение и, если обстановка требует, могу выслать немедленно две горные батареи с конным прикрытием Задачу артиллерии и проводника высылайте.

Полковник *Дроздовский».*

Денисов, пробежав еще раз глазами записку, не мог скрыть своих чувств: в часы, когда восставшие казаки из последних сил держались на окраине Новочеркасска, к ним подошла незваная помощь. Да еще какая! Две горные батареи. Спросил посланца:

— Но нам нужны еще и патроны. Слышишь, подпоручик, как с нашей стороны утихает огневой бой?

— Слышу. Сам командовал пехотной ротой в Буковинских горах. Запасы патронов у нас есть.

— А снаряды?

— Зарядные ящики в батареях полны. Есть и возимый запас.

— Отлично. Бензина на обратный путь хватит?

— Хватит, господин полковник.

— Тогда лети к своему Дроздовскому и скажи, что мы за горящую Хатунку до его подхода будем держаться зубами. Но пусть поспешит на помощь, как сможет…

Казачий полковник не знал, что Дроздовский уже выслал вперед походной колонны конно-горную и легкую батареи под прикрытием конного дивизиона и казачьей сотни. Им был дан приказ:

— Спешите. В бой вступать с ходу. Все приказы на бой получите от казачьего начальника в Новочеркасске.

Такой же приказ получил и экипаж бронеавтомобиля «Верный» капитана Нилова. Он тоже посылался к Новочеркасску с конно-артиллерийским авангардом. Бригадный командир напутствовал командира броневика:

— Нилов, скажи своему шоферу Хорату, чтобы шел на пределе. Дорога сухая. Очень надеюсь на вас в Новочеркасске, капитан.

— Михаил Гордеевич, «Верный» вас не подведет. Не впервой бой вести с колес Запас лент у пулеметов достаточен.

— Тогда катите за батареями.

— Мы их, Михаил Гордеевич, обязательно обгоним на полпути…

…Когда батареи дроздовцев и их броневик подоспели к

Новочеркасску, восставшие донцы держались уже из последних сил, расстреливая свои последние патроны. Со стороны атаковавших красных цепей уже то там, то здесь раздавались крики:

— Эй вы! Беспатронники! Сдавайтесь, пока не поздно…

Появление на поле боя у Хатунки четырехпулеметного броневика белых произвело на наступавших действие поразительное. «Верный» не стал задерживаться у денисовского штаба. Капитан Нилов, открыв броневую дверцу, только крикнул подбежавшему казачьему полковнику:

— Где у вас прорыв красных?

— Вот там.

— Задачу понял.

Огонь четырех «максимов» с близкой дистанции разорвал ряды красноармейцев, которые несколькими цепями залегли на окраине Хатунки, чтобы в последнем броске взять ее и выбить в поле казаков-повстанцев. Броневик врезался в ряды противника, расстреливая их в упор.

Когда прицельно ударили, тоже с короткой дистанции, орудия двух батарей, наступавшие стали поспешно отходить. Артиллеристам-дроздовцам приходилось постоянно менять прицел. Снарядов в тот день они имели достаточно, и экономить их не приходилось. Огонь же велся с открытых позиций, прицельно.

Когда же в контратаку из-за Хатунки устремились два кавалерийских эскадрона, поддержанные несколькими конными сотнями донцов, отход смешавшихся красных отрядов превратился в отчаянное бегство. Поднялись из своих укрытий и пешие казачьи сотни.

Почти одновременно с другой стороны атаку провел донской отряд полковника Семилетова, подошедший к Новочеркасску со стороны Александра-Грушевска Он прибыл по призыву походного атамана генерал-майора Попова; тот старался стянуть под Новочеркасск любые отряды белых донцов: их партизанские отряды, пешие и конные сотни ополчений станиц и округов, офицерские дружины.

Семилетов Эммануил Федорович, георгиевский кавалер Великой войны из 15-го Донского казачьего полка, командовал Северной группой белоказачьих войск, был создателем партизанского отряда из станичной молодежи, надежным соратником атамана Каледина и героя белого Дона есаула Чернецова. Атака города семилетовцами и здесь имела полный успех.

Новочеркасск был отбит первой же атакой белых со стороны

Хатунки. Случилось это на третий день Пасхи, 25 апреля 1918 года Столица Превеликого Войска Донского встретила своих освободителей колокольным звоном храмов и… видом улиц, заваленных сломанными и опрокинутыми повозками со всяким войсковым добром, брошенным на бегу оружием и амуницией, телами убитых и тяжелораненых людей, лошадей…

Потери сторон в схватке за Новочеркасск оказались огромны. Но в итоге красные войска, дезорганизованные и многое потерявшие, оказались отброшенными так далеко, что городу угрожать они уже не могли. К тому же восстание казаков охватило уже большую часть Области Войска Донского и продолжало шириться. Выступление местного казачества против Советской власти стало известно в истории как Общедонское восстание.

…В Москве узнали о взятии Ростова сперва дроздовцами, затем немцами, а Новочеркасска — белыми только 7 мая. В сводке оперативного отдела Московского областного военкомата о военном положении на Дону, Кубани и в районе Царицына говорилось следующее:

«Ростов-на-Дону взят немцами в 6 часов 6 мая. Гайдамаки при взятии города не замечены. Со стороны немцев участвовали небольшие силы, но хорошо дисциплинированные, очевидно, ударники. С нашей стороны участвовало много войск, много начальников, но лица, командующего всеми войсками, не было.

Таганрог, прежде чем пасть, упорно три дня защищался своими силами, но ввиду того, что там не было опытного руководителя, Таганрог был сдан. О взятии Новочеркасска официальных сообщений нет, но есть сообщения, что часть Новочеркасского гарнизона пробивается на север.

Положение очень серьезное, тем более что контрреволюционные банды, оставшиеся после Корнилова и Алексеева, поднимают голову и, безусловно, в случае продвижения и успеха немцев приступят к решительным и совместным действиям с ними.

В Царицын после падения Ростова прибывают отдельные как разбитые, так и деморализованные вооруженные части, которые в Царицыне штабом обороны разоружаются. Таких войск идет на Царицын около 200 эшелонов. Постоянных войск в городе около 3–4 тысяч.

Эвакуированное правительство Донской республики объявило мобилизацию в Донской области и решило дать отпор вторжению немцев и контрреволюционеров. Мобилизация проходит очень успешно, казаки единодушно отозвались на призыв правительства.

…Неприятель устремляется к захвату Кубанской области…»

…Основные силы 1-й бригады русских добровольцев вступили в Новочеркасск уже тогда, когда в его дальних окрестностях утихли последние выстрелы. У войскового собора, построенного на отбитое в 1812 году казаками атамана Матвея Ивановича Платова у французов серебро, Дроздовского встретил полковник Денисов и множество собравшихся здесь горожан.

Белые военачальники представились друг другу.

— Полковник Денисов.

— Полковник Дроздовский.

— Позвольте выразить вашим добровольцам признательность от войска за такую поддержку.

— А вам за то, что донцы остались верны казачьему долгу.

— Новочеркасск приветствует ваших добровольцев.

— Благодарю. Мои бойцы рады оказаться с боя в колыбели Добровольческой армии, в казачьей столице Дона.

— Прошу вас встать здесь на отдых. Мои помощники сделают все нужные распоряжения…

В истории Белого движения и Гражданской войны принято считать весенний день 25 апреля 1918 года, день взятия белыми Новочеркасска, датой окончания похода дроздовцев Яссы — Дон. Новочеркасск же был столицей Области Войска Донского, чему благодарное донское казачество было обязано самому прославленному своему атаману Матвею Платову.

Сами дроздовцы, которые не сложили голову в огне боев Гражданской войны и оказались в изгнании, вспоминали тот день в своих мемуарах неизменно с большим восторгом. Он даже не умалялся тем, что описывался спустя многие и многие годы. Так, генерал-майор Туркул назвал в своей книге Дон «землей обетованной». Он писал:

«Мы вошли в Новочеркасск…

С офицерской ротой я уже колесил по улицам. Это была военная хитрость донского командования. Нас было мало, но мы должны были проходить так, чтобы наше появление в различных местах города могло создать впечатление, будто бы нас много.

Последний двенадцатичасовой переход всех измотал. Серые от пыли, с лицами, залитыми потом, мы медленно, но стройно проходили по улицам. Светлое неистовство творилось кругом. Это было истинное опьянение, радость освобождения. Все это незабвенно. Мы как бы сбросили со всех темное удушье, самую смерть, все снова увидели, что живы, свободны, что светит солнце. Наши ряды не раз расстраивались. Женщины, старики обнимали нас, счастливо рыдали.

Наш капитан с щегольством командовал ротой, сверкали

триста двадцать штыков, и, как говорится, дрожала земля от крепкого шага.

— Христос воскресе! Христос воскресе! — обдавала нас толпа теплым гулом.

— Воистину воскресе! — отвечали мы дружно.

Надо сказать, что особенно строго берегли мы винтовки: они горели от блеска, всегда были тщательно смазаны. Магазинную часть, затвор мы хранили как хрупкое сокровище. На походе нам разрешалось обматывать магазинную коробку суконками и тряпьем, затвор своей винтовки я, например, обматывал, должен признаться, холщовой штаниной от солдатских исподников.

Не с тряпьем же на винтовках входить в Новочеркасск — командир роты приказал наши фантастические чехлы снять, я сунул свою солдатскую штанину в карман.

Так мы колесили в тот день по улицам…»

Полковник Денисов распорядился отвести на постой «дроздам» из Офицерского стрелкового полка пустующие этажи Института благородных девиц. В нем обучались дети-сироты. Начальницей института была мать двух офицеров: один был убит на фронте, второй, награжденный за храбрость Георгиевским оружием, пропал в бою без вести.

Дроздовский предупредил полкового командира:

— Михаил Антонович, чтобы ни одного пятна, которое могло бы лечь на мундир ваших офицеров и стрелков.

— Михаил Кузьмич, я верю в личную порядочность наших бойцов…

Все же полковник Жебрак-Русанович позвал к себе ротных командиров и, пощипывая ус, окинул всех «светлыми глазами». Сказал без излишней строгости:

— Господа, мы все бывалые солдаты. Но стоянка в девичьем институте на мой, по крайней мере, век выпадает впервые. Впрочем, каждый из вас, без сомнения, отлично знает обязанности офицера и джентльмена, которому оказано гостеприимство сиротами-хозяйками.

Помолчав, командир полка добавил к сказанному:

— Мы здесь в гостях. Всем освежиться после марш-броска. В институтскую столовую только строем. Обедаем в три смены. Не шуметь. Шуткам знать меру. Чувствовать себя кадетами или студентами…

В столовой обед для добровольцев каждый раз начинался с негромкого командирского голоса:

— Стой, на молитву!

И «дрозды» всей грудью пропевали молитву. И только после этого садились за столы. И институтки, сироты в белоснежных

пелеринах, начинали разносить по столам щи и кашу…

Дроздовская бригада простояла в Новочеркасске три недели. Но это был относительный отдых: на границах Области Войска Донского не утихали бои. По договоренности с войсковым командованием белые добровольцы отдельными ротами, орудийными расчетами, эскадронами участвовали в изгнании остатков красных войск с донской земли. После каждой такой командировки посланные в бой возвращались в бригаду.

Одновременно бригада пополнялась людьми. Местных добровольцев и тех, кто прибывал из недалеких Ростова и Таганрога, других мест, было столь много, что, скажем, Офицерский стрелковый полк, состоявший всего из трех рот, был развернут в полк трехбатальонного состава. И это всего лишь за десяток дней.

Каждый из стрелковых батальонов насчитывал по восемьсот с лишним штыков. Рядовыми в них были и бывшие фронтовые командиры полкового уровня, «перераненные» офицеры с Георгиевскими крестами на груди. На командные посты назначались «первопоходники»: такое решение было принято Дроздовским.

— Я должен быть уверен не только в комбате и ротном, но даже во взводном командире. Я должен знать их всех лично…

Конный дивизион ротмистра Гаевского тоже пополнялся волонтерами из числа офицеров всех родов оружия, юнкерами и казаками. 29 апреля дивизион переименовывается в Конный полк. В конце августа 1918 года, в ходе 2-го Кубанского похода, Конный полк «дроздов» будет насчитывать в своих рядах девять эскадронов.

С октября 1919 года этот полк получил именное шефство и стал называться 2-м Офицерским конным генерала Дроздовского полком. По своей боеспособности и организованности он считался одним из лучших в кавалерии деникинской Добровольческой армии, а затем во врангелевской Русской армии.

Служивший в нем кубанский казак старший урядник Калистрат Моренко из станицы Сергиевской написал стихотворение, посвященное 2-му конному полку и названное им «Боевик»:

«Кто, братцы, героев знает,
Тот пускай газеты почитает,
И ему на первой странице знать придется,
Кто храбрее всех с врагом бьется.
Кто к отступлению дороги не знает,

А впереди гордой поступью выступает
И попавшего на пути врага с земли сметает.
И хочу я вам, братцы, сказать,
Что перед 2-м Конным полком голову надо обнажать,
Чтоб ему земной поклон отдать.
Это те борцы боевые,
Которых слава гремит в лета былые,
Кровью своею землю поливают
И в свой венок лавры вплетают.
Другой год они бьются с врагами,
С фронта на фронт их перекидали
И до сих пор им отдыха не дали…
На каком фронте появится 2-й Конный полк,
То враг ту часть берет в толк,
Знает, что немудрено попасть в плен, туда страшно.
И как сабли заблестят,
То враг спешит сапоги снять,
Чтобы головы не загубить,
Когда конница в атаку летит…»

…Отдых в Новочеркасске изменил лицо 1-й русской добровольческой бригады: она утроила свои ряды. Пополнение шло за счет офицерства, учащейся молодежи — юнкеров, гимназистов старших классов, студентов, солдатской фронтовой интеллигенции — унтер-офицеров, прочих волонтеров. Но все они были добровольцами Белою дела…

По договоренности с войсковым командованием донских казаков в бригаду не записывали: они пополняли свои полки и отдельные сотни, конно-артиллерийские батареи. Шло ускоренное формирование белой Донской армии.

Уже за первые две недели численность бригады Дроздовского перевалила за три тысячи человек. Находилось для новых бойцов и оружие, и боеприпасы, и обмундирование, и прочее войсковое имущество. Добровольцы писали в мемуарах:

«Отряд энергично создавал и совершенствовал… так называемую тыловую базу…

Большинство этого имущества было, между прочим, выкрадено из различных складов, захваченных немцами в Ростове и ими охраняемых».

Впрочем, такое чем-то удивительным назвать для «дроздов» было нельзя. Они имели богатейший опыт снабжения формирующейся бригады в Яссах, на базе Румынского фронта. Только тогда «снабженцами» были союзники-румыны, а сейчас

бывший неприятель — германцы.

Три недели отдыха в Новочеркасске дроздовцы назовут «счастливыми днями» в их войне, когда они отважно «ловили счастливые мгновения». Молодость брала свое. За это время более пятидесяти офицеров сыграли свадьбы, чему командование бригады не противилось. Потом добровольцы будут шутя говорить:

— Мы в мае восемнадцатого породнились со всем Новочеркасском… — А после этих слов, уже без шуток, добавляли: — В том же мае восемнадцатого мы подарили Новочеркасску почти полсотни юных вдов…

Каждый день шло обучение добровольцев. В Офицерском полку Жебрак-Русанович поддерживал железную дисциплину «юнкерского училища или учебной команды». Все воинское он, как и Дроздовский, стремился довести до совершенства.

В учебных классах Института благородных девиц шли занятия по пехотной тактике, изучались уставы русской армии. Полковой командир сам экзаменовал белых добровольцев:

— Господин поручик, обязанности рядового в рассыпном строю?..

Во время отдыха в Новочеркасске добровольцы стали свидетелями выбора донским атаманом генерала от кавалерии Петра Николаевича Краснова, вне всякого сомнения, талантливого казачьего писателя. К слову сказать, самого плодовитого в писательской среде Белой эмиграции.

Выборы состоялись в самый разгар Общедонского восстания. Круг спасения Дона принял такое решение 3 мая 1918 года. По такому случаю на Кадетской площади города Новочеркасска состоялся военный парад, в котором наряду с донскими казаками приняли участие и добровольцы полковника Дроздовского.

Тот военный парад оказался запечатленным в белых мемуарах как далеко не рядовое событие Гражданской войны:

«…Наш отряд построился на правом фланге.

Точно еще стояла пасхальная неделя, так как все было празднично на параде. Командующий Донской армией генерал Денисов подскакал к нам. По лицу донского генерала мы видим, что он не знает, здороваться или нет: а вдруг господа офицеры не ответят. Ведь по уставу офицеры из строя не обязаны отвечать на приветствие.

— Здравствуйте, господа, — нерешительно сказал он.

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — с подчеркнутой юнкерской лихостью как один ответили мы.

Генерал ободрился, повеселел. Он поскакал к атаману Краснову, который уже показался в конце площади верхом на

рослом коне. Краснов направил коня к нашему флангу, держа руку под козырек. Оркестр заиграл „встречу“.

Генерал Денисов подскакал к атаману и, наклонившись с коня, сказал довольно громко:

— Они здороваются, ваше превосходительство.

Тогда генерал Краснов, все еще держа руку под козырек, сказал нам приветливо:

— Здравия желаю, господа офицеры.

Мы снова загремели в ответ.

Отряд был пропущен церемониальным маршем…»

Полковник Дроздовский на том параде находился в свите донского войскового атамана. Дисциплина, организация добровольческой бригады произвела на Краснова такое сильное впечатление, что он не сдержал и сказал Дроздовскому похвальное слово:

— Михаил Гордеевич, у вас идеальная воинская часть. Ее слаженность удивительна. А выправка — просто слов нет. А сколько в ротах Георгиевских кавалеров!

— Благодарю, Петр Николаевич, за доброе слово. В моей бригаде воины-добровольцы. Такие же, как и ваши донцы…

…Война брала свое: дроздовцы рвались в бой, желая сражаться за Белое дело. Три недели для их командиров же пролетели как один день. Когда полковник прибыл с прощальным визитом к войсковому атаману, у него с генералом от кавалерии Красновым в присутствии командующего Донской казачьей армией новоиспеченного генерал-майора Денисова состоялся долгий и непростой разговор:

— Петр Николаевич, добровольческая бригада готова покинуть Новочеркасск. Мне очень хотелось бы выразить вам от своих бойцов признательность за гостеприимство и радушие хозяев.

— О чем речь, Михаил Гордеевич. Ваши бойцы своими штыками брали Новочеркасск. Долг платежом красен. Да и полюбились на донской земле белые «дрозды», чего скрывать не стану.

— Тогда еще раз приношу вам нашу признательность.

— Михаил Гордеевич, у меня к вам есть предложение, которое с генералом Денисовым мы обсудили еще вчера.

— Какое же, ваше превосходительство?

— Мы хотели бы предложить вашей бригаде остаться на Дону, в составе Донской казачьей армии.

— В качестве кого?

— Быть Донской пешей гвардией. Войско готово взять вас на полное обеспечение.

— Но мы же добровольцы корниловского духа, Петр Николаевич.

— Это я знаю и понимаю. Но войдите в мое положение. У донского казачьего войска сегодня нет подлинно регулярных армейских войск — пехоты и полевой артиллерии.

— А пешие сотни станиц, которые сводятся в пешие полки?

— Их надо еще обучить воевать в пехотном строю, Михаил Гордеевич. Донской казак с давних пор был конным воином Прежде всего всадником, владеющим лучше всего пикой и саблей, а потом уж ружьем.

— Но войско же выставляло в Великую войну пешую казачью бригаду в шесть батальонов.

— Выставляло. Но с Кавказского фронта казачьих пехотинцев вернулось немного. А у нас сегодня пеших казаков-ополченцев из станиц и хуторов многие тысячи. Вот в чем беда.

— Беду с казачьей пехотой, Петр Николаевич, можно поправить.

— Каким образом, Михаил Гордеевич?

— Я своих добровольцев обучал пехотному делу и тактике во время похода с Румынского фронта с первых дней. Вы же знаете, что в бригаде, в стрелках, набиралась не одна сотня офицеров и нижних чинов из артиллерии, кавалеристов, инженеров. Есть даже воздухоплаватели.

— Дело в том, что ваши добровольцы в большинстве офицеры. За их спиной стоят годы обучения в кадетских корпусах и военных училищах. Казак же в станицах обучался прежде всего искусству конного бойца.

— Понимаю вас. Но война сегодняшняя — жестокая война. Она заставит переучиться любого, кто взялся за винтовку. Особенно тех, кто сражается за правое дело по своей доброй воле.

— Может быть, сегодня вы и правы, Михаил Гордеевич.

— Как тут, Петр Николаевич, не быть правым. Мы же на войне.

— Ясно. А я с генералом Денисовым надеялся, что у нас с гвардейской конной бригадой — мы свели в ней атаманцев и лейб-донцов — появится еще бригада пешей гвардии.

— Не могу. Я уже отдал приказ выступать на соединение с Добровольческой армией. Она в степи за Ростовом.

— Вы, Михаил Гордеевич, как я знаю, огорчены тем, что донское командование пошло на сотрудничество с германцами?

— Да, это правда. Я же убежденный монархист.

— И мы с Денисовым год с небольшим назад сражались за Российскую империю. Но Февраль семнадцатого все перевернул…

— Не стоит об этом. Сегодня же мы сражаемся за

возрождение нашего Отечества.

— Сражаемся. Но для того, чтобы сражаться, Донской армии нужны винтовки и пушки, патроны и снаряды. Взять нам все это неоткуда. У нас нет на Дону ни Сестрорецкого ружейного завода, ни Петроградского патронного завода. Все это нам готовы дать немцы. И дают.

— Я об этом осведомлен, Петр Николаевич.

— Но вы должны знать и то, что часть полученного мы отдаем генералу Деникину, его Добровольческой армии. Ей тоже вооружаться и оснащаться откуда-то надо.

— Но Добровольческая армия взяла на Кубани богатые трофеи?

— На военных трофеях, Михаил Гордеевич, ни одна армия долго прожить не сможет. А на Северном Кавказе от Кавказского фронта содержались, знаете ли, не самые богатые тыловые запасы.

— Понимаю, Кавказский фронт силой в одну армию был не чета моему Румынскому.

— Вот то-то. А немцы, ко всему прочему, против большевиков настроены твердо.

— Тоже знаю. За поход тому не раз был свидетелем.

— Значит, все же уходите с Дона?

— Уходим, ваше превосходительство. Мы же шли на казачий Дон из Ясс для того, чтобы соединиться с Добровольческой армией. Теперь мы у цели. Еще раз нижайший поклон за гостеприимство…

Туркул, принявший в дни отдыха командование Офицерской стрелковой ротой, в своих мемуарах о дне ухода дроздовцев из Новочеркасска скажет совсем немногословно: «Плавно запел егерский марш. Короткие команды. Мы пошли, твердо, с ожесточением отбивая ногу. Скрежетало оружие, звякали котелки. А мимо нас, как бы качаясь, уходила толпа, широкий песчаный проспект, низкие дома, длинные утренние тени, тянувшиеся поперек улицы. Уходил наш последний мирный дом, земля обетованная, наша юность, утренняя заря…»

Белый генерал Туркул в последних строках сказал простую истину из прозы Гражданской войны на российском Юге: после новочеркасского отдыха белые «дрозды» до самых последних дней своего исхода из Отечества — эвакуации из Крыма не будут выходить из тяжелых и кровавых боев. «Первопоходников» в них уцелеет немного.

Столица Превеликого Войска Донского станет для белых добровольцев Дроздовского действительно «нашим последним мирным домом».

Добровольческая бригада в три с лишним тысячи человек уходила от донских берегов в зеленеющую степь привычным походным порядком Впереди кавалерийские эскадроны, всеобщий любимец бронеавтомобиль «Верный». Затем — стрелковые батальоны (уже не роты), отрядная артиллерия, обозы. И наконец, пехотное прикрытие с пулеметной командой, которому доставалось больше всего пыли.

Впереди колонны ехал молчаливый полковник Дроздовский. Поблескивало привычное для «дроздов» пенсне, а обносившийся мундир защитного цвета украшала в петлице все та же порыжевшая на солнце приметная Георгиевская ленточка.

О чем он думал? Трудно сказать. Но только не о том, что жить ему на этой войне осталось немногим более семи месяцев. И что суждено ему будет умереть на донской земле…

…Дроздовцы держали путь на степную станицу Мечетинскую, в которой и соседней станице Егорлыкской сосредоточились после Ледяного похода перед 2-м Кубанским походом главные силы Добровольческой армии. Там же находился и ее штаб.

Перед выходом из Новочеркасска на соединение с армией Деникина у Дроздовского состоялся неожиданный, неприятный разговор с командиром Офицерского стрелкового полка Жебраком-Русановичем. Впрочем, он не изменил их доверительного отношения друг к другу. Скорее всего, они стали еще ближе. Дело обстояло так.

— Михаил Гордеевич, мне бы хотелось доверительно переговорить с вами. Меня об этом просят офицеры моего полка.

— Михаил Антонович, я для вас всегда открыт. О чем пойдет речь?

— Среди добровольцев появился слух, что вы высказали где-то нежелание соединиться с генералом Деникиным. Правда ли это?

— Жебрак, я не мог такого сказать. Еще в Скинтее я сказал офицерам, что наша цель одна — дойти до Дона и соединиться с Добровольческой армией. Только сегодня ею командует не Лавр Георгиевич Корнилов, а генерал Деникин. Вот и все.

— Но атаман Краснов настаивал на том, чтобы бригада осталась у него.

— Да, предлагал. И я из этого секрета перед вами не сделал. Ну и что из этого?

— Генерал Краснов у наших добровольцев не в почете, Михаил Гордеевич. Знаете об этом?

— Конечно, знаю. Краснов — германофил. Он белый, но не нашего с вами духа, Михаил Антонович. Он больше за державный, автономный Дон, чем за восстановление династии

Романовых.

— Значит, бригада идет на соединение в Мечетинскую?

— Идет. Мной уже подписан приказ на выступление в поход.

— Прекрасно. А то у меня многие офицеры от трехнедельного отдыха уже издергались.

— Михаил Антонович, у меня к вам будет личная просьба. На полном доверии к вам. Не как к подчиненному.

— Какая, Михаил Гордеевич? Исполню любую.

— От моего имени скажите пославшим вас ко мне офицерам, что слух этот действительности не соответствует…

…В архивах сохранились документы, в которых обосновывается жизненная необходимость для белых соединения Дроздовской бригады с Добровольческой армией. Содержание их достаточно однозначно, как, к примеру, эта выдержка: «… Обстановка у Добровольческой армии требовала подкрепления ее силы и дать возможность некоторого отдыха измученным, обескровленным жестокими боями славным частям, легендарным героям, участникам 1[-го] Кубанского похода».

Все это логически верно и в отношении самого Дроздовского. Не случайно же он в рапорте на имя генерал-лейтенанта А. И. Деникина, командующего Добровольческой армией, подчеркивал следующее:

«Считая преступным разъединить силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного самолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию…»

Антон Иванович Деникин после ознакомления с этим докладом найдет место и время, чтобы сказать полковнику-генштабисту простые слова:

— Я, Михаил Гордеевич, верю вам как самому себе. Только берегите себя для пользы нашего общего дела.

Дроздовский ответил человеку, о котором был наслышан как об одном из лучших генералов Юго-Восточного фронта, вместе с Корниловым прославившим себя в боях за перевалы в Карпатских горах, командуя 4-й стрелковой Железной дивизией:

— Разве можно себя беречь в войне, когда решается судьба нашей России, Антон Иванович?

— Надо поберечься. Ведь вы у нас не просто военачальник белых добровольцев, а вождь «первопоходников».

— Вождь? Наверное, это громко сказано.

— Не думаю, Михаил Гордеевич. Вожди старой закалки у нас остались сейчас только военные. И вы один из них…

Под «комбинацией», о которой говорилось в рапорте

Дроздовского, разумеется, понималось предложение донского атамана Краснова. А он был известным германофилом и после Гражданской войны. Не случайно у командования Добровольческой армии, а потом и Вооруженных сил Юга России с Красновым сложатся непростые отношения, и ему в феврале 1919 года из-за противоречий с Деникиным придется уйти в отставку…

Соединение состоялось в конце мая. Дроздовцев, как казалось со стороны, вышла встречать едва ли не вся Добровольческая армия. На этот раз для «дроздов» пеший переход «был мал»: они воспользовались железнодорожными эшелонами. В станицу Мечетинскую главные силы бригады вступили в безветренное утро.

«Дроздов» встречал лично генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев, бывший, как и павший Корнилов, Верховный главнокомандующий России в мировой войне. И бывший еще долгое время начальником штаба Ставки у другого Верховного — полковника Николая Романова. Теперь он был Верховным руководителем Добровольческой армии, отвечавшим за гражданское управление, финансы, внешние сношения.

Алексеев стоял с непокрытой головой. Рядом находились генерал Деникин и полковник Дроздовский. Мимо них церемониальным маршем проходили запыленные, рота за ротой, «дрозды». Они старались держаться подчеркнуто стройно и бодро, чтобы «показать себя» корниловским добровольцам — «первопоходцам», которые только-только вышли из жестоких боев 1-го Кубанского — Ледяного — похода. Для них они были героями Белого дела.

Алексеев не смог при виде первой Офицерской стрелковой роты, проходившей мимо него с отданием чести, сдержаться и сказал Деникину так, чтобы тот его слова слышал:

— Антон Иванович! Вот она, возрождающаяся русская армия героев Плевны и Севастополя…

Один из белых мемуаристов так описывал картину той церемонии вхождения «дроздов» в станицу Мечетинскую на границе восставшего Дона и остававшейся в руках красных Кубани:

«…Старичок в отблескивающих очках, со слабым голосом, недавно начальник штаба самой большой армии в мире, поведший теперь за собой куда-то в степь четыре тысячи добровольцев, был для нас живым олицетворение России, армии седых русских орлов, как бы снова вылетающих из казацких степей.

Генерал Алексеев снял кубанку и поклонился нашим рядам:

— Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы…

Я помню, как говорил генерал Алексеев, что к началу смуты в русской армии было до четырехсот тысяч офицеров. Самые русские пространства могли помешать им всем прийти на его призыв. Но если придет только десятая часть, только сорок тысяч, уже это создаст превосходную новую армию, в которую вольется тысяч шестьдесят солдат.

— А стотысячной русской армии вполне достаточно, чтобы спасти Россию, — сказал генерал Алексеев со слабой улыбкой, и его очки блеснули…»

«Дрозды» своим внешним видом вызывали откровенное удивление у корниловцев, которые имели самое разношерстное военное обмундирование: «пестрое, что называется, партизанское». За почти полгода войны в степях они пообносились, и достать здесь «уставное» обмундирование, обувь было просто невозможно.

Пополнение же к «коренным» корниловцам пришло, как щеголи, одетое как один в защитный цвет, в ладных гимнастерках, в хороших сапогах. И дело даже было не в заботах командира отряда и его интендантов. Поход Яссы — Дон проходил по богатому российскому Югу, где в обилии оказалось и интендантских, прифронтовых складов, и швейных, сапожных мастерских, в которых швеи и сапожники искали работу за самую скромную плату.

…В конце мая полковник Дроздовский назначил парад своему отряду на площади станицы Егорлыкской. Его бойцы уже успели отдохнуть и перед смотром привели себя в подобающий вид. Торжество проходило при большом стечении станичного населения, в присутствии высших чинов Добровольческой армии.

На этом параде Михаил Гордеевич вызвал перед строем трех добровольцев, в числе которых был и петроградский кадет Николай Новицкий, сын офицера, вступивший в ряды бригады в Яссах. Он награждался солдатским Георгиевским крестом первым.

— Кадет Новицкий! Выйти из строя!

— Есть, господин полковник!

— Вы награждаетесь за бой под Ростовом Георгиевским крестом. За примерное мужество и отвагу. Носите, кадет Новицкий, Георгия с честью и гордостью.

— Служу России!..

Когда офицерский Стрелковый полк «дроздов» проходил по площади церемониальным маршем, все трое награжденных — три Георгиевских кавалера белой России — шли впереди полковой

колонны. Корнет Новицкий запишет в своих воспоминаниях: «Для меня этот день остался незабываемым!»

Николая Новицкого, рядового теперь уже Добровольческой армии, ждала еще одна награда Согласно Георгиевскому статуту награжденный из числа рядовых удостаивался повышения в звании для нижних чинов, получая ефрейторскую лычку. Осенью 1920 года он, будучи в конно-подрывной команде трофейных красных бронепоездов «Ермак» и «Товарищ Чуркин» (взятых дроздовцами на станции Синельниково), получит производство в подпоручики.

Его товарищ, семнадцатилетний кадет Владимир Вирановский, в те дни получит производство в офицеры — станет корнетом. По приказу главнокомандующего генерал-лейтенанта Деникина все юнкера и кадеты (старших возрастов), совершившие Ледяной и Дроздовский походы, будут произведены в офицеры. Деникин о том скажет:

— Наша добровольческая молодежь заслужила звездочку прапорщика или корнета своей кровью и походным потом А сколько их полегло в боях с мечтой об офицерских погонах!..

Новицкому суждено будет пройти через пламя всей Гражданской войны, которая закончится для него в двадцать лет. Вирановский, служивший в конном полку «дроздов», умрет от тифа осенью 1918 года в Екатеринодаре…

…Вступившая в станицу Мечетинскую 1-я бригада русских добровольцев Румынского фронта за время трехнедельной дневки в Новочеркасске переросла саму себя, насчитывая более трех тысяч человек, больше половины из которых носили офицерские погоны. В Добровольческой армии на то время бойцов имелось всего раза в полтора более.

Поэтому перед высшим руководством Добровольческой армии встал весьма непростой вопрос на каких условиях принимать «дроздов» в свои ряды? Был и другой деликатный вопрос кем должен быть полковник Дроздовский в рядах высшего армейского командования?

В разговоре о том участвовали на тот день три высших должностных лица Добровольческой армии: верховный руководитель Алексеев, главнокомандующий Деникин и начальник армейского штаба генерал-майор Иван Павлович Романовский, которого добровольцы считали «социалистом». Последний относился к ветеранам-корниловцам (если так можно сказать), будучи таковым еще в бытность генерал-квартирмейстером Ставки Верховного главнокомандующего.

Разговор начал на правах старшего генерал от инфантерии Алексеев. На него, как и на собеседников, состояние дроздовской

бригады произвело самое благоприятное впечатление.

— Вид офицерской бригады с Румынского фронта меня поразил. Антон Иванович, вы что-то весь церемониальный марш молчали. О чем вам думалось в эти минуты?

— О том, что старая русская армия в своих силах еще не иссякла, Михаил Васильевич.

— Действительно, поход от Ясс до Дона войдет в историю. Их наши добровольцы уже прозвали «дроздами». Иван Павлович, что вы, как начальник штаба, можете сказать о боевой силе нового отряда?

— Судить пока трудно, Михаил Васильевич.

— Почему?

— За время похода у них серьезных боев не было. Таких, какие мы выдержали, скажем, под Екатеринодаром.

— А взятие ночной атакой Ростова, Новочеркасское освобождение?

— Ростов был отдан германцам. А за Новочеркасск боролся атаман Попов с восставшими станицами.

— Иван Павлович, как понимаю, «дрозды» вас чем-то не устраивают?

— Полковник Дроздовский может внести раскол в Добровольческую армию.

— Раскол? Чем? Своей идеологией?

— Да, именно идеологией, Михаил Васильевич. Они крайних монархических взглядов, среди них сторонников республиканской России нет. Примут ли «дроздов» в свою семью корниловцы? Вот тот вопрос, который меня беспокоит.

— А ваше мнение на этот счет, Антон Иванович?

— Я тоже, как и генерал Романовский, не монархист. Но в Белом деле, прежде всего в его военной части, нам нужно единение. Все политические споры надо отставить до победных времен.

— Что вы скажете о дроздовской бригаде?

— Ее состояние, на мой взгляд, выше всяких похвал. Но «дроздам» придется еще доказать свое право на добровольческую элитарность в наших рядах.

— Согласен с вами, Антон Иванович. Как будем вводить их в состав армии? Ведь по количеству штыков и орудий — это больше половины наших наличных сил. Дисциплину и организованность отряда мы уже видели.

— Надо провести новую реорганизацию Добровольческой армии, прежде чем мы во второй раз двинемся на Кубань.

— Согласен. На какой основе предлагается реорганизация?

— На дивизионной. Сегодня мы можем развернуть три

дивизии. Это нам уже по силам с приходом отряда полковника Дроздовского. На Кубани мы получим новое пополнение.

— Что мы можем предложить ему? Ведь у нас так много фронтовых генералов, прикомандированных к армейскому штабу.

— Отряд, сколоченный в походе, надо сохранить как самостоятельную боевую единицу. Ею надо дорожить.

— А ваше мнение, Иван Павлович?

— Оно противоположно сказанному. Надо уничтожить отряд Румынского фронта как таковой, а его людей распылить по армии.

— Почему вы так крайне неодобрительно относитесь к полковнику Дроздовскому и его добровольцам?

— Этот полковник, если в нем заговорят диктаторские замашки, в Белом движении может претендовать на роль вождя — преемника Лавра Георгиевича Корнилова. В моем штабе разговоры о том уже ведутся.

— Вас это смущает?

— Еще как, Михаил Васильевич. Мы еще только поднимаем знамя белой борьбы, а нашим рядам уже грозит идейный разлад.

— Так. А каково мнение командующего армией?

— Как я вижу, единственным условием вхождения дроздовского отряда в Добровольческую армию является гарантия несменяемости его начальника. Он молод, энергичен, с боевыми заслугами. И к тому же с несомненными способностями генштабиста.

— Значит, третья дивизия армии будет дроздовской?

— Это, Михаил Васильевич, будет самое справедливое отношение к посланцу генерала Щербачева и его добровольцам.

— Согласен с вами, Антон Иванович. Так что на нашем импровизированном военном совете генерал Романовский остается в меньшинстве. Иван Павлович, вы подчиняетесь решению большинства?

— Подчиняюсь. Но сепаратизма полковника Дроздовского в армии я не допущу…

Можно сказать, что личность Михаила Гордеевича для какой-то части генералитета Добровольческой армии выглядела настораживающе. Речь шла о беспримерной популярности среди белых в общем-то рядового армейского полковника с георгиевскими наградами. Далеко не все в Белом движении разделяли взгляды убежденных монархистов, а дроздовцы принадлежали именно к ним.

Можно, конечно, задаться вопросом, как лично Дроздовский относился к императору Николаю II? Питал ли он к монарху личную симпатию? Преклонялся ли перед его «лубочным»

образом?

Ответа на такой вопрос у историков нет. Ни в одном документе, вышедшем из-под пера Дроздовского, ни в его личной переписке не говорится о последнем царе. Как не говорится о том и в небольшом походном «Дневнике», который велся всего два месяца.

Ясно только одно: будущая, сохраненная силой оружия старая Россия виделась вождю белых «дроздов» только как монархия. И вне всякого сомнения, только с династией Романовых. Другой династии за последние триста с небольшим лет в отечественной истории просто не было.

Собственно говоря, и сами дроздовцы не скрывали свое политическое кредо. Они в открытую говорили:

— Наш отряд представляет собой политическую организацию монархического толка…

Был известен и такой случай. На одном из совещаний командного состава генерал-лейтенант СА Марков, командир 1-й дивизии, один из самых популярных людей в Добровольческой армии, неожиданно для многих заявил в лицо Деникину:

— Мои офицеры крайне недовольны тем, что в рядах нашей армии монархисты действуют в открытую.

Дроздовский, хотя эти слова были обращены лично главнокомандующему Добровольческой армией, моментально вспылил и ответил корниловцу Маркову:

— Вы недооцениваете нашей силы и значения, Сергей Леонидович.

— Ваши слова, господин полковник, нуждаются в подтверждениях.

— Они будут в первых же боях…

Для Деникина стало ясно, что раскол на «монархической почве» в рядах Белого движения может коснуться и Добровольческой армии. И он мудро постарался локализовать возникшие среди начальствующего состава трения, совершенно ненужные для Белого дела в те трудные, вернее, трагичные для него дни…

Исследователи сегодня не сходятся в оценках политических взглядов монархиста Дроздовского. Каких-то особо значимых документов о том не сохранилось, а мемуарные сведения крайне скудны. Но известно, что офицер Генерального штаба был с 1905 года солидарен в политических воззрениях с генералом А. С. Лукомским, который, в отличие от других «правых» генералов, теорией политической борьбы занимался.

В чем же выражалась «политическая платформа» генерала Лукомского? Вопрос сей был далеко не праздный для зачинателей

Белого дела, к кругу которых, бесспорно, относился и полковник-генштабист Михаил Дроздовский, которого в 1918 году можно с полным обоснованием назвать реалистом.

Ответ на этот вопрос лежит в письме Лукомского генералу А. И. Деникину от 14 мая 1918 года. Речь в частном письме идет о политических целях Белого движения.

«Дорогой Антон Иванович!

В предыдущих письмах я очертил обстановку, но, прочитав Ваше воззвание, помещенное в газете „Донской край“ и перепечатанное в газете „Голос Киева“ за 13/26 мая, считаю необходимым остановить Ваше внимание на вопросе, на мой взгляд, очень серьезном. Вопрос о „целях“ Добровольческой армии и „о будущем государственном устройстве России“.

Как Вы знаете, этот вопрос, даже в рядах армии, служит яблоком раздора. Мне, в качестве начальника штаба, приходилось часто разъяснять вопрошавшим, что генерал Корнилов не может предрешать никаких форм правления, и потому как цель Добровольческая армия ставит определенно спасение России, а что касается будущей формы правления, то естественно, что надо и можно указывать — это то, что будет в будущем создано Учредительное собрание, которое и решит вопрос. Но что, конечно, не будет созвано то Учредительное собрание, которое избиралось под угрозою штыка и под влиянием психоза, а будут произведены новые выборы.

Вопрошавшие соглашались, что, конечно, ничего иного сказать нельзя, но часто уходили неудовлетворенными.

В разговорах с Л. Г. Корниловым я несколько раз говорил, что созыв и в будущем Учредительного собрания вряд ли возможен на основах допущения всех к выборам (по дурацкой четыреххвостке[5]), что прежде надо пройти через диктатуру. Л[авр] Г[еоргиевич] отвечал, что будущее, конечно, покажет, как поступить, но теперь ничего иного сказать нельзя.

В своем воззвании Вы пошли дальше.

1. „Будущие формы государственного строя руководители армии (генерал Корнилов, Алексеев) не предрешали, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного собрания, созванного по водворении в стране правового порядка“.

Здесь две неясности: в какое Учредительное собрание? а) Будут ли произведены новые выборы или будет созвано уже выбранное при Керенском Учредительное собрание, но разогнанное большевиками; б) если будут произведены новые выборы, то будут ли допущены все граждане как избиратели (по 4-хвостке) или будут допущены лишь цензовые избиратели (т. е. будет отстранена чернь и темная масса).

2. „Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за жизнь разоренной, урезанной, униженной России, борьба за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни“.

Это уже предрешение государственного строя. Большинство, и не без основания, решает, что нынешние руководители армии прямо указывают на республиканский строй.

Я глубоко убежден, что это воззвание вызовет в самой армии и смущение, и раскол.

В стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука в руку.

Может быть, до Вас еще не дошел пульс биения страны, но должен Вас уверить, что поправление произошло громадное, что все партии, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой правления конституционную] монархию.

Большинство отрицают возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кои допускают, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы.

Это вопросы первостепенной важности, и Вам необходимо высказаться более определенно и ясно. От этого будет зависеть успех дальнейшего пополнения армии офицерами и отношения к ней страны.

Жду от Вас ориентировки и указаний. Я теперь очухался, хотя сердце побаливает.

Сердечно Ваш *А. Лукомский».*

Дроздовский, как уже говорилось, был убежденным монархистом. Сейчас сказали бы — идейным монархистом. Но мог ли он встать на сторону конституционной монархии, вот в чем здесь вопрос. Не знал же он, что часть семьи Романовых — отрекшийся от престола Николай II, его наследник царевич Алексей, императрица, великие князья Романовы будут без суда репрессированы новой властью, которая спешила с ними покончить…

Добровольческая армия была развернута сперва в три номерные бригады, а вскоре в три номерные дивизии. 1-я бригада русских добровольцев, которая в те дни обычно называлась отрядом полковника Дроздовского, стала основой 3-й пехотной дивизии.

Дивизия состояла из 2-го Офицерского полка (бывшего бригадного Офицерского стрелкового полка), 2-го Офицерского конного полка (его основу составлял конный дивизион ротмистра Гаевского), трех артиллерийских батарей — конногорной, легкой

и мортирной, 3-й инженерной роты, бронеавтомобиля «Верный». Броневик капитана Нилова вскоре войдет в число армейских броневых сил и выйдет из состава дивизии.

Дроздовский поход Яссы — Дон стал для Белого дела знаковым, героическим событием, заметно поднявшим боевой дух белых добровольцев. Иначе судить о нем было просто нельзя. Деникин позднее напишет; «Издалека, из Румынии, на помощь Добровольческой армии пришли новые бойцы, родственные ей по духу».

Позднее приказом главнокомандующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта А. И. Деникина от 28 ноября 1918 года за № 191 для участников похода была установлена особая наградная (памятная) серебряная медаль. О ее внешнем виде и рисунке в деникинском приказе говорилось следующее: «Медаль устанавливается серебряная, матового цвета, овальной формы и имеет у ушка два скрещенных серебряных же меча.

По окраинам медали на лицевой стороне располагаются две ветви: справа дубовая, как символ непоколебимого решения, а слева лавровая, символизирующая решение, увенчавшееся успехом.

На поле этой же стороны медали изображен выпуклый рисунок: Россия в виде женщины в древнерусском одеянии, стоящей с мечом в протянутой правой руке над обрывом, а на дне его и по скату группа русских войск с оружием в руках, взбирающаяся к ногам женщины и олицетворяющая стремление к воссозданию Единой, Неделимой, Великой России.

Фон рисунка — восходящее солнце».

…В белой эмиграции для чинов дроздовских войск будет установлен особый нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, верхний и правый концы которого малиновые, а левый и нижний — белые. В середине креста дроздовцев — буква «Д» славянской вязи. Сверху буквы короткая надпись — «Яссы». Внизу буквы дата — «1917».

…Деникин с Романовским почти сразу после прибытия «дроздов» в Мечетинскую дали им возможность показать себя в бою. Начальник армейского штаба генерал Романовский вызвал к себе полковника Дроздовского и поставил ему по карте следующую задачу:

— Вот здесь, под станицей Егорлыкской, находится хутор Грязнушкин. Видите?

— Вижу. Он стоит от Егорлыкской по дороге в Кубанскую область.

— Там красная застава, силой до батальона. Возможно, что в эти дни они получили подкрепление.

— Как я понял, мне приказано взять хутор.

— Мы с Антон Ивановичем сперва решили поручить эту задачу казачьей бригаде кубанцев. Но поняли, что эту атаку сподручнее провести пехоте.

— Согласен. Тем более что в Егорлыкской стоит мой Офицерский полк. Когда надо взять Грязнушкин?

— К вечеру завтрашнего дня. И удержать его. По этой дороге армия выступает на Кубань. Нам надо приоткрыть туда дверь.

— А моим «дроздам» показать, чего они стоят в первом здесь бою?

— Разумеется. Ведь мы же, корниловцы, должны же знать им цену не по рассказам из Новочеркасска…

Дроздовский поставил задачу командиру своей единственной пехотной части — полковнику Жебраку-Русановичу. Объяснил ситуацию и «престижность» предстоящего боя. Тот понял значимость боя без всяких на то пояснений: ведь он был одним из трех тысяч «дроздов», влившихся в Добровольческую армию, которая относилась к ним с некоторой осторожностью. Причины тому были вполне понятны.

Жебрак-Русанович решил показать корниловцам, чего стоят его бойцы. Впрочем, того же самого желал и Дроздовский, хотя такой мысли открыто ему он и не высказывал. Полковой командир вызвал к себе капитана Туркула, принявшего еще в Новочеркасске под свое начало 2-ю офицерскую роту. Между ними состоялся такой разговор.

— Господин полковник, по вашему приказанию прибыл.

— Здравствуйте, капитан, — озабоченно сказал Жебрак-Русанович. — Вот что: хутор Грязнушкин занят большевиками. Главное командование приказало мне восстановить положение. Вместо казачьей бригады туда решено послать вашу роту. Вы знаете почему?

— Никак нет.

— Вторая рота лучшая в полку.

— Рады стараться.

— Имейте в виду, что офицерская рота может отступать и наступать, но никогда не забывайте, что то и другое она может делать только по приказанию.

— Слушаюсь. Разрешите идти?

— Да… Я буду у вас к началу атаки. До моего приезда не атакуйте… И вот еще что, Антон Васильевич… В Японскую войну наш батальон, сибирские стрелки, атаковал как-то китайское кладбище. Мы ворвались туда на штыках, но среди могил нашли около ста японских тел и ни одного раненого. Японцы поняли, что им нас не осилить, и, чтобы не сдаваться, все до одного

покончили с собой. Это были самураи. Такой должна быть и офицерская рота.

— Разрешите идти?

— Идите. Но сначала я хочу пожать вам руку…

…Бой за хутор Грязнушкин получился скоротечный. Он лежал в низине, и поэтому сторожевое охранение расположившегося там красноармейского отряда поздно заметило подход белых. Когда из хутора раздались первые винтовочные выстрелы, в ответ ударили пулеметы.

Капитан Туркул скомандовал рассыпавшимся в цепь стрелкам:

— Цепь, вперед!

Рота «дроздов» в триста штыков ринулась в атаку и «почти мгновенно» ворвалась в открывшийся перед ними степной хутор. Упорного боя за него не получилось.

Внезапность атаки оказалась полной. Среди атакующих оказался всего один убитый — поручик Куров. Он стал первой потерей дроздовцев в боях Добровольческой армии. Было взято около трехсот пленных. Подошедшая к хутору Грязнушкину казачья бригада стала занимать здесь позицию. А офицерская рота вернулась на свои квартиры в станицу Егорлыкскую, чтобы через несколько дней выступить оттуда в рядах Добровольческой армии во 2-й Кубанский поход. Ее тыл был теперь обеспечен восставшим Доном.

…Перед походом на военном совете было зачитано боевое расписание Добровольческой армии:

1-я дивизия (командир — генерал-лейтенант С. Л. Марков) в составе: 1-й офицерский, 1-й Кубанский стрелковый, 1-й офицерский конный полки, 1-я инженерная рота, 1-я офицерская батарея и Отдельная конная сотня.

2-я дивизия (командир — генерал-майор А. А. Боровский) в составе: Корниловский ударный, Партизанский пехотный, 4-й Сводный Кубанский конный полки, 2-я инженерная рота и 2-я офицерская батарея.

3-я дивизия (командир — полковник М. Г. Дроздовский) в составе: 2-й Офицерский стрелковый, 2-й офицерский конный полки, 3-я инженерная рота, 3-я Отдельная легкая, конно-горная и мортирная батареи.

1-я конная дивизия (командир — генерал от кавалерии И. Г. Эрдели) в составе: 1-й Кубанский (Корниловский), 1-й Черкесский, 1-й Кавказский и 1-й Черноморский конные полки и конно-горная батарея.

1-я казачья Кубанская бригада (командир — генерал-майор В. Л. Покровский) в составе: 2-й и 3-й Кубанские конные полки и

взвод конной артиллерии.

В состав дивизий не входили: Пластунский батальон, одна шестидюймовая гаубица, радиостанция и три броневика — «Верный», «Доброволец» и «Корнилов».

На военном совете главнокомандующий Добровольческой армией генерал-лейтенант А. И. Деникин в заключение своего доклада медленно, словно чеканя каждое слово, сказал:

— Сила нашей армии почти в девять тысяч бойцов. Мы уступаем красным войскам на Кубани и Северном Кавказе в десять раз.

Деникин пресекся и пробежал глазами участников военного совета. Никто из них при его последних словах даже не пошевелился. Все молча ждали следующих слов.

— Однако качественный состав нашей армии необычайно высок — почти две трети его составляют офицеры с фронтовой закалкой. Остальная треть армии — это добровольцы и кубанцы. Они близки офицерам по духу и боевым качествам. Поэтому я уверен, что 2-й Кубанский поход будет для нас победным.

После этих слов Деникин подошел к полковнику Дроздовскому. Тот встал в ожидании чего-то важного для него, новоиспеченного командира дивизии всего лишь в полковничьем чине.

— Вам, Михаил Гордеевич, предстоит с дивизией открывать счет походным победам. Вашим «дроздам» надлежит нанести основной удар по станции Торговая.

— Благодарю, Антон Иванович, за доверие к моим бойцам.

— Там у противника сосредоточены крупные силы.

— «Дрозды» уже знакомы с такой ситуацией по Ростову и Новочеркасску. Они не посрамят чести своего Андреевского флага.

— Я в вас верю, Михаил Гордеевич. Послужите России с вашими бойцами, как было на фронте…

Позднее, в своих «Очерках Русской Смуты», белоэмигрант с именем А. И. Деникин скажет о своих замыслах главнокомандующего на 2-й Кубанский поход так:

«Стратегический план операции заключался в следующем: овладеть Торговой, прервав там железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией; прикрыв затем себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорецкую.

По овладении этим важным узлом северокавказских дорог, обеспечив операцию с севера и юга захватом Кущевки и Кавказской, продолжить движение на Екатеринодар для овладения этим военным и политическим центром области и всего Северного Кавказа…

Нас было мало: 8–9 тысяч против 80–100 тысяч большевиков. Но за нами было военное искусство…

В армии был порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в своей силе и надежда на будущее…»

Глава 6
Бои в Кубанской области. Командир дивизии «Дроздов»

2-й Кубанский поход Добровольческой армии, оказавшийся на сей раз победным, начался 9 июня 1918 года. 3-я бригада полковника Дроздовского, развернутая в 3-ю дивизию, составила одну из двух ударных колонн Добровольческой армии. На Дону из сил дроздовцев оставался только Офицерский конный полк, которому предписывалось на первое время прикрывать армейские тылы.

Дивизия наступала вдоль железнодорожной линии Батайск-Торговая, от станицы к станице. Больших боев в первые дни не было, если не считать многих жарких стычек с отрядами противника и мелкими бандами под собирательным названием «зеленые», не имевшими определенной «политической окраски». Часто эти «зеленые» воевали против всего ради того, что кругом воевали все.

На рассвете 12 июня «дрозды», после ночного марш-броска, вышли западнее крупной железнодорожной станции Торговая. О том, чтобы взять ее с ходу, не было и речи. Дроздовский-генштабист начал методичное наступление, применяя тактику большой войны. Предстояло под огнем красных перейти вброд реку Средний Егорлык.

Дроздовский медлил с решающей атакой, ожидая подхода 2-й дивизии генерала Боровского, который, взяв верх в бою на рассвете у Крученой Балки, дал небольшой отдых своим частям.

Один из добровольцев, вспоминая в мемуарах о поведении в бою за Торговую дивизионного командира, писал:

«…Он пошел во весь рост по цепи моей роты. По нему загоготали пулеметы красных. Люди, почерневшие от земли, с лицами, залитыми грязью и потом, поднимали из цепи головы и молча провожали Дроздовского глазами. Потом стали кричать. Дроздовского просили уйти. Он шел, как будто не слыша…

Я подошел к нему и сказал, что рота просит его уйти из огня…

— Так что же вы хотите? — Дроздовский обернул ко мне тонкое лицо.

Он был бледен. По впалой щеке струился пот…

Без пенсне его глаза стали строгими и огромными.

— Что же вы хотите? — повторил он жестоко. — Чтобы я

показал себя перед офицерской ротой трусом? Пусть все пулеметы бьют. Я отсюда не уйду…»

Атака Торговой началась около двух часов дня с подходом Корниловского ударного полка. Вместе с корниловцами, в своем большинстве георгиевскими кавалерами из нижних чинов, поднялись офицерские роты «дроздов», в рядах которых были Михаил Гордеевич и заметно прихрамывавший от старой раны командир полка полковник Жебрак-Русанович.

Атаку поддерживали своим огнем артиллеристы орудия, которым командовал подполковник Протасевич, выдвинутого на прямую наводку и стрелявшего картечью с дистанции всего в сто пятьдесят шагов. Его расчет в том открытом бою был почти весь переранен, а орудийный щит изрешечен пулями винтовок и пулеметных очередей.

Деникин и Дроздовский, на чьих глазах свой подвиг совершил орудийный расчет одной из дивизионных батарей, не раз потом скажут:

— Вести пушечный огонь учитесь у подполковника Протасевича Виктора Алексеевича. В бою у Торговой он стрелял с открытой позиции на сто пятьдесят шагов. Его расчет под пулеметным огнем довел дело до конца и из боя не вышел. Подвиг был примерный…

Протасевич среди пушкарей Добровольческой армии с начала 2-го Кубанского похода стал личностью почти легендарной. Выпускник Псковского кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища, закончивший Великую войну командиром батареи, белым добровольцем стал летом 1918 года. Тогда он вступил в Дроздовскую артиллерийскую бригаду рядовым, последовательно став командиром орудия, батареи и дивизиона.

За отличия в боях в Северной Таврии полковник Протасевич был награжден орденом Святого Николая. В эмиграции жил в Болгарии и Франции, работал в РОВСе. Скончался в Доме русских военных инвалидов в Монморанси под Парижем и был похоронен на Дроздовском участке русского кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа..

Железнодорожная станция, селение были взяты с удара, но до рукопашного боя дело не дошло. Когда дроздовцы и корниловцы ворвались на окраину Торговой, со станции на всех парах уходили последние, переполненные людьми эшелоны. Трофеями белых стали три пушки, много пулеметов, большие интендантские склады и сотни пленных, в силу разных причин не успевших отступить.

Когда Деникин перенес свой штаб в здание

железнодорожного вокзала, на станции уже командовал Дроздовский. Он отдавал распоряжение за распоряжением:

— Поручик Ольшанский, установите ваш пулемет на дрезину. Вы назначаетесь старшим ее команды. Людей подберите сами…

— Господин полковник, пулемет установлен, команда на дрезине.

— Вам приказ: не медля гнаться за уходящими от Торговой эшелонами красных. Преследовать их и обстреливать, сколько будет возможно. Но не увлекаться… Полковник Лесли, из платформ и взятого паровоза устроить броневой поезд. Отдаю вам для него одно трофейное орудие. Расчет возьмите моим приказом в легкой батарее. Пулеметы — из трофеев. Назначаетесь командиром бронепоезда.

— Есть. Моя задача, Михаил Гордеевич?

— Пока устроить броневой поезд и выдвинуться от Торговой в сторону станции Шаблиевская…

Дроздовский вспомнил опыт с устройством блиндированного поезда на станции Акимовка, когда его бригада шла на Дон. Подобный был создан и на станции Торговая: на открытые платформы уложили мешки с песком, установили пулеметы, орудие. Подобную защиту установили и в паровозной будке.

Так у Добровольческой армии в Гражданской войне появился «первый бронепоезд», построенный не в железнодорожных мастерских, а руками офицеров-«дроздов». Поскольку начало 1918 года прошло в «эшелонном» противостоянии сторон, появление у белых первого своего бронепоезда трудно было недооценить.

Следует заметить, что в тех событиях, будь то Кубань или Донбасс, Урал или далекое Приморье, успех в «эшелонной» войне зачастую решался не качеством и толщиной брони, а мощью артиллерийского и пулеметного вооружения бронепоезда Или, как его называем не реже, блиндированного поезда Победы обычно добивались бесстрашием их экипажей и умением владеть штатным оружием, грамотной тактикой ведения боев на железнодорожных ветках.

Взятие Торговой 12 июня стало первой большой победой белого оружия в ходе 2-го Кубанского похода Командующий Добровольческой армией Деникин в своем приказе писал: «Поздравляю 3-ю дивизию полковника Дроздовского…»

Деникин лично наблюдал ход боя за Торговую, от исхода которого зависело многое. Прежде всего продолжение наступления на Екатеринодар и «самочувствие», дух белых добровольцев. Антон Иванович Деникин в своих белоэмигрантских мемуарах писал о тех событиях в таких словах:

«На рассвете 12-го ведут бой колонны. Побывал в штабе Боровского, в цепях Кутепова, ворвавшихся в село Кручено-балковское, и с большим удовлетворением убедился, что дух, закаленный в 1-м походе, живет и в начальниках, и в добровольцах…

Дроздовский, сделав ночной переход, с рассветом развернулся с запада против Торговой и вел методическое наступление, применяя тактику большой войны…

Прошло более пяти лет с того дня, когда я увидел дроздовцев в бою, но я помню живо каждую деталь. Их хмурого, нервного, озабоченного начальника дивизии (Дроздовского. — А. Ш.)… Суетливо, как наседка, собиравшего своих офицеров и бродившего, прихрамывая (старая рана), под огнем по открытому полю Жебрака… Перераненных артиллеристов, продолжавших огонь из орудия с изрешеченным пулями щитом..

И бросившуюся на глазах командующего через речку вброд роту во главе со своим командиром штабс-капитаном Туркулом — со смехом, шутками и криками „ура“…

Около двух часов дня начал подходить Корниловский полк (Кутепова. — А. Ш.), и дроздовцы вместе с ним двинулись в атаку, имея в своих рядах Дроздовского и Жебрака…»

Тот же мемуарист Деникин в «Очерках Русской Смуты» назвал победные события 12 июня 1918 года «стратегическим успехом» Белой армии, который позволил отрезать Центральную Россию от житниц Кубани и северокавказской нефти.

Деникин был здесь в чем-то прав. Только историки по сей день не сходятся в том, было ли взятие степного железнодорожного узла действительно «стратегическим успехом» белых в Гражданской войне на российском Юге. Ведь подобные успехи обычно меняют лицо, ход и исход войны…

…После Торговой для 3-й дивизии последовали нелегкие бои за казачьи станицы Великокняжескую, Николаевскую, Песчаноокопскую. Добровольческая армия изменила свой «маршрут» и теперь наступала на столицу Кубанской области город Екатеринодар.

Командование красными войсками в лице Сорокина и Калнина сразу поняло всю опасность для них такого поворота событий. К Белой Глине были стянуты значительные силы (39-я советская дивизия), чтобы остановить наступление деникинской армии, не дать ей продвинуться в глубь Кубанской области. Железнодорожная станция стояла на линии Царицын — Тихорецкая — Екатеринодар.

3-я дивизия споткнулась о Белую Глину, понеся здесь жестокие потери в людях. Вернее, потери понес ее единственный

тогда пехотный полк — 2-й Офицерский стрелковый, который и атаковал здесь противника. Перед атакой Белой Глины Дроздовский имел разговор с полковым командиром Жебраком-Русановичем:

— Михаил Антонович, получен приказ командующего армией завтра взять Белую Глину. Взять и удержать за собой.

— Михаил Гордеевич, задача понятна Белую Глину мы возьмем.

— Но по согласованным показаниям пленных, там у красных большие силы, а пулеметов более чем достаточно.

— Тогда надо брать Белую Глину не завтра, а сегодня.

— Каким образом?

— Ночной атакой. Как мы брали Ростов.

— Однако ночью красные могут изменить диспозицию своих отрядов, в чем мы можем убедиться только с рассветом.

— Возможно, Михаил Гордеевич. Но атака в световой день нам будет стоить многих жизней. В ночной атаке таковых может и не оказаться.

— Значит, Михаил Антонович, вы все же настроены штурмовать станцию ночью? Без артиллерийской поддержки?

— Да, именно так, Михаил Гордеевич. Если на то будет ваш приказ.

— Вот поэтому я и решил посоветоваться с вами. Ваш план на ночную атаку? Вызрел такой?

— Есть план.

— Тогда изложите его, Михаил Антонович.

— Подходы к Белой Глине нами разведаны визуально. Надо наступать с той стороны, где степь всхолмена Это даст возможность полку незаметно подойти к их позиции.

— А если они выдвинут вперед боевое охранение?

— Вряд ли. Ведь мы его сегодня не заметили.

— Какими силами решили атаковать?

— В атаку поведу 2-й и 3-й батальоны. 1-й, он у меня самый обстрелянный, оставлю в резерве, на случай удара в штыки.

— Тогда, Михаил Антонович, Бог вам в помощь…

…Ночной бой за Белую Глину закипел во втором часу ночи.

Опасения Дроздовского оправдались: противник «выкинул» перед позицией так называемую пулеметную батарею. Или, иначе говоря, расположил в удобном месте пулеметную засаду, о которой белые не прознали.

Полковник Жебрак-Русанович лично повел в атаку два батальона стрелков. Рядом с ним шел весь его небольшой полковой штаб — девять офицеров. Внезапности ночной атаки не получилось, и виной тому стала пулеметная батарея красных,

«выброшенная» вперед линии наспех отрытых в степи окопов. Засада вовремя заметила приближение молчаливых цепей белогвардейцев к Белой Глине: часовые в ночи здесь не дремали.

По воле судьбы именно полковой штаб вместе с Жебраком-Русановичем вышел прямо на засаду, которая удачно расположилась на небольшом взгорке. Несколько пулеметов по команде открыли в ночи огонь, что называется, в упор. Цепь «дроздов» залегла, а полк остался без единого штабного офицера. В ночи с пулевого залпа пулеметной батареи и начался огневой бой, который продолжался до самого утра. Белым, залегшим в голой степи, приходилось беречь патроны.

«Ночь кипела от огня». Туркул в своих мемуарах писал о том, как его 2-й Офицерский стрелковый полк брал Белую Глину, так:

«…На рассвете поднялся в атаку наш 1-й батальон. Едва светало, еще ходил туман. Командир пулеметного взвода 2-й роты поручик Мелентий Димитраш заметил в утренней мгле цепи большевиков. Я тоже видел их тени и перебежку в тумане. Красные собирались нас атаковать.

Димитраш — он почему-то был без фуражки, я помню, как ветер трепал его рыжеватые волосы, помню, как сухо светились его зеленоватые рысьи глаза, — вышел с пулеметом перед нашей цепью. Он сам сел за пулемет и открыл огонь. Через несколько мгновений цепи красных залегли. Димитраш с его отчаянным, дерзким хладнокровием был удивительным стрелком-пулеметчиком. Он срезал цепи красных.

Корниловцы уже наступали во фланг Белой Глине. Мы тоже пошли вперед. 30-я советская дрогнула. Мы ворвались в Белую Глину, захватили несколько тысяч пленных, груды пулеметов. Над серой толпой пленных, над всеми нами дрожал румяный утренний пар. Поднималась заря. Багряная, яркая.

Потери нашего полка были огромны. В ночной атаке 2-й и 3-й батальоны потеряли более четырехсот человек. Семьдесят человек было убито в атаке с Жебраком, многие, тяжело раненные, умирали в селе Торговом, куда их привезли. Редко кто был ранен одной пулей — у каждого три-четыре ужасные пулевые раны. Это были те, кто ночью наткнулся на пулеметную батарею красных.

Где только что промчался бой, на целине, заросшей жесткой травой, утром мы искали тело нашего командира полковника Жебрака. Мы нашли его среди тел девяти офицеров его верного штаба.

Командира едва можно было признать. Его лицо, почерневшее, в запекшейся крови, было разможжено прикладом Он лежал голый. Грудь и ноги были обуглены. Наш командир был, очевидно, тяжело ранен в атаке. Красные захватили его еще

живым, били прикладами, пытали, жгли на огне. Его запытали. Его сожгли живым. Так же запытали красные и многих других наших бойцов…»

Когда полковнику доложили о гибели в ночной атаке командира 2-го Офицерского полка, он в ярости воскликнул:

— Сперва Войналович, теперь он! Как погиб Жебрак? Как?

— Похоже, что большевики его взяли в тяжелом состоянии в плен.

— Дальше!

— Его пытали, как многих наших раненых, которых скосило перед пулеметной батареей!

— Дальше!

— Большевики сожгли Михаила Антоновича заживо…

Война имеет свои законы, в том числе и обращение с военнопленными, в том числе и теми, кто попал в плен с тяжелыми ранениями. Белые начинали Гражданскую войну в «белых перчатках», сразу же столкнувшись с прозой «войны в отечественной Вандее». Разумеется, если судить такую войну, то судить ту и другую сторону. Иначе трудно восстановить историческую правду о побежденных и победителях.

Бой за Белую Глину нам известен лучше всего из белых мемуаров, поскольку в боевых донесениях «многие детали того дела были упущены». Один из дроздовцев, находясь уже в белой эмиграции, вспоминал;

«…Вся дивизия горела желанием отомстить за смерть замученного Жебрака, а кроме того, в этот день красные в первый раз стреляли разрывными пулями, и это тоже подбавило масла в огонь.

На мельницу (туда сводили пленных. — А. Ш.) пришел Дроздовский. Он был спокоен, но мрачен. На земле внутри мельницы валялись массы потерянных винтовочных патронов. Там были всякие: и обыкновенные, и разрывные, и бронебойные.

Дроздовский ходил между пленными, рассматривая их лица. Время от времени, когда чье-либо лицо ему особенно не нравилось, он поднимал с земли патрон и обращался к кому-нибудь из офицеров.

— Вот этого — этим, — говорил он, подавая патрон и указывая на красного.

Красный выводился вон, и его расстреливали. Когда это надоело, то оставшиеся были расстреляны оптом».

В последней строке мемуарист ошибается. Большая часть пленных красноармейцев в тот день расстреляна не была. Их ждала иная судьба: они из красных стали через день белыми, будучи записаны в Добровольческую армию рядовыми.

Полковник Жебрак-Русанович, «первопоходник», подаривший 1-й бригаде русских добровольцев с Румынского фронта боевой флотский Андреевский стяг, был похоронен в тот же день со всеми воинскими почестями. Вернее, с теми, что могли отдать своему полковому командиру его бойцы. Белый мемуарист рассказывает о том так:

«…В тот глухой предгрозовой день, когда полк принял маленький и спокойный, с ясными глазами Витковский, мы хоронили нашего командира. Грозные похороны, давящий день. Нам всем как будто не хватало дыхания. Над степью курился туман, блистало жаркое марево. Далеко грохотал гром.

В белых, наскоро сбитых гробах двигались перед строем полка наш командир и семьдесят его офицеров. Телеги скрипели. Над мокрыми лошадьми вился прозрачный пар. Оркестр туго и яростно бряцал „Коль славен“. Мы стояли на караул. В степи ворочался глухой гром.

Необычно суровым показался нам наш егерский марш, когда мы тронулись с похорон…»

Прибывший в Белую Глину со своим штабом командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант Деникин имел разговор с командиром 3-й дивизии.

— Михаил Гордеевич, позволь мне от имени командования армии, от меня, Романовского, Кутепова, Казановича, Эрдели, Покровского принести наши соболезнования лично вам. Мы знаем, что полковник Жебрак шел с вами на Дон от самого Дуная.

— Не то слово, Антон Иванович. Он был лучшим командиром в бригаде и еще вчера в дивизии.

— Кого решили поставить на Офицерский полк, Михаил Гордеевич?

— Полковника Витковского Владимира Константиновича, командира стрелкового батальона.

— Справится ли он с такой должностью?

— Справится. Он «первопоходник». Репутация его безупречна. К тому же он фронтовой офицер лейб-гвардии Кексгольмского полка и георгиевский кавалер.

— Прекрасно. С моей стороны возражений нет. Готовьте приказ на Витковского…

Тот разговор между Деникиным и Дроздовским на том не закончился. Речь шла о том, как бралась с бою Белая Глина, о готовности 3-й дивизии наступать дальше. Все же Дроздовский в тот день произвел на Деникина тягостное впечатление, навеянное гибелью полковника Жебрака-Русановича и потерями его полка: «Он говорил о Жебраке, о замученных добровольцах, о том, что большевики убивают и мучают всех. Мертвенно-бледный,

дрожащим голосом он вспоминал о „вчерашнем“ — весь во власти чувства гнева и печали…»

…На следующий день после взятия станции Песчанокопская и ставропольского села Белая Глина и мученической смерти Жебрака-Русановича командир 3-й дивизии впервые в Добровольческой армии подписал приказ о… сформировании чисто солдатского трехротного батальона из пленных красноармейцев.

Своим приказом, за которым последовали многие подобные в Вооруженных силах Юга России, Дроздовский словно хотел сказать, что проявленная им в Белой Глине ответная жестокость была неотвратимым возмездием. Но не политикой Белого движения в Отечестве.

История первой, чисто солдатской воинской части Добровольческой армии примечательна.

Нижними чинами отдельного Солдатского батальона стали военнопленные Командные должности в батальоне заняли офицеры 2-го Офицерского стрелкового полка. Несколько дней во главе батальона стоял полковник Витковский. Затем его сменил полковник Кельнер. После захвата Тихорецкой и сформирования из пленных же красноармейцев в станице Ново-Донецкой 4-й роты батальон был переименован в 1-й пехотный солдатский полк. Вскоре были созданы 5-я и 6-я роты.

К слову говоря, в ходе Гражданской войны из-за тяжелых ранений и гибели в боях сменилось немало его полковых командиров: Драгишевич-Никшич, Шаберт, Сипягин, Звягин, Ильин, Зеленин, Житкевич.

Небезынтересен такой факт. Два последних командира полка — полковники Е. И. Зеленин и Д. В. Житкевич — одновременно после Гражданской войны вернулись из белой эмиграции в Советскую Россию и одновременно же — 8 апреля 1931 года — были расстреляны, и останки их захоронены на Ваганьковском кладбище в Москве.

…В августе 1918 года в станицу Усть-Лабинскую из Ставрополя прибыл батальон (сто восемьдесят штыков), сформированный из солдат и офицеров 83-го пехотного Самурского полка Российской Императорской армии, который вел свою родословную с 1864 года. Этот полк, отличившийся в Кавказской войне, Хивинском и Ахал-Текинском походах, Первой мировой войне, имел немало наград, в том числе Георгиевское знамя.

Самурцев за их боевой путь можно без всяких на то натяжек считать гордостью русской армии. Основой полкового коллектива были призывники из степного Ставрополья, что еще больше

крепило полковую спайку. Иначе говоря, пехотный Самурский полк был здоровой клеткой в армейском организме, пораженном раковой опухолью Февраля и Октября 1917 года.

Это был один из немногих примеров на грани Первой мировой и Гражданской войн, когда солдатский, полковой коллектив не распался под ударами революционной стихии митингов, братания с врагами, заседаний комитетов «без офицеров» и дезертирства Самурцы держали свою окопную позицию до последних для России дней Великой войны.

Полк не растаял на фронте, не бросил после митинга окопы и Георгиевское знамя самурцев, не стал по пути с фронта бандой мародеров. Он ушел с фронта только тогда, когда новая Россия официально вышла из войны ценой сепаратного Брест-Литовского мира и ликвидации старой армии. И вернулся в родные места, в Ставрополье, не растаяв по пути, сохранив оружие.

После Октября 1917 года и развала русской армии Самурский полк вернулся с фронта на место своей дислокации в город Ставрополь, где и был распущен по домам. Самурцы, отличавшиеся сплоченностью, во всех невзгодах сумели сохранить (спасти) Георгиевское полковое знамя и с ним влились в состав белой Добровольческой армии.

После слияния добровольческого Самурского батальона, которым командовал полковник Сипягин, с 1-м пехотным Солдатским полком в рядах 3-й дивизии Добровольческой армии появился Самурский пехотный полк, командиром которого стал Иван Иванович Сипягин, погибший в бою под станицей Ново-Павловской, заслуживший за доблесть в Великой войне Георгиевское оружие «За храбрость».

…Свое боевое крещение 1-й Солдатский батальон получил через пять дней после своего создания, при взятии узловой железнодорожной станции Тихорецкая с расположенной рядом одноименной казачьей станицей. Бой сложился на редкость упорный, поскольку овладение или удержание Тихорецкого узла давало сторонам огромные преимущества в последующей борьбе за Екатеринодар и всю Кубанскую область. Антон Туркул в мемуарах «Дроздовцы в огне» писал;

«Если бы ни вера в Дроздовского и в вождя Белого дела генерала Деникина, если бы ни понимание, что мы бьемся за человеческую Россию против всей бесчеловечной тьмы, мы распались бы в ту зловещую ночь под Белой Глиной и не встали бы никогда.

Но мы встали. И через пятеро суток, ожесточенные, шли в новый бой на станицу Тихорецкую, куда откатилась 39-я советская (дивизия). В голове шел 1-й Солдатский батальон, наш

белый батальон, только что сформированный из захваченных красных. Среди них не было старых солдат, но одни заводские парни, чернорабочие, бывшие красногвардейцы.

Любопытно, что все они радовались плену и уверяли, что советчина со всей комиссарской сволочью им осточертела, что они поняли, где правда.

Вчерашние красноармейцы первые атаковали Тихорецкую. Атака была бурная, бесстрашная. Они точно красовались перед нами. В Тихорецкой 1-й Солдатский батальон опрокинул красных, переколол всех, кто сопротивлялся. Солдаты батальона сами расстреливали захваченных комиссаров.

Дроздовский поблагодарил их за блестящую атаку. Тогда же солдатский батальон был переименован в 1-й пехотный солдатский полк..».

Победной для белых оказалась атака солдатского батальона. Бывшие красноармейцы штурмующей цепью ворвались на станцию, опрокинули ее защитников и перекололи штыками сопротивляющихся. Пленных набралось немало: «выявленные» комиссары были самочинно расстреляны.

…Полковник Дроздовский прибыл на станцию Тихорецкая, когда на удаленных запасных путях еще шла утихающая перестрелка, Порой там рвались ручные гранаты. Спросил сразу полковника Витковского о главном для него:

— Кто взял станцию, Владимир Константинович?

— 1-й Солдатский батальон, Михаил Гордеевич.

— Какие молодцы!

— Шли в штыки, как наши ходили на германцев в четырнадцатом. Патроны берегли, как в офицерских ротах.

— Трофеи, пленных взяли?

— Сейчас подсчитывают, Михаил Гордеевич. Красные не все эшелоны успели угнать на Екатеринодар.

— Патронами разжились?

— Да. И ручные гранаты теперь у нас есть. Сотни две взяли на станции.

— Хорошо. Возьмите на учет. Распределить по-братски по всем батальонам. Раздать лучшим гранатометчикам.

— Будет исполнено.

— Пленных много?

— Хватает. Сборный пункт для них устроен в станционных мастерских. Только…

— Что только? Докладывайте, Владимир Константинович. Не тяните.

— Наши солдаты самочинно вычислили комиссаров…

— И самочинно пустили их в расход? Так, что ли?

— Так, Михаил Гордеевич.

— Что самочинно, это плохо. Но сегодня для солдатского батальона случай особый. Они боевое крещение проходили. И это наша плата за сожженного Жебрака.

— Значит, по такому случаю приказа не будет?

— Не будет. Пленных красноармейцев профильтровать, насильно мобилизованных поставить в наш строй.

— Есть пополнить солдатский батальон.

— Соберите его через час на станционной площади. Хочу сказать им слова благодарности за бой.

— Будет исполнено, Михаил Гордеевич.

— Да, Владимир Константинович. Солдатский батальон вам сегодня же сдать полковнику Сипягину Ивану Ивановичу, нашему самурцу.

— Извольте спросить почему?

— Вам заступать на место Жебрака Принимать Офицерский полк.

— Для меня это честь, Михаил Гордеевич.

— Вы ее заслужили. Мы же с вами первопоходники…

В Тихорецкую входили добровольческие части: казачья конница на усталых лошадях, пропыленные офицерские роты, орудийные расчеты с полупустыми зарядными ящиками, обозы… Суетились квартирмейстеры, ставя людей по частным домам на постой.

На привокзальной площади, усеянной стреляными гильзами, среди перевернутых повозок, еще не убранных трупов построился 1-й Солдатский батальон «дроздов». Часть солдат осталась на караулах. В строю оказалось около трех сотен штыков. Докладывал о готовности к смотру полковник Витковский.

Дроздовский отказался от обычной по такому случаю церемонии. Он прошел вдоль строя каждой роты, пристально всматриваясь в лица своих бойцов, которые только час назад взяли штурмом для Добровольческой армии станцию Тихорецкая в таком трудном для себя бою.

Обратил внимание, что в батальонном строю оказалось много раненых: в руку, голову. Спросил у полковника Витковского:

— Почему раненые не в лазарете, Владимир Константинович?

— Сами не пошли. Да и что там сегодня делать-то раненым, Михаил Гордеевич.

— Как что?

— Да там с вчерашнего дня ни бинтов, ни йода уже нет.

— А как же с ранеными?

— Нательные рубахи с начала боя на бинты рвать стали. Медсестры бинты устали перестирывать…

Дойдя до правофлангового солдата, Дроздовский молча развернулся и вышел на середину строя. Батальон замер, только кое-где колыхались штыки винтовок в руках смертельно уставших людей. Полковник обратился к ним со словами благодарности:

— Братцы! Вы сегодня были просто молодцами. Благодарю вас от имени командующего за Тихорецкую!

В ответ дружно и как-то совсем необычно для года 1918-го прозвучали слова из… старой Российской Императорской армии:

— Рады стараться, ваш бродь!..

— Солдаты! За содеянный вами сегодняшний подвиг вы награждаетесь Георгиевским знаменем!

— Ура-а-а!..

— Вам даруется знамя славного Самурского полка русской армии. А самурский батальон в ближайшие дни сливается с вами в единый Самурский пехотный полк.

— Ура-а-а!..

— Ваш будущий командир полка — полковник Сипягин Иван Иванович. Фронтовик, русский солдат. Такой же, как и вы…

…Овладение Тихорецким железнодорожным узлом позволяло Добровольческой армии во второй раз в 1918 году завязать бои за Екатеринодар. Но добровольцы были измотаны неравенством борьбы, и потому Деникин решил дать им отдых на несколько дней. К тому же следовало закрепиться на занятой территории, наладить новую власть и обеспечение войск продовольствием.

За эти дни в деникинском штабе опытные генштабисты разработали план операции по захвату столицы Кубанской области. Сил теперь имелось гораздо больше, чем вел за собой в Ледяном походе бывший Верховный главнокомандующий России генерал от инфантерии Лавр Корнилов.

И самое главное: местное казачество, задавленное поборами и «расстрельными» репрессиями, уже колыхнулось в сторону Белого дела. Добровольческому командованию на какое-то время не приходилось заниматься мобилизационными проблемами: казаки-кубанцы брались за оружие стихийно, поднимая восстания целыми станицами.

Опытный войной Деникин, бывший командующий Юго-Западным фронтом, понимал, что сил у него для марш-броска развернутым фронтом на Екатеринодар нет. И что противник сохраняет значительное превосходство в силах. Поэтому на совещании командного состава белой армии он сказал сразу вполне определенно:

— Двигаться на Екатеринодар мы можем только по одному направлению. Я считаю, что такой путь для нас сегодня единственный — вдоль Тихорецкой линии железной дороги.

— Антон Иванович, какие дивизии пойдут брать Екатеринодар?

— Первая Марковская дивизия, которую принял генерал Казанович, и дивизия полковника Дроздовского.

— А корниловцы?

— Второй дивизии генерала Боровского отводится самостоятельная боевая задача Сейчас она уточняется. Но в штурме Екатеринодара корниловцы и донские партизаны на этот раз участвовать не будут.

— Ваше место в предстоящей операции?

— Как командующий, я буду в дивизии Боровского.

— Тогда кто возглавит войска, идущие на Екатеринодар?

— Я предоставляю право командирам дивизий действовать самостоятельно. Но если потребует обстановка, старший по званию берет на себя общее командование до моего прибытия…

…3-я дивизия вместе с 1-й дивизией генерала Б.И. Казановича повела наступление вдоль линии железной дороги от Тихорецкой, сбивая по пути заслоны противника. Пленные показывали, что главные силы красных изготовились защищать столицу Кубанской области.

Полковник Дроздовский умело использовал полученную информацию. К вечеру 14 июля его дивизия, удачно сманеврировав, окружила и захватила железнодорожную станцию Динская, которая находилась всего в двадцати верстах от Екатеринодара Бой получился скоротечный. На станции Динская было взято шестьсот пленных и богатые трофеи, среди которых оказалось три артиллерийских орудия, в которых добровольцы испытывали большой недокомплект. Среди трофеев были возимые склады боеприпасов, различного снаряжения и реквизированного в соседних станицах провианта.

Динская была большой железнодорожной станцией, маленьким степным городком. Пехотные роты «дроздов» вступали в нее под свой «Дроздовский марш»:

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Для спасения народа
Нес геройский трудный долг…

Однако противник не дремал. Группа красных войск, которой командовал бывший казачий есаул и военфельдшер Иван Лукич Сорокин, ответным ходом заняла железнодорожную станцию Кореневская. Теперь тридцать пять тысяч красноармейцев, обладавших многочисленной артиллерией, оказались в тылу

центральной группировки Добровольческой армии.

Случилось это на следующий день после взятия белыми станции Двинская. Иными словами говоря, краском Сорокин умело нанесенным ударом прорвал неприятельский фронт, оказавшись у Деникина в ближнем тылу. Мемуарист-белоэмигрант вспоминал: «…Под Кореневской Сорокин со своей армией вышел к нам в тыл. Он едва не перерезал Добровольческую армию пополам».

Для добровольцев, наступавших на Екатеринодар, создалась критическая ситуация. Требовалось принять оперативное решение, а не ждать запоздалого указания командующего. Казанович и Дроздовский накоротке съехались, чтобы обсудить свои совместные действия в ближайшие часы.

— Михаил Гордеевич, по данным пленных, у фельдшера Сорокина войск двадцать пять тысяч. Об артиллерии уже не говорю.

— Борис Ильич, к вечеру сорокинцы могут нас окончательно отрезать от остальных сил армии. Надо закрыть прорыв.

— Значит, пойдем двумя дивизиями на Кореневскую. А что будем делать с Динской? Не отдавать же ее красным?

— Выставим на Динской надежный заслон, а сами немедля выступим на Кореневскую. Согласны?

— Согласен. Атакуем там Сорокина сегодня же с двух направлений…

Однако согласованных действий у белых под железнодорожной станцией Кореневская не получилось. 1 — я дивизия генерала Казановича поспешила, встретив на пути более слабое сопротивление, чем «дрозды». Казанович решил действовать по-суворовски, вводя свои батальоны разрозненно, по мере подхода их к станции.

Столь же разрозненными оказались и действия дроздовцев. Многократные атаки белых захлебывались под шквалом пулеметного и ружейного огня, под разрывами вражеских снарядов на ближних подступах к Кореневской. К тому же ее защитники имели видимое численное превосходство, что немало ободряло их.

В итоге к вечеру обе дивизии добровольцев — 1-я и 3-я — оказались смяты противником. Понеся большие потери в людях, расстреляв носимый запас патронов, они отошли от станции на исходные позиции уже в вечерних сумерках.

В составленном отчете в армейский штаб полковник Дроздовский писал со всей жестокой откровенностью о прошедшем бое:

«Отход пехоты, имевшей на своем пути болотистую речку,

носил очень тяжелый характер…

…Были случаи самоубийства добровольцев, от изнеможения не имевших возможности (уйти) от противника и боявшихся попасть в его руки.

Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть…»

В боях за Кореневскую Дроздовский, пожалуй, с самого начала своего участия в Гражданской войне пережил серьезное нервное перенапряжение. Михаил Гордеевич не изменил своей «роли»: он постоянно находился в передовых цепях добровольцев, постоянно был под огнем. В те дни к нему пристреливался не один пулеметчик и не один стрелок красных.

Вряд ли герой Белого дела красовался своим бесстрашием перед уже повидавшими в жизни многое «дроздами». Их командир ходил вместе с ними в штыковые атаки, находясь в передовой цепи. Он шел с непокрытой головой, держа в руках фуражку, полную спелой черешни.

Подражал ли он так известному пушкинскому персонажу, внешне беспечно угощаясь ими? Было ли это полнейшим презрением к смерти, которую несла каждая пуля, каждый снарядный осколок, летящий в его сторону? Или это была бравада, удальство?

Внешне скрытое нечеловеческое перенапряжение, владевшее им все эти последние дни, вырвалось наружу только в ночь на 17 июля. Случилось это в ходе короткого совещания с генералом Казановичем Разговор у них на этот раз сложился сложный.

— Михаил Гордеевич, у меня к вам первейший вопрос ваша дивизия способна еще драться в таком же духе, как сегодня вечером?

— Борис Ильич, у меня уже сотни добровольцев, с которыми я шел из Румынии, из Ростова, легли на поле перед Кореневской. Мне больно все это видеть.

— У меня тоже огромные потери, Михаил Гордеевич. Что будем делать этой ночью, завтрашним днем?

— Я предлагаю ночью отступить в восточном направлении от Кореневской. Вот мое мнение, если вы хотели его услышать.

— Вы рисуете картину в очень мрачных тонах, Дроздовский.

— А как мне ее так не рисовать. Если мы ночью отступим, то спасем наших добровольцев от уничтожения.

— Отступить от станции перед сорокинцами мы не можем.

— Почему?

— В этом будет состоять срыв всей екатеринодарской операции.

— А как же жизни белых бойцов?

— На то они и добровольцы, Михаил Гордеевич, чтобы сражаться и умирать за Россию.

— Какой же может быть срыв операции, когда нами утрачена связь с главнокомандующим. Мы с вами даже не знаем по карте, где сейчас находится генерал Деникин.

— Верно, не знаем. Как и не знаем, отменил он поход на Краснодар или нет. Связь прервана с дивизией Боровского — это тоже факт.

— Я все же настаиваю от отходе от Кореневской. Людям нужен отдых. Хоть день-два.

— Сорокин нам его не даст. У него на сегодняшний день двадцать пять тысяч штыков и сабель.

— Тогда мы сядем в оборону, а он пускай ходит в атаки на нас.

— Нам ли садиться в оборону? Без патронов? Без снарядов в неприкосновенном запасе?

— Все равно мы должны выйти из боя, Борис Ильич.

— Тогда, Михаил Гордеевич, я воспользуюсь правом, которое представил мне главнокомандующий.

— Каким правом?

— Как старший по званию, я, в отсутствие генерала Деникина, беру на себя общее командование под Кореневской. Вот вам мой боевой приказ: продолжить штурм станции и выбить оттуда противника.

— Хорошо, я подчиняюсь вам. Когда прикажете вновь поднять батальоны в атаку?

— Завтра утром наши дивизии возобновляют натиск на Кореневскую. С восходом солнца. Остаток ночи — на отдых людям..

…Атаки белых 17 июля натолкнулись на необыкновенно жесткие контрудары красных. Когда дело доходило до рукопашных схваток, то ярость в них не знала предела.

Казалось, что и этот день пройдет в бесплодном штурме. Однако днем к Казановичу и Дроздовскому, к их истекающим кровью полкам и ротам, пришла радостная весть: неприятельская группировка у Кореневской подвергается ударам и со стороны Тихорецкой. Главнокомандующий Деникин, схватив суть происходящего, собрал для атаки оттуда все, что имелось у него под рукой.

Сорокин понял, что теперь не белые, а он может оказаться в мешке. Это бывший есаул-фронтовик осознал и без своих штабистов. Кольцо окружения начало смыкаться, и он приказал своим полкам и отрядам пробиваться из него любой ценой. Поэтому и шел бой 17 июля с таким ожесточением.

Днем к полковнику Дроздовскому прискакал посыльный от Витковского. Корнет, запыхавшийся от скачки, доложил:

— Командир полка сообщает: красные двумя волнами оставляют станцию. Одна уходит по полю, вторая вон по той балке.

— Молодец! Понял. Скачи обратно и передай Витковскому мой приказ: красных по балке не преследовать.

— Есть передать: в преследование не ходить.

Когда корнет ускакал, Дроздовский послал с новой вестью гонца к Казановичу. Сам же он приказал 2-му Офицерскому конному полку пойти вдогон тех отступающих, которые с обозами уходили от Кореневской в противоположную сторону по полю.

Тогда многие задавались вопросом: почему командир 3-й дивизии не начал преследование пехотой? Такой же вопрос задал ему при ближайшей встрече и сам Деникин.

— Почему? Антон Иванович, вы же знаете, что у Кореневской полегло более трети пехоты моей дивизии.

— Знаю, поэтому и не сужу вас, Михаил Гордеевич, строго за выигранное дело. А потом вас могли легко отрезать.

— Разумеется, отрезать. В тот день у Сорокина конницы было гораздо больше, чем у нас с генералом Казановичем.

— Верно. В Академии Генерального штаба у вас, полковник, были хорошие учителя. Но…

— Извините меня, Антон Иванович. Но уложить за Кореневской вторую треть своих стрелков я не мог…

…Опасения того, что красные могут вновь отрезать «дроздов» от остальной Добровольческой армии, оказались не напрасными. Это показали уже ближайшие события. 1-я дивизия генерала Казановича уходила от Кореневской для действий против северной группировки противника. 3-я дивизия получила задачу удержать взятую железнодорожную станцию.

Сорокин Иван Лукич владел ситуацией не хуже своих соперников. Он в тот же день узнал, что половина белых оставила станцию и быстрым походным маршем двинулась к северу, где шли ожесточенные бои. Ответный ход не заставил себя ждать: уже 19 июля красные многократно атаковали Кореневскую.

Однако взять в лоб Кореневскую сорокинцы в тот день не смогли. Тогда они начали глубокий обход оборонявшихся, чтобы замкнуть кольцо вокруг станции, которую удерживала целая дивизия белогвардейцев, о чем было известно. Положение тех становилось критическим.

Вечером того дня, 19 июля, полковник Дроздовский послал с конным разъездом донесение в деникинский штаб. Он был краток: «С наступлением темноты оставляю Кореневскую. Выхожу

из кольца. Буду прорываться на Бейсугскую».

Дивизия «дроздов» оставила станцию с наступлением темноты, когда батареи противной стороны заметно ослабили обстрел Кореневской. За ночь белые прошли в уже привычном для них марш — броске тридцать верст, полностью оторвавшись от красных и избежав таким образом окружения. Наутро дивизионный авангард уже вступал в станицу Бейсугскую.

Тем же утром полковник Дроздовский доложил главнокомандующему о жестоких потерях дивизии и о потребности в отдыхе для людей и лошадей.

Генерал-лейтенант Деникин, прочитав полученное только-только донесение, приказал начальнику армейского штаба Романовскому:

— Иван Павлович, подготовьте приказ о новом наступлении екатеринодарской группы на город.

— Будет исполнено, Антон Иванович. Задачу Дроздовскому уточняем?

— Да. Ему предписать, несмотря на переутомление войск, вернуть Кореневскую и тем облегчить положение 1-й дивизии Казановича в боях под Журавкой.

— Мы можем усилить 3-ю дивизию?

— Нечем, Иван Павлович. В резерве у нас нет ни одного батальона, ни одного орудийного расчета.

— Значит, «дроздам» приходится надеяться только на себя, Антон Иванович?

— Значит, так…

..Дроздовский, получив приказ Деникина, оставил большую часть дивизии для прикрытия операции против Кореневской. Он начал наступление от станицы Бейсугской. Но по прохождении половины пути офицерский разведывательный дозор донес, что на железнодорожной станции сосредоточились крупные силы Сорокина, которые продолжали прибывать.

Тогда Дроздовский от атаки Кореневской под утро отказался и заночевал в хуторе Бейсужек. В это время дивизия Казановича вела тяжелый бой, оказавшись, таким образом, без поддержки: сорокинцы получали возможность усиливаться у Журавки за счет войск, находившихся на станции Кореневская.

Впоследствии такое решение командира 3-й дивизии вызвало немало споров среди белых мемуаристов. Деникин, к примеру, сетовал на случившееся в таких словах: «…Многие военачальники с чрезвычайной неохотой подчинялись друг другу…»

Здесь не надо сбрасывать со счета самолюбие Михаила Гордеевича: он не забыл того, что всего неделю назад властный Казанович объявил себя старшим над ним, поскольку носил

генеральские погоны, а его соратник был только полковником. К тому же натянутыми оказались и отношения дивизионных штабов.

Но все же думается, что не из-за мелочной обиды Дроздовский придержал в ту ночь свои войска. А сил-то у него для атаки станции Кореневская набиралось меньше половины стрелкового полка измученных боями добровольцев. Они сражались на пределе человеческих возможностей в меньших силах.

..Дав на отдых «дроздам» всего полночи, их командир в последующие дни действовал привычно решительно и требовательно. Он словно очнулся после того психологического срыва, когда вместе с Казановичем безуспешно штурмовал Кореневскую.

Утром 25 июля дивизия Дроздовского вышла в тыл Журавской группе красных и двинулась на Выселки. Там вела бой 1 — я дивизия добровольцев. Стороны повели маневренные действия.

«Дрозды» обошли противника, но вскоре и сами оказались обойденными. Михаилу Гордеевичу пришлось лично встать во главе Солдатского полка, чтобы отражать атаки сорокинцев. Те в итоге оказались сами в кольце полуокружения, и им пришлось прорываться в рукопашных схватках через боевые порядки белых, что обошлось красным большими потерями.

Журавская их группа оказалась преследуемой добровольцами генерала Казановича В горячке боя Марковский полк даже попал под пули дроздовцев. К четырем часам дня того же 25 июля группировка большевистских войск под Журавкой оказалась полностью разгромленной.

Значение успешно проведенного боя для белых оказалось велико: теперь они могли развивать наступление на недалекий Екатеринодар. 27 июля Дроздовская дивизия захватывает станицу Кирпильскую на пути к Усть-Лабе. Это был заметный успех: противник отступал в беспорядке.

Развернув опять дивизию в боевой порядок, Дроздовский начал движение на Усть-Лабу. 29 июля он атаковал ее одновременно со станицей Воронежской. Красные, державшиеся здесь, оказались отрезанными от своих главных сил. Тогда Сорокин сильно контратаковал фланги «дроздов», и тем самим пришлось перейти к обороне.

Трудно сказать, как бы развивались события в ближайшие дни, если бы не личная инициатива полковника Генерального штаба Запольского. Он командовал у Дроздовского внештатным батальоном 2-го Офицерского полка — Кубанским пластунским,

составленным из пеших казаков-кубанцев, добровольцев последних дней из близлежащих станиц и хуторов.

Под вечер в штаб к Дроздовскому из батальона кубанских пластунов прискакал хорунжий с радостной вестью:

— Господин полковник, хорунжий Журбенко от полковника Запольского с донесением.

— Докладывайте, хорунжий.

— Полковник Запольский доносит, что разведка пластунов невооруженным глазом наблюдает отход красных обозов за Кубань.

— Хорошая новость. Как отходят обозы?

— Поспешают, господин полковник. Бегут, значит.

— Отлично. Что еще у тебя есть для меня, Журбенко?

— Полковник Запольский передает, что он в такой выгоде с подошедшими корниловцами своим батальоном пошел брать Усть-Лабу и станицу Воронежскую.

— Когда он начал атаку?

— Как только приказал мне доставить в штаб донесение…

Станицы Усть-Лабинская и Воронежская были взяты добровольцами в едином порыве. Арьергард сорокинских войск, попытавшийся было встать у них на пути, был частью уничтожен, частью рассеян.

Прибыв в Усть-Лабу, Дроздовский приказал командирам частей:

— День 30-го всем дается на отдых. С наступлением темноты выступаем на Екатеринодар…

Отдых был прерван уже днем: от главнокомандующего Деникина поступил приказ всеми наличными силами продолжить наступление на столицу Кубанской области. В движение пришла вся Добровольческая армия, видевшая перед собой заветную цель 2-го Кубанского похода:

— Даешь Екатеринодар!

К 1 августа Екатеринодар оказался охваченным белыми с двух сторон — с востока и севера. В этот день «дрозды» заняли Пашковский разъезд (вблизи пригородной станицы Пашковской, находившейся в руках противника), где расположились на ночлег, выдвинув вперед усиленные дозоры с пулеметами. Однако красные их не тревожили.

С рассветом упорный бой возобновился с перестрелки. Дроздовский приказал полковнику Витковскому:

— Атакуйте станицу двумя вашими батальонами. Пашковскую пройти без остановок и максимально выдвинуться к городу…

Атака получилась лихая. Стрелковые цепи двух батальонов

безостановочно покатились через кукурузные поля и сады на Пашковскую. На рассвете они оказались на ее окраине. Красные оставили станицу и, преследуемые добровольцами по пятам, стали откатываться еще дальше.

От города к месту боя подоспели новые отряды красногвардейцев, и атакующие «дрозды» были остановлены. Последовал ответный контрудар, и белые были выбиты из Пашковской в пристаничные сады. Они залегли там. Началась жаркая перестрелка.

Дроздовский, чтобы перевесить чашу весов, подтянул к станице почти всю наличную пехоту, которая еще не вошла в бой. Его приказ ротным и батальонным командирам был предельно краток:

— Лобовым ударом остановить контратаку большевиков…

Добровольцы поднялись в общую атаку по условному сигналу. Бой из садов переместился вновь на окраину Пашковской, где схватки велись за каждый дом, за каждую приусадебную постройку. В станице начались пожары.

За ходом боя с небольшой высоты наблюдал генерал-лейтенант Деникин. Он, как человек опытный, уловил ту минуту, когда дроздовцам потребовалась сильная поддержка Главнокомандующий приказал батальону Кубанского стрелкового полка, бывшего у него в резерве, ударить в тыл красным, оборонявшим отбитую ими вновь станицу.

Неожиданное появление под станицей новых цепей белых, на этот раз с севера, вызвало среди сорокинцев подлинную панику. Они в беспорядке стали отступать к городу, спеша выйти из-под сдвоенного удара Батальоны «дроздов» вновь ворвались в Пашковскую…

…Теперь под ударом Добровольческой армии оказался сам Екатеринодар. Вечером в город, сбивая заслоны красных, ворвалась 1-я конная дивизия генерала-корниловца И. Г. Эрдели. В городских кварталах начались уличные бои. Перестрелки порой переходили в рукопашные схватки, в которых штык скрещивался с шашкой, а приклад с кулаком.

3 августа 1918 года столица Кубанской области полностью оказалась в руках Добровольческой армии. Белогвардейцы праздновали победу: Екатеринодар был взят ими только со второго раза «Первопоходники»-корниловцы говорили:

— Видел бы этот день наш Лавр Георгиевич…

— Не зря Корнилов дожидался нас здесь в своей могиле…

— Памятник поставим Лавру обязательно на этой земле…

Деникин в своих мемуарах образно рассказывает о том, как белым добровольцам удалось взять с боя столицу Кубанского

казачьего края. Антон Иванович, старавшийся в воспоминаниях быть человеком до конца объективным, особо выделяет роль «дроздов» и их дивизионного начальника:

«На 24 июля я вновь назначил общее наступление Екатеринодарской группы, привлекши и 3-ю дивизию: Дроздовскому приказано было, несмотря на переутомление дивизии, наступать на Кореневскую, в тыл Северной группе большевиков с целью облегчения задачи Казановича (сменившего Кутепова во главе 1-й дивизии. — А. Ш.)…

Но трудно было сочетать два характера — безудержного Казановича и осторожного Дроздовского, две системы в тактике: у Казановича лобовые удары всеми силами, рассчитанные на доблесть добровольцев и впечатлительность большевиков; у Дроздовского — медлительное развертывание, введение в бой сил по частям, малыми „пакетами“ для уменьшения потерь.

В течение 4–5 часов Дроздовский, прикрывшись со стороны Кореневской конницей, вел здесь двусторонний горячий бой: обойдя большевиков, он оказался сам обойденным противником…

Сдерживая его с этой стороны артиллерийским огнем, Дроздовский лично с солдатскими ротами отражал атаки с северо-востока…

Армия Сорокина на этот раз понесла жестокое поражение, отступая на всем фронте, преследуемая и избиваемая конницей, броневиками, бронепоездами…»

…Передышка между боями после взятия Екатеринодара оказалась предельно короткой: Гражданская война времени на раздумья не давала. В те дни между Деникиным и Дроздовским состоялся откровенный разговор на тему, которая трогала и главнокомандующего, и командира одной из его дивизий. Речь шла о тактике ведения боев на Кубани.

— Михаил Гордеевич, хочется поздравить вас!

— С чем, Антон Иванович?

— А с тем, что под Пашковской вы наконец-то стали действовать чисто по-добровольчески.

— Вы считаете, что мне с войны мировой приходится переучиваться на войну Гражданскую?

— Несомненно. Но не обижайтесь на такие слова. Ведь переучивался же покойный Марков, светлая память ему. Переучивались Боровский, Кутепов, ваш сегодняшний сосед Казанович, другие строевые начальники. Без этого нам сегодня нельзя воевать и добывать победы.

— Я уже понял, Антон Иванович. Первопоходники берут большевиков лобовыми атаками в надежде на моральную

неустойчивость врага.

— Верно. И обязательно с маневром всеми наличными силами. Тем более что их у нас пока немного.

— Это тоже понятно. Если, к примеру, увидеть хоть раз, как атакуют Корниловский или Марковский полки.

— Верно, Михаил Гордеевич. Это лучшие полки, что были под знаменами незабвенного генерала Корнилова Имел честь быть с ним узником Керенского в Быховской тюрьме.

— Антон Иванович, осмелюсь спросить: а чем хуже корниловцев и марковцев мой Офицерский полк?

— Ничем не хуже, Михаил Гордеевич. Вот вам мое слово.

— Почему тогда начальник армейского штаба так относится к 3-й дивизии? И к ее командиру?

— Романовский — сложный человек. В армии о нем ходят противоречивые суждения. Но как штабной работник — без претензий.

— Еще бы, генерал-квартирмейстер Ставки.

— И тоже был в Быхове с Лавром Георгиевичем.

— Романовский тоже считает, что я воюю по правилам Николаевской академии генштабистов.

— Да. Для вас это, наверное, не секрет…

Действительно, Дроздовский в походе Яссы — Дон в первые месяца два после этого воевал в ходе Гражданской войны «воевал по старинке». То есть так, как его учили до этого. Ведь только вчера он был армейским штабистом, полковым командиром В чем это выражалось?

Лучше всего, пожалуй, на это ответить словами мемуариста Антона Ивановича Деникина, под знаменами которого, собственно говоря, и произошел взлет в Гражданской войне героя Белого дела Дроздовского с его монархистами — «дроздами». То есть еще раз повториться в словах, смысл которых особо важен в понимании идущей войны «дроздами» и их военным вождем: «Дроздовскому было свойственно… медленное развертывание, введение в бой сил по частям, малыми „пакетами“ для уменьшения потерь, которые от этого не раз становились еще тяжелее…»

Была ли такая тактика «ущербной»? Ведь так в году 1918-м бились друг с другом и белые, и красные, в штабах которых служило много генштабистов старой русской армии.

Нет, не была. Ведь исполнителями таких тактических приемов вооруженной борьбы в поле были перспективные военачальники. Как у белых, так и у красных, где в командирах от ротного и выше в том же 1918 году ходили преимущественно бывшие офицеры, большей частью мобилизованные на войну

Гражданскую. Только воевать красным офицерам приходилось под присмотром партийных комиссаров. Такова была проза тех событий.

Объяснение тому есть.

Во-первых, «выходец» из Первой мировой войны действовал в начале 1918 года так, как его учили академические профессора, исходившие прежде всего из опыта Русско-японской войны 1904–1905 годов. Он воевал так, как действовали русские армии Юго-Западного фронта, их полки и дивизии. В этом ничего удивительного нет.

Во-вторых, тактика и стратегия в Гражданской войне на российской территории не знали аналогов. Соратники Корнилова и Деникина познали это искусство несколько раньше, поскольку Дроздовский в своем прорыве через Северное Причерноморье и Приазовье не испытывал той ярости боев, как корниловцы в Ледяном 1-м Кубанском походе.

И в-третьих, общеизвестно было то, как Михаил Гордеевич берег своих соратников. Стараясь свести людские потери к минимуму, он, в свою очередь, никогда не боялся подставлять себя под вражеские пули. То и другое мы видим в боях за Ростов-на-Дону, за Торговую и Пашковскую. Этому правилу личного поведения на поле брани он не изменил и в последнем для себя бою за Ставрополь.

Впрочем, как и у красных, так и у белых это было нормой поведения военных вождей. За примерами, как говорится, ходить далеко не надо. В Красной армии бесстрашием своим блистали Миронов и Чапаев, Азин и Щорс. В Белой армии — их оппоненты в лице Корнилова и Маркова, Каппеля и барона Унгерна. В этих списках имен может быть гораздо больше. Особенно тех, кто пал в Гражданской войне.

Такие люди, лично бесстрашные и мужественные, перед боем (и после боя тоже) наставляли подчиненных им командиров рангом поменьше такими словами:

— Своих бойцов вести в атаку лично, господа офицеры (или товарищи краскомы)… Умрем все за Россию (старую или Советскую)…

Ясно лишь одно: умение воевать в условиях Гражданской войны давалось каждому из них кровавым опытом боев. Или, если сказать иначе, первой кровью своих бойцов. И часто своей собственной.

…Однако сами дроздовцы, оказавшись белоэмигрантами и взявшись писать «белые» мемуары, относились к обвинениям своего легендарного командира в том, что он воевал «по старинке», «по всем академическим правилам», несколько иначе.

Они видели весь корень зла в недоброжелательном отношении начальника штаба Добровольческой армии Романовского к Дроздовскому, хотя и не называя его прямо «выскочкой».

Их взаимоотношения в истории Добровольческой армии общеизвестны. Не случайно же один из мемуаристов-дроздовцев писал буквально следующее:

«…Во все время этих боев генерал Романовский упорно проводил свой план по уничтожению нашей дивизии, держа ее непрерывно на главном направлении, и дивизия несла крупные потери.

Отношения между Дроздовским и Романовским стали открыто враждебными. Дроздовский опасался покушения на себя со стороны каких-либо лиц, посланных Романовским…»

Действительно, отношение начальника деникинского штаба к 3-й «монархической» дивизии было откровенно недоброжелательным Чего стоят только одни упреки и выговоры в приказах по армии, которые прямо или косвенно относились к полковнику Дроздовскому.

Дроздовцы в своих послевоенных мемуарах прямо утверждали, что генерал Романовский всячески блокировал поступление в их дивизию пополнения, а во время тяжелых боев лишал ее подкреплений. Последнее за него не раз приходилось делать самому главнокомандующему Антону Ивановичу Деникину. В этом действительно есть немалая доля правды, которую отрицать сложно было и тогда, и сейчас Михаилу Гордеевичу не раз приходилось задавать Деникину вопросы по кадрам, как это было, скажем, после скорого взятия города Армавира:

— Антон Иванович, разрешите вопрос напрямую?

— Задавайте, Михаил Гордеевич.

— В Армавире на призывной пункт в первый же день явилось больше сотни офицеров и фронтовиков. Но по приказанию Боровского все они пошли на пополнение сил Казановича.

— Да, я знаю об этом. У генерала Казановича потерь в людях было больше, чем в других дивизиях.

— Согласен, что штаб армии поступил справедливо, Антон Иванович.

— Тогда в чем же заключается ваш вопрос?

— А в том, что среди армавирских офицеров были люди, которые хотели вступить в ряды именно 3-й дивизии, стать «дроздами».

— Вы, Михаил Гордеевич, говорите о тех, кто готов идейно постоять за монархию?

— Точно так, Антон Иванович.

— Хорошо. Я прикажу Романовскому при распределении добровольного пополнения учитывать и настроения, пожелания офицеров и других лиц.

— Благодарю вас..

Поскольку 3-я дивизия, как и другие, постоянно нуждалась в людских пополнениях, боеприпасах и лошадях, то Дроздовскому приходилось хлопотать о них частным порядком. То есть лично обращаться с такими просьбами и рапортами к Деникину. Что, естественно, еще больше осложняло отношения с генералом Романовским, «который не терпел себе возражений».

Известно и другое. Сам полковник Генштаба Михаил Дроздовский в приватных разговорах со своими соратниками не раз заявлял следующее:

— Романовский не любит нашу дивизию за то, что мы с вами за Романовых, что алы монархисты идеи… Начальник штаба армии забывает, что рядовые добровольцы ходят в офицерских погонах… Скажу что думаю: Романовский явится прямой и непосредственной причиной гибели Белого движения…

Отношения командира дивизия с начальником армейского штаба немало беспокоили самих «дроздов», прежде всего их командиров, которые вышли на Гражданскую войну из Скинтеи. Начальник дивизионной разведки Болотовский, человек не только решительный, но и авантюрного характера, однажды прямо предложил Дроздовскому:

— Михаил Гордеевич, может быть, для пользы дела следует просто самим убрать Романовского? Не ждать, пока это сделает Деникин?

— Этого нельзя делать. По крайней мере, сейчас.

— Почему?

— Если бы не преступное, сказал бы я, пристрастие и попустительство главнокомандующего к нему, то я ни минуты не задумался бы обеими руками благословить вас на это дело. Но пока приходится подождать…

…Романовский действительно испытывал к себе неприязнь не только «дроздов», но и корниловцев. Однако с ним свои «сведут счеты» гораздо позже, весенним днем 1920 года, когда бывший всесильный начальник штаба белых Вооруженных сил Юга России был уже эмигрантом. Тогда и состоялось на него покушение…

…Отдохнуть и прийти в себя дроздовцам в гостеприимном Екатеринодаре так и не пришлось. 3-я дивизия получила приказ Деникина перейти на левый берег Кубани и двинуться на Армавир, чтобы овладеть им. Дроздовский, по указанным выше причинам, высказал свое открытое недовольство такой задачей, поставленной перед его бойцами:

— У меня люди измотаны. Даже лошади и те с трудом тянут орудия и зарядные ящики. Им же отдых нужен после таких боев… Операция на Армавир слишком рискованная и может погубить весь Кубанский поход. Армейскому штабу надо искать другие ходы…

Но главнокомандующий, по настоянию Романовского, повторил свой приказ. Полковнику Дроздовскому пришлось подчиниться. Отношения со штабом Добровольческой армии оказались окончательно испорченными: там прямо заговорили о том, что командир 3-й дивизии становится трудноуправляемым.

— Этот полковник становится все больше похожим на самостийников из Кубанской рады…

— Дроздовский стал забывать, что приказы отдаются старшим младшему для исполнения, а не для их обсуждения в кругу своих офицеров…

— Действия командира 3-й дивизии подрывают управление Добровольческой армией…

В той ситуации за Дроздовского заступился, пожалуй, самый авторитетный человек для Добровольческой армии — ее Верховный руководитель генерал от инфантерии М. В. Алексеев. Его здоровье резко ухудшилось, и он в силу этого отошел от непосредственного руководства ходом событий и военных дел.

Алексеев счел уместным поспешить переговорить с Деникиным о сложившемся негативном отношении штаба армии лично к полковнику Дроздовскому.

— Антон Иванович, мы можем потерять Дроздовского для Белого дела.

— Знаю, Михаил Васильевич. Отношения его с генералом Романовским с каждым днем становятся все более натянутыми. Об этом знает весь мой штаб.

— Тогда надо поговорить с Романовским с глазу на глаз. Нельзя нам с вами вносить раскол в ряды Добровольческой армии.

— Это мне понятно и без всяких слов. Как же тогда мне, как главнокомандующему, Михаил Васильевич, поступить с Дроздовским? В штабе уже поговаривают о необходимости его смещения с должности командира дивизии.

— Что вы, Антон Иванович! Для своих «дроздов» он просто не заменим ни вчера, ни сегодня, ни завтра.

— Тогда как же мне поступить? Полковнику Генштаба стало трудно приказывать. Он стал напоминать военфельдшера Сорокина у красных.

— Пусть он воюет как умеет, как бог на душу его положит. Нам нужны победы, и Дроздовский их добывает для нашего дела.

— Значит, требования к нему штаба армии занизить и упростить?

— Зачем это? Мы же кадровые военные. Думаю, что Михаилу Гордеевичу надо чаще подсказывать…

…Подсказки из штаба армии не помогали. Дроздовский твердо решил быть предусмотрительным. Только после получения самых достоверных разведывательных данных о противнике в районе Армавирского узла он 26 августа приказал части дивизии начать переправу на противоположный берег Кубани. Отказавшись от лобовой атаки, он вознамерился нанести красным удар во фланг и таким образом сбить их с занимаемой позиции.

Когда почти вся дивизия и часть тылов оказались на левобережье, Дроздовский отдал приказ о наступлении. И его «дроздам» сразу стало жарко. Такую важную для Добровольческой армии железнодорожную станцию Гулькевичи они взяли только после четырехдневных, крайне упорных боев с неизменными большими потерями в людях для той и другой сторон.

Затем белые взяли с боем станцию Кавказская. После этого 3-я дивизия привычно повела наступление на восток вдоль линии железной дороги. Гражданская война в тот год называлась еще «эшелонной», поскольку велась обычно вдоль железных дорог, которые являлись важнейшими коммуникационными линиями красных и белых.

…Красное командование в лице Ивана Сорокина и правительства Северо-Кавказской Советской республики (была такая в годы Гражданской войны в России) сразу поняло, какую опасность представляет собой такой ход противника. Из Армавира на фронт перебрасываются значительные подкрепления. 1 сентября дроздовцы, огрызаясь контратаками, оказались оттесненными к Гулькевичам.

Там их положение заметно улучшилось. Соседняя 1 — я конная дивизия, которая накануне была принята генералом П. Н. Врангелем, своими активными действиями сковала Михайловскую войсковую группу красных.

С этого времени ситуация на Северном Кавказе стала складываться для белых все более удачно. И дело было не только в том, что в красных тылах одна за другой восставали станицы кубанских и терских казаков. И далеко не все горские народы поддерживали национальную политику Советов, которая сводилась к кровавой борьбе с «контрреволюционным» казачеством, к взаимным погромам станиц и аулов в Терской области.

Удача сопутствовала прежде всего 2-й дивизии генерала

А. А. Боровского. По полученному ранее приказу главнокомандующего она 2 сентября ударила в тыл Армавирской группировке красных. В итоге белые овладели большой станицей Невинномысской, стоявшей на перекрестье дорог.

По случайному совпадению в том случае добровольцам удалось предупредить наступление противника, назначенное на то же число. В итоге схватки за Невинномысскую отряды сорокинцев отхлынули к Армавиру. Причем делалось это в немалом беспорядке Отступавшие привнесли в городской гарнизон элемент паники, что и сказалось в самые ближайшие дни.

Корниловцы преследовали отступавших сорокинцев. Весь день 3 сентября ушел у дроздовцев на отбитие пеших и конных атак красных со стороны Армавира Те пытались прорвать неприятельскую позицию, чтобы избежать захвата в кольцо окружения. Однако в их ударах уже не чувствовалось ни организующей силы, ни воли к победе.

Но 4 сентября дивизия Дроздовского сама возобновила атаки, шаг за шагом приближаясь к городу, на ближние подступы к которому вышли утром 6 сентября. Начался многочасовой бой за Армавир, который вели одновременно и 2-я дивизия, и 3-я дивизия. Они сомкнули свой фронт уже в самом городе.

Потери Армавирской группы сорокинской армии оказались огромны. Белые преследовали ее отступавшие остатки до ночи.

…Однако в той ситуации Армавир оказался в руках торжествующих добровольцев всего с неделю. 10 сентября город принял на себя удар подошедшей Таманской Красной армии, которая насчитывала в своих рядах до тридцати пяти тысяч штыков и сабель. Боевой настрой и спайка таманцев, совершивших свой легендарный в Гражданской войне поход, были выше всяких похвал.

История Таманской армии такова. Она была сформирована в конце августа 1918 года в Геленджике из частей и отдельных отрядов Красной армии Северного Кавказа. Эти силы большевиков были отрезаны Добровольческой армией от Таманского полуострова Теперь красным таманцам приходилось идти на прорыв обходным движением через Туапсе.

Таманцы двигались несколькими походными колоннами. Армией командовал избранный на пост командующего бывший матрос Иван Матвеев, через месяц с небольшим расстрелянный по приказу Сорокина Авангардную колонну вел бывший фронтовик в чине штабс-капитана Епифан Ковтюх, который не пережил репрессии 30-х годов.

Этот город-порт был уже занят войсками меньшевистской

Грузии, которая решила «приватизировать ничейные территории» на черноморском побережье к северу от Абхазии. Туапсе, равно как Адлер, Сочи и другие населенные пункты побережья, заняла пехотная дивизия грузин. В скором времени на российско-грузинской границе генералу Деникину придется держать немало сил «на всякий случай» вторжения войск правительства Тбилиси.

Таманская Красная армия выступила в поход 28 августа Она двинулась вдоль берега Черного моря и подошла к Туапсе. Грузинская пехотная дивизия была в коротком бою наголову разбита и обращена в бегство. Победители взяли богатые трофеи: шестнадцать орудий, десять пулеметов, шесть тысяч снарядов и восемьсот тысяч патронов. Когда таманцы перевалили за горный хребет и оказались на земле Кубани, недостатка, как и белые добровольцы, в патронах и снарядах они не имели.

Перевалив за отроги Главного Кавказского хребта, Таманская армия у станицы Дондуковской соединилась с сорокинскими войсками и повела вместе с ними бои за Армавир. В середине декабря 1918 года армия красных таманцев была переформирована в 3-ю Таманскую стрелковую дивизию.

О появлении новых красных со стороны Кавказских гор, от реки Сенюхи, притока Лабы, в штабе Дроздовского узнали так.

— Михаил Гордеевич, к вам срочный нарочный от старейшин черкесского аула, что за Лабой.

— Зови его.

Прибывший горец, при оружии (шашка, кинжал) в серебре и с солдатским Георгием на груди, представился сразу.

— Всадник Черкесского полка Кавказской конной дивизии Юсуп Чачух. К вам от аула Кошехабль.

— Говори, какую весть привез?

— С гор на вас спускается большая колонна красных. Есть батареи. В черкесских аулах забирают силой весь провиант, коней. Жители бегут в леса.

— Откуда они могли появиться? Не отряд Сорокина?

— Нет, не сорокинцы. Идут от Черного моря. Это точно, дорога к нам от Туапсе одна.

— Кто командует этими красными, известно?

— Точно так. Штабс-капитан Ковтюх.

— Не слушал еще о таком.

— А главным у них какой-то матрос.

— Тебя послали к нам с вестью старейшины аула?

— Они. Сказали: спеши, а то и нам, и белым будет поздно.

— Молодец, вовремя прискакал. Передай вашим старейшинам благодарность лично от генерала Деникина. И от меня, полковника Дроздовского.

— И мы вас благодарим, господин полковник.

— За что получил на фронте Георгия?

— За Карпаты, когда с австрийцами и венграми воевали.

— Генерала Корнилова приходилось видеть?

— Да. Его пешая дивизия наступала рядом. В Карпатские горы первой прорвалась…

Появление на Кубани Таманской Красной армии резко меняло ситуацию и соотношение сил сторон. В книге Валерия Клавинга «Гражданская война в России: белые армии» о тех событиях вокруг Армавира рассказывается так:

«…Советское командование, прояснив и оценив обстановку на Кубани и Северном Кавказе, приняло запоздалое решение о создании единого командования и назначило 03.08.1918 Сорокина командующим войсками Северного Кавказа, одновременно подчинив ему войска Таманской армии (командарм Матвеев) и приказав продолжать попытку прорыва к Екатеринодару. Таманцам ставилась задача быстрейшего соединения с войсками Сорокина.

Этому противодействовали кубанские войска генерала Покровского. Таманцы после ожесточенных боев задачу выполнили, соединившись 17.09.1918 в станицах Пшехской и Белореченской (под Армавиром) с войсками Сорокина.

Добровольческая армия, завязав 15–17.09.1918 бои за Армавир, захватила его 18.09.1918 и станицу Невинномысскую (2-я дивизия генерала Боровского).

Но войска Таманской армии, поддерживаемые теперь частями Сорокина, после нескольких ожесточенных атак выбили 21.09.1918 добровольцев Покровского из Армавира и подошли к станице Михайловской, прикрыв фланг армии Сорокина В целом к 01.09.1918 у Сорокина (включая таманцев) на линии фронта действовало около 80 000 штыков и сабель; у Деникина все еще насчитывалось не более 35 000. Поэтому в некоторые моменты бои принимали весьма ожесточенный характер, и отдельные станицы и города по нескольку раз переходили из рук в руки.

К этому времени в районе Армавир — Михайловская сформировалось пять колонн (отрядов) Таманской армии Матвеева и армии Сорокина — от района Армавир — Невинномысская и до станиц Родниковская и Лабинская. Кроме того, в районе Благодаренска (Ставропольская губерния) действовала Ставропольская группировка красных войск. Общая численность этих войск достигала 150 000 штыков и сабель!

У Армавира непосредственно им противостояли до 10 000 штыков и сабель. Непрерывно атакуя Армавирскую группу, добровольцы 30.09.1918 ворвались в город. Но на следующий

день опять были выбиты таманцами…»

К тому времени Армавир прикрывала уже только одна 3-я дивизия. Штурм города таманцы начали 12 сентября, охватывая город с севера Дроздовский неоднократно бросал свои полки и батальоны в контратаки и сумел продержаться на *занимаемых* позициях только до вечера. С полным наступлением темноты бой, по сути дела, прекратился.

На исходе дня таманцы большими силами стали разворачиваться для боя и к югу от города. Получив такие сведения, Михаил Гордеевич осознал, что дело принимает рискованный оборот. В деникинском штабе это тоже видели, но там надеялись, что «дрозды» важный город с железнодорожной станцией все же удержат. В 3-ю пехотную дивизию было послано приказание: «Армавир сохранить за собой. Резервов у армии нет. Оперируйте своими силами. *Деникин, Романовский».*

Приказание опоздало всего на несколько часов. Но можно считать, в той ситуации одной пехотной дивизии, обескровленной в непрерывных боях, было не под силу удержать город.

В ночь на 13 сентября полковник Дроздовский приказал дивизии переправиться на правый берег Кубани, сохранив за собой переправу. «Дрозды» расположились в станице Песчаноокопской, на жителей которых они могли положиться.

К слову говоря, Армавир был оставлен Дроздовским не только по причине видимого охвата города полками Таманской армии. На этот раз, по признанию белых мемуаристов, главный удар им нанес не противник, а… винокуренный завод барона Штенгеля: готовой продукции там оказалось немало, только разливай и наливай. Один из мемуаристов впоследствии напишет такие слова: «Пропили Армавир…»

Это была проза Гражданской войны, которую скрывать не стоит. Пьянство добровольцев носило отпечаток психологического надрыва. Перенапряжение человеческих сил в боях, которые шли днем и ночью, требовало расслабления. Сказывались постоянные марш-броски, постоянное хождение в штыковые атаки, постоянная гибель вокруг тебя товарищей и однополчан. Такое ломало самые психически сильные личности.

Такое явление среди «дроздов» наблюдалось и в станице Песчаноокопской, которую заняла раньше всех дивизионная кавалерия, находившаяся в резерве. Один из мемуаристов вспоминал:

«Каждое утро, когда эскадрон просыпался, на подводах посылалась на свиной остров (то есть на местную свиноферму. — А. Ш.) компания охотников, которая и привозила двух-трех убитых свиней.

Затем ввиду близости завода барона Штенгеля начиналось ежедневное повторение армавирской программы: завтраки переходили в обеды и ужины непрерывной чередой, а ночью по пустынным улицам Песчаноокопской среди темных, мрачно молчаливых домов скакали бешеные пары и тройки, в одиночку и целыми поездами, пугая мирных домовых старообрядческих хат смехом, пением и стрельбой в воздух, — это эскадроны ездили друг к другу в гости…»

Нужно сказать, что полковнику Дроздовскому не сразу удалось сладить со своими расходившимися кавалеристами, на которых стояние в резерве подействовало таким образом. Отрезвляюще оценили не угрозы командира дивизии, а попытки красных овладеть переправой.

…На рассвете 13 сентября к дроздовцам подошло подкрепление — сводный отряд марковцев полковника Н. С. Тимановского в полторы тысячи человек. Решительный тактик Тимановский не зря считался среди корниловцев одним из лучших полковых командиров. Он уже в полдень атаковал красных перед Армавиром и сбил их с занимаемой позиции.

Этот успех можно было развить, но Дроздовский приказал частям своей дивизии в этот бой не вступать, пообещав своим добровольцам двухдневный отдых.

Но на следующий день он получил повторный приказ генерал-лейтенанта А. И. Деникина: «3-й дивизии вернуть Армавир».

Полковник Дроздовский ответил главнокомандующему без всяких на то промедлений: «Противник в превосходящих силах защищается. Дивизия несет большие потери. Подтягиваю резервы и перехожу в решительную атаку».

Деникину, как свидетельствуют очевидцы, такой ответ понравился. Он даже заметил начальнику армейского штаба генералу Романовскому:

— Вот донесение воина.

На что уязвленный такими словами самолюбивый Романовский не преминул ответить:

— Посмотрим, как скоро полковник Дроздовский вернет оставленный им без приказа город…

Это замечание немало обеспокоило главнокомандующего Деникина. 14 сентября он лично прибыл в расположение 3-й дивизии. Но та уже воевала, совместно с Марковским полком Тимановского атаковав Армавир с северо-западного направления. В тех атаках белые успеха не добились: красные защищали город упорно и удачно благодаря тому, что из Михайловской группы (от станицы Михайловской) они постоянно получали поддержку.

В армейском штабе этого не видели. Зато Дроздовский почувствовал это, как говорится, «на собственной шкуре». Поэтому при встрече прибывшего главнокомандующего он сразу же развернул перед ним оперативную карту с многочисленными пометками своих штабистов. Разговор сразу же начался с дела.

— Антон Иванович, смотрите: вот Армавир, а вот Михайловская группа большевиков. Связь между ними надежная и под нашим ударом быть пока не может.

— Михаил Гордеевич, вы считаете, что резервы к красным идут из Михайловской группы?

— Вне всякого сомнения. Вот показания пленных.

— Хорошо. Значит, вы считаете, что Армавир нам не вернуть без ликвидации Михайловской группы.

— Вне всякого сомнения, Антон Иванович. Сейчас наши атаки на Армавир бесцельны, только людей зря теряем.

— Пожалуй, я с вашими доводами согласен, Михаил Гордеевич.

— Значит, мне можно связаться с Тимановским.

— Да Вам и ему мой приказ: атаки города прекратить. Удар 16-го нанести совместно с 1-й конной дивизией во фланг и тыл Михайловской группе большевиков.

— Есть передать ваш приказ генералу Врангелю…

…17 сентября белые не штурмовали Армавир. Однако в советских источниках о Гражданской войне говорится, что красногвардейцы в этот день полностью разгромили ворвавшиеся в город два деникинских офицерских полка.

Таковыми 17 сентября могли быть только Марковский Офицерский полк и 2-й Офицерский полк 3-й дивизии. В действительности они сражались на другом участке фронта под Армавиром «Дрозды», к примеру, вели огневой бой у станицы Михайловской…

3-я дивизия вышла на позицию 1-й конной дивизии генерала Врангеля вечером 17 сентября. Здесь Дроздовский проявил самоуправство, наказуемое на фронте. Вопреки полученному лично от главнокомандующего приказу, он заменил конную дивизию, то есть спешенных кавалеристов, на позиции своей пехотой — офицерским и солдатским полками.

На следующий день, 18 сентября, дроздовцы в одиночку атаковали станицу Михайловскую. Желание командира 3-й дивизии своими силами, в одиночку, разбить Михайловскую группу красных едва не закончилось для него плачевным поражением Сорокинцы ответили сильным контрударом, благо имели весомое численное превосходство, и стали теснить белых. По атакующим цепям красногвардейцев неслись крики:

— Бей белых гадов! Бей!..

Причина была не только в этом Артиллерия дроздовской дивизии в тот день молчала из-за отсутствия снарядов, тогда как батареи красных получили, по сути дела, возможность безнаказанно вести губительный орудийный огонь, совершенно не опасаясь контрбатарейной дуэли с профессионально выученными офицерскими расчетами неприятеля.

Наступавшие на станицу Михайловскую цепи белогвардейцев сперва откатились на исходные позиции. Красные не только продолжили натиск, но и усилили его. В итоге 3-я дивизия добровольцев отступила к станице Петропавловской. Батареи «дроздов» продолжали молчать…

…Полковник Дроздовский был вызван к главнокомандующему. Деникин пощадил его самолюбие, проведя разговор с глазу на глаз, хотя тон высказываний старшего был необычно резок.

— Михаил Гордеевич, вы получили мой приказ действовать против красных в Михайловской совместно с конной дивизией?

— Получил, ваше превосходительство.

— Тогда объясните мне, почему вы атаковали станицу самостоятельно, без поддержки генерала Врангеля?

— Мои стрелки лучше подготовлены для атаки в пешем строю, чем конница.

— Согласен. Но кавалерия способна развить успех пехоты, зайти противнику в тылы, ударить по его флангам. Вас этому учили в академии, а на фронте генерал Щербачев?

— Так точно. Учился и в академии, и на фронте.

— Вы знали, что дивизионная артиллерия расстреляла под Армавиром последние снаряды?

— Знал, Антон Иванович.

— Барон Врангель вам говорил, что его конная батарея небольшой запас снарядов имела?

— Так точно, я об этом знал.

— Тогда только лично вы виноваты в том, что ваша пехота пошла на Михайловскую без мало-мальской артиллерийской поддержки.

— Я этой вины за собой не отрицаю.

— Отрицать — это одно. А кто за бездарно погибших ответит?

— Командир дивизии. То есть лично я.

— Вам пора понять, Михаил Гордеевич, что самовольство на войне недопустимо. И каждый раз при желании его такие действия оплачиваются кровью и срывом поставленных свыше задач.

— Если я виноват, то прошу наказать меня, Антон Иванович.

— Это уже мальчишество, Дроздовский. В следующем невыполнении приказа главнокомандующего вам придется расстаться с вашей дивизией и занять менее ответственный пост.

— Расстаться с моей дивизией, которую я привел сюда из Румынии?!

— Именно так. Вы сегодня в армии, а не в белых партизанах…

…Стерпеть такой реальной угрозы Дроздовский, при всем своем самолюбии, конечно, не смог. Одно дело — снять его с комдива, другое дело — отобрать у него из подчинения скинтейских бойцов. Конфликт получался нешуточный. А притушил его не кто иной, как генерал Романовский. Он не случайно любил повторять фразу: «Ряды нашей армии должны быть едины».

Оскорбленный Дроздовский вспылил и 27 сентября написал на имя главнокомандующего рапорт. Он больше походил на ответ в стиле памфлета. Но каждое слово в нем содержало слишком много человеческой горечи и потому принималось всерьез. Вот лишь выдержка из этого рапорта, отправленного на имя Деникина:

«…Невзирая на исключительную роль, которую судьба дала сыграть мне в деле возрождения Добровольческой Армии, а может быть, и спасения ее от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней, мне, пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне…»

Рапорт по случаю попал на стол генерала Романовского. Тот, внимательно прочитав его, отправил его назад автору. При этом начальник штаба армии сделал приписку к рапорту. «Михаил Гордеевич, считаю для себя недопустимым докладывать главнокомандующему такие документы, как Ваш. С уважением, *Романовский*».

Все же суть дроздовского рапорта Романовский доложил Деникину. Он не мог не проинформировать его о сложившейся конфликтной ситуации, которая могла подорвать ни много ни мало как единство Добровольческой армии. Это виделось более чем серьезным Суть разговора двух генералов, давно знавших и ценивших друг друга, заключалась в следующем.

— Антон Иванович, я вам вкратце изложил рапорт командира третьей дивизии на ваше имя.

— Благодарю. Суть его я понял. Полковник, всего лишь полковник, подчеркивает свое личное значение для

Добровольческой армии. Для нас, корниловцев. И естественно, намекает на личную преданность подчиненных ему полков и батарей.

— «Дрозды», Антон Иванович, действительно преданы своему комдиву. Дроздовский среди добровольцев ныне легенда.

— Не сомневаюсь в этом Как вы видите внутреннюю угрозу в дроздовском рапорте?

— Дроздовский открыто выдвигает претензии на право самостоятельности в боевой деятельности.

— А что еще, Иван Павлович?

— Он требует поставить его и дивизию вне критики с вашей стороны и со стороны штаба армии.

— Верно. Но это в данной ситуации не самое опасное для нашей армии.

— Вы имеете в виду, Антон Иванович, что Дроздовский может пойти на мятеж?

— Ну, скажем, не на открытый мятеж.

— Тогда что вы имеете в виду?

— То, что полковник Дроздовский в крайнем случае может покинуть ряды Добровольческой армии.

— Как покинуть, Антон Иванович. Это же армия, а не боярская дружина из Древней Руси.

— Романовский, суть в том, что наша армия добровольческая.

— А присяга, данная нами на верность Отечеству.

— Мы с вами давали в жизни две присяги. Первую на верность короне Российской империи. Вторую в феврале прошлого года Временному правительству юриста-социалиста Керенского. Но сегодня нет ни первой власти, ни второй.

— Вы считаете, что в крайнем случае Дроздовский может уйти из армии?

— Если он покинет наши ряды, то только со своими бойцами. И будет воевать с большевиками самостоятельно, как ему видится.

— Значит, Антон Иванович, конфликт с третьей дивизией реален? С дивизией «дроздов»?

— Да, но его нам надо избежать любой ценой.

— Как вы это видите?

— Надо оставить отступление третьей дивизии от станицы Михайловской без дисциплинарных взысканий.

— Но дальше же так продолжаться не может, Антон Иванович.

— Не может, вы правы. Но давайте будем щадить самолюбие полковника Дроздовского. Он людей в бой водит в первой цепи.

— Вы его высоко цените?

— Не только я, но и генерал Алексеев Михаил Васильевич. Он наш верховный руководитель…

Такой конфликт был из числа рядовых в годы Гражданской войны. Справедливости ради можно заметить, что и в северо-кавказской красной армии подобное происходило не раз в том же 1918 году. В бытность пребывания во главе ее бывшего казачьего военфельдшера Сорокина внутренние трения доходили «до междоусобных стычек в пяти километрах от фронта».

Показательно, что дроздовцы в своих мемуарах остро ставили вопрос о «травле» своего комдива со стороны командования Добровольческой армии. Так, к примеру, писалось: «…За малейшую неточность, за малейшую оплошность, за малейшее промедление, происшедшее благодаря превосходству сил противника, Дроздовский получал от Деникина, соответственно информированного Романовским, замечания и выговоры в приказах и устно публично».

Сам главнокомандующий генерал-лейтенант Деникин к рапорту Дроздовского отнесся «вполне разумно». Он не испытывал к Михаилу Гордеевичу какой-то неприязни, ценя его командирские достоинства. Позже А. И. Деникин опишет случившееся дело с рапортом таким образом:

«Своим трудом, кипучей энергией и преданностью национальной идее Дроздовский создал прекрасный отряд из трех родов оружия и добровольно присоединил его к армии. Но и оценивал свою заслугу не дешево…

Рапорт Дроздовского — человека крайне нервного и вспыльчивого — заключал в себе такие резкие и несправедливые нападки на штаб и вообще был написан в таком тоне, что, в видах поддержания дисциплины, требовал новой репрессии, которая повлекла бы, несомненно, уход Дроздовского.

Но морально его уход был недопустим, являясь несправедливостью в отношении человека с такими действительно большими заслугами.

Так же восприняли бы этот факт и в 3-й дивизии…»

Думается, что столь строгое отношение к личности Дроздовского со стороны командования Добровольческой армии в лице Деникина и Романовского не всегда было оправдано жизнью. Бесспорно, два «первопоходника»-корниловца ревниво относились к соперничеству между дивизионными коллективами. К тому же ни главнокомандующий, ни начальник штаба армии к кругу монархистов не относились.

Было и другое немаловажное обстоятельство. В рядах Добровольческой армии оказалось немало представителей генералитета старой русской армии, с богатым фронтовым

опытом и военными заслугами. Поэтому реально немало людей при переформировании деникинской армии обладали правом занять должности командиров дивизий. Порой генералы с боевой биографией занимали в штабах и тылах должности рядовых военных чиновников, но при этом они оставались, что говорится, «при деле».

Но тогда Антон Иванович Деникин, прекрасно зная качество «резервного генералитета», в котором у белых на юге России недостатка с начала Гражданской войны не испытывалось, так разъяснил свою «кадровую политику»:

— В поход и в бой дивизии поведут только те начальники, которые авторитетны среди своих добровольцев. Только те будут командовать, водить людей в бой, которые еще корниловцами доказали в боях свое право начальствовать… Дроздовцы имеют на то такое же право, равно как и «первопоходники»-корниловцы…

Следует заметить, что именно такой подход к назначению чисто строевого начальства — командиров рот и батарей, батальонов и дивизионов, бригад и дивизий — обеспечил во многом боеспособность и живучесть Белой армии. Или, говоря вернее, Белой гвардии.

Такого обилия офицерских и генеральских кадров другие военные формирования Белого движения в Гражданской войне не испытывали. Даже наоборот, опытных командиров не хватало в армиях адмирала А. В. Колчака, Верховного правителя России, и в белой армии на Русском Севере…

…«Дрозды», оказавшись в горниле Гражданской войны, стремились буквально во всем превзойти своих соратников. Можно спорить долго и бесконечно, было ли это состязание, оплачиваемое кровью сотен и тысяч людей, и носило ли оно «спортивный» характер.

Главным в том состязании все же была общая победа. Победа Белого дела. Победа в Гражданской войне, которая к осени 1918 года уже захлестнула всю старую Россию. Если в начале года в ней значились только всполохи противостояния Белого и Красного движений, то теперь по российским просторам полыхал настоящий пожар, вобравший в себя, как в фокус, весь букет социальных катаклизмов.

Что говорил в те июльские и сентябрьские дни тяжелейших боев своим добровольцам полковник Дроздовский, герой Белого дела?

Под какими лозунгами он поднимал своих бойцов — офицеров Румынского фронта и города Ростова-на-Дону, солдат — фронтовиков-самурцев и бывших пленных красноармейцев, кубанских казаков-повстанцев?

Верил ли Михаил Гордеевич Дроздовский, георгиевский кавалер из Великой мировой войны, в конечную победу армии белых добровольцев?

Его слова дошли до наших дней в мемуарных воспоминаниях белоэмигрантов, которые за границей издавались мизерными тиражами в десятки и сотни экземпляров. За редким исключением в них столько слов любви и признательности к покинутой России. В Отечестве же мемуары белогвардейцев десятилетиями были «вне закона».

Эти воспоминания и донесли до нас те слова, что их авторы слышали из уст легендарного в Белом движении Дроздовского.

— Россия сегодня на голгофе, и только мы способны очистить Отечество от захлестнувшей ее скверны… Мы погибнем, но Россия спасется от большевизма… Надо взять станицу — это наш шаг к Москве… Мы белые. Наше дело чистое. Наше дело праведное… За Россию!..

…Воспринимались ли такие высокие слова добровольцами? Безусловно. Патриотизм белых бойцов, несших свои жизни во имя «единой и неделимой России», аналогов в конце XX века не имеет.

«Дрозды» сражались за эту российскую державность, но во имя романовского единовластия со свободными выборами в Учредительное собрание. Они были за конституционную монархию, иллюзия которой витала в обществе едва ли не целое столетие, но так и не сбылась.

Глава 7 Праведник Гражданской войны. Смерть и шаг в Белое бессмертие

Такой запутанности военных событий в Гражданской войне, какие происходили на Северном Кавказе осенью 1918 года, пожалуй, найти трудно. Вкратце их можно изложить так, как это сделал Валерий Клавинг, капитан дальнего плавания советского мореходства, который сумел за свою жизнь в самых разных местах познакомиться с белоэмигрантскими и отечественными архивами. Сделав это, он стал историком Гражданской войны.

Книга В. Клавинга «Гражданская война в России: белые армии» поражает своим лаконизмом, умением схватить узловые повороты тех событий начала XX столетия, когда Россия оказалась на историческом изломе, непредвзятостью оценок. Автор так описывает события на северокавказском Юге:

«…В это время (25.09.1918) умер генерал Алексеев — Верховный руководитель Добровольческой армии, и генерал-лейтенант Деникин принял пост Главнокомандующего Добровольческой армией.

Генерал Деникин был недоволен руководством боевыми действиями у Армавира и Михайловки командира 3-й пехотной дивизии полковника Дроздовского и предложил генералу Врангелю, командиру 1-й конной дивизии (с целью добиться, наконец, успеха), начать наступление на станицу Уруп. Левее, у станиц Попутная — Отрадная, генерал Покровский также получил приказ усилить натиск на войска Сорокина.

В это время между Сорокиным и Матвеевым шел спор: какого плана далее придерживаться, ведя борьбу с наступающими войсками Деникина. Сорокин предлагал ударить в направлении станицы Кавказской, с последующим ударом по Тихорецкой и Екатеринодару. Матвеев предлагал сосредоточить удар в направлении Ставрополя, с последующим соединением с войсками Астраханского региона.

Мнение Сорокина победило (и вскоре „за невыполнение приказа“ Матвеев был расстрелян 07.10.1918 — так Сорокин освободился от своего преуспевающего конкурента). Таманская армия, переформированная в две дивизии, по приказу Сорокина (двумя колоннами) была двинута 23.10.1918 на Ставрополь, через станицы Барсуковская и Темнолесская.

25.10.1918 левая колонна Сорокина после упорного боя

захватила Барсуковскую и 30.10.1918 ночной атакой ворвалась в Ставрополь. Однако успехи войск Сорокина оказались временными. В этих заключительных боях на Северном Кавказе вновь отличились войска Добровольческой армии.

Интерес представляет также один из заключительных боев на Северном Кавказе. Как было уже сказано, к 30.10.1918 основные силы Таманской армии подошли к Ставрополю и объединились с войсками прежней армии Сорокина.

Но, как оказалось, вся эта группа войск в конце концов попала под удары всей Добровольческой армии — 2-я (генерал Боровский) и 3-я (генерал Дроздовский) пехотные дивизии сжимали кольцо вокруг Ставрополя по линии Кавказская-Ставрополь, подходя с северо-запада; с запада усиливала давление 1-я конная дивизия (генерал Врангель); вдоль линии Армавир — Ставрополь, с юга шла 1-я пехотная дивизия (генерал Казанович); западнее наступала 1-я Кубанская дивизия (генерал Покровский) и, замыкая окружение с севера от ветки дороги Ставрополь — Петровское, наступала 2-я Кубанская дивизия (полковник Улагай).

01.11.1918 сопротивление красных войск было сломлено, и первыми в Ставрополь ворвались кавалеристы Топоркова (из дивизии Врангеля и Бабиева). Основная часть Северного Кавказа оказалась в руках Добровольческой армии, хотя частям Красной армии все же удалось прорваться сквозь кольцо окружения, и их основная масса, отступая, направилась в направлении Петровского и Чечни…

Так победоносно для армии Деникина закончился „2-й Кубанский поход“ — Кубань и весь Северный Кавказ оказались в руках Добровольческой армии.

Этот успех и победы на Кубани и Северном Кавказе дорого стоили Добровольческой армии… Добровольческая армия потеряла таких генералов, как Корнилов, Марков, Дроздовский, Станкевич и других, не говоря уже о раненых. Гибель стольких генералов за полгода боев дает возможность оценить общие потери добровольцев: они — огромны!

Естественно, что и красные войска понесли значительные потери. В проигранных сражениях армии Автономова, Матвеева, Сорокина были разгромлены, а сами командующие (все трое) погибли.

Но война еще только начинала принимать гиперболические масштабы: почти вся Россия опоясалась фронтами противоборства — от Днепра до Тихого океана и от Мурманска до Крыма и Кавказа…»

Добровольческая армия продолжала вести наступательные

операции, на этот раз поставив перед собой ближайшей задачей овладение губернским городом Ставрополем. Генерал-лейтенант Деникин с начальником армейского штаба Романовским рассудили так, водя карандашами по карте Северного Кавказа.

— Город надо брать без промедления, иначе красные, разбитые нами в последних боях, проведут переформирование своих войск. Как ваше мнение, Иван Павлович?

— Полностью согласен, Антон Иванович. Кого поставим для главного удара — Боровского, Врангеля или Дроздовского?

— Наступать надо главными силами армии. Идти на Ставрополь вдоль линии железной дороги от станции Кавказская.

— Значит, главный удар наносят дивизии Боровского и Дроздовского. Так?

— Так. Но этих сил для овладения Ставрополем мало. С запада удар наносит конная дивизия барона Врангеля. Если он отличится, то утвердим его начальство над дивизией.

— А кто пойдет на Ставрополь от Армавира, Антон Иванович: Казанович или Покровский?

— Поручим Казановичу. Покровскому же сподручнее вести наступление в казачьих местах, южнее. С севера Ставрополь закрыть дивизией кубанцев полковника Улагая.

— Какие будут приказания командирам дивизий?

— Первое. Полковнику Дроздовскому — передать в 1-ю конную дивизию Врангеля свою 2-ю пехотную бригаду генерала Чекотовского. Иметь обязательно в атакующем строю Самурский полк, его бойцы из ставропольских крестьян…

— Но, Антон Иванович, смею заметить, 3-я дивизия в таком случае лишится почти половины своих штыков.

— Ничего. Верится, что «дрозды» после неудачи у станицы Михайловской первыми войдут в Ставрополь. Им грехи надо замаливать боем А самурцам надо повидать семьи.

— Значит, Дроздовский все поставит в бою на карту?

— Все. Лишь бы себя он сберег для Белого дела, Иван Павлович. Все норовит быть впереди, среди атакующих «дроздов».

— Я уже говорил ему об этом, Антон Иванович. Место командира целой дивизии не под пулеметными очередями.

— Так все это. Но кто-то же должен из нас вести за собой добровольцев в атаки…

Белые брали Ставропольскую группировку красных войск в полукольцо. Уже одно это говорило о том, что защита города и атаки на него будут вестись с упорством, кровопролитием, драматично для сторон. Но цена Ставрополя на театре Гражданской войны была действительно высокой: завладев им, Добровольческая армия открывала для себя пути к Волге —

Астрахани и Царицыну, на Дон с северным направлением.

То есть речь шла о том, в чьих руках окажется стратегическая инициатива. Все это должен был решить бой за Ставрополь в конце октября 1918 года. В деникинских приказах тех дней четко прослеживались мысли: «В Ставрополе судьба нашей борьбы за Северный Кавказ… Это последняя стратегическая позиция красных на российском кавказском юге…»

Ситуация в Ставропольской губернии вызывала большие надежды у белого командования. Советская власть не пустила здесь крепких корней. Более того, в антибольшевистских выступлениях местное крестьянство бралось за оружие. Да и все прошедшие ранее на Ставропольщине выборы не свидетельствовали в пользу социалистических партий.

Особую известность имел, пусть и неудачный в итоге, «мятеж» крестьян Свято-Крестовского уезда в конце июня 1918 года. Это было так называемое восстание «ворончаков», в котором участвовало более десяти тысяч крестьян Ставрополья. Среди селян-«ворончаков» оказалось и немало солдат Самурского полка, сохранивших свои винтовки после возвращения с фронта.

…Пожалуй, наиболее яркими белыми мемуарами о крайне ожесточенной борьбе за Ставрополь, в боях за который, собственно говоря, и оборвалась жизнь М. Г. Дроздовского, являются «Записки» главнокомандующего Русской армии в Крыму генерал-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля. Они были впервые опубликованы в издававшемся в Берлине сборнике «Белое дело» в 1928–1929 годах.

Врангель относился к числу непримиримых врагов Советской власти, что, разумеется, с пристрастием отразилось на его мемуарах. Но они в данном случае интересны тем, как он оценочно рассказывает об участии 3-й пехотной дивизии «дроздов» в напряженной и кровопролитной схватке за губернский город Ставрополь.

Собственно говоря, боями на Ставропольщине и закончилось очищение Добровольческой армией большей части территории Северного Кавказа от сил Красной армии. Исследователи называют эти бои заключительными на Северном Кавказе: основные силы Таманской армии, которые объединились под Ставрополем с войсками прежней армии Сорокина, в итоге оказались под ударом всей белой Добровольческой армии.

Это был один из самых ярких эпизодов Гражданской войны на российском Юге в последних числах октября 1918 года. Белые вторично взяли Ставрополь 2 ноября. В тех событиях мемуарист-белоэмигрант генерал П. Н. Врангель исполнял обязанности временного командующего 1-й конной дивизии.

«…Таманская дивизия красных, осевшая главным своим ядром в районе Ставрополя (последний незадолго перед этим был нами оставлен), постепенно охватывалась кольцом наших войск.

2-я пехотная дивизия генерала Боровского и 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, оперировавшие вдоль линии Кавказская — Ставрополь, подходили к городу с северо-запада; с запада направлялась к Ставрополю моя дивизия; с юга вдоль линии Армавир — Ставропольская железная дорога шла дивизия генерала Казановича, имея правее себя части 1-й Кубанской дивизии генерала Покровского. Наконец, с севера, отрезая путь к северу от железнодорожной ветки Ставрополь — Петровское, действовала 2-я Кубанская дивизия полковника Улагая.

Я просил генерала Деникина обеспечить мне свободу действий, изъяв из подчинения генералу Казановичу. Несмотря на возражения последнего, к которым как будто склонялся начальник штаба главнокомандующего, генерал Деникин согласился со мной. Бригада полковника Мурзаева (линейцы и черкесы) временно оставалась в подчинении генерала Казановича. Взамен ее мне передавались из 3-й пехотной дивизии бригада генерала Чекотовского, Офицерский конный и 1 — й Черноморский казачий полки.

Продолжая наступление, дивизия 28 октября подошла к станице Сенгилеевской. Противник, разбитый и подавленный предыдущими боями, оказывал слабое сопротивление и ночью, прикрывшись арьергардами, отошел на Ставрополь. 30 октября мои части подошли к Ставрополю и к вечеру закрепились на опушке леса к западу от города.

Правофланговая бригада полковника Топоркова держала связь с частями генерала Казановича в районе села Татарка.

На левом моем фланге части генерала Чекотовского соприкасались с частями 3-й пехотной дивизии полковника Дроздовского, левей которого, южнее станции Пелагиада, охватывая Ставрополь с севера, вела бой 2-я пехотная дивизия генерала Боровского.

Мой резерв, корниловцы и екатеринодарцы, под общей командой доблестного командира Корниловского полка полковника Бабиева… сосредоточилась в немецкой колонии Иогансдорф. Пути отхода противника на восток и северо-восток были отрезаны к северу от железнодорожной ветки Ставрополь — Петровское кубанцами полковника Улагая, к югу 1-й Кубанской дивизией генерала Покровского. К вечеру обе эти дивизии связались с соседями и тактическое окружение таманской армии красных было завершено.

В сумерки я объехал позиции; стоял туман, густой пеленой

нависший над городом. Последний казался вымершим. Не видно было ни одного огонька, изредка, то здесь, то там, вспыхивали разрывы наших снарядов; глухие артиллерийские выстрелы доносились с северной части города. В наступивших сумерках резко стучали пулеметы. В роще, привязанные к кустам, стояли казачьи кони и, греясь вокруг костров, пили чай казаки. Продрогший, я вернулся в чистую и богатую колонию Иогансдорф и, напившись чаю с превкусным местного изделия сыром, лег спать.

На рассвете меня разбудили. Противник перешел в наступление, обрушившись на части полковника Дроздовского, 3-я пехотная дивизия понесла жестокие потери и, преследуемая противником, отходила на север вдоль линии железной дороги, при этом был ранен полковник Дроздовский. Левее 3-й пехотной дивизии, оставив станцию Пелагиада, отступали и части генерала Боровского.

Подняв по тревоге резервную бригаду и приняв необходимые меры по обеспечению своего левого фланга, я приказал дивизии перейти в наступление, дабы облегчить положение соседей. Противник держался крепко. Недостаток в патронах почти исключал возможность действий в пешем строю, атаковать же конницей в лоб город было невозможно. Наше наступление могло вылиться лишь в демонстрацию.

Между тем противник, продолжая теснить нашу пехоту, к вечеру 31-го подошел к самой станции Пелагиада. Я решил использовать выгодно складывающуюся обстановку и ударить во фланг и тыл врага. Растянув бригаду полковника Топоркова, я с рассветом 1 ноября, с четырьмя полками, скрытно пройдя лесом, неожиданно вышел в тыл противника и, развернув 1 — ю бригаду, атаковал его.

Не ожидавшие удара красные бросились к Ставрополю, преследуемые полковником Бабиевым с Корниловским полком и несколькими сотнями екатеринодарцев. Вскоре длинные колонны пленных потянулись к лесу. Полковник Бабиев на плечах бегущих приближался к городу. Я выслал заслоном к северу Офицерский конный полк с оставшимися в моем распоряжении несколькими сотнями екатеринодарцев и черноморцев к расположенному в предместьях города монастырю.

Там засели красные, поражая корниловцев фланговым огнем. Вскоре около нас стали посвистывать пули. Огонь учащался, несколько казаков и лошадей было ранено. Развернув полки, я выхватил шашку и лично повел их в атаку. Дружно, громко раздалось „ура“, сотни понеслись. Огонь стал беспорядочным, притих, и наконец врассыпную из монастырской ограды и уличек

поселка побежали люди. Мы ворвались в поселок. Кое-где на улицах шла рубка…

Спешив сотни, я занял околицу, приказав отвести коней за монастырскую ограду. Стали прибывать раненые, их перевязывали тут же у монастырских стен. Но вот из монастырских ворот вышел батюшка и несколько монахинь. Пули свистели и щелкали о монастырскую ограду, тут же хрипела и билась раненая лошадь, но вышедшие, казалось, не видели этого.

С крестом в руке, кропя святой водой казаков, шел иеромонах, спокойно и безмолвно обходили раненых монахини, предлагая хлеб и чай. Мать игуменья тут же под огнем благословила меня иконой. Трогательная картина врезалась в мою память…

В монастыре мы нашли двух офицеров, которые в течение нескольких дней укрывались здесь, переодетые монахинями.

Около полудня я получил донесение Бабиева, он со своими славными корниловцами ворвался в самый город, захватил вокзал и стоявший там бронепоезд противника. Бабиев доносил, что пока держится, но что патронов мало и что красные, засев в домах, дерутся отчаянно. Он просил подкреплений.

Я выслал ему две сотни и послал донесение главнокомандующему, прося присылки каких-либо частей для закрепления достигнутого успеха. Через несколько часов я получил ответ, что ко мне спешно двинуты на помощь один полк стрелков из дивизии генерала Казановича и инородческий дивизион от полковника Дроздовского.

Между тем, перейдя в наступление, противник к вечеру, после жестокого боя, выбил из города части полковника Бабиева и вновь овладел вокзалом Его попытки выбить нас из монастыря успехом не увенчались. Части полковника Топоркова к вечеру несколько продвинулись вперед, захватив городской питомник.

Поздно ночью подошли инородцы, а на рассвете стрелки, которых я направил к полковнику Топоркову. Туда же перебросил я и бригаду Чекотовского, решив использовать сосредоточение противником большей части своих сил против моего левого фланга. Около девяти часов подошел высланный в мое распоряжение наш бронеавтомобиль „Верный“.

Послав вперед лошадей к полковнику Топоркову, я на броневике проехал к нему и отдал приказ ударной группе — запорожцам, уманцам, черноморцам, Офицерскому конному полку и стрелкам при поддержке „Верного“ перейти в общее наступление.

Я в предыдущую ночь не ложился и, вернувшись в монастырь, лег спать и заснул как убитый. В четыре часа меня разбудили,

ординарец передал мне донесение полковника Топоркова. После жестокого уличного боя, где неприятель отчаянно отстаивал каждый дом, части полковника Топоркова овладели городом.

Я с трубачами и конвоем проехал в Ставрополь. В городе кое-где шла еще перестрелка. На улице и тротуарах лежали убитые лошади, опрокинутые повозки, трупы красноармейцев. Услышав звуки трубачей, народ выбегал на улицу. Многие крестились, плакали, некоторые совали в руки казакам хлеб, папиросы, деньги. Пожилая женщина, бросившись к моей лошади, схватила за стремя и пыталась поцеловать мою руку…»

Врангель был прав в том, что ранение полковника Дроздовского вызвало замешательство в рядах его бойцов. Такое часто бывает на войне, когда из строя выбывает командир, с именем которого связывают успех в схватке. Так и было в бою за Ставрополь: «дрозды» отступили, но не настолько, чтобы противник мог торжествовать.

Командующий Русской армией в Крыму генерал-лейтенант П. Н. Врангель описал и тот беспредел двух враждебных друг другу сил, который они творили в Ставрополе и его окрестностях. Это была одна из самых «неприглядных картинок» Гражданской войны на российском Юге. «Картинок», в которых перекладывать вину с одного на другого, наверное, ради истинной правды отечественной истории не стоит.

«…Город под владычеством большевиков пережил ужасные дни. Последние недели в связи с поражением красных на Урупе начались разногласия и раздоры в верхах армии. Борьба между красными вождями закончилась расстрелом в Ставрополе красного главковерха Сорокина.

Последние дни город был объят анархией. По всему городу шли самочинные обыски и аресты. Многих несчастных перед смертью подвергали жестоким пыткам. Во дворе губернаторского дома, где я остановился, мы нашли несколько десятков трупов жертв, расстрелянных по приговору помещавшегося в доме комиссарского суда. Некоторые трупы были с отрубленными пальцами, у других оказались выколотыми глаза.

При отступлении из города противник оставил огромную военную добычу. Склады с мануфактурой, сукном, обувью, подковами и т. д., все это необходимо было уберечь от расхищения и привести в порядок. Я издал приказ, коим объявлял населению, что впредь до прибытия гражданских властей всю полноту военной и гражданской власти принимаю на себя, и требовал в течение 24 часов сдачи населением всего оружия, предметов военного снаряжения и укрывающихся в городе большевиков.

Комендантом города я назначил ротмистра Маньковского, бывшего моего сослуживца по Уссурийской дивизии, недавно прибывшего на Кубань, предоставив в его распоряжение дивизион инородцев. Ротмистр Маньковский отлично справился со своей задачей, хотя задача эта была далеко не легкая. В огромном незнакомом городе при отсутствии местной администрации, значительном скоплении войск и естественном озлоблении местного населения против всех, кто так или иначе был причастен к большевикам, поддерживать порядок было крайне трудно.

На следующий день после занятия города имел место возмутительный случай. В один из лазаретов, где лежало несколько сот раненых и больных красноармейцев, ворвались несколько черкесов и, несмотря на протесты и мольбу врачей и сестер, вырезали до 70 человек прежде, нежели, предупрежденный об этом, я выслал своего ординарца с конвойными казаками для задержания негодяев. В числе последних, по показанию очевидцев, находился один офицер; к сожалению, преступники успели бежать.

Другой случай был почти такого же порядка. На другой день по занятии нами города ко мне явился офицер, отрекомендовавшийся хорунжим Левиным, начальником особого отряда при ставропольском губернаторе. Хорунжий Левин вернулся, предоставив себя и своих людей в мое распоряжение. Я приказал ему принять в свое ведение тюрьму, где находились пленные красноармейцы и задержанные в городе большевики.

Через несколько часов мне дали знать, что хорунжий Левин расстреливает арестованных. Я приказал немедленно хорунжего Левина арестовать, однако он успел расстрелять несколько десятков человек. По прибытии в город губернатора (полковник Глазенап. — А. Ш.) я передал ему хорунжего Левина, и дальнейшая судьба его мне не известна.

3 ноября прибыл в Ставрополь генерал Деникин. Он провел в городе всего несколько часов, выслушав доклад мой, и обещал, если позволит обстановка, дать отдохнуть дивизии…»

Деникин был прав в разговоре с Романовским; «дрозды» действительно если не самыми первыми, то в числе первых ворвались в много значащий для той и другой стороны Ставрополь. Но при всей викториальности события в тот день главнокомандующий Добровольческой армией был хмур: дежурный офицер по армейскому штабу 31 октября начал свой доклад о ходе боев за Ставрополь с удручающего для Деникина известия:

— Антон Иванович, ранен полковник Дроздовский.

Сообщение принято по железнодорожному телеграфу.

— Как ранен? Где это случилось?

— «Дрозды» вели бой у городского монастыря. Дроздовский был на коне в передовой цепи. Там его и зацепила пуля.

— Ранение тяжелое?

— Подробностей пока нет. Известно одно — пуля попала в ногу.

— Где сейчас полковник Дроздовский?

— В дивизионном лазарете. Врачи осматривают рану.

— Хорошо. Кто вступил в командование 3-й дивизией за него?

— Временно командир бригады полковник Витковский.

— Правильное решение. Держите меня в курсе всех дел с ранением Михаила Гордеевича.

— Будет исполнено.

— Вот еще что. Если понадобится — доставить в екатеринодарский госпиталь отдельным поездом. Поезд можно взять у кубанского атамана У него есть мягкий вагон. Что еще у вас?

— Антон Иванович, наши ворвались в Ставрополь. Бои идут на улицах, красные в беспорядке отступают на северо-восток. Много взято пленных. Трофеи богатые.

— Кто отличился?

— Бойцы полковника Топоркова и «дрозды», приданные конной дивизии генерала Врангеля.

— Значит, опять «дрозды».

— Точно так.

— Немедленно найдите способ сообщить об этой победе Михаилу Гордеевичу. Он ее заслужил. Такая весть его только подкрепит…

Белоэмигрант Деникин в своих мемуарных воспоминаниях так рассказал о Ставропольском сражении поздней осенью 1918 года, в котором был, как оказалось вскоре, смертельно ранен полковник МГ. Дроздовский:

«10-го (октября по старому стилю. — А. Ш.) Дроздовский отразил наступление большевиков, и только на его правом фланге большевики сбили пластунов и овладели (станицей) Барсуковской…

В течение дня 14-го Дроздовский вел напряженный бой на подступах к Ставрополю, стараясь при помощи Корниловского полка вернуть захваченную большевиками гору Базовая…

23-го бой продолжался, причем 2-й Офицерский полк дивизии Дроздовского стремительной атакой захватил монастырь Иоанна Предтечи и часть предместья…

Большевистское командование еще раз напрягло все свои силы, чтобы вырваться из окружения, и на рассвете 31-го вновь атаковало…

Отбиваясь от наступавших большевиков с перемешанными остатками своей дивизии и ведя их лично в контратаку, доблестный полковник Дроздовский был тяжело ранен в ступню ноги…»

События последних дней жизни Дроздовского развивались так, как их описал Антон Васильевич Турку л, который пришел рядовым в Скинтейскую бригаду русских добровольцев в погонах штабс-капитана. Офицерской ротой стал командовать после похода Яссы — Дон. Летом 1920 года получил под свое начальство «цветную» Дроздовскую стрелковую дивизию, став генерал-майором.

Туркул не участвовал в боях за Ставрополь, будучи тяжело ранен пулей, повредившей кость ноги, и находясь на излечении в ростовском госпитале. Но он был из тех «дроздов», которые видели своего дивизионного командира в последние дни его жизни. Туркул писал в своих воспоминаниях:

«…Только к концу декабря 1918 года я смог снова ходить, правда, одна нога в сапоге, другая еще в валенке. Я отчаянно скучал в ростовской клинике. Профессор обещал меня выписать, я стал собираться в полк, но узнал, что в Ростов везут Дроздовского.

Михаил Гордеевич был ранен 31 октября 1918 года под Ставрополем, у Иоанно-Мартинского монастыря. Рана пустячная, в ногу. Капитан Тер-Азарьев, снимавший вместе с другими Дроздовского с коня, рассказывал, что рана не вызывала ни у кого тревоги: просто поцарапало пулей. Все так и думали, что Дроздовский скоро вернется к командованию.

Но рана загноилась. В Екатеринодаре он перенес несколько операций, после которых ему стало хуже. Он очень страдал и сам просил перевезти его в Ростов к профессору Напалкову. В Ростове было более пятидесяти раненых дроздовцев. Я собрал всех, кто мог ходить, и мы поехали на вокзал.

Дроздовского привезли в синем вагоне кубанского атамана. Я вошел в купе и не узнал Михаила Гордеевича На койке полулежал скелет — он так исхудал и пожелтел. Его голова была коротко острижена, и потому, что запали щеки и заострился нос, вокруг его рта и ввалившихся глаз показалось что-то теперь горестное, орлиное.

Я наклонился над ним. Он едва улыбнулся, приподнял исхудавшую руку. Он узнал меня.

— Боли, — прошептал он. — Только не в двери. Заденут… У

меня нестерпимые боли.

Тогда я приказал разобрать стенку вагона Железнодорожные мастера работали почти без шума, с поразительной ловкостью. На руках мы вынесли Дроздовского на платформу. Подали лазаретные носилки. Мы понесли нашего командира по улицам Раненые несли раненого.

Весть, что несут Дроздовского, мгновенно разнеслась по городу. За нами все гуще, все чернее стала стекаться толпа. На Садовой улице показалась в пешем строю гвардейская казачья бригада, лейб-казаки в красных и лейб-атаманцы в синих бескозырках. Мы приближались к ним. Враз выблеснули шашки, замерли чуть дрожа: казаки выстроились вдоль тротуара. Казачья гвардия отдавала честь нашему командиру.

Тысячными толпами Ростов двигался за нами, торжественный и безмолвный. Иногда я наклонялся к желтоватому лицу Михаила Гордеевича. Он был в полузабытье, но узнавал меня.

— Вы здесь?

— Так точно.

— Не бросайте меня…

— Слушаюсь.

Он снова впадал в забытье. Когда мы внесли его в клинику, он пришел в себя, прошептал:

— Прошу, чтобы около меня были мои офицеры…

Раненые дроздовцы, для которых были поставлены у дверей два кресла, несли с того дня бессменное дежурство у его палаты.

Михаила Гордеевича оперировали при мне. Я помню белые халаты, блестящие профессорские очки, кровь на белом и среди белого орлиное, желтоватое лицо Дроздовского. Я помню его бормотанье:

— Что вы мучаете меня… Дайте мне умереть…

— Если не пойдет выше, он останется жив, — сказал мне после операции профессор Напалков.

Дроздовскому как будто стало легче. Он пришел в себя. Тонкая улыбка едва сквозила на измученном лице, он мог слегка пожать мне руку своей горячей рукой.

— Поезжайте в полк, — сказал он едва слышно. — Поздравьте всех с Новым годом. Как только нога заживет, я вернусь. Напалков сказал, ничего, с протезом можно и верхом. Поезжайте. Немедленно. Я вернусь…

Одна нога в сапоге, другая в валенке, я немедленно поехал в полк. Это было в самом конце декабря. Полк стоял в Каменноугольном районе, в Никитовке-Горловке. Я приехал голодный, озябший: еще на ростовском вокзале у меня вытащили последние деньги, и я ехал без копейки. Немедленно.

А 1 января 1919 года, в самую стужу, в сивый день с ледяным ветром, в полк пришла телеграмма, что генерал Дроздовский скончался. Он к нам не вернулся.

Во главе депутации с офицерской ротой я снова выехал в Ростов. Весь город своим гарнизоном участвовал в перенесении тела генерала Дроздовского в поезд. Михаила Гордеевича, которому не было еще сорока лет, похоронили в Екатеринодаре.

Позже, когда мы отходили на Новороссийск, мы ворвались в Екатеринодар, уже занятый красными, и с боя взяли тело нашего вождя.

Разные слухи ходили о смерти генерала Дроздовского. Его рана была легкая, неопасная. Вначале не было никаких признаков заражения. Обнаружилось заражение после того, как в Екатеринодаре Дроздовского стал лечить один врач, потом скрывшийся. Но верно и то, что тогда в Екатеринодаре, говорят, почти не было антисептических средств, даже йода.

После смерти Дроздовского 2-й Офицерский полк, в котором я имел честь командовать 2-й ротой, получил шефство и стал именоваться 2-м офицерским генерала Дроздовского полком.

Так стали мы дроздовцами навсегда..»

Так описал Туркул по прошествии ряда лет события, которые были связаны с последними днями жизни белого генерала, шагнувшего в историю из легенды, сложенной о нем соратниками в огненный год 1918-й.

Действительно, никто тогда и не мог подумать, что легкое (как казалось окружающим) ранение в ногу может стать причиной смерти Дроздовского. С поля боя его, снятого с лошади, вынесли на руках. В конном дивизионе «дроздов» нашлась тачан ка. Из дивизиона раненому командиру дивизии, державшемуся бодро, был дан конвой в полдесятка всадников. Конвойцам было приказано:

— Линии фронта нет. Если где налетят сорокинцы или зеленые, командира спасать любой ценой…

Известно, что первая перевязка была сделана в полевом полковом лазарете 2-го Офицерского полка, расположившегося в брошенном строении, одиноко стоявшем среди местами так и не снятого жнивья. Чистых бинтов давно уже не было, равно как и остро дефицитного йода. Санитары варили окровавленные бинты в котлах, высушивая их затем под зимним солнцем, на ветру.

Как обезболивающее лекарство раненому могли дать чарку водки или местной, хозяйской самогонки. Как ни странно, такое лекарство на людей чаще действовало, чем не действовало. Для таких случаев в лазаретах берегли для себя и своих спирт.

По распоряжению главнокомандующего Добровольческой

армией раненого дивизионного командира привезли в столицу Кубани Екатеринодар. Там был еще с царских времен военный госпиталь и имелись достаточно квалифицированные врачи и медицинский персонал.

Можно только предполагать, что стало причиной заражения крови раненого. Но вне всякого сомнения, в первые дни лечение комфортом не отличалось. О стерильности выкипяченных бинтов говорить не приходилось. Впрочем, точно в таком же положении оказывались в годы Гражданской войны тысячи и тысячи как белых, так и красных бойцов. Они были в равных условиях, пополняя собой в санитарных потерях число умерших от ран.

В екатеринодарском госпитале при первых признаках заражения крови Дроздовскому было сделано несколько операций. Но хирурги оказались бессильны победить быстро прогрессирующую гангрену ноги. Тогда и стало ясно, что Михаил Гордеевич обречен на смерть, с которой он имел мужество бороться.

Лечащий врач по многу раз в день отвечал на один и тот же вопрос многих людей:

— Делаем все, что в наших силах… Операции переносит стойко, хотя сами понимаете, что у нас есть: зайдите в любую аптеку города… Состояние тяжелое… Теперь вся надежда на его организм, силу воли…

Деникин интересовался ходом лечения командира дивизии «дроздов», которая продолжала сражаться в самом пекле тяжелых боев: Красную армию выбивали с Северного Кавказа на север, к Волге. Главнокомандующий делал все возможное, чтобы морально поддержать раненого Дроздовского, которому врачи ставили все более неутешительные диагнозы.

12 декабря 1918 года Деникин вызвал к себе начальника армейского штаба генерал-майора Романовского, которого он знал давно и потому мог доверительно разговаривать с ним.

— Иван Павлович, как наш Дроздовский?

— Плохо, Антон Иванович. Екатеринодарские врачи иллюзий насчет него не имеют.

— А все же как он?

— Ему все хуже. Боли усиливаются, лишился сна, пожелтел. Но держится на удивление бодро.

— Вчера я, Иван Павлович, имел беседу с командой «дроздов», что прибыла в тылы за снарядами к трехдюймовкам.

— И что же, Антон Иванович, вас обеспокоило в том разговоре? Правильно я вас понимаю?

— Правильно, Романовский. Подпоручик-батареец обратился ко мне с просьбой высказать мне все, что у него накипело о

Дроздовском. Вы же знаете, как «дрозды» его любят и боготворят. Я разрешил.

— И что же вы услышали от подпоручика?

— Упрек. Мне, как главнокомандующему, и вам, как начальнику моего штаба.

— Нас с вами упрекнули? В чем же?

— В бездушном отношении к Михаилу Гордеевичу.

— Это как понимать, Антон Иванович?

— А то, что он единственный из наших трех командиров пехотных дивизий не носит генеральских погон.

— Так вот оно что. Действительно, Антон Иванович, этот батареец говорил с вами о наболевшем по душам.

— Говорил горячо, но вежливо, чинов не переступал. Прав он или не прав в нашем отношении к Дроздовскому, Иван Павлович? Мы же с вами два корниловца, поэтому можем друг другу в глаза говорить все открыто.

— Можем и должны. Мое мнение таково: Дроздовский заслужил первого генеральского чина только за то, что походом из Румынии привел к нам три тысячи белых бойцов. Да еще каких! А сколько боев выиграли «дрозды» на одних ударах в штыки!

— Надо признать то, что Дроздовский — наша легенда. Чин полковника он и без нас бы перерос.

— Значит, писать приказ о присвоении Дроздовскому Михаилу Гордеевичу, командиру 3-й пехотной дивизии, чина генерал-майора. За вашей подписью и каким числом?

— Сегодняшним числом, Иван Павлович. 12 декабря 1918 года. Приказ объявить по армии.

— Будет сегодня же исполнено. Как объявить ваш приказ Дроздовскому? Ведь он в Екатеринодаре.

— Приказ объявите ему лично вы, Иван Павлович. Я уже приказал приготовить для такого случая поезд. Одновременно возьмете с собой в Екатеринодар тяжелых раненых последних дней…

Дроздовский был в ясном сознании, когда ему в палате был зачитан приказ главнокомандующего Добровольческой армией генерал-лейтенанта А. И. Деникина. Рука его не дрогнула, когда он принимал генеральские золотые погоны. Но со стороны было заметно, как замутнились глаза раненого.

Из толпившихся в дверях врачей, медсестер и медбратов, ходячих раненых к лежавшему Михаилу Гордеевичу подошли с поздравлениями несколько человек. В руках они имели скромные по времени букетики последних цветов, какие еще держались в екатеринодарских садах.

В тот же день новоиспеченный генерал-майор получил с фронта не одну поздравительную телеграмму. Они пришли от его любимых и любящих его белых «дроздов» — из полков и батальонов, эскадронов и батарей. И даже от экипажа пулеметного бронеавтомобиля «Верный» за подписью капитана Нилова:

«Команда броневика „Верный“ гордится вами, Михаил Гордеевич. Выздоравливайте и возвращайтесь к нам Капитан Нилов. Ставрополь».

Дроздовскому не довелось шить генеральский мундир. «Дрозды» прикрепили погоны к уже видавшему виды кителю-френчу с бело-эмалевым Святым Георгием на груди и к шинели, которая была не его. Он все же нашел в себе силы и попросил Романовского передать главнокомандующему:

— Скажите Антону Ивановичу, что это награда не мне лично. Она дана моим «дроздам» за их верность России. Передайте, Иван Павлович, слово в слово.

— Передам сегодня же вечером, Михаил Гордеевич. Еще раз поздравляю вас с генеральством…

Дроздовский все чаще стал терять сознание. Лечащие врачи понимали, что теперь их помощь ему совершенно не нужна. Через несколько дней после приезда Романовского раненый настойчиво потребовал от начальника госпиталя:

— Перевезите меня в Ростов, к профессору Напалкову. Он меня хорошо знает…

Отговаривать Дроздовского от такого переезда не стали. Все понимали, что его предсмертное желание. К тому же он знал, что в ростовском госпитале лежит много его подчиненных из числа тяжелораненых, людей ему лично знакомых и потому близких.

Встреча поезда с умирающим Дроздовским на ростовском вокзале была такой, как ее описал в мемуарах белоэмигрант А. В. Туркул. Других свидетельств, по крайней мере — письменных, тому событию нет.

Можно лишь добавить, что почести отдавала деникинскому генералу только «белая» часть города Ростова. Если утверждать, что весь город, то это будет неправда. Гражданская война и мирных горожан да селян делит на «наших» и «чужих». Иного в истории еще не было. В этом людям пишущим иллюзий строить не приходится, как описал в своих мемуарах дроздовец Туркул.

Дроздовский ушел из жизни в первый день нового 1919 года. Умирал ли он в сознании — этого мы не знаем. Но что в страшных мучениях — это точно.

Генерал-майора Дроздовского хоронили в столице Кубанского казачьего войска Екатеринодаре со всеми воинскими

почестями. Были на похоронах и делегации частей 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии.

Деникин был из тех белых вождей, которые чтили и заботились о сохранении традиций Российской императорской армии — русской армии. Главнокомандующий Добровольческой армией решил возродить традиции вечного шефства, когда полкам и другим воинским частям присваивались имена прославленных полководцев, военачальников, великих князей из династии Романовых и, наконец, европейских венценосцев, с которыми царствующий дом Российской империи роднили многие династические узы.

17 января 1919 года по Добровольческой армии был подписан приказ: 3-я пехотная дивизия переименовывалась в 3-ю генерала Дроздовского пехотную дивизию.

Так для истории Гражданской войны и многих последующих лет «дрозды» стали дроздовцами навсегда Гражданская война полыхала на российском Юге еще больше года, и те дроздовцы, что уцелели в ее пламени, стали белоэмигрантами, лишенными Отечества, за которое они отдавали свои жизни. Можно добавить, что также беззаветно отдавали на алтарь Отечества свои жизни и бойцы противной стороны. Мемуарист Антон Туркул уже в эмиграции скажет «Смерть Дроздовского? Нет, солдаты не умирают. Дроздовский жив в каждом его живом бойце».

Побежденных же история обычно судит. Но время берет свое и все расставляет на свои места Иначе и быть не может. Как это связано с жизнью и смертью белого генерала Михаила Гордеевича Дроздовского, «рыцаря Белого дела».

…Последним пристанищем генерал-майора Генерального штаба М. Г. Дроздовского стала крымская земля. Судьба уготовила герою Белого дела в последний раз тайное предание земле в Отечестве, на окраине Севастополя. Из Новороссийска Дроздовская дивизия уходила в Крым, не бросив на поругание останки своего первого командира. Туркул писал о том дне: «На рассвете „Император Индии“ и „Вальдек Руссо“ загремели холодно и пустынно по Новороссийску из дальнобойных. Мы уходим…

А над всеми нами, на верхней палубе, у капитанского мостика высятся два грузных оцинкованных гроба: Дроздовского и (генерала) Туцевича. Там стоят часовые. Тела наших вождей уходят вместе с нами. Оба гроба от утреннего пара потускнели и в соленых брызгах…

А в ветряную ночь после парада мы тайно погребли Дроздовского и Туцевича. Только пять ближайших соратников опускали их гробы в глубокую сухую могилу. Тогда мы не думали

задерживаться в Крыму и опасались, что красные надругаются над усопшими. Их похоронили втайне, опуская их гробы на веревках в могилу при тусклом свете фонаря.

Только эти пять человек из всей Белой армии знают место упокоения двух наших вождей. План их могилы хранится в надежных руках…»

Для истории местонахождение могилы белого генерала Дроздовского, вероятнее всего, так и останется тайной. В воспоминаниях его «дроздов» нет упоминаний более детальных, чем у мемуариста Туркула. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в окрестностях Севастополя дважды шли тяжелые и затяжные бои. В ходе их городские кладбища на окраинах оказались совершенно разбитыми. Да и давным-давно нет в живых тех людей, которые участвовали в тайных похоронах Дроздовского. Они унесли с собой тайну могилы своего военного вождя.

Неизвестна и дата перезахоронения белого генерала. Исследователи сходятся на том, что это была одна из мартовских ночей 1920 года.

Такова судьба Михаила Гордеевича Дроздовского, чей легендарный образ для отечественной истории вспыхнул в ярком пламени Гражданской войны в России, начавшейся для него с первой версты похода Яссы — Дон. И погас в первый день нового, 1919 года.

О таких людях историк А. А. Керсновский сказал в своей «Истории Русской армии»: «Кроме виновников русская революция знала еще и героев. В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи.

Этими праведниками всероссийского Содома были офицеры русской армии и увлеченная ими русская учащаяся молодежь. Только они вышли из огневого испытания неистлевшими, прошли через кровь незапятнанными и через грязь незамаранными…»

Приложения

Даты жизни генерал-майора М. Г. Дроздовского

1881, 7 октября — в Киеве родился Михаил Гордеевич Дроздовский.

1892 — поступил в Полоцкий кадетский корпус

1899 — окончил киевский Владимирский кадетский корпус

1901, 13 августа — окончил Павловское военное училище в чине подпоручика.

1901 — служба в лейб-гвардии Волынском полку, в Царстве Польском.

1904, 4 октября — поступил в Николаевскую академию Генерального штаба

1904–1905 — участие в Русско-японской войне. Командир роты 34-го Сибирского (Восточно-Сибирского) стрелкового полка Награжден орденами Святой Анны 4-й степени и Святого Станислава 3-й с мечами и бантом.

1906 — производство в поручики гвардии.

1908 — окончил Николаевскую академию Генерального штаба Причислен к корпусу офицеров Генерального штаба

1908 — командир роты лейб-гвардии Волынского полка Производство в штабс-капитаны.

1910, ноябрь — обер-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа

1911 — старший адъютант штаба Варшавского военного округа Производство в капитаны Генерального штаба

1911, декабрь — награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

1913 — прошел курс летчика-наблюдателя в Севастопольской школе авиации Отдела воздушного флота

1914, июль — помощник начальника общего отдела штаба Северо-Западного фронта

1914, сентябрь — обер-офицер для поручений штаба 27-го армейского корпуса

1915, январь — штаб-офицер для поручений штаба 26-го армейского корпуса

1915, март — производство в подполковники Генерального штаба

1915, апрель — начальник штаба 64-й пехотной дивизии.

1915, июль — награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

1915, октябрь — ноябрь — исполнял обязанности начальника

штаба 26-го армейского корпуса

1916, май — награжден Георгиевским оружием (саблей) «За храбрость».

1916, август — присвоено звание полковника Генерального штаба

1916, 31 августа — ранен пулей при штурме горы Капуль в Карпатах.

1916, сентябрь — 1917, январь — лечение после ранения.

1917, январь — начальник штаба 15-й пехотной дивизии.

1917, апрель — командир 60-го пехотного Замостского полка

1917, ноябрь — командующий 14-й пехотной дивизии. В должность не вступал.

1917, 20 ноября — представлен к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени.

1917, декабрь — формирует в Яссах 1-ю отдельную (Скинтейскую) бригаду русских добровольцев.

1918, начало февраля — попытки румынских властей не допустить выхода дроздовской бригады из пределов королевства.

1918, 26 февраля — бригада выступает из Ясс (Румыния) по югу Украины — Причерноморью на Дон.

1918, 27 марта — переправа через Днепр и занятие Каховки.

1918, 2 апреля — первый серьезный бой с красными войсками за время похода Яссы — Дон в Акимовке.

1918, 17 апреля — вступление в Область войска Донского.

1918, 21 апреля — неудачный бой бригады за Ростов-на-Дону.

1918, 25 апреля — участие в освобождении столицы Области войска Донского города Новочеркасска совместно с восставшими казаками.

1918, 25 мая — освобождение Ростова-на-Дону.

1918, 27 мая — прибытие бригады в станицу Мечетинскую; соединение с Добровольческой армией.

1918, конец мая — бригада переформировывается в 3-ю пехотную дивизию Добровольческой армии. Командир дивизии.

1918 — участие во 2-м Кубанском походе, в освобождении от войск большевиков Кубани и Северного Кавказа

1918, 14 июля — взятие железнодорожной станции Динская.

1918, 27 июля — взятие с боем станицы Кирпильской.

1918, 3 августа — победный бой за овладение столицей Кубани Екатеринодаром.

1918, 6 августа — участие во взятии Армавира.

1918, 31 октября — ранение пулей в бою у Ставрополя, под стенами Иоанно-Мартинского монастыря.

1918, 12 ноября — присвоение звания генерал-майора.

1919, 1 января — смерть от гангрены в Ростове-на-Дону. Был

похоронен в Екатеринодаре.

1919, 17 января — 3-я пехотная дивизия переименовывается в 3-ю генерала Дроздовского пехотную дивизию.

1920, весна (март?) — тайно перезахоронен в Севастополе.

Дроздовский марш

(Создан в 1918 году)

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Для спасения народа
Нес геройский трудный долг.
Много он ночей бессонных
И лишений выносил,
Но героев закаленных
Путь далекий не страшил.
Генерал Дроздовский гордо
Шел с полком своим вперед,
Как герой он верил твердо,
Что он родину спасет.
Ведал он, что Русь святая
Истомилась под ярмом,
Словно свечка догорая,
Угасает с каждым днем.
Верил он: настанет время
И опомнится народ,
И он сбросит свое бремя
И за нами в бой пойдет.
Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал,
И с трехцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал.

Марш Дроздовского полка

(Создан в 1919 году)

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Для спасения народа,
Исполняя тяжкий долг.

Из Румынии три года
Вел свой славный полк вперед.
Как герой он верил твердо,
Что он родину спасет.

Видел он, как Русь Святая
Погибает под ярмом
И, как свечка восковая,
Догорает с каждым днем.

Шли дроздовцы твердым шагом;
Враг под натиском бежал;
И с трехцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал.

Пусть вернемся мы седые
От кровавого труда,
Над тобой взойдет, Россия,
Солнце новое тогда.

Мы смело в бой пойдем!

(Песня белых добровольцев в годы Гражданской войны)

Слышали, деды?
Война началася.
Бросай свое дело,
В поход собирайся!

Припев (после каждого куплета):

Мы смело в бой пойдем
За Русь святую.
И, как один, прольем
Кровь молодую.

Рвутся снаряды,
Трещат пулеметы.
Скоро покончим
С врагами расчеты.

Вот показались
Красные цепи;
С ними мы будем
Драться до смерти.

Вечная память
Павшим героям.
Честь отдадим им
Воинским строем.

Русь наводнили
Чуждые силы;
Честь опозорена,
Храм осквернили.

От силы несметной
Сквозь лихолетья
Честь отстояли
Юнкера и кадеты.

Историческая справка. Третья пехотная дивизия

Сформирована в Добровольческой армии в начале июня 1918 года как 3-я дивизия (с 21 мая 1919 года — 3-я пехотная дивизия). Ее состав: 2-й офицерский стрелковый, 2-й офицерский конный (с 1 июля также Самурский) полки, 3-я инженерная рота, 3-я Отдельная легкая, Конно-горная и Гаубичная батареи.

Дивизия участвовала во 2-м Кубанском походе. В июле 1918 года за десять дней боев дивизия потеряла убитыми и ранеными почти треть (30 процентов) своего состава С 16 августа того же года всего за один месяц боев — 1800 человек, то есть более 75 процентов своего личного состава Понесенные потери пополнялись за счет новых добровольцев и мобилизованных офицеров и нижних чинов, в том числе и из кубанского казачества.

11 ноября 1918 года ей были переданы для усиления боевой силы 1-го и 2-го стрелковых полков расформированной 4-й дивизии.

С 15 ноября 1918 года 3-я пехотная дивизия «дроздов» входила в состав 2-го армейского корпуса Добровольческой армии.

С 27 декабря 1918 года — в составе Крымско-Азовского корпуса. В это время в состав дивизии также входили, как ее усиление, следующие воинские части, которые затем были изъяты из штатного состава:

Ингерманландский конный дивизион;

Чехословацкий пехотный батальон;

Петропавловский, Александровский и Романовский отряды;

3-й легкий артиллерийский дивизион;

3-й парковый артиллерийский дивизион;

Запасной батальон;

3-й авиационный отряд;

Чугуевский и Белгородский конные отряды.

17 января 1919 года в состав 3-й пехотной дивизии был передан Сводный дивизион 3-й кавалерийской дивизии.

С 15 мая 1919 года вошла в состав 1-го армейского корпуса.

Летом и на 5 октября 1919 года дивизия включала в себя 1, 2 и 3-й Дроздовские и Самурский полки, запасной батальон (850 штыков, 4 пулемета), 3-ю артиллерийскую бригаду, 3-й запасной артиллерийский дивизион и 3-ю инженерную роту.

До 1 сентября 1919 года в состав 3-й пехотной дивизии

временно входили Сводно-стрелковый и Белозерский (пехотный) полки.

На 5 октября 1919 года дивизия «дроздов» насчитывала в своих рядах (боевой состав) 5945 штыков при 142 пулеметах.

14 октября 1919 года 3-я пехотная дивизия Добровольческой армии была преобразована в именную («цветную») Дроздовскую дивизию.

Начальники дивизии: полковник (генерал-майор) М. Г. Дроздовский (июнь — 31 октября 1918 года), генерал-лейтенант В. З. Май-Маевский (временно исполняющий делами с 19 ноября 1918 года по январь 1919 года), генерал-майор В. К. Витковский (с января 1919 года).

Начальники штаба дивизии: полковник Д. Л. Чайковский (6 сентября — 8 октября 1918 года), полковник Г. К. Ерофеев (с 19 ноября 1918 года), полковник Н. А. Коренев (6 декабря 1918 года — 28 апреля 1919 года), полковник Б. А. Шлейфон (весна 1919 года), полковник Ф. Э. Бредов (с 22 июля 1919 года).

Начальники артиллерии дивизии: генерал-майор В. Ф. Кирей (до 8 ноября 1918 года), полковник В А. Мальцев (с 11 ноября 1918 года).

Командиры дивизионных бригад: генерал-майор Смирнов (до 22 ноября 1918 года), генерал-майор В. К. Витковский (с 24 ноября 1918 года), генерал-майор Н. Н. Ходаковский (до 21 марта 1919 года).

Дроздовская дивизия

(Офицерская стрелковая генерала Дроздовского дивизия, с апреля 1920 года Стрелковая генерала Дроздовского дивизия).

Сформирована в Вооруженных силах Юга России 14 октября 1919 года на базе созданной 30 июля Офицерской стрелковой генерала Дроздовского бригады 3-й пехотной дивизии. Ее состав: 1, 2 и 3-й Дроздовские полки, запасной батальон, Дроздовская артиллерийская бригада и Дроздовская инженерная рота.

Со дня своего образования дивизия входила в состав 1-го армейского корпуса — ударной силы Добровольческой армии на всем протяжении Гражданской войны. Корпусом, состоявшим из элитных белогвардейских «цветных» дивизий — Корниловской, Марковской, Дроздовской и Алексеевской, командовал генерал-лейтенант А. П. Кутепов, будущий председатель белоэмигрантского Русского Обще-Воинского Союза (РОВСа).

В середине октября 1919 года Офицерская стрелковая генерала Дроздовского дивизия насчитывала свыше 3000 штыков и 500 сабель в конном полку. По штыкам дивизия немного превышала штатный состав пехотного полка русской армии образца 1914 года, а по саблям — немногим больше половины полка армейской кавалерии.

С 4 сентября 1920 года дивизия включала в себя 1, 2, 3 и 4-й стрелковые генерала Дроздовского полки, Дроздовскую артиллерийскую бригаду, Дроздовскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Дроздовского дивизион. Организованно отошедшие в конце октября 1920 года в Крым дроздовские части сохранили полную боеспособность и насчитывали в своих рядах 3260 штыков и сабель.

Дроздовская дивизия на всем протяжении Гражданской войны была одним из наиболее надежных и боеспособных соединений деникинской Добровольческой армии, а затем врангелевской Русской армии. Отличалась высокой организацией и дисциплинированностью, высоким боевым духом и устойчивостью в самых тяжелых для себя боях. Это признано и противниками Белого движения, хотя и с известными оговорками.

Общие боевые потери дроздовцев за Гражданскую войну были огромны, исчисляясь в 15 тысяч убитыми и 35 тысяч ранеными. Среди убитых — свыше 4,5 тысячи офицеров, в том числе большинство «первопоходников». Это без учета санитарных потерь, которые тоже были немалыми, и расстрелянных пленных.

Дроздовская дивизия отличалась крайним упорством в боях, отступала только в крайнем случае и потому несла особенно

тяжелые потери в людях. Например, в десанте на Хорлы дивизия потеряла 575 человек, в бою 14 августа 1920 года у Андребурга — 100 человек.

После эвакуации белых войск из Крыма Дроздовская дивизия в Галлиполи была сведена в отдельный Дроздовский стрелковый полк Оказавшись в белой эмиграции, дроздовцы сохранили свою сплоченность, коллективизм, войсковое товарищество на протяжении последующих десятилетий. Этому не мешало даже то, что в скором времени они оказались разбросанными судьбой по многим странам трех континентов.

Дроздовские части относились к числу привилегированных «цветных» в Вооруженных силах Юга России: офицеры и нижние чины носили отличительные малиновые фуражки с белым околышем и малиновые с белой опушкой погоны с желтой на них буквой «Д». То и другое изготавливалось не фабричным способом, а больше частным порядком, поэтому, естественно, желаемого «уставного» единообразия не имело.

Начальниками дивизии со дня ее основания были: генерал-майор В. К. Витковский, генерал-майор К. А. Кельнер (июль — август 1920 года), генерал-майор А. В. Туркул (август — 28 октября 1920 года), генерал-майор В. Г. Харжевский (с 28 октября 1920 года). Бессменный начальник дивизионного штаба — полковник Ф. Э. Бредов.

Выписка из боевого расписания Добровольческой армии к началу 2-го Кубанского похода на 9 июня 1918 года

…3-я дивизия — полковник М. Г. Дроздовский.

Состав дивизии:

2-й Офицерский стрелковый полк (бывший Офицерский стрелковый полк 1-й русской добровольческой бригады).

2-й Офицерский конный полк (бывший Конный полк 1-й русской добровольческой бригады).

Легкая батарея.

Конно-горная батарея.

Мортирная батарея.

3-я инженерная рота.

…Бронеавтомобиль «Верный».

Выписка из боевого расписания Добровольческой армии на 20 ноября 1918 года

…2-й корпус — генерал АЛ. Боровский.
3-я дивизия — генерал МГ. Дроздовский.
Состав дивизии:
2-й Офицерский полк.
Самурский (бывший Солдатский) пехотный полк.
1-й стрелковый полк.
2-й стрелковый полк.
1-я полевая тяжелая батарея.

Выписка из боевого состава Вооруженных сил Юга России на 5 апреля 1919 года

…2-й армейский корпус — генерал В. З. Май-Маевский.

…3-я пехотная дивизия — генерал В. К. Витковский.

Состав дивизии:

2-й Офицерский генерала Дроздовского полк, в том числе роты Кабардинская, Сибирская и Сводно-стрелковая — 1184 штыка.

Белозерский пехотный полк — 257 штыков.

Самурский пехотный полк — 294 штыка Стрелковый полк 2-й Кубанской дивизии — 214 штыков. Ингерманландский гусарский дивизион — 168 сабель. Легкая батарея.

Гаубичная батарея.

Бронепоезда, бронеавтомобили.

Итого (в дивизии): 1949 штыков, 168 сабель, 117 пулеметов, 27 орудий, 4 бронепоезда, 2 бронеавтомобиля.

Выписка из боевого состава Добровольческой армии на 5 августа 1919 года

1-й армейский корпус — генерал А. П. Кутепов.

…3-я пехотная дивизия — генерал В. К. Витковский.

Состав дивизии:

1-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк.

2-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. Самурский пехотный полк.

3-я артиллерийская бригада

3-я отдельная инженерная рота Запасной батальон.

Выписка из расписания Вооруженных сил Юга России на 15 сентября 1919 года

…1-й армейский корпус (1, 3 и 9-я пехотные дивизии) Добровольческой армии.

Командир корпуса — генерал-лейтенант А. П. Кутепов. Начальник штаба — генерал-лейтенант В. П. Агапеев. Инспектор артиллерии — генерал-майор И. Т. Беляев.

Дроздовская (бывшая 3-я пехотная) дивизия:

Начальник дивизии — генерал-майор В. К. Витковский. Начальник штаба — полковник Ф. Э. Бредов.

Состав дивизии:

1-я бригада — генерал-майор КА Кельнер.

2-я бригада

1-й Офицерский генерала Дроздовского полк — полковник В. А. Руммель.

2-й Офицерский генерала Дроздовского полк.

(Самурский пехотный полк) — полковник МА Звягин. Запасной батальон Дроздовской дивизии — полковник Еньков. (3-я) Дроздовская артиллерийская бригада — полковник МН. Ползиков.

Состав бригады:

1-й дивизион (1-я батарея именуется: 1-я генерала Дроздовского легкая батарея) — полковник В. А. Протасевич.

2-й дивизион — полковник А. А Шейн.

3-й дивизион — полковник П. А. Соколов.

4-й дивизион — полковник А. К. Медведев.

(3-я) Отдельная инженерная генерала Дроздовского рота — полковник Бородин.

…6-й бронепоездной дивизион:

Легкий бронепоезд «Генерал Дроздовский».

Легкий бронепоезд «За Русь Святую».

Легкий бронепоезд «Георгий Победоносец» — полковник Мокрицкий.

Легкий бронепоезд «Терец» — полковник Ю. А. Лойко.

Легкий бронепоезд «Кавказец».

Тяжелый бронепоезд «На Москву».

Выписка из боевого состава Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 года

Добровольческая армия

генерал-лейтенант В. З. Май-Маевский.

1-й армейский корпус

генерал-лейтенант А. П. Кутепов.

3-я пехотная (Дроздовская) дивизия — генерал-майор В. К. Витковский.

Состав дивизии:

1-й Офицерский генерала Дроздовского полк — 1352 штыка, 45 пулеметов.

2-й Офицерский генерала Дроздовского полк — 1309 штыков, 55 пулеметов.

3-й Офицерский генерала Дроздовского полк — 1130 штыков, 12 пулеметов.

Самурский пехотный полк (был выделен в состав Алексеевской пехотной дивизии) — 1304 штыка, 26 пулеметов.

3-я (Дроздовская) артиллерийская бригада — 20 легких орудий, 6 гаубиц.

3-й запасной артиллерийский дивизион.

3-я отдельная инженерная рота Дроздовской пехотной дивизии — 1 рота, 228 саперов.

Запасной батальон 3-й пехотной (Дроздовской) дивизии — 850 штыков, 4 пулемета.

Всего в дивизии: 5945 штыков, 142 пулемета, 20 легких орудий, 6 гаубиц, 1 рота — 228 саперов.

…6-й дивизион бронепоездов — «Генерал Дроздовский», приспособленный — «Доблесть витязя».

9-й дивизион бронепоездов — «Дроздовец», «Гром Победы», «Солдат».

Выписка из боевого состава Русской армии в Крыму на 5 мая 1920 года

1-й армейский корпус — генерал А. П. Кутепов…
Дроздовская дивизия — генерал В. К. Витковский.
Состав дивизии:
1-й стрелковый генерала Дроздовского полк.
2-й стрелковый генерала Дроздовского полк.
3-й стрелковый генерала Дроздовского полк.
Дроздовская артиллерийская бригада:
1-й дивизион.
2-й дивизион.
3-й дивизион.
Отдельная инженерная рота.
Запасной батальон.

Выписка из боевого расписания сил армий генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля на 28 октября 1920 года

1-я армия

командующий — генерал А. П. Кутепов.

1-й армейский корпус — генерал П. К. Писарев.

…Дроздовская дивизия — генерал КА. Кельнер.

Состав дивизии:

1-й Дроздовский стрелковый полк (полковник В. П. Мельников) — 600 штыков, 52 пулемета.

2-й Дроздовский стрелковый полк (полковник Колосовский) — 500 штыков, 50 пулеметов.

3-й Дроздовский стрелковый полк (полковник Максимов) — 600 штыков, 50 пулеметов.

4-й Дроздовский стрелковый полк — 600 штыков (пулеметов не имел).

1-й Дроздовский кавалерийский полк (частью спешенный) — 300 штыков, 250 сабель, 30 пулеметов.

Дроздовский кавалерийский дивизион — 200 сабель.

Артиллерийские части.

Итого в дивизии: 2600 штыков, 450 сабель, 182 пулемета, 25 легких орудий.

Примечание:

1-й, 4-й полки — (занимают для обороны) Перекопский (или Турецкий) вал, 2-й, 3-й полки — район Литовского полуострова. То есть во время Крымской операции советского Южного фронта «дрозды» занимали передовые позиции на оборонительных рубежах врангелевской Русской армии.

Воинские формирования дроздовцев в белой эмиграции и в составе Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) Дроздовский стрелковый полк

Сформирован после эвакуации врангелевской Русской армии из Крыма в Галлиполи (Турция) в составе 1-го армейского корпуса из всех полков и конного дивизиона Дроздовской дивизии как Сводно-стрелковый генерала Дроздовского полк.

После преобразования белой Русской армии в РОВС до 30-х годов полк представлял собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам (прежде всего Европейского континента) кадрированную воинскую часть.

Осенью 1925 года Дроздовский стрелковый полк насчитывал в своем составе 1092 человека, в том числе 753 офицера.

Бессменный командир полка — генерал-майор А. В. Туркул, прославившийся как преемник дела погибшего генерал-майора М. Г. Дроздовского. Начальники групп дроздовцев: во Франции — полковник Д. Н. Рухлин (конного дивизиона — полковник Д. А. Силкин), в Болгарии — генерал-майор А. В. Туркул.

Дроздовский артиллерийский дивизион

Сформирован после эвакуации белой Русской армии из Крыма в Галлиполийский лагерь в составе 1-го армейского корпуса из Дроздовской артиллерийской бригады. В Галлиполи артиллеристы-«дрозды» издавали собственную машинописную газету «Веселые бомбы».

После преобразования врангелевской армии в РОВС до 30-х годов, равно как и Дроздовский стрелковый полк, представлял собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную воинскую часть без материальной части, то есть артиллерийского вооружения.

Осенью 1925 года Дроздовский артиллерийский дивизион насчитывал в своем списочном составе 391 человека, из них — 263 офицера.

Командир дивизиона — генерал-майор М. Н. Ползиков. Начальники групп: во Франции — полковник А. А. Шейн, в Болгарии — полковник И. К. Килач.

Русский Национальный Союз Участников Войны (РНСУВ)

Сформирован в 1936 году генерал-майором А. В. Туркулом и группой офицеров-белоэмигрантов, в своем большинстве дроздовцев. Туркул считал, что РОВС перестал быть армией, поэтому он начал, как говорили его сподвижники, «второй дроздовский поход», проводя прямую параллель с походом отряда полковника М. Г. Дроздовского Яссы — Дон. Организатор РНСУВ писал о целях союза следующее: «Армия не может быть вне политики, в особенности Белая Армия, которая является орудием политики не внешней, а внутренней… во внутригосударственной гражданской войне».

Союз издавал газету «Сигнал», которая выходила в 1937–1940 годах два раза в месяц. Тираж газеты достигал 4000 экземпляров.

Председателем главного правления РНСУВ (то есть заместителем генерала Туркула) был избран подполковник В. В. Чернощеков, председателем Политического бюро — корнет Г. П. Апанасенко.

Шишов А.В.
Генерал Дроздовский. Легендарный поход от Ясс до Кубани и Дона. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. — 431 с. — (Россия забытая и неизвестная. Золотая коллекция).

ISBN 978-5-227-03734-3

notes

Примечания

1

Г. И. Дроздовский (1835–1908) был произведен в генерал-майоры 20.06. 1896 при отставке. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

2

Ш и м о з а — взрывчатое вещество в виде плотной мелкозернистой массы; снаряд, граната, начиненные этим веществом.

3

Незадолго до этого умер 11.01.1908 Гордей Иванович Дроздовский. Сведения С. В. Волкова.

4

Качинская летная школа между Севастополем и Евпаторией.

5

Четыреххвостка — насмешливое название системы голосования: всеобщее, прямое, равное и тайное.